

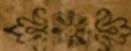
Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

КОВЗАРЬ

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ).

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ
ЖУРНАЛА „КИЕВСКАЯ СТАРИНА“.

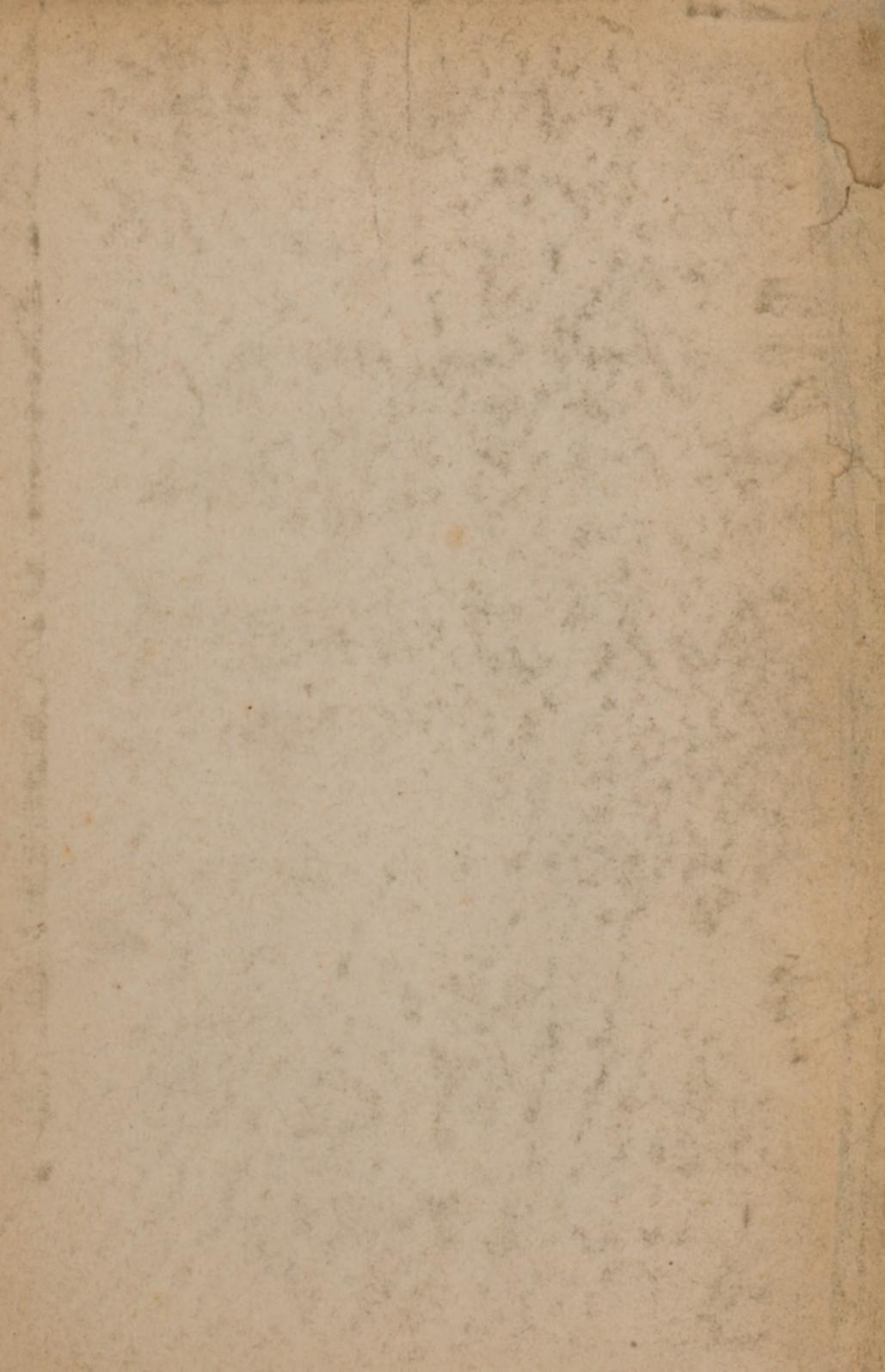
Цѣна 35 коп., а въ переплетѣ 50 коп.

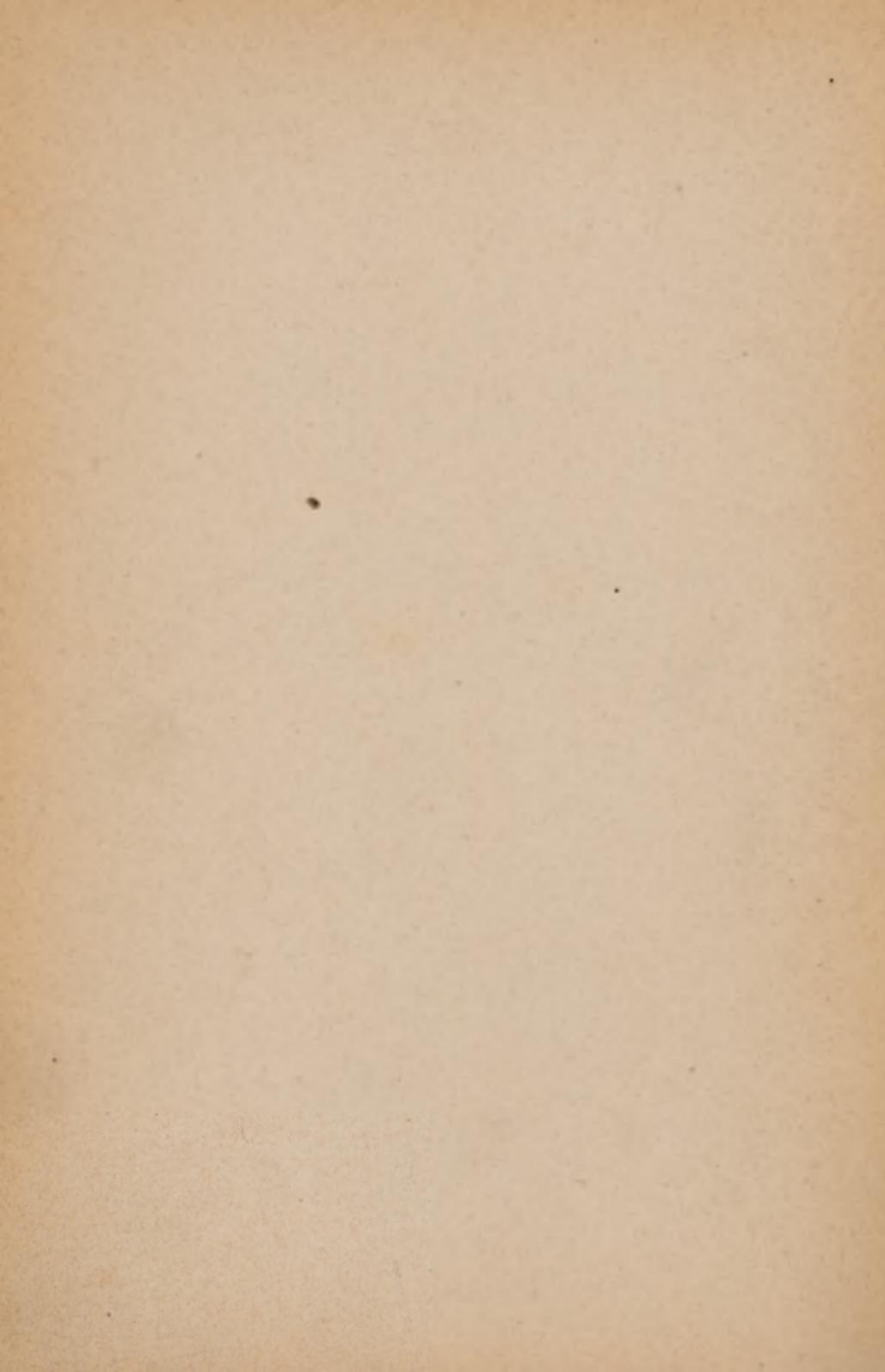

КИЕВЪ.

Тип. Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мериго夫ская уд.

1899.

М. Губернскій

не ме
Т. Г. ШЕВЧЕНКО. (*Spinne wydawni*)

1895

S. 74271

302.

КОВЗАРЬ.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ).

1976 *med*
1840

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ
ЖУРНАЛА „КИЕВСКАЯ СТАРИНА“

721

Цѣна 35 коп., а въ переплетѣ 50 коп.

КІЕВЪ.

Тип. Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчанъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-А.

1899.

198347

Доволено Ценаурою. С.-Петербургъ, 12 Марта 1898 года.

Дана по кат. в от. № 101

В. Г. ШЕРШЕНКО
С.-Петербургъ, 12 Марта 1898 года

ОГЛАВЪ.

	Стр.
Антонію Сови.	539
А нумо знову виршувать	320
Бувае, въ неволи иноди вгадаю	466
Бувае, иноди старий	334
Було роблю що, чы гуляю.	431
Варнакъ	323
Вечирь	274
Видьма	510
Витерь въ гаи нагынае	254
Витре буйный, витре буйный	248
Во Іудей, во дни оны	538
Въ неволи, въ самоти немає.	472
Въ неволи тяжко, хоча й воли	282
Въ ноци и ожеледь и мряка.	549
Въ Путывли гради въ-ранци рано	548
Гайдамакы	74
Гамалія.	23
Готово! Парусъ распустылы	3
Дви частыны зъ поэмы „Иванъ Гусъ“	226
Дивчя любе, чорнобрыве.	541
Добро, у кого йе господа	336
Доля	508
До мертвыхъ и живыхъ, и ненарожденныхъ в млякивъ моихъ, въ Украины и не въ Украины сущыхъ, мое дружнее посланіе	191
До Основьяненка	188

	Стр.
Думы мои, думы мои	1
Думы мои, думы мои	280
За байракомъ байракъ	275
За думою дума роємъ вылітае	252
Закувала возуленька	424
Заповіть	232
Зарослы шляхы тернами.	407
За сонцемъ хмаронька пливе	354
Заступыла чорна хмара	444
Зацвила въ долини	371
Зійшлись, побрались, поєднались	555
Зъ-передъ свита до вечора.	547
И багата я	427
Иванъ Пидкова	8
И вирісь я на чужини	408
И день иде, и ничь иде	555
И доси снятся	340
И вновь мени не привезла	356
И золотой, й дорогий	339
Изъ-за гаю сонце сходять	441
И небо незмите, и заспани хвили	355
Иржавець	302
И станомъ гнучымъ и красою	342
И тутъ, и всюды—скривъ погапо	554
И широкую долину	360
Калына	266
Катерына	40
Княжна	288
Козацькая доля	362
Ковачковському А. О.	305
Коло гаю, въ чыстимъ поли	435
Колысь дурною головою	537
Колысь-то ще, во время оно	556
Костомарову Н. И.	318
Л.	551

	Стр.
Лилея	263
Личу въ неволи дни и ночи	443
Лыкери	543
Ляхамъ	527
Н. Я. Макарову	550
Маркевичу Н.	242
Марку Вовчку	531
Марына	373
Маты покрѣтка	367
Мени вдается—я не знаю	468
Мени однаково, чы буду	310
Меци трынадцатый мынавъ	311
Мижъ скаламы, неначе злодѣй	402
Мій Боже мылий! якъ то мало	532
Мовъ за подушне, оступылы	356
Моимъ соузникамъ	281
Москалева крышыца	473
Мува	509
Мы въ купочки колысь росли	340
Мы въ осены такы похожы	344
Мы заспывалы, розійшылы	456
Мынають дни, мынають ночи	253
Мынули лита молоды	552
На батька бисового трачу	333
На велыкдень на соломи	423
На вичну памъять Котляревському	243
На Вкравну	357
На городи коло броду	429
Надъ Днипровою сагою	544
Назаръ Стодоля	562
Наймычка	163
На Рязво	352
На улыци невесело	425
На що мени чорни бровы	249
Не вернувся изъ походу	340

	Стр.
Невольныкъ	199
Не для людей и не для славы	322
Не женися на богатій, бо выжене въ хаты	256
Не журюся я, а не спытса	557
Не завыдуй богатому, богатый не мае	257
Не знаю, якъ теперь ляхы жывуть	349
„Не кыдай матери!“ казали	277
Не нарикаю я на Бога	551
Неначе праведныхъ дитей	440
Неначе степомъ чумаки	354
Неофиты	488
Не спалося; а ничь, якъ море	282
Не такъ ти ворогы	371
Не тополю высокою	424
Не хочу я женытса	255
Ну що бь, здавалося, слова	470
Огни горять, музыка грае	321
Одынъ у другого пытаемъ	285
Ой выгострю товариша	442
Ой гляну я, подывлюся	334
Ой диброво, темный гаю	541
Ой люли, люли, моя дытыно	432
Ой маю, маю я оченята	535
Ой не пьются пыва, меды	433
Ой одна я, одна	276
Ой пишла я у яръ за водою	435
Ой стричечка до стричечкы	276
Ой сяду я пидь хатою	429
Ой умерь старый батько	423
Ой чого ты почорнило	410
Ой я свого чоловіка	437
Перебендя	5
Петрусь	459
Писня	535
Плачь Ярославны	545

	Стр.
Подражаніе Сербському	542
Полюбылася я	430
По-надъ полемъ иде	278
Породыла мене маты	428
Посланіе славному П. І. Шафарыкови	223
По улыци витерь віе	422
Прычынна	29
П. С.	372
Пустка	33
Пустка	270
Радуйся, ныво непопытая	533
Рослы у купочки, зрослы	545
Русалка	261
Самому чудно. А де-жъ дитысь	285
Сестри	536
Слава	528
Сонце заходыть; горы чорніють	286
Сонъ	313
Сонъ	529
Сонъ	182
Сотныкъ	384
Сычи	416
Та не дай, Господы, нікому	321
Тарасова ничъ	11
Тече вода въ сыне море	247
Тече вода зъ-падъ явора	556
Тополя	15
То такъ и я теперь пышу	287
Тры шляхы	269
Туманъ, туманъ долыною	440
Тытаривна	449
Тытаривна-Немирывна	553
Тажко, важко въ святи жыты	250
У Бога за двермы лежала сохыра	346
У Вильни горади преславнымъ	257

	Стр.
Удовыця	421
У недиленьку та ранесенько	434
У недиленьку у святую	411
У перетыку ходыла	439
Утоплена	235
Утоптала стежечку	438
У тыеи Катерыны	419
Хатыпа	457
Хиба самому напысать	337
Хустына	37
Хустына	271
Чернецъ	329
Черныця Маряна	63
Чого мени тяжко, чого мени нудно	253
Чума	417
Чыгырынъ	185
Чы мы ще зйдемся знову	287
Чы не покинуть намъ небого	559
Чы то недоля та неволя	335
Швачка	414
Якъ-бы вы знали, панычи	447
Якъ-бы вострилыся мы знову	360
Якъ-бы въ кымъ систы хлиба зъисты	554
Якъ бы мени, мамо, намысто	426
Якъ-бы мени черевыкы	—
Якъ-бы тоби довелося	363
Якъ-бы то ты, Богдане пьяный	537
Якъ маю я журытыся	361

До 1844 року.

Думы мои, думы мои,
Лыхо мени зъ вами!
На що стали на папери
Сумными рядами?
Чомъ васъ витерь не розвіявъ
Въ стѣну, якъ пылыну?
Чомъ васъ лыхо не прыспало,
Якъ свою дытину?

Бо васъ лыхо на свить на смихъ породило,
Польвали слёзы... чомъ не затопылы,
Не вынесли въ море, не розмылы въ поли?
Не пытали бъ люде, що въ мене болыть,
Не пытали бъ, за що прокляную долю,
Чого нужу свитомъ?... „Ничого робыть,“
Не сказали бъ на смихъ...

Квиты мои, диты!

На-що жъ васъ кохавъ я, на-що доглядавъ?
Чы заплаче сердце одно на всимъ свити,
Якъ я зъ вами плакавъ? Може и вгадавъ...

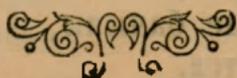
Може, найдется дивоче
 Серце, кари очи,
 Що заплачуть на си думы—
 Я бильше не хочу.
 Одну слёзу зъ очей карыхъ—
 И панъ надъ панамы!
 Думы мои, думы мои,
 Лыхо мени зъ вамы!
 За кары оченята,
 За чорны бровы
 Серце рвалося, сміялось,
 Выливало мову,
 Выливало, якъ умило;
 За темны ночи,
 За вышневы садъ зеленый,
 За ласкы дивочи...
 За стены, та за могылы,
 Що на Украины,
 Серце млило: не хотило
 Спивать на чужыни;
 Не хотилось въ снигу, въ лиси,
 Козацьку громаду
 Зъ булавами, зъ бунчуками
 Збирать на пораду...
 Нехий души козацькыи
 Въ Украины витають—
 Тамъ широко, тамъ весело
 Одъ краю до краю,
 Якъ та воля, що мынулась;
 Днипръ широкий—море,
 Стець и стець, ревуть пороги,
 И могылы-горы;
 Тамъ родылась, гарцювала

Ковацькая воля;
 Тамъ шляхтою, татарами
 Засивала поле,
 Засивала трупомъ поле,
 Поны не остыло...
 Лягла спочыть.. а тымъ часомъ
 Выросла могила,
 А надъ нею орель чорный
 Сторожемъ литае
 И про неи добрымъ людямъ
 Кобзари спивають,
 Все спивають, якъ діялось,
 Слипи небораки,—
 Бо дотепни... А я... а я
 Тилько вмю плакати,
 Тилько слёзы за Украину...
 А слова—немае...
 А за лыхо... Та цуръ ему!
 Хто его не знае!...
 А надто той, що дывытсья
 На людей душою—
 Цекло ему на симъ свити,
 А на тымъ...

Журбою

Не наклычу соби доли,
 Коны такъ не маю.
 Нехай злыдни жывуть тры дни—
 Я ихъ заховаю,
 Заховаю змю люту
 Коло свого серця,
 Щобъ ворогы не бачыли,
 Якъ лыхо сміетсья.
 Нехай думка, якъ той ворошь,
 Литае, та кряче,

А серденько соловейкомъ
 Щебече, та плаче
 Нышкомъ—люде не побачуть,
 То й не засміються...
 Не втырайте-жъ мои слезы,
 Нехай соби льются,
 Чуже поле поливають
 Що-дня и що-ночи,
 Цокы поны не засыплють
 Чужымъ пискомъ очи...
 Оттаке-то... а що робыты!
 Журба не поможе.
 Хто-жъ сироти завьдуе—
 Карай того, Боже!
 Думы мои, думы мои,
 Квиты мои, диты!
 Выростаѣ васъ, доглядаѣ васъ...
 Де жъ мени васъ диты?
 Въ Украину идить, диты,
 Въ нашу Украину,
 По-пидъ тынню, сиротамы,
 А я—тутъ загнуу.
 Тамъ найдете щыре сердце
 И слово ласкаве,
 Тамъ найдете щыру правду,
 А ще, може, й славу...
 Прывитай же, моя ненько,
 Моя Україно,
 Моихъ дитокъ нерозумныхъ,
 Якъ свою дытynu.

Перебендя.

(Е. П. Гребенкю).

Перебендя—старый, слишый,
 Кто его не знае?
 Винь усюды вештаеся
 Та на кобзи грае.
 А хто грае, того знаютъ
 И дякують люде:
 Винь имъ тугу розганяе,
 Хоть самъ свитомъ пудыть.
 Мо-пидь тынню сиромаха
 И днюе, й ночуе;
 Нема ему въ свити хаты;
 Недоля жартуе
 Надъ старою головою,
 А ему байдуже;
 Сяде соби, заспивае:
 „Ой не шумы, луже!“
 Заспивае, та й згадае,
 Що винь сыротына,
 Пожурятся, посумуе,
 Сыдячы пидь тыномъ.
 Оттакый-то Перебендя,
 Старый та хлмерный!
 Заспивае про Чалого—
 На „Горлицю“ зверне;
 Зъ дивчатамы на выговяи—
 „Грыця“ та „веснянку“,
 А у шывку зъ парубкамы—
 „Сербына“, „Шымкарку“;

Зъ жонатымы на бенкети
 (Де свекруха злая)—
 Про тополю, лыху долю,
 А потимъ — „У гаю“.
 На базари—про Лазаря,
 Або, щобъ те знали,
 Тяжко-важко заспивае,
 Якъ Сичъ руйнувалы.
 Оттакый-то Перебедня,
 Старый та химерный!
 Заспивае, засміється,
 А на слезы зверне.

Витерь віе-повивае,
 По полю гуляе.
 На могыли кобзарь сидыть
 Та на кобзи грае.
 Кругомъ его—степь, якъ море
 Шыроке, сынїе;
 За могылюю могыла,

А тамъ—тільки мріе.
 Сывый усь, стару чупрыну
 Вигерь розвивае;
 То прыляже та послуха,
 Якъ кобзарь спивае,

Якъ сердце сміється, слипи очи плачуть...
 Послуха, повіе...

Старый заховавсь
 Въ степу на могыли, щобъ нихто не бачывъ,
 Щобъ витерь по полю слова розмахавъ,
 Щобъ люде не чулы: бо то Боже слово,
 То сердце по воли зъ Богомъ розмовля,
 То сердце щебече Господнюю славу,

А думка край свита на хмари гуля.
 Орломъ сызокрылымъ литае, шыряе,
 Ажъ небо блакытце шырокымы бье;
 Спочыне на сонци, его запытае,
 Де воно ночуе, якъ воно встае;
 Послухае моря, що воно говорыть;
 Спыта чорну гору: чого ты нима?
 И знову на небо, бо на земли горе,
 Бо на ій, шырокій, куточка нема
 Тому, хто все знае, тому, хто все чуе:
 Що море говорыть, де сонце ночуе.
 Его на симъ свити ни хто не прыйма!
 Одынъ винъ мижъ нымы, якъ сонце высоке.
 Его знають люде, бо носыть земля;
 А якъ-бы почулы, що винъ, одынокый,
 Спива на могыли, зъ моремъ розмовля,—
 На Божее слово вони бъ насміялысь,
 Дурнымъ бы назвали, одъ себе бъ прогналы.
 „Нехай по-надъ моремъ“, сказалы бъ, „гуля!“

Добре еси, мій кобзарю,
 Добре, батьку, робышь,
 Що спиваты-розмовляты
 На могылу ходышь!
 Ходы соби, мій голубе,
 Поки не заснуло
 Твое серце, та выпивуй,
 Щобъ люде не чулы.
 А щобъ тебе не цуралысь,
 Цотурай имъ, брате!
 „Скачы, враже, якъ панъ каже:
 На те винъ багатый“.

Оттакий-то Церебендя,
 Старый та химерный!
 Заспивае весильной,
 А на журбу зверне.

Иванъ Иидкова.

(В. П. Штернбергу).

I.

Було колысь—въ Украини
 Ревилы гармагы;
 Було колысь—запорозци
 Вмилы папуваты.
 Панувалы добувалы,
 И славу, и волю;
 Мывулося—осталыся
 Могылы на поли!
 Высокыи ти могылы,
 Де лягло спочыты
 Козацькее биле тило,
 Въ кытайку повыте.
 Высокыи ти могылы
 Чорніють, якъ горы,
 Та про волю нышкомъ въ поли
 Зъ витрамы говорятъ.

Свидокъ славы дидовщины
 Зъ витромъ розмовляе,
 А внуєъ косу несе въ росу,
 За ными спивае.

Було колысь—въ Украини
 Лыхо танцювало,
 Журба въ шынку медъ, горилку
 Поставцемъ кружала.
 Було колысь добре жыты
 Нашій Украини...
 А згадаймо! може, серце
 Хочъ трохи спочыне.

II.

Чорна хмара зъ-за Ллману
 Небо, сонце крые.
 Сыне море звирюкою
 То стогне, то вье.
 Днипра гырло затопыло.
 „А нуте, хлопьята,
 На байдакы! Море грас—
 Ходимъ погуляты!“

Выспалы запорозци—
 Лымапъ човны вкрылы.
 „Грай же, море!“ заспывалы,—
 Защывымысь хвыли!
 Кругомъ хвыли, якъ ти горы:
 Ни земли, ни неба.
 Серце мліе, а козакамъ
 Того тилько й треба,—

Плывуть собі та спивають!
 Рыбалка литае...
 А попереду отаманъ
 Веде, куды знае.
 Похожае вздовжъ байдака,
 Гасне люлька въ роти;
 Поглядае сюды, туды—
 Де-то быть работи?
 Закрутившы чорни усы,
 За ухо чупрыпу,
 Пиднявъ шапку,—човны стали.
 „Нехай ворогъ гине!
 Не въ Сынопу, отаманы,
 Панове-молодци,
 А у Царьградъ, до султана
 Пойидемо въ гости!“
 — „Добре, батьку-отамане!“
 Кругомъ заревило.
 „Спасыби вамъ!“
 Надивъ шапку.
 Знову закъшило
 Сыне море; вздовжъ байдака
 Знову похожае
 Панъ отаманъ, та на хвилью
 Мовчкы поглядае.

Т а р а с о в а н и ч ь.

(И. И. Мартосу).

На роспутти кобзарь сыдыть
 Та на кобзи грае;
 Кругомъ хлопци та дивчата,
 Якъ макъ процвитае.
 Грае кобзарь, выпивуе,
 Вымовля словамы,
 Якъ москали, орда, ляхы
 Былысь зъ козакамы;
 Якъ збиралась громадонька
 Въ недиленьку въ-ранци;
 Якъ ховалы козаченька
 Въ зеленомъ байраци.
 Грае кобзарь, выпивуе—
 Ажъ лихо сміється...

„Встае хмара зъ-за Лыману,
 А другая зъ поля;
 Зажурылась Украина—
 Така їи доля!
 Зажурылась, заплакала,
 Якъ мала дытына.
 Нихто їи не рятуе...
 Козачество гине;
 Гине слава, батькивщина;
 Немає де дитысь;
 Выростають нехрещени
 Козацькыи диты;
 Кохаються невинчани;

Безъ поца ховають;
 Запродана жыдамъ вира,
 Въ церкву не пускають!
 Якъ та галичъ поле крые,
 Ляхы, унілты
 Налитають,—нема кому
 Порадонькы дати.
 Обизвався Налывайко—
 Не стало Кравчыны!
 Обизвався козакъ Павлюга—
 За нею полынувъ!
 Обизвався Тарасъ Трясыло
 Гирькымы слёзамы:
 „Видна моя Украино,
 Стоптапа Ляхамы!“

Обизвався Тарасъ Трясыло
 Виру рятоваты,
 Обизвався орелъ сызый,
 Та й давъ ляхамъ знаты!
 Обизвався панъ Трясыло:
 „А годи журыться!
 А ходимъ лышь, паны-браты,
 Зъ полякамы быться!“
 Вже не тры дни, не тры ночи
 Бьется панъ Трясыло.
 Одъ Лымана до Трубайла
 Трупомъ поле крылось.
 Изнемигся козаченько,
 Тяжко зажурывся,
 А поганый Конецьпольскый
 Дуже звеселывся;
 Зибравъ шляхту всю до-вушы,
 Та й ну частоваты.

Зибравъ Тарасъ козаченькивъ—

Порады прохаты:

„Отаманы, товариши,

„Браты мои, диты!

„Дайте мени порадошъку,

„Що будемъ робыты?

„Бенкетують вражи ляхи

„Наше безголовье“.

— „Нехай соби бенкетують,

„Нехай па здоровье!

„Нехай кляги бенкетують,

„Поки сонце зайде,

„А ничь-маты дасть поралу—

„Козакъ ляха знайде“.

Лигло сонце за горою,

Зирки засіялы,

А козаки, якъ та хмара,

Ляхивъ обступалы.

Якъ ставъ мисяць середъ пеба,

Ревнула гармата;

Прокынулысь ляшкы-панкы—

Никуды втикаты!

Прокынулысь ляшкы-панкы

Та й не повставалы:

Зійшло сонце—ляшкы-панкы

Покотомъ лежалы.

Червоною гадюкою

Несе Альга висти,

Щобъ летили крюкы зъ поля
 Ляшкивъ-панкивъ йисты.
 Налетили чорни крюкы
 Вельможныхъ будыты;
 Зибралося козачество
 Богу помолытысь.
 Закрякали чорни крюкы,
 Виймаючы очи;
 Заспивали козаченькы
 Писню тїи ночи,—
 Тїи ночи кривавои,
 Що славною стала
 Тарасови, козачеству,
 Ляхивъ що прыспала.
 „Надъ ричкою, въ чыстимъ поли
 Могила чорніе;
 Де кровъ текла козацькая,
 Трава зеленіе.
 Сыдыть воронъ на могили
 Та зъ голоду кряче...

 Умовкъ кобзарь сумуючы:
 Щось руки не граюць;
 Кругомъ хлопци та дивчата
 Слизонькы втырають.
 Пишовъ кобзарь по улыди—
 Зъ журбы якъ заграе!—
 Кругомъ хлопци навпрысядки,
 А винь вымовляє:
 „Нехай буде оттакечкы!
 Сыдять диты у запичку,
 А я зъ журбы та до шырку,

А тамъ найду свою жипку,
 Найду жипку, почастую,
 Зъ вороженькивъ покешкую“.

Т О П О Л Я

(И. С. Петровской).

По диброви витерь вѣ,
 Гуляе по полю,
 Край дороги гвѣ тополю
 До самого долу.
 Станъ высокій, листь широкій—
 На що зеленіе?
 Кругомъ поле, якъ те море
 Широке, синіе.
 Чумакъ иде, подывытса,
 Та й голову схылыть;
 Чабанъ въ-ранци зъ сопилкою
 Сяде на могыли,
 Подывытса—серде ные:
 Кругомъ ни былины!
 Одна, одна, якъ сырота
 На чужыни, гыне!

Хто жъ выкохавъ тонку, гвучку
 Въ степу погыбаты?
 Постривайте, все роскажу.
 Слушайте жъ, дивчата!

Полюбыла чорпобрыва
 Козака дивчына,
 Полюбыла—не спыныла,
 Пшповъ та й загынувъ.
 Якъ-бы знала, що покыне—
 Була бь не любыла;
 Якъ-бы знала, що загыне,—
 Була бь не пустыла;
 Якъ-бы знала, не ходыла бь
 Пизно за водою,
 Не стояла бь до пивночи
 Зь мылымъ пидь вербою;
 Якъ-бы знала!...

И то лихо—
 Попереду знаты,
 Що намъ въ свити зостринется...
 Не знайте, дивчата!
 Не пытайте свою долю!...
 Само серце знае,
 Кого лыбыть... нехай вяне,
 Шокы закопають!
 Бо не довго, чорнобрыви,
 Кари оченята,
 Биле лычко червоніе,
 Не довго, дивчата!
 До полудня, та й завьяне,
 Бровы польняють...
 Кохайтеса жь, любитеса,
 Якъ серденько знае.

Защечече соловейко
 Въ лузи на калыни,—

Заспивае козаченько,
 Ходя по долини.
 Выспивуе, помы вийде
 Чорнобрыва зъ хаты;
 А винь їи запыгае:
 „Чы не была маты?“
 Стануть соби, обіймутся,—
 Спива соловейко;
 Послухають, розійдуться,—
 Обое раденьки.
 Нихто того не побачыть,
 Нихто не спытае:
 „Де ты була, щѣ робыла?“
 Сама соби знае.
 Любылася, кохалася,
 А серденько млило:
 Воно чуло недоленьку,
 А сказать не вмило.
 Не сказало,—осталася,
 День и ничь воркуе,
 Якъ голубка безъ голуба.
 А нихто не чуе.

Не щибече соловейко
 Въ лузи падъ водою,
 Не спивае чорнобрыва,
 Стоя пидъ вербою;
 Не спивае,—якъ сырота,
 Билымъ свитомъ нудыть.
 Безъ мылого батько, маты—
 Якъ чужьи люде;
 Безъ мылого сонце свитыть—
 Якъ ворогъ сміється;
 Безъ мылого скрызь могыла..

А сѣрдѣчко бѣтѣся!
 Мышувъ и рикъ, мышувъ другый—
 Козака немае;
 Сохне вона, якъ квіточка,—
 Никто не пытае.
 „Чого вянешь, моя доню?“
 Маты не спытала,
 За старого, багатого
 Ныщечкомъ еднала.
 „Иды, доню!“—каже маты:
 „Не виць дивуваты.
 Винь багатый, одынокый—
 Будешь пануваты“.
 —„Не хочу я пануваты,
 Не пиду я, мамо!
 Рушныкамы, що прыдбала,
 Слусты мене въ яму.
 Нехай поны заспивають,
 А дружкы заплачуть:
 Легше мене въ труни лежать,
 А вижь его бачыть“.

Не слухала стара маты,
 Робыла, що знала;
 Все бачыла чорнобрыва,
 Сохла и мовчала.
 Пишла въ-ночи до ворожки,
 Щобъ поворожыты:
 Чы довго йй на сямъ свити
 Безъ мылого жыты?
 „Бабусенько, голубонько,
 Серце мое, ненько!
 Скажы мени щыру правду.

Де мый серденько?
 Чы жывъ, здоровъ, чы винъ любить,
 Чы забувъ, покынувъ?
 Скажы жъ мени, де мій мый?
 Край свита полнуну!
 Бабусенько, голубонько,
 Скажы, колы знаешь!
 Бо виддае мене маты
 За старого замижъ.
 Любыть его, моя сыза,—
 Серце не навчыты.
 Пишла бъ же я утопылась—
 Жаль душу згубыты.
 Колы не жывъ чорнобрывый,
 Зробы, моя пташко,
 Щобъ до дому не вернулась...
 Тяжко мени, тяжко!
 Тамъ старый жде зъ старостамы...
 Скажы жъ мою долю".
 — „Добре, доню; спочынь трошки...
 Чыны жъ мою волю.
 Сама колысь дивувала,
 Тее лыхо зваю;
 Минулося, навчылася—
 Людямъ помагаю.
 Твою долю, моя доню,
 Позаторикъ знала,
 Позаторикъ и зиллячка
 Для того прыдбала".

Пишла стара, мовъ каламарь
 Достала зъ полыци.
 „Ось на тоби сего дыва!

Пиды до крыныци;
 Поки пивни не спивалы,
 Умыйся водою,
 Выпый трешкы сёго зилла—
 Все лыхо загоить.
 Выпьешь,—бижы, яко мста;
 Що-бъ тамъ ни крычало,
 Не оглянся, поки станешь
 Ажъ тамъ, де прощалась.
 Одпочмнешь; а якъ стане
 Мисяць середъ неба,
 Выпый ще разъ; не прыйде—
 Въ-трете выпыть треба.
 За першый разъ, якъ за той рикъ,
 Будешь ты такую;
 А за другый—середъ степу
 Тупве кинь погою.
 Коны живой козаченько,
 То заразъ прыбуде.
 А за третій... моя доню,
 Не пытай, що буде.
 Та ще, чуешь, не хрестыся,
 Бо все пиде въ воду.
 Теперь же йды; подывыся
 На торишню вроду“.

Взяла зилла, поклонилась:
 „Спасыби, бабусю!“
 Вышла зъ хаты: „Чы йты, чы ни?
 Ни, вже не вернуса!“
 Пишла, вмылась, напылася—
 Мовъ не своя стала;

Въ-друге, въ-трете, та, мовъ сонпа,
Въ степу засшивала:

„Плавай, плавай, лебедошько,
По сыпёму морю,
Росты, росты, тополенько,
Все вгору, та вгору!
Росты тонка та висока
До самои хмары,
Спытай Бога, чы дижду я,
Чы не дижду пары?
Росты, росты, подывыся
За сынее море:
По тимъ боци—моя доля,
По симъ боци—горе.
Тамъ десь мылый чернобровый
По полю гуляе,
А я плачу, лита трачу,
Его выглядаю.
Скажы ему, мое сердце,
Що сміються люде;
Скажы ему, що загыну,
Колы не прыбуде.
Сама хоче мене маты
Въ землю заховаты...
А хто жъ їи головоньку
Буде доглядаты?
Хто догляне, роспытае,
На старисть поможе?
Мамо моя, доле моя!
Боже мылый, Боже!
Подывыся, тополенько,
Якъ нема—заплачешъ

До схи́дъ сонца раниси́нько,
 Щобъ ни́хто не бачы́въ.
 Росты жъ, се́рце тополенъко,
 Все вгору, та вгору;
 Плавай, плавай, лебедонъко,
 По сынёму морю!“

Таку пи́сню чорнобры́ва
 Въ степу за́спивала.
 Зилля ды́ва наро́было—
 Тополею ста́ла.
 Не верну́лася до-дому,
 Не ди́ждала па́ры;
 Тонка, тонка та вы́сока—
 До са́мои хма́ры.
 По ди́брови ви́теръ віе,
 Гу́ляе по по́лю,
 Кра́й доро́ги гне то́полю
 До са́мого до́лу.

Г А М А Л І Я.

Ой нема, нема ни витру, ни хвѣли
Изъ нашої України!

Чи тамъ раду радять, якъ на турка статы,
Не чуємо на чужини“.

„Ой, повій, повій, витре, черезъ море
Та зъ Великого Лугу,
Сушы наши слезы, заглушы вайданы,
Розвій нашу тугу!“

„Ой заграй, заграй, сынесеньке море,
Та пидъ тыми байдаками,
Що плывуть козаки, тилько мріють шапки,
Та на сей бикъ за нами“.

„Ой Боже нашъ, Боже! хочъ и не за нами,
Неси Ты ихъ зъ України:
Почуємо славу, козацькую славу,
Почуємо, та й загинемъ“.

Оттакъ у Скутари козаки спивали;
Спивали сердегы, а слёзы лылысь;
Лылыся козацьки, тугу домовлялы.
Босфоръ ажъ затрясся, бо зъ-роду не чувъ
Козацького плачу; застогнавъ шырокий
И шкурою, сирый бугай, стрепенувъ,
И хвѣлю, ревучы, далеко-далеко
У сынее море на ребрахъ пославъ.
И море ревнуло, Босфорову мову
У Лыманъ погнало, а Лыманъ Днипрови
Тую журбу-мову на хвѣли подавъ.

Зареготався дидь нашъ дужый,
Ажь пина въ уса потекла.

„Чы спышь, чы чуешь, брате Луже?
Хортыце сестро?“

Загула

Хортыця въ Лугомъ: „Чую, чую!“
И Дпирь укрылы байдакы,
И заспывалы козаки:

„У туркени, по тимъ боци,
Хата на помости.

Гай, гай! море, грай!
Ревы, скели ламай!
Пойидемо въ гости“.

„У туркени у кышени
Таляры, дукаты.

Не кышени трусыйть,
Йидемъ ризать, палыть,
Бративъ вызволяты!

„У туркени янычары
И баша на лави.

Гой-гы, ворогы!
Мы не маемъ вагы!
Наша воля й слава!“

Плывуть соби спиваючы.

Море витерь чуе.

Попèреду Гамалія

Байдакомъ веруе.

— Гамалію, сердце мліе:

Сказылося море!

Не злякае! и сховалысь
За хвыли—за горы.

Дрмае въ хареми—въ раю Византія,
И Скутарь дрмае; Босфоръ клыкотыть,
Неначе скаженный; то стогне, то вые:
Ему Византію хочется вбудыть.
„Не буды, Босфоре: буде тоби горе!
Твои били ребра пискомъ занесу,
У муль поховаю (реве сыне море).
Хыба ты не знаешь, якыхъ я несу
Гостей до султана?“

Такъ море слыняло
(Любыло завзятыхъ чубатыхъ славянъ).
Босфоръ схаменулся. Туркенья дримала,
Дримавъ у хареми ледачый султаны.
Тилько у Скутари, въ склепу, не дримають
Козаки сердегы. Чого вони ждуть?
По-своему Бога въ кайданахъ благають,
А хвыли на той бикъ идуть та ревуть.

„О, мылый Боже Украины!
Не дай пропасты на чужыни,
Въ неволи вольнымъ козакамъ!
И соромъ тутъ, и соромъ тамъ—
Вставать зъ чужою домовыны,
На судъ Твій праведный прийты,
Въ зализахъ руки принести,
И передъ всимы у кайданахъ
Стать козакови...“

„Рижъ и быи!
Мордуи невиру бусурмана!“

Крычать за муромъ. Кто такой?..“

Гамалию, сердце мліе:

Скутарь скаженіе!

„Рижте, быйте!“ на фортеци

Крычыть Гамалия.

Реве гарматамы Скутара,

Ревуть, лютують ворогы;

Козацьтво прется безъ вагы—

И покотылысь янычары.

Гамалия по Скутари—

По пеклу гулае,

Самъ хурдыгу розбывае,

Кайданы ламае.

„Вылитайте сири птахы,

На базаръ до паю!“

Стрепенулысь соколята,

Бо давно не чулы

Хрещеной тіи мовы.

И ничъ стрепенулась:

Не бачыла, стара маты,

Козацькой платы.

Не лякайся, подывыся

На бенкетъ козачый.

Темно всюды, якъ у будень,

А свято чымале.

Не злодіи зъ Гамалиемъ

Йидять мовчкы сало

Безъ шашлыка. „Засвитымо!“

До самой хмары

Зъ щоглыстымы кораблямы

Палае Скутара.

Византія пробуркалась,
 Вытрищає очи,
 Переплыва на помогу,
 Зубама скрегоче.

Реве, лютує Византія,
 Рукамы берегъ достає;
 Достала, зыкнула, встає—
 И на ножахъ въ крови ниміє.
 Скутаре, мовъ пекло те, палає;
 Черезъ базары кровь тече,
 Босфоръ шырокій долыває.
 Неваче птахи чорни въ гаи,
 Козацтво смилыво литає.
 Нихто на свити не втече!
 Огонь запеклыхъ не пече.
 Руйнують муры, срибло-злото
 Несуть шапкамы козаки
 И насыпаюгъ байдакы.
 Горыть Скутаре, стыха робота.
 И хлопци сходятся; зійшлысь,
 Люльки зъ пожару закурылы,
 На байдакы,—та й потяглы,
 Рвучы червони горы-хвыли.
 Плывуть соби, нибы зъ дому,
 Такъ будцимъ гуляють,
 Та. звичайне запорозци,
 Плывучы спивають:

„Нашъ отаманъ Гамалія,
 Отаманъ завзятый,
 Забравъ хлопцивъ та й поийхавъ
 По морю гуляты,—

По морю гуляты,
 Славы добуваты,
 Изъ турецькой неволи
 Бративъ вызволяты.
 Ой прыйихавъ Гамалія
 Ажъ у ту Скутару,—
 Сыдять браты запорозци,
 Дожидають кары.
 Ой якъ крикнувъ Гамалія:
 „Браты, будемъ жыты,—
 Будемъ жыты, выно пыты,
 Янычара быты,
 А курени кылымамы,
 Оксамытомъ крыты!“
 Вылиталы запорозци
 На ланъ жыто жаты;
 Жыто жалы; въ копы влалы,
 Гуртомъ заспывалы:
 „Слава тобп, Гамаліе,
 На весь свить великый,—
 На весь свить великый,
 На всю Украйну,
 Що не давъ ты товариству
 Згынуть на чужыни!“

Плывуть спиваючы; плыве
 Позадъ завзятый Гамалія:
 Орель орлять мовъ стереже;
 Изъ Дарданеливъ витерь віе,
 А не женется Византія:
 Вона боится, щобъ чернець
 Не засвитывъ Галату знову,
 Або гетьманъ Иванъ Пидкова

Не клькнувъ въ море на ралоць.
 Плывуть соби, а изъ-за хвыли
 Сонце хвылю червонить;
 Передъ нымы море миле
 Гомонить и клькотыть.

Гамаліе, витерь віе...
 Ось-ось наше море!...
 И сховалыся за хвыли—
 За рожеви горы.

П Р Ы Ч Ы Н Н А .

Реве та стогне Днииръ широкый,
 Сердытый витерь завыва,
 До-долу вербы гне высоки,
 Горамы хвылю пидійма.
 И блидный мисяць на ту пору
 Изъ хмары де-де выглядавъ,
 Неначе човенъ въ сьнимъ мори,
 То вырнавъ, то потопавъ.
 Ще трети пивни не спивалы,
 Нихтѣ зигде не гомонивъ,
 Сычи въ гаю переклыкальсь,
 Та ясень разъ-у-разъ скрыпивъ.

Въ таку добу пидь горою,
 Биля того гаю,
 Що чорніе надь водою,
 Щось биле блукае.
 Може выйшла русалонька
 Матери шукаты,
 А може жде козаченька,
 Щобь залоскотаты.
 Не русалонька блукае:
 То дивчына ходыть,
 Й сама не зна (бо прычынна),
 Що такее робыть.
 Такь ворожка поробыла,
 Щобь меньше скучала,
 Щобь бачь, ходя о-цивночи,
 Спала й выглядала
 Козаченька молодого,
 Що торикь покынувъ.
 Обищався вернутыся,
 Та, мабуть, и згынувъ!

Не кытайкою покрылысь
 Козацькыи очи,
 Не вымылы биле лычко
 Сливонькы дивочи:
 Орель выйнявъ кари очи
 На чужому поли,
 Биле тило вовкы зылы,—
 Така ёго доля.
 Дарма що ничь, дивчынонька
 Его выглядае.
 Не вернется чорнобрывый
 Та й не привитае,
 Не розплете довгу косу,

Хуству не завьяже,
 Не на лижко, въ домовыну
 Сыротою ляже!

Така ии доля... О, Боже мій мылий!
 За що жъ Ты караешъ ии молоду?
 За те, що такъ щиро вона полюбыла
 Козацькыи очи?... Просты сыроту!
 Кого жъ ии любыты? ни бацька, ни венькы;
 Одна, якъ та пташка въ далекомъ краю.
 Пошли жъ Ты ии долю—вона молоденька—
 Бо люде чужыи ии засміють.
 Чы вынна жъ голубка, що голуба любыть?
 Чы выневъ той голубъ, що сокиль убывъ?
 Сумуе, воркуе, билымъ свитомъ нудыть,
 Литает, шукае, дума—заблудывъ.
 Щастлива голубка: высоко литае,
 Попыне до Бога—мылого пытаеть.
 Кого жъ сыротына, кого запытае,
 И хто ии розскаже, и хто тее знае,
 Де мылий ночуе: чы въ темному гаю,
 Чы въ быстримъ Дунаю копя папува,
 Чы, може, зъ другою, другу кохае,
 Ии чорнобрыву уже забува?
 Якъ-бы то далыся орлыныи крыла,
 За сынимъ бы моремъ мылого знайшла;
 Жывого бъ любыла, другу бъ задушыла,
 А до пежывого у яму бъ лягла!
 Не такъ сердце любыть, щобъ зъ кымъ подилытсья,
 Не такъ воно хоче, якъ Богъ памъ дае:
 Воно жыть не хоче, не хоче журытсья.
 „Журысь!“ каже думка,—жалю завдае.

О, Боже мій мый! така Твоя воля,
Таке іи щастя, така іи доля!

Вона все ходить, зъ усть ни пары.
Широкый Днипръ не гомонить,
Розбивши витерь чорни хмары,
Лигъ бияя моря одпочыть,
А зъ неба мисяць такъ и сая;
И надъ водою, и надъ гаемъ,
Кругомъ, якъ въ уси, все мовчыть...
Ажъ гулькь—зъ Днипра повыривалы
Малы диты сміючысь.

„Ходимо гриться!“ закрычалы.

„Зійшло вже сонце“ (Голи скризь,
Зъ осоки косы, бо дивчата)

„Чы вси вы тута?“ кльче маты:

„Ходимъ шукаты вечерять.

Пограемось, погуляймо,

Та писеньку заспиваймо:

„Ухъ! ухъ!

Соломьяный духъ, духъ!

Мене маты породыла,

Нехрещену положила.

Мисяченьку!

Нашъ голубоньку!

Ходы до пасъ вечериты:

У насъ козакъ въ очерети,

Въ очерети, въ осоди,

Срибный перстель на руци,

Молоденькый, чорнобровый;

Знайшлы вчора у диброви.

Свиты довше въ чыстимъ поли,
 Щобъ нагулятысь доволи.
 Поки видьмы ще литають,
 Поки пивни не спивають,
 Посвиты намъ... Онъ щось ходыть!
 Онъ пидь дубомъ щось тамъ робыть.

Ухъ! ухъ!

Соломьяный духъ, духъ!

Мене маты породыла,
 Нехрещену положила“.

Зареготалысь нехрещени...

Гай обизвався; галась, зыкъ,

Орда мовъ риже. Мовъ скажени,

Летять до дуба... ничычыркь!.

Схаменулысь пехрещени...

Дывляться—мелькае,

Щось лизе вверху по стовбуру

До самого краю.

Отто-жь тая дивчынонька,

Що сонна блудыла:

Оттаку-то ий прычыну

Ворожка зробыла!

На самый верхъ на гилечци

Стала... въ сердце коле!

Подывылась на вси боки,

Та й лизе до-долу.

Кругомъ дуба русалонькы

Мовчкы дожыдалы;

Взялы ии, сердешную,

Та й залоскоталы.

Довго-довго дывувалысь

На ии уроду...
 Трети пивни— „кукуруку!“ —
 Шелеснулы въ воду.
 Защебетавъ жайворонокъ,
 У гору летючы;
 Закувала зозуленька,
 На дубу сыдючы;
 Защебетавъ соловейко—
 Пишла луна гаемъ;
 Червоніе за горою;
 Плугатырь спивае.
 Чорніе гай надъ водою,
 Де ляхы ходылы;
 Засынили по-надъ Дниромъ
 Высоки могылы;
 Пишовъ шелестъ по диброви;
 Шепчуть густы лозы...
 А дивчына спыть пидъ дубомъ
 Пры бытій дорози.
 Знать, добре спыть, що не чуе,
 Якъ куе зозуля,
 Що не личыть, чы довго жыть...
 Знать, добре заснула.

А тымъ часомъ изъ дибровы
 Козакъ выйизжае;
 Пидъ нымъ коныкъ вороненькый
 Насылу ступае.
 „Изнемигся, товаришу!
 Сёгодня спочынемъ:
 Блызько хата, де дивчына
 Ворота одчыныть.
 А може вже одчыныла

Не мени, другому...
 Швыдче, коню, швыдче, коню,
 Поспишай до-дому!
 Утомився вороненькый,
 Иде, спотыкнется,—
 Коло сердца козацького
 Якъ гадына вьется.

„Ось и дубъ той кучерявый...”

Вона! Боже мылый!

Бачъ, заснула выглядавши

Моя сызокрыла!“

Кынувъ коня та до неи.

„Боже Ты мій, Боже!“

Клыче ии та цилуе...

Ни, вже не поможе!

„За що жъ вони розлучылы

Мене изъ тобою?“

Зареготавсь, розигнавсь,—

Та въ дубъ головою!

Идутъ дивчата въ поле жаты
 Та знай спивають идучи,
 Якъ провожала сына маты,
 Якъ бывсь татарынъ у-ночи.
 Идутъ—пидъ дубомъ зелененькымъ
 Кинь замордованый стоить,
 А бия ёго молоденькый
 Козакъ та дивчына лежыть.
 Цикави (нигде правды диты)
 Пидкралыся, щобъ излякаты;
 Колы подывлятыся, що вбытый,—
 Зъ переполоху ну втыкаты!

Збиралыся подруженькы,—
 Слизонькы втырають;
 Збиралыся товариши,—
 Та ямы копають;
 Прыйшли попы зъ корогвамы,
 Задзвонылы дзвоны.
 Поховалы громадою,
 Якъ слидъ, по закону.
 Насыпалы край дороги
 Дви могылы въ жыти.
 Нема кому запытаты,
 За що ихъ убыто?
 Посадылы надъ козакомъ
 Явиръ та ялыну,
 А въ головахъ у дивчыны
 Червону калыну.
 Прылитае зозуленька
 Надъ нымы куваты;
 Прылитае соловейко
 Що-ничъ щебетаты;
 Выспивуе та щебече,
 Покры мисяць зйде,
 Покры тыи русалонькы
 Зъ Дшипра гритысь выйдуть.—

ХУСТЫНА *).

У неділю не гуляла—
 На шовкѣ заробляла,
 Та хустыну вышивала,
 Вышиваючы спивала:

„Хустыночка мережана,
 Вышивана!

Выгаптую—подарую,
 А винь мене поцилуе...

Хустыно моя
 Малевана!...

А я косу розплитаю,
 Зь дружиною похожаю...

Доленько моя...

Здывуються въ-ранци люде,
 Що въ сироты хустка буде—

Мережана,
 Малевана“.

Оттакъ вона вышивала
 И въ виконце поглядала,
 Чы не ревуть крутороги?
 Чы не йде чумаць зь дороги?
 Иде чумаць зь-за Лыману

*) «Хустына» знайшлася міжъ бумагами Александра Олексіевича Корсуна, що въ 1840 р. видавъ український збірникъ «Снігъ». Вона мала друковатись у другій книжці того-жъ збірника. Більшъ якъ черезъ 40 лѣтъ після того, якъ її написано, вона вперше була надрукована у кївському збірнику «Луна» 1881 р.

Зь чужымъ добромъ, безталанный
 Чужи волы поганяе,
 Поганяючы спивае:

„Доле моя, доле!
 Чомъ ты не такая,
 Якъ доля чужая?
 Чы я пью-гуляю,
 Чы до тебе дориженькы
 У степену не знаю?
 Чы до тебе свои дары
 Я не посылаю?
 Е у мене дары—
 Очи мои кари;
 Молодую мою сылу
 Багачи купылы
 Може дивчыну безъ мене
 Зь инымъ одружылы.
 Навчы-жъ мене, доле,
 Гуляты, навчы“.

Та й заплакавъ сиромаха,
 Степомъ идучы.....

Ой заплакавъ сывый пугачъ

Въ степену на могыли—

Зажурылысь чумаченькы,

Тяжко зажурылысь:

„Благословы, отамане,

Коло села статы,

Та повезимъ товариша

Въ село прычащаты“.

Сповидалы, прычащалы,

Й ворожокъ пыталы,

Не помогло!... Зь незциленнымъ

Въ дорогу рупалы.

Чы то нудьга невсыпуца
 Ёго зъ нигъ звалыла?
 Чы то люде наробылы
 Ёму молодому,
 Що привезлы ёго зъ Дону
 На вози до дому?
 Благавъ Бога, щобъ дивыну
 Хочъ свою побачыть,
 Не доблагавъ!.. Поховали,
 Нихто й не заплаче....
 Поставылы громадою
 Хрестъ надъ сырокою,
 Та й розійшлысь... Якъ былыва,
 Якъ лысть за водою,
 Пишовъ козакъ зъ сёго свиту, —
 Все забравъ зъ собою...
 А де-жъ тая малёвана —
 Шытая хустына?
 А де-жъ тая веселая
 Дивчына-дытына?
 На новому хрести хустку
 Витерь розвивае,
 А дивчына у черныцяхъ
 Косу розплитае....

КАТЕРЫНА.

(Василію Андреевичу Жуковскому на память 22-го Апрѣля
1838 года).

Кохайтєся, чорноброви,
 Та не зъ москалямы,
 Бо москали—чужи люде,
 Роблять лыхо зъ вамы.
 Москаль любыть жартуючы,
 Жартуючы кыне;
 Пиде въ свою Московщину,
 А дивчына гыне...
 Якъ-бы сама, ще бъ ничого,
 А то й стара маты,
 Що родыла на свить Божый,
 Мусыть погыбаты
 Серце вяне спиваючы,
 Колы знае за що;
 Люде серця не спытають,
 А скажуть—„ледацо!“
 Кохайтєся жъ, чорноброви,
 Та не зъ москалями,
 Бо москали—чужи люде,
 Смійотся падь вамы.
 Не слухала Катерына
 Ни батька, ни пенькы,
 Полюбыла москалыка,
 Якъ знало серденько.
 Полюбыла молодого,
 Въ садочокъ ходыла,
 Покры себе, свою долю
 Тамъ занапастыла.

Клыче маты вечеряты,
 А донька не чует:
 Де жартуе зъ москалыкомъ,
 Тамъ и заночует.
 Не дви noci кари очи
 Любо цилувала,
 Покры слава на все село
 Недобрая стала.
 Нехай соби тыи люде
 Що хотять говорить:
 Вона любыть, то й не чует,
 Що вкралося горе.
 Пришли висти недобры—
 Въ походъ затрубилы;
 Пишовъ москаль въ Туреччыну;
 Катрися накрылы.
 Не чулася, та й байдуже,
 Що коса покрыта:
 За мылого, якъ спиваты,
 Любо й погужыты.
 Обищався чорнобрывий,
 Коля не загыне,
 Обищався вернутыся.
 Тоди Катерина
 Буде соби московкою,
 Забудется горе;
 А покы-що, нехай люде
 Що хотять говорить.
 Не журытся Катерина—
 Слизонькы втырае,
 Що дивчата на улыци
 Безъ неи спивають.
 Не журытся Катерина—

Вмыется слёзою,
 Визьме видра о-пивъ-ночи,
 Пиде за водою,
 Щобъ ворогы не бачылы;
 Прыйде до крыныци,
 Стане соби пидъ калыну,
 Заспивае „Грыця“.
 Выспивуе, вымовляе,
 Ажъ калына плаче.
 Вернулася—и раденька,
 Що ниhto не бачывъ.
 Не журытся Катерына
 И гадкы не мае—
 У новенькй хустыночци
 Въ викно выглядае.
 Выглядае Катерына...
 Мынуло пивъ року—
 Занудыло коло серця,
 Заколело въ боку.
 Нездужае Катерына,
 Ледве-ледве дыше...
 Вычуняла, та въ запичку
 Дытыну колыше.
 А жиночки лыхо дзвонять,
 Матери глузують,
 Що москали вертаются
 Та въ неи ночують:
 „Въ тебе дочка чорнобрыва,
 Та ще й не едына,
 А муштруе у запичку
 Московського сына.
 Чорнобрывого прыдбала..
 Мабуть, сама вчыла...“

Бодай же вась, цокотухы,
 Та злыдни побылы,
 Якъ ту матирь, що вамъ на смихъ
 Сына породыла.

Катерыно, сердце мое!
 Лышенько зъ тобою!
 Де ты въ свити подинешся
 Зъ малымъ сыротою?
 Хто спытае, привитае,
 Безъ мылого въ свити?
 Батько, маты—чужи люде,
 Тяжко зъ ными жыты!

Вычуняла Катерына,
 Одсуне кватырку,
 Поглядае на улыцю,
 Колыше дытынку;
 Поглядае—нема, нема...
 Чы то жъ и не буде?
 Пишла бь въ садокъ поплакаты,
 Такъ дывлятыся люде.
 Зайде сонце—Катерына
 По садочку ходыть,
 На рученькахъ носыть сына,
 Очыци поводыть:
 „Оттуть зъ муштры выглядала,
 Оттуть розмовляла,
 А тамь... а тамь... сыну, сыну!“
 Та й не доказала.

Зеленіють по садочку
 Черешни та вышни;

Якъ и перше выходила,
 Катерина вышла.
 Выйшла, та вже не спивае,
 Якъ перше спивала,
 Якъ москаля молодого
 Въ вышныкъ дожидала.
 Не спивае чернобрыва,
 Кляне свою долю.
 А тымъ часомъ вороженькы
 Чынять свою волю--
 Кують речи недобрыи.
 Що мае робыты?
 Якъ бы мылый чернобровый,
 Умивъ бы спыныты...
 Такъ далеко чернобровый,
 Не чуе, не бачыть,
 Якъ ворогы сміюгся їй,
 Якъ Катруся плаче.
 Може вбитый чернобровый
 За тыхымъ Дунаемъ;
 А може—вже въ Московщынѣ
 Другую кохае!
 Ни, чорнявый не убитый,
 Винь жывый, здоровый..
 А де жъ найде таки очи,
 Таки чорни бровы?
 На край свита, въ Московщынѣ,
 По тимъ боци моря,—
 Нема нигде Катерины;
 Та здалась на горе!...
 Вмила маты бровы даты,
 Кари оченята,
 Та не вмила на симъ свити

Щастя-доли даты.
 А безъ доли биле лычко—
 Якъ квитка на поли:
 Пече сонце, гойда витерь,
 Рве всякый по воли.
 Умывай же биле лычко
 Дрибными слёзамы,
 Бо вернулись москалыкы
 Ишшыи шляхамы.

II.

Сыдыть батько кинецъ стола,
 На руку схылвся.
 Не дывится на свить Божый:
 Тяжко зажурывся.
 Коло ёго стара маты
 Сыдыть на ослони,
 За слёзамы ледве-ледве
 Вымовляе дони:
 „Що весилля, доню моя?
 А де жъ твоя пара?
 Де свитылкы зъ друженькамы,
 Старосты, бояре?
 Въ Московщыни, доню моя!
 Иды жъ ихъ шукаты;
 Та не кажы добрымъ людымъ,
 Що е въ тебе маты.
 Проклятый часъ-годынонька,
 Що ты народылась!
 Якъ-бы знала, до схидъ сонця
 Була бь утопыла...

Здалась тоди бѣ ты гадыни,
 Теперь—москалеви...
 Доню моя, доню моя,
 Цвите мій рожевий!
 Якъ ягідку, якъ пташечку,
 Кохала, ростыла
 На лышенько.. Доню моя,
 Що ты наробыла?...
 Оддячыла!.. Иды жъ, шукай
 У Москви свекрухы.
 Не слухала моихъ ричей,
 То ии послухай.
 Иды, доню, найды ии,
 Найды, привитайся,
 Будь щаслива въ чужыхъ людяхъ,
 До насъ не вертайся!
 Не вертайся, дытя мое,
 Зъ далекого краю...
 А хто жъ мою головоньку
 Безъ тебе сховае?
 Хто заплаче надо мною,
 Якъ ридна дытна?
 Хто посадыть на могыли
 Червону калыну?
 Хто безъ тебе гришну душу
 Цомынаты буде?
 Доню моя, доню моя,
 Дытя мое любе!
 Иды одъ насъ..“

Ледве-ледве

Поблагословила:

„Богъ зъ тобою!“ та, якъ мертва,
На диль повалылась...

Обизвався старый батько:

„Чого ждешь, небого?“

Зарыдала Катерына,

Та бухъ ёму въ ноги:

„Просты мени, мій батечку,

Що я наробыла!

Просты мени, мій голубе,

Мій соколе мылый!“

— „Нехай тебе Богъ прощае

Та добрыи люде;

Молись Богу та йды соби,—

Мени легше буде“.

Ледве встала, поклонылась,

Выйшла мовчки зъ хаты—

Остались сыротамы

Старый батько й маты.

Пишла въ садокъ у вышневый,

Богу помолылась,

Взяла земли пидъ вышнею,

На хрестъ почепыла;

Промовыла: „Не вернуся!

Въ далекому краю

Въ чужу землю чужи люде

Мене заховають;

А свои ся крыхотка

Надо мною ляже

Та про долю, мое горе,

Чужымъ людянь скаже...

Не розказуй, голубонько,

Де бѣ не заховалы,
 Щобъ гришної на симъ свити
 Люде не займалы.
 Ты не скажешъ... ось хто скаже,
 Що я ёго маты!
 Боже ты мій!... лыхо мое!
 Де мени сховатись?
 Заховаюсь, дытя мое,
 Сама пидъ водою,
 А ты грихъ мій спокутуешъ
 Въ людяхъ сырою,
 Безбатченкомъ!...“

Пишла селомъ,

Плаче Катерина;
 На голови хустыночка,
 На рукахъ дытына.
 Выйшла зъ села—серце мліе;
 Назадъ подывылась,
 Покывала головою,
 Та й заголосыла.
 Якъ тополя, стала въ поли
 Пры бытій дорози;
 Якъ роса та до схида сонця,
 Покапалы слёзы.
 За слёзамы, за гиркымы
 И свита не бачыть,
 Тилько сына прыгортае,
 Цилуе та плаче.
 А вопо, якъ янголятко,
 Ничого не знае,
 Маленькымы ручыцямы
 Назухы шукае.

Сило сонце, зъ-за дибровы
 Небо червоніе;
 Утерлася, повернулася,
 Пішла... тилько мріе.

Въ сели довго говорылы
 Де-чого багато,
 Та не чулы вже тихъ ричей
 Ни батько, ни маты...

Оттаке-то на симъ свити
 Роблять людямъ люде!
 Того вяжуть, того рижуть,
 Той самъ себе губыть...
 А за вищо? Святой знае!
 Свить, бачтця, шырокий,
 Та нема де прыхылытысь
 Въ свити одыпокымъ.
 Тому доля запродала
 Одъ краю до краю,
 А другому оставыла
 Те, де заховають.
 Де жъ ти люде, де жъ ти добри,
 Що сердце збиралось
 Зъ нымы жыты, ихъ любыты?
 Пропалы, пропалы!

Есть на свити доля,
 А хто іи знае?
 Есть на свити воля,
 А хто іи мае?
 Есть люде на свити—
 Срибломъ-злотомъ сяють,
 Здається, панують,

А доли не знают,—
 Ни доли, ни воли!
 Зъ нудьгою та зъ горемъ
 Жупанъ надивають,
 А плакаты—соромъ.
 Возьмись срибло-злото
 Та будьте багати,
 А я визьму слёзы—
 Лыхо выливаты;
 Затоплю недолю
 Дрибнымы слёзамы,
 Затопчу неволю
 Босымы ногамы!
 Тоди я веселый,
 Тоди я багатый,
 Якъ буде серденько
 По воли гуляты!

 III.

Крычатъ совы, спыть диброва,
 Зиронькы сіяють,
 По-надъ шляхомъ, щырыцею,
 Ховрашкы гуляють.
 Спочывають добри люде;
 Що кого втомыло:
 Кого—щастя, кого—слёзы,—
 Все ничка покрыла.
 Всихъ покрыла темнисинька,
 Якъ диточокъ маты;
 Де жь Катрусю прыгорнула?
 Чы въ лиси, чы въ хати?

Чы на поли, пидь копою
 Сына забавляе,
 Чы въ диброви, зь-пидь колоды
 Вовка выглядае?
 Бодай же вась, чорни брови,
 Никому не маты,
 Колы за вась таке лыхо
 Треба одбуваты!
 А що дальше спиткается?
 Буде лыхо, буде!
 Зостринутся жовти пискы
 И чужьи люде;
 Зостринется зима люта...
 А той чы зострине,
 Що пизнае Катерыну,
 Привитае сына?
 Зь нымь забула бь чорнобрыа
 Шляхы, пискы, горе:
 Винь, якъ маты, привитае,—
 Якъ братъ, заговорыть...

Побачымо, почуемо...
 А покы—спочыну,
 Та тымь часомь розпытаю
 Шляхъ на Московщыну.
 Далекий шляхъ, паны—браты,
 Знаю ёго, знаю!
 Ажъ на серци похолоне,
 Якъ ёго згадаю.
 Попомирявь и я колысь—
 Щобъ ёго не миряты!...
 Розказавъ бы про те лыхо,
 Та чы то жь повиряты!

„Бреше“, скажуть, „сякий-такый!
(Звычайно, не въ очи),

А такъ тилько псуе мову
Та людей морочыть“.

Правда ваша, правда, люде!

Та й на що те знаты,

Що слёзамы передь вами

Буду выливаты?

На що воно? У всякого

И свого чымало...

Цуръ же ёму!... А тымъ часомъ,—

Кете лышь кресало

Та тютюну, щобъ, знаете,

Дома не журылысь.

А то лыхо розказувать,

Щобъ брыдке прыснылось!

Нехай ёго лыхый визьме!

Лучче жъ помиркую,

Де-то моя Катерына

Зь Ивасемъ мандруе.

За Кывомъ, та за Днипромъ,

По-пидь темнымъ гаемъ,

Идутъ шляхомъ чумаченькы,

„Пугача“ спивають.

Иде шляхомъ молодыця,

Мусыть буты зь проци.

Чого жъ смутна, невесела,

Заплакани очи?

У латаній свытыночци,

На плечахъ торбына,

Въ руди ципокъ, а на другій

Заснула дытына.

Зострилася въ чумакамы,
 Закрыла дытну,
 Пытається: „Люде добри!
 Де шляхъ въ Московщину“?
 — „Въ Московщину? отцей самый.
 Далеко, небого“?
 — „Въ саму Москву. Хрыста рады,
 Дайте на дорогу“!
 Бере шага, ажъ трусытся:
 Тяжко ёго браты!...
 Та й на-вицо?... А дытына?
 Вона жъ ёго маты!
 Заплакала, пишла шляхомъ,
 Въ Броваряхъ спочыла,
 Та сынови за гиркого
 Медяныкъ купыла.
 Довго-довго, сердешная,
 Все йшла та пытала;
 Було й таке, що пидъ тыномъ
 Зъ сыномъ почувала...

Бачъ, на що здалыся кары очепята:
 Щобъ пидъ чужымъ тыномъ слёзы выливаты!
 Ото жъ то дывится та кайтесь, дивчата,
 Щобъ не довелося москаля шукать,
 Щобъ не довелося, якъ Катря шукае...
 Тоди не пытайте, за що люде лають,
 За що не пускають въ хату почувать.

Не пытайте, чорноброви,
 Бо люде не знаютъ:
 Кого Богъ кара на свити,
 То й воны карають...
 Люде гнутся, якъ ти лозы,

Куды виторъ віе.
 Сыротыни сонце свитыть
 (Свитыть, та не гріе)—
 Люде бь сонце заступылы,
 Якъ-бы малы сылу,
 Щобъ сыроты не свитыло,
 Слѣзы не сушыло.
 А за вищо, Боже мылий!
 За що свитомъ нудыть?
 Що зробыла вона людянь,
 Чого хотять люде?
 Щобъ плакала!... Серце мое!
 Не плачь, Катерыно,
 Не показуй людянь слѣзы,
 Терпы до загыну!
 А щобъ лычко не марнило
 Зь чорнымы бровама—
 До схиць сонця, въ темнимъ лиси
 Умыйся слѣзама.
 Умыешся—не побачать,
 То й не засміются;
 А серденько одпочыне,
 Поки слѣзы льются.
 Де жь Катруся блудыть?
 По-пидь тыню ночувала,
 Раненько вставала,
 Поспишала въ Московщину;
 Ажъ гулькь—зима впала.
 Свыще полемъ завирюха,
 Иде Катерына
 У лычакахъ—лыхо тяжке!—
 И въ одній свитыни.

Иде Катря, шкандыбае;
 Дывытця—щось мріе...
 Лыбонь идуть москалыкы...
 Лыхо!... сердце мліе...
 Полетила, зострилася,
 Пыта: „Чы немае
 Мого Івана чорнявого“?
 А ти: „Мы не знаемь“.
 И, звычайно, якъ москали,
 Сміются, жартують:
 „Ай да баба! ай да наши!
 Баво не надують“!
 Подывылася Катерына:
 „И вы, бачу, люде!
 Не плачь, сыну, мое лыхо!
 Що буде, то й буде.
 Пиду дальше—більшъ ходыла...
 А може й зострину;
 Оддамъ тебе, мій голубе,
 А сама—загыну“!

Реве, стогне хуртовына,
 Котыть, верне полемъ;
 Стоить Катря середъ поля,
 Дая слёзамъ волю.
 Утомылася завирюха,
 Де-де позихае;
 Ще бѣ плакала Катерына,
 Та слизь більшъ немае.
 Подывылася на дытыну:
 Умыте слёзою,
 Червоніе, якъ квіточка
 Въ-ранци пидъ росою.
 Усмихнулася Катерына,

Тяжко усмихнулась:
 Коло серця—якъ гадына
 Чорна повернулась.
 Кругомъ мовчки подывылась;
 Бачыть—лись чорніе,
 А пидъ лисомъ, край дороги,
 Лябонь куринь мріе.
 „Ходимъ, сыну, смеркается,
 Коли пустять въ хату!
 А не пустять, то й на двори
 Будемъ почуваты.
 Пидъ хатою започуемъ,
 Сыну мій Иване!
 Де жъ ты будешь почуваты,
 Якъ мене не стане?
 Зъ собаками, мій сыночку,
 Кохайся на двори!
 Собаки зли, покусують,
 Та не заговорять,
 Не розкажуть сміючыся...
 Зъ псами йисты й пыты!...
 Бидна моя головонька,
 Що мени робыты“?

 IV.

.

 Реве, свыще завирюха,
 По лису завыло;
 Якъ те море, биле поле
 Снигомъ покотылось.
 Выйшовъ зъ хаты карбивнычый,

Щобъ лись оглядиты,
 Та де тоби! таке лыхо,
 Що не видно й свита.
 „Еге, бачу, яка фукга!
 Цуръ же ёму зъ лисомъ!
 Питы въ хату... Що тамъ таке?
 Отъ ихъ до-сто-биса!
 Недобра ихъ розносыла,
 Мовъ справди за диломъ.
 Нычыпоре! дывысь лышень,
 Яки побилили“!
 — „Що, москали?... Де москали“?
 „Що ты? схаменься“!
 — „Де москали, лебедыкы“?
 „Та онъ, подывыся“.
 Полетила Катерина
 И не одяглася.
 „Мабуть, добре Московщина
 Въ тямку ий далася!
 Бо у-ночи тилько й знае,
 Що москаля клыче“.
 Черезъ ньыкы, заметамы,
 Летыть, ледве дыше.
 Боса стала середъ шляху,
 Втерлась рукавами.
 А москали ий назустрічь,
 Якъ одынь, верхамы.
 „Лыхо мое! доле моя“!
 До ихъ... колы гляне—
 Попереду старший йиде.
 „Любый мій Иване!
 Серце мое коханее!
 Де ты такъ барывся“?

Та до ёго... за стремена...
 А винъ—подывывся,
 Та шпорама коня въ боки.
 „Чого жъ утикаешъ?
 Хыба забудь Катерыну?
 Хыба не пизнаешъ?
 Подывыся, мій голубе,
 Подывысь на мене:
 Я Катруся твоя люба.
 На-що рвешъ стремена“?
 А винъ коня поганяе,
 Нибы-то й не бачыть.
 „Постривай же, мій голубе!
 Дывысь—я не плачу.
 Ты не пизнавъ мене, Иване?
 Серце, подывыся,
 Ій же Богу, я Катруся“!
 — *„Дура атвяжися!*
Вазьмите прочь безумную“!
 — „Боже мій! Иване!
 И ты мене покидаешъ!...
 А ты жъ прысягався“!
 — *Вазьмите прочь! Что жъ вы стали“?*
 — „Кого? мене взяты?
 За що жъ, скажы, мій голубе?
 Кому хочъ оддаты
 Свою Катрю, що для тебе
 Сына породыла?
 Мій батечку, мій братику!
 Хочъ ты не цурайся!
 Наймычкою тоби стану...
 Зъ другою кохайся...
 Зъ цылымъ свитомъ... Я забуду,

Що колысь кохалась,
 Що одъ тебе сына мала,
 Покрыткую стала...
 Покрыткую... якый соромъ!
 И за що я гыну!
 Покрынь мене, забудь мене,
 Та не кыдай сына.
 Не покынешь?... Серце мое,
 Не втикай одъ мене...
 Я вынесу тобі сына".
 Кынула стремена
 Та въ хатыну Вертаеця,
 Несе ёму сына.
 Несповыта, заплакана
 Сердешна дытына.
 „Ось-де воно, подывыся!
 Де жъ ты? Заховався?
 Утикъ!... нема!.. Сына, сына
 Батько одцурався!
 Боже ты мій!... Дытя мое!
 Де динусь зъ тобою?
 Москалыкы! голубчыкы!
 Возьмить за собою;
 Не цурайтесь, лебедыкы:
 Воно сыротына,
 Возьмить ёго... та оддайте
 Старшому за сына.
 Возьмить ёго... бо покыну,
 Якъ батько покынувъ,—
 Бодай ёго не кыдала
 Лыхая годыпа!
 Грихомъ тебе на свить Божый
 Маты породыля;

Выростай же на смихъ людямъ"!
 На шляхъ положила:
 „Оставайся шукать батька,
 А я вже шукала"!
 Та въ лись зъ шляху, якъ нависна!
 А дытя осталось,
 Плаче бидне... А москалямъ
 Байдуже,—мынули.
 Воно й добре; та на лыхо
 Лиснычи почулы.

Бига Катря боса лисомъ,
 Бига та голосить;
 То прокльна свого Йвана,
 То плаче, то просить.
 Выбигаа на возлисса;
 Кругомъ подывылась,
 Та въ ярь... бижить... середь ставу
 Мовчки опынылась.
 „Приймы, Боже, мою душу,
 А ты—мое тило"!
 Шубовсть въ воду!... По-пидь лёдомъ
 Геть загуркотило.

Чернобрыва Катерына
 Найшла, що шукала.
 Дунувъ витерь по-надъ ставомъ—
 И слиду не стало.

То не витерь, то не буйный,
 Що дуба ламае;
 То не лыхо, то не тяжке,

Що маты вмирае;
 Не сироты мали диты,
 Що неньку сховалы:
 Имъ зосталась добра слава,
 Могыла зосталась.
 Засміються злыи люде
 Малій сиротыни;
 Вылье слёзы на могылу—
 Серденько спочыне.
 А тому, тому на свити,
 Що ёму зосталось,
 Кого батько и не бачывъ,
 Маты одцуралась?
 Щоб зосталось байстриюкови?
 Хто зъ нымъ заговорыть?
 Ни родыны, ни хатыны—
 Шляхы, пискы, горе...
 Панське лычко, чорни бровы...
 На що? Щобъ низпалы!
 Змалювала, не сховала...
 Бодай полшнялы!

 V.

Ишовъ кобзарь до Кмыва
 Та сивъ спочываты.
 Торбынкамы обвшанный
 Ёго повожатый.
 Мале дытя коло ёго
 На сонци куняе,
 А тымъ часомъ старый кобзарь
 „Исуса“ спивае.

Кто йде, йиде—не мынае:
 Кто—бублыкъ, хто—гроши;
 Кто старому, а дивчата—
 Шажокъ михоноши.
 Задывлятса чорноброви—
 И босе, и голе:
 „Дала“, кажуть, „бровенята,
 Та не дала доли“!

Йиде шляхомъ до Кыва
 Берлынъ шестернею,
 А въ берлыни госпоdynя
 Зъ паномъ и симъею;
 Опынвсся проты старцивъ—
 Курява лягае.
 Побигъ Ивась, бо зъ виконця
 Рукою махае.
 Дае гроши Ивасеви,
 Дывуется пани.
 А панъ глянувъ... одвернувся...
 Пизнавъ, препоганый,
 Пизнавъ тii кари очи,
 Чорни бровенята...
 Пизнавъ батько свого сына,
 Та не хоче взаты.
 Пыта пани, якъ зовется?
 „Ивась“.—„Какой милай“!
 Берлынъ рушывъ, а Ивася
 Курява покрыла...
 Поличылы, що досталы,
 Всталы сиромахи,
 Помолылысь на схидъ сонця,
 Пишлы по-надъ шляхомъ.

ЧЕРНЫЦЯ МАРЬЯНА.

(Частина поэмы.)

У недилю на выгони
 Дивчата гулялы,
 Жартувалы зь парубкамы,
 Де-яки спивалы—
 Про досвіткы, вечорныци,
 Та якъ была маты,
 Щобъ зь козакомъ не стояла...
 Звычайно---дивчата,
 То про свое все й спивають,
 Яка про що знае.
 Ажъ ось, зь хлопцемъ старый слипець
 Въ село шкандыбае;
 Въ рукахъ чоботы; на плечахъ
 Латана торбына
 У старого. А дытына,
 Сердешна дытына,
 Обидрана, ледве-ледве
 Несе ноженята...
 Безталанный сынъ Катрусі!
 „Дывится, дивчата,
 Кобзарь иде, кобзарь иде!“
 Та вси, яко мога,
 Хлопцивъ кынулы,—побиглы
 Зостричать слипого.
 „Диду-серце, голубчыку!
 Заграй намъ що-небудъ:
 Я шага дамъ; я—черешень;

Я напою медомъ;
 А тымъ часомъ одпочынешъ,
 А мы потандюемъ.
 Заграй же намъ яку-небудь!“
 — „Чую, люби, чую!
 Спасыби вамъ, мои квиты,
 За слово ласкаве.
 Загравъ бы вамъ, та бачыте—
 Справы нема, справы.
 Учора бувъ на базари—
 Кобза зонсувалася,
 Розвалылася...“
 „А струны?“
 — „Тилько тры осталось.“
 „Та хочъ на трѣхъ яку-небудь!“
 — „На трѣхъ? Охъ, дивчата!
 И на одній колысь-то гравъ,
 Та ба, вже не граты!
 Постривайте жъ, мои любви
 Трошки одпочыну...
 Сядьмо, хлопче!“
 Посидалы.
 Розвязавъ торбыну;
 Выйнявъ кобзу; разивъ зо два
 Ударывъ по рваныхъ...
 „Що бъ вамъ заграць?... Постривайте..
 Черныцю Марьяну...
 Чы чувалы, чы не чулы?...
 Слухате жъ, дивчата,
 Та кайтеся...

Давно колысь

Була собі маты;
 Бувъ и батько, та не стало.
 Осталась вдовою,
 Та й не молодую,—
 Изъ воламы, изъ возаы,
 Зъ малою дочкою.
 Росла дочка Марьяна,
 А выросла, якъ панна,—
 Чорнобрыва, уродлива,
 Хочъ за пана гетьмана.
 Стала маты гадаты
 Та зятя еднаты,
 А Марьяна не до пана
 Выходыла стояты,—
 Не до пана товстого,
 Усатого, старого,
 До Петруся, въ гаю, въ лузи,
 Що-вечора святого.
 Розмовляла, жартувала,
 Обнимала, млила,
 Въ раю жыла... а иноди
 Плакала нимила.
 „Чого плачешъ, моя пташко“?
 Петро запытае.
 Вона гляне, усмихнется:
 „И сама не знаю“!
 — „Може, думаешъ, покину?
 Ни, моя рыбчыно!
 Буду ходыть, буду любыть,
 Поки не загыну.
 Хыба було колы въ свити,
 Щобъ ти, що кохалысь,
 Розійшлыся, не взялыся,—

Жывымы осталысь“
 — „Ты жартуешъ, мій голубе!
 Ты чувъ, що спивають...
 То кобзари выгадують;
 Бо слипи, не знають,
 Бо не бачать, що е бровы,
 Чорни й кари очи
 И высокій станъ козачый,
 И гнучкый дивочый;
 Що е косы, чорни косы,
 Козацька чупрына,
 Що на мову на Петрову
 Въ глухій домовыни
 Усмихнуся... скажу ёму:
 — Орле сызокрылый!
 Люблю тебе й на тимъ свити,
 Якъ на симъ любыла.
 Отакъ, сердце, обнимимось,
 Отакъ поцилую!
 Нехай вкупи заховають...
 Умру—не почую...
 Не почую...“
 Обнялыся,
 Обнялысь, зомлилы.
 Отакъ воны любылыся,
 Отакъ и хотилы,
 Щобъ на той свить переступыть,
 Та не по ихъ стало...
 Що-вечора сходылыся,
 И маты не знала,
 Де Марьяна до пивночи,
 Зъ кымъ вона гуляла.
 „Воно мале, ще дытына,

Ничого не знае.“

Угадала стара маты,
Та не все вгадала:

Знать, забула, що мынуло,
Чы не дивувала?

Угадала маты... Марьяна—дытына,
Не знала, якъ треба на симъ свити жыть
Думала, ни люде, а ни домовына
Зъ Петромъ не рознять—умила любыть.
Думала, що тилько кобзари спивають,
Бо, слипи, не бачать карыхъ оченять...
Що тилько лякають молодыхъ дивчатъ...
Лякають, дивчата, правдою лякають.
И я васъ лякаю, бо те лыхо знаю...
Бодай па симъ свити николы не знать
Того, що я знаю!... Мынуло, дивчата,—
Серце не заснуло—я васъ не забудь;
Люблю васъ и доси, якъ диточокъ маты;
Буду вамъ спиваты, поky не загыну...
Тоди, мои люби, якъ мене не стане,
Згадайте про мене, про мою Марьяну,—
Я вамъ зъ того свита серцемъ усмихнусь...

Усмихнуся...“

Та й заплакавъ.

Дывылысь дивчата,
Не пыталы, чого плаче,
Та й на що пытаты?

Мынулося—помагало

Ласкаве дивоче

Щыре слово...

„Выбачайте...“

(Утеръ слипи очи)

Выбачайте, мои люби!

Нехотя журюся...
 Такъ отъ, бачыте, Марьяна
 Зъ убогимъ Петрусемъ
 Що-вечора розмовляла,
 А маты не знала.
 Дывувалась: „Що се таке
 „Марьяну спиткало?
 „Чы не прыстрить? Сяде пыты—
 „Не те вышывае;
 Замисть „Грыця“, задумавшысь,
 „Петруся“ спивае;
 „Часомъ сонна розмовляе,
 „Подушку цилуе...“
 Маты спершу сміялася:
 Думала—жартуе;
 Потимъ бачыть, що не жарты,
 Та й каже Марьяни:
 „Треба буде старостивъ ждаты,
 „Та, може, й одъ пана.
 „Ты вже выросла—нивроку,
 „Уже й дивувала;
 „Я, вже думаю, що... бачышь,
 (Насылу сказала)
 „Що вже й замижъ, колы тее...“
 — „А за кого, мамо?“
 — „Хто вподоба, то й оддамъ“.

Спивае Марьяна:
 „Мынулася твоя доля,
 „На-вики мынула...
 „Чомъ ты вчора, якъ вернулася,
 „На-викъ не заснула?
 „Було бь легче въ домовини

„Одынокій спаты.
 „Тоди, може бь, надь тобою
 „Заплакала маты.
 „Теперь маты не заплаче,
 „Та й не заспивае;
 „А лыха ще буде, буде,
 „Поки заховають!“

Отаке-то, мои люби,
 Бува на симь свити:
 Одна дочка у матери,
 Та й тій тяжко жыты..

По садочку пожожае,
 Слизонькы втырае;
 Поглядае на сонечко—
 Пече, а не сяе.
 Стоить соби середь неба,
 Мовъ сміється зъ неи.
 Воно не зна, що Марьяна
 Рада бь пидь землею
 Заховаться одь матери,
 Щобъ не почуть знову
 Тии мовы, що вже чула,
 Проклятой мовы.
 Воно не зна, що якъ зайде
 Спочыты за гаемь,
 Петрусь выйде на долину,
 Петрусь заспивае,
 Петрусь ии роспытае,
 Якъ братъ заговорыть,

Поцилуе, роспытае
 Про лютее горе.

Не знала Марьяна, чого серце мліе,
 Чого плачуть очи... на що ёго знать?
 Хылытся тополя, куды витирь віе... ?
 Тяжко одынокій на степу стоять.
 Утомытся витерь—тополя спочыне:
 Отакъ и дивоча мыне хуртовына.
 Тяжко одынокій въ степу зостричать,
 А ще гирше любій попереду знать,
 Де и якъ спиткае лыхая годына.

Несподивано Марьяна
 Зострила недолю;
 Спива було, а иноди
 Дае слёзамь волю.
 Сама не зна, чого плаче;
 Може, серце й чуе,
 Та не вміе розказаты
 Про те, що вищуе.
 Разъ у-вечери Марьяна,
 Якъ маты заснула,
 Пишла слухать соловейка,
 Мовъ зроду не чула.
 Выйшла въ садокъ, послухала,
 Сама заспивала,
 Та й замовкла; пидь яблуню
 Тыхесенько стала,
 Заплакала, якъ дытына
 Безъ матери плаче...
 Петро стоить передь нею—
 Ничого не бачыть.

- „Оддай мене, моя мамо,
 „Та не за старого;
 „Оддай мене, мое сердце,
 „Та за молодого.
 „Нехай старый бурлакуе,
 „Гроши заробляе,
 „А молодой мене любить,
 „Доли не шукае.
 „Не шукае, не блукае
 „Чужымы степамы.
 „Свои волы, свои возы,
 „А мижь парубкамы,
 „Якъ макивка на-въгороди,
 „Цвите-процвитае.
 „Мае поле, мае волю,
 „Та доли не мае.
 „Ёго доля—мои бровы,
 „Мои кари очи;
 „Мое слово—панство-царство,
 „Ничого не схоче.
 „У кайданахъ, моя сыза,
 „Та не сыротою,
 „Тилько, мамо, щобъ плакаты,
 „Щобъ спивать зо мною.
 „Оддай“...
 — „Дочко моя, Марьяно!
 „Оддамъ тебе за пана
 „За старого, багатого
 „За сотныка Йвана“,
 — „Умру, сердце мамо,
 „За сотныкомъ Йваномъ“.
 — „Не вмрешъ, будешъ папувати,
 „Будешъ дитокъ годувати“.

Маты галка, маты чорна,
 Литаючы кряче;
 Чорнобрыва дивчынонька,
 Ходя гаемъ, плаче.
 Летыть галка черезъ балку,
 Въ степу погуляты,
 А дивчына нудыть свитомъ,—
 Ни съ кымъ розмовляты.
 Не пускае іи маты
 Въ-ранци до крыныци,
 Ни жыта жать, ни лёну братъ,
 Ни на вечорныци,
 Де дивчата зъ парубкамы
 Жартують, спивають,
 Та про мене, чорнобрыву,
 Нышкомъ розмовляють:
 „Багатого дочка батька,
 „Шляхецького роду“...
 Тяжко, мамо, важко, мамо...
 На-що дала вроду?
 На-що бровы змалювала,
 Дала карі очи?
 Усе дала, тилько доли—
 Доли дать не хочешъ.
 На що мене годувала,
 На що доглядала?
 Поки лыха я не знала,
 Чомъ не заховала?

 Не слухала стара маты,
 Лягла спочываты;
 А Марьяна заплакала,
 Ледве пишла зъ хаты...

„Злякалася“—дума маты:
 „Нехай переплаче!“
 А Марьяна за слёзамы
 И свиту не бачыць.
 Пишла въ садокъ... сердце мліе,
 Якъ згадае пана.
 Серце мое, рыбка мая!
 Марьяно, Марьяно!
 Постривайте... заспівала—
 Пишла луна гаемъ,—
 Не про „Грыця,“—про „Петруся,“
 Такъ и вылівала.
 Заспівает, опыныцца,
 Послуха, та знову,—
 Ажъ голосокъ утомывся.
 Петровой мовы
 Не чуть, нема, не гукае,
 Не кліче: „Марьяно!“
 „Де ты пташко? Вылынь, сердце,
 „Серденько кохане!“
 Нема Петра, не чуть Петра...
 Не вже жъ то покынувъ
 Сыротою чорноброву
 Пры лыхій годыни?
 Побачымо... А тымъ часомъ
 По-надъ темнымъ гаемъ,
 Якъ русалка жде мисяця,
 Марьяна блукае.
 Не спивает чорнобрыва,
 Тяжко-тяжко плаче...
 Ой верныся, подывыся,
 Зрадливый козаче!
 Утомылась бы Марьяна,—

Утомы не чуе;
 Безъ Петруся въ гаю, въ лузи
 Ходячы ночуе.
 На схидъ сонця червоніе,
 Ховаються зори;
 Иде дивчына до хаты,
 Несе свое горе.
 Прыйшла въ хату—спала маты;
 Глянула на неи:
 „Ой якъ-бы ты, мамо, знала,
 „Якою змією
 „Окрутила мое серце,
 „Ридной дытыны...“
 Тай упала на постелю,
 Якъ у домовыну!...

ГАЙДАМАКЫ.

Василію Ивановичу Григоровичу.

На память 22-го Апреля 1838 года.

Все йде, все мынае и краю немае...
 Куды-жъ воно дилось? видкиля взялось?
 И дурень, и мудрый ничего не знае.
 Жыве... умирае... одно зацвило,
 А друге завьяло, на-вики завьяло...
 И лыстя пожовкле витры рознесли.
 А сонечко встане, якъ перше вставало,
 И зори червони, якъ перше плылы,

Поплывуть и потимъ, и ты, билолыцый,
 По сынёму небу выйдешъ погулять,
 Выйдешъ подывыться въ жолобокъ, крыницю
 И въ море безкрае, и будешъ сіять,
 Якъ падъ Вавылономъ, надъ ёго садамы,
 И надъ тымъ, що буде зъ пашымы сынамы.
 Ты вичный безъ краю!... Люблю розмовлять,
 Якъ зъ братомъ, зъ сестрою, розмовлять зъ тобою,
 Спивать тобі думу, що ты-жъ нашептавъ.
 Порай мени ще разъ, де дитысь зъ журбою?
 Я не одынокый, я не сырота:
 Есть у мене диты, та де ихъ подиты?
 Заховать зъ собою? Грихъ—душа жыва;
 А може, ій легше буде на тимъ свити,
 Якъ хто прочытае ти слёзы-слова,
 Що такъ вона щыро колысь выливала,
 Що такъ вона нышкомъ надъ пымы рыдала.
 Ни, не заховаю—бо душа жыва!
 Якъ небо блакитне—нема ёму краю,—
 Такъ души почыну и краю немае,
 А де вона буде? хымерни слова!
 Згадай же хто-небудъ іи на симъ свити—
 Безславному тяжко сей свить покыдать.
 Згадайте, дивчата,—вамъ треба згадаты!
 Вона васъ любила, рожевыи квиты,
 И про вашу долю любила спивать.

Поки сонце встане, спочывайте, диты,
 А я помиркую, ватажка де взять.

Сыны мои, гайдамакы!
 Свить шырокый, воля—
 Идить, сыны, погуляйте,

Пошукайте доли.
 Сыны мои невелички,
 Нерозумни диты!
 Хто васъ щыро безъ матери
 Привитае въ свити?
 Сыны мои! орлы мои!
 Летить въ Украину.
 Хоть и лихо зострипется,
 Такъ не па чужыни.
 Тамъ найдется душа щыра,
 Не дасть погыбаты;
 А тутъ... а тутъ... тяжко, диты!
 Колы пустяты въ хату,
 То зострившы насміются,—
 Таки, бачте, люде:
 Все пысьменни, друковани,
 Сонце навить гудять.
 „Не видтиля, каже, сходить,
 „Та не такъ и свитыть;
 „Отакъ, каже, було-бъ треба...“
 Що маешъ робыты?
 Треба слухать, може й справди
 Не такъ сонце сходить,
 Якъ пысьменни начыталы...
 Розумни, та й годи!
 А що жъ на васъ воны скажуть?
 Знаю вашу славу!
 Поглузують, покешкують,
 Та й кынуть пидъ лаву.
 „Нехай, скажуть, спочывають,
 Поки батько встане
 Та розскаже по-нашому
 Про свои гетьманы;

А то дурень розказуе
 Мертвымы словамы,
 Та якогось-то Ярему
 Веде передь намы
 У постолахъ. Дурень! дурень!
 Былы, а не вчылы:
 Одъ козацтва, отъ гетьманства—
 Высоки могылы,
 Бильшь ничого не осталось,
 Та й ти розрываютъ;
 А винь хоче, щобъ слухалы,
 Якъ старци спиваютъ!
 Дарма праця, пане-брате:
 Колы хочешъ грошей,
 Та ще й славы, того дыва,
 Спивай про „Матрѣшу,“
 Про „Парашу-радость нашу,“
 Султанъ, паркетъ, шпоры,—
 Отъ-де слава! А то спива:
 „Грае сыне море!“
 А самъ плаче, за тобою
 И твоя громада
 У сирякахъ!...“—Правда, мудри!
 Спасыби за раду!
 Теплый кожухъ, тилько, шкода,
 Не на мене шытый;
 А розумне ваше слово
 Брехнею пидбыте.
 Выбачайте! Крычить соби—
 Я слухать не буду,
 Та й до себе не поклычу:
 Вы—розумни люде,
 А я—дурень, одынь соби

У мойй хатыни,
 Заспиваю, зарыдаю,
 Якъ мала дытына.
 Заспиваю—море грае,
 Витерь повивае,
 Степъ чорніе, и могыла
 Зъ витромъ розмовляе.
 Заспиваю—розвернулась
 Высока могыла;
 Ажъ до моря запорозци
 Степъ шырокый крылы;
 Отаманы на вороныхъ
 Передъ бунчукамы
 Выгравають, а пороги
 Межь очеретамы
 Ревуть, стогнуть, розсердылысь—
 Щось страшне спивають.
 Послухаю, пожурюся,
 У старыхъ спытаю:
 — „Чого, батькы, сумуете?“
 — „Не весело, сыну,—
 „Днипро на насъ розсердився,
 „Плаче Украина...“
 И я плачу, а тымъ часомъ
 Пышнымы рядами
 Выступають отаманы,
 Сотныкы зъ панамы,
 И гетьманы—все въ золоти...
 У мою хатыну
 Прыйшлы, силы коло мене,
 И про Украину
 Розмовляють, розказують:
 Якъ Сичъ будувалы;

Якъ козаки на байдакахъ
 Порогы мыналы;
 Якъ гулялы по сынёму,
 Грилыся въ Скутари,
 Та якъ, люльки закурившы
 Въ Польши на пожари,
 Въ Украину верталыся;
 Якъ бенкетувалы:
 „Грай, кобзарю! лый, шынкарю!“
 Козаки гукалы.
 Шынкаръ знае—палывае
 И не схаменется;
 Кобзарь вшкварывъ, а козаки—
 Ажъ Хортыця гвется—
 Метелыци та гопака
 Гуртомъ оддырають;
 Кухоль ходыть, череходыть,
 Такъ и высыхае.
 — „Гуляй, пане, безъ жупана!
 Гуляй, витре, полеми!
 Грай, кобзарю, лый, шынкарю,
 Шоки встане доля!“
 Взавшысь въ боки, навпрысядкы
 Парубкы зъ дидамы:
 „Оттакъ, диты! добре, диты!
 Будете панамы!“
 Отаманы на бенкети,
 Неначе на ради,
 Похожають, розмовляють...
 Вельможна громада
 Не втерпила, ударыла
 Старымы ногамы;
 И я дывлюсь, поглядаю,

Сміюся слёзамы,
 Дивлюся, сміюся, дрибни утираю:
 Я не одынокый—йе зь кымъ вь свити жыть!
 У мой хатыни, якъ вь степу безкраимъ,
 Козацтво гуляе, байракъ гомонить;
 У мой хатыни сыне море грае,
 Могыла сумуе, тополя шумить,
 Тыхесенько „Грыця“ дивчына спивае,—
 Я не одынокый—йе зь кымъ вькь дожить.

Отъ-де мое добро, гроши,
 Отъ-де моя слава;
 А за раду... спасыби вамъ
 За раду лукаву.
 Буде зь мене, помы живу,
 И мертвого слова,
 Щобъ выливать журбу, слёзы.
 Бувайте здорови!
 Пиду сынивъ провожать
 Вь далеку дорогу.
 Нехай идуть, може найдуть
 Козака старого,
 Що прывита моихъ дитокъ
 Старымы слёзамы.
 Буде зь мене. Скажу ще разъ:
 Панъ я надъ панамы!

О такъ, сыдя кинецъ стола,
 Миркую, гадаю:
 Кого просыть, хто поведе?
 На двори свитае,
 Погасъ мисяць, горыть сонце.
 Гайдамакы встали,
 Помолылысь, одяглыся,
 Кругомъ мене стали.

Сумно, сумно, якъ сироты
Мовчки похылылысь.

„Благословы, кажуть, батько,
Поки маешъ сылу,
Благословы шукать долю
На широкимъ свити!“

— „Постривайте! свить не хата,

А вы мали диты,
Нерозумни. Хто ватажкомъ
Пиде передъ вами?

Хто проведе? Лыхо, диты,
Лыхо мени зъ вами!

Выкохавъ васъ, выгодувавъ;

Вырослы чымали,

Йдете въ люде, а тамъ теперь

Все пысьменне стало.

Выбачайте, що не вивчывъ.

Бо й мене, хочъ были,

Добре были, а багато

Де-чому навчылы!

Тма, мна знаю, а оксію

Не втну такы й доси.

Що жъ вамъ скажуть? Ходимъ, сыны,

Ходимо попросымъ.

Есть у мене щырый батько

(Ридного немає),

Дастъ вишь мени раду зъ вами,

Бо самъ, здоровъ знае,

Якъ то тяжко блукать въ свити

Сыроты безъ роду.

А до того, душа щыра,

Козацького роду—

Не одцуравсь того слова,

Що маты спивала,
 Якъ малого повывала,
 Зъ малымъ розмовляла.
 Не одцуравсь того слова,
 Що про Украину
 Слипый старецъ сумуючы
 Спивае пидь тыномъ.
 Любить ии, думу правды,
 Козацькую славу,
 Любить ии! Ходимъ, сыны,
 На раду ласкаву.
 Якъ-бы не винъ спиткавъ мене
 Пры лыхій годыни,
 Давно бь доси заховалы
 Въ снигу на чужыни,
 Заховалы бь, та й сказали:
 „Такъ, якесь ледащо“!
 Тяжко—важко нудыть свитомъ,
 Не знаючы за-що.
 Мынулося, щобъ не снылось!...
 Ходимо, хлопьята!
 Колы мени на чужыни
 Не давъ погыбаты,
 То й васъ прыйме, привитае,
 Якъ свою дытыну.
 А одъ ёго помолывшысь,
 Гайда въ Украину“!

Добры-день же, тату, въ хату,
 На твоимъ порогу!
 Благословы моихъ дитокъ
 Въ далеку дорогу.

Интродукція.

Була колысь шляхетчына,
 Вельможная пави;
 Мирялася зъ москалямы,
 Зъ ордою, зъ султаномъ,
 Зъ нимотою... Було колысь...
 Та що не мынае?
 Було, шляхта знай чванытса,
 День и ничъ гуляе
 Та королсмъ коверзуюе...
 Не кажу Степаномъ,
 Або Яномъ Собіескымъ:
 Ти два незвычайни,
 А иншымы. Неборакы
 Мовчкы панувалы.
 Сеймы, сеймыкы ревилы,
 Сусиде мовчалы,
 Дывылыся, якъ короли
 Изъ Польщи втикають,
 Такъ слухалы, якъ шляхетство
 Нависне гукае:
 „Nierozwalam! nierozwalam“!
 Шляхта репетуе,
 А магнаты палять хаты,
 Шабелькы гартують.
 Довго таке творылося,
 Цокы не въ Варшави
 Запанувавъ надъ ляхамы
 Понятовський жвавий.
 Запанувавъ, та й думавъ шляхту
 Приборкать трошкы... не вумивъ!

Добра хотивъ, якъ дитямъ маты,
 А, може, й ще чого хотивъ,—
 Едыне слово „pierozwalam“
 Хотивъ у шляхты одибрать,
 А потимъ... Польща запалала,
 Шляхта сказылася... крычать:
 „Слово гонору, дарма праця!
 Поганецъ, наймытъ москаля!“
 На кгвалтъ Пулавського и Паца
 Встае шляхетская земля,
 И—разомъ сто конфедерацій. 1)

Розбрелысь конфедераты
 По Польщи, Воляни,
 По Лытви, по Молдаванахъ
 И по Украини;
 Розбрелыся, та й забулы
 Волю ратуваты,
 Полыгалыся зъ жыдамы,
 Та й ну руйнуваты.
 Руйнувалы, мордувалы,
 Церквамы топылы...
 А тымъ часомъ гайдамакы
 Ножи освятылы.

Галайда.

„Яремо! гершъ-ту, хамивъ сыну?
 Пиды кобылу прыведы,
 Подай патывки господини
 Та прынесы мени воды,

Выметы хату, внесы дрова,
 Посыпъ индыкамъ, гусямъ дай,
 Пиды до лѣху, до коровы,
 Та швядче, хаме!... Постривай!
 Упоравшысь. бижы въ Вильшану: 2)
 Имости треба. Не барысь!“
 Пишовъ Ярема, похмылывсь.

Оттакъ у-ранци жыдъ паганый
 Надъ козакомъ коверзувавъ.
 Ярема гнувся, бо не знавъ,
 Не знавъ сиромаха, що вырослы крыла,
 Що неба достане, колы полетыть,
 Не знавъ, нагынався...

О, Боже мій мылий!
 Тяжко жыть на свити: а хочеться жыть,
 Хочеться дывытысь, якъ сонечко сѣе,
 Хочеться послухать, якъ море заграе,
 Якъ пташка щибече, байракъ гомонить,
 Або чорнобрыва въ гаю заспивае...
 О, Боже мій мылий, якъ весело жыть!

Сырота Ярема, сырота убогий:
 Ни сестры, ни брата, никого нема!
 Попыхачъ жывивськый, вырись у порогу;
 А не клене доли, людей не займа.
 Та й за-що ихъ лаять? хыба вони знаютъ,
 Кого треба гладыть, кого катувать?
 Нехай бенкетують... У ихъ доля дбае,
 А сироти треба самому прыдбать.
 Трапляется, часомъ тыхенько заплаче,
 Та й то не одъ того, що серце болыть:

Що-небудь згадає, або що побачить...
 Та й знову до праці. Оттакъ треба жыть!
 На-що батько, маты, високи палаты,
 Колы нема серця зъ серцемъ розмовлять?
 Сырота Ярема—сырота багатый,
 Бо йе зъ кымъ заплакать, йе зъ кымъ заспивать:
 Есть карыи очи—якъ зироньки сяють,
 Били рученята—мліють-обнимають,
 Есть сердце едыне, серденько дивоче,
 Що плаче, сміється, якъ винь того хоче.

Оттакый-то мій Ярема.
 Сырота багатый.
 Такимъ и я колысь-то бувъ!
 Мынуло, дивчата...
 Мынулося, розійшлося,
 И слиду не стало.
 Серце мліе, якъ згадаю...
 Чому не осталось?

Чому не осталось, чому не витало?
 Легше було бъ слёзы, журбу выливать.
 Люде одибралы, бо имъ було мало.
 „На-що ёму доля? треба закопать:
 Винь и такъ багатый...“

Багатый на латы
 Та на дрибни слёзы—бодай не втыратъ!
 Доле моя, доле! де тебе шукать?
 Верныся до мене, до моеи хаты,
 Або хочъ прысныся... не хочется спать!

Выбачайте, люде добри!
 Може не до ладу;
 Та прокляте лыхо-злыдни

Кому не вавадыть?
 Може, ще разъ вустринемось,
 Покры шкандыбаю
 За Яремою по свиту,
 А може... й не не знаю.
 Лыхо, люде, всюды лыхо,
 Нигде прыгорнуться:
 Куды, каже, хылыть доля,
 Туды й треба гнуться,—
 Гнуться мовчкы, усмихаться,
 Щобъ люде не знали,
 Що на серци заховано,
 Щобъ не привиталы.
 Бо ихъ ласка... нехай снытся
 Тому, въ кого доля,
 А сыроты, щобъ не снылась,
 Не снылась николы!
 Тяжко, нудно розказувать,
 А мовчать не вмю.
 Выльвайся жъ, слово-слёзы:
 Сонечко не гріе,
 Не высушыть. Подилюся
 Моимы слёзамы...
 Та не зъ братомъ, не зъ сестрою—
 Зъ нимымы стинамы
 На чужыни... А покы-що—
 До корчмы вернуся:
 Що тамъ робытся?

Жыдюга

Дрижыть, изигнувшысь
 Надъ каганцемъ, личыть гроши
 Коло лижка, клятый.

А на лижку... охъ, ажъ душно!..
 Били рученята
 Роскыдала, раскрылася..
 Якъ квиточка въ гаю,
 Червоніе; а пазуха...
 Пазухы немає—
 Розирвана... Мабуть, душно
 На перыни спаты
 Одынокій, молоденькій;
 Ни зъ кымъ розмовляты,—
 Одна шепче. Несказанно
 Гарна нехрыщена!
 Отто дочка, а то батько—
 Чортова кышеня.
 Стара хайка лежить доли,
 Въ перынахъ паганыхъ.
 Де жъ Ярема? Взввши торбу,
 Потягъ у Вильшану.

Конфедераты.

Одчыйнай, проклятый жыде!
 Бо будешъ бытый... одчыйнай!
 Ламайте двери, покы выйде
 Старый паскуда“!
 — „Постривай!
 Стривайте, заразъ!“
 — „Нагаямы!
 Свыняче ухо! Жартувать,

Чы што ты хочешъ?”

— „Я? въ папамы?”

Крый Боже! заразь, дайте встать,
Ясновельможни (нышкомъ—свыни!)“

— „Пане полковныку, ламай!”

Упалы двери... а нагай

Малюе вдовжъ жыдивську спыну.

— „Здоровъ, свине, здоровъ, жыде,

Здоровъ, чортивъ сыну!”

Та нагаемъ, та нагаемъ.

А жыдъ зогнувъ спыну:

— „Не жартуйте, мости-пане!”

„Добры-вечиръ, въ хату!”

— „Ще разъ шельму! ще разы! годи!

Выбачай, проклятый!

Добры-вечиръ! а де дочка?

— „Умерла, панове.”

— „Лжешъ, іудо! нагаямы!”

Посыпалысь знову.

— „Ой паночки, голубчыкы,

Ій-Богу, немає!”

— „Брешешъ, шельмо!”

— „Колы брешу,

Нехай Богъ карае!”

— „Не Богъ, а мы. Признавайся!”

— „На щобъ мавъ ховаты,

Якъ бы жыва? Нехай, Боже,

Щобъ я бувъ проклятый!...”

— „Ха, ха, ха, ха!... Чортъ, панове,

Литанью спивае

Церехрыстысь!”

— „Якъ же воно?”

Далеби не знаю.”

— „Оттакъ дывысь...“

Ляхъ хрыстытсся,

А за нымъ іуда.

— „Браво! браво! охрыстылы!

Ну, за таке чудо

Могорычу, мости-пане!

Чуешъ, охрыщенный?

Могорычу!“

— „Заразь, заразь!“

Ревуть, мовъ скажени,

Ревуть ляхы, а поставецъ

По столу гуляе.

„Еще Польша не згынула!“

Хто куды гукае.

— „Давай, жыде!“

Охрыщенный

Изъ лёху та въ хату

Звай шмыгляє, наливае;

А конфедераты

Знай гукають: „жыде! меду!“

Жыдъ не схаменетсся.

— „Де цымбалы? грай, псявиरो!“

Ажъ корчма трасетсся—

Краковяка оддырають,

Вальса та мазура.

И жыдъ гляне та ныщечкомъ:

— „Шляхетска натура!“

— „Добре, годи! теперь спивай!“

— „Не вмю, ій-Богу!“

— „Не божысь, собача шкуро!“

— „Яку жъ вамъ? Не богу?“

„Була колысь Гандзя,
 „Калика небога,
 „Божылася, молылася,
 „Що болилы ногы;
 „На панщыну не ходыла,
 „А за паробкамы
 „Тыхесенько, гарнесенько
 „,Помижъ бурьянамы.“

— „Годи! годи! це погана:
 Схызматы ³⁾ спивають.“

— „Якои жъ вамъ? хыба оцю?
 Стривайте, згадаю...

„Передъ паномъ Хведоромъ
 „Ходыть жыдъ ходоромъ,
 „И задкомъ,
 „И передкомъ

Передъ паномъ Хведиркомъ...“

— „Добре, годи! теперь платы!“

— „Жартуете, пане:

За що платыть?“

— „Що слухалы.

Не кривысь, паганый!

Не жартуемъ. Давай гроши!“

— „Де мени ихъ взяты?

Ни шеляга; я паньскою

Ласкою багатый“.

— „Лжешъ, собака! признавайся!

А нуте, панове,

Батогамы!“

Засвыстили,
 Хрестять Лейбу знову.

Перищылы, перищылы,
 Ажъ пирья летило...
 — „Ей же Богу, ни шеляга!
 Йижте мое тило!
 Ни шеляга! квалтъ! ратуйте!“
 — „Ось мы поратуемъ“.
 — „Постривайте, я щось скажу“.
 — „Почуемъ, почуемъ,
 Та не брешы, бо хочъ здохны,
 Брехня не поможе“.
 — „Ни, въ Вильшаній...“
 — „Твои гроши?“
 — „Моя!... ховай, Боже!
 Ни, я кажу, що въ Вильшаній...
 Вильшанськи схызматы...“
 — „По тры семьи, по чотыри
 Жывуть въ одній хати!“—
 — „Мы це знаемъ, бо мы самы
 Ихъ такъ очухралы!
 — „Та ни, не те... выбачайте...
 Щобъ лыха не знали,
 Щобъ вамъ гроши прыснылыся...
 Бачте, у Вильшаній
 У костёли... у тытаря...
 А дочка Оксана!
 Ховай, Боже! якъ панночка!
 Що-то за хороше!
 А червицивъ! хочъ не ёго,
 Такъ що? абы гроши“.
 — „Абы гроши, однаково!
 Правду Лейба каже;
 А щобъ певна була правда,
 Нехай шляхъ покаже.

Одягайся!“

Пойихалы

Ляхы у Вильшану.

Одынь тилько пидь лавою

Конфедерать пьяный

Нездужа встать, а курныка,

Пьяный и веселый:

.....

Т Ы Т А Р Ь.

У гаю, гаю,

Витру немає;

Мисяць високо,

Зиронькы сяють.

Выйды, серденько,—

Я выглядаю;

Хочь на году ну,

Моя рыбчыно!

Выглянь, голубко,

Та поворкуемъ,

Та посумуемъ;

Бо я далеко

Сю ничь мандрую.

Выглянь же, пташко,

Мое серденько,

Поки близенько,

Та поворкуемъ...

Охъ, тяжко, важко!“

Оттакъ, ходя по-пидь гаемъ,

Ярема спивае,
 Выглядае; а Оксаны
 Немае, немае.
 Зори сяють; середь неба
 Свитыть билолыпый;
 Верба слуха соловейка,
 Дывытся въ крыныцю;
 На калыни, надъ водою,
 Такъ и выльвае,
 Неначе зна, що дивчыну
 Козакъ выглядае.

А Ярема по долини
 Ледве, ледве ходыть,
 Не дывытся, не слухае...

„На що мени врода,

Колы нема доли, нема талану?
 Лита молоды марно пропадуть.
 Одынъ я на свити, безъ роду и доли
 Стеблына-былына на чужому поли;
 Стеблыну-былыну витры рознесуть,
 Такъ и мене люде не знаютъ, де діты.
 За що жъ одцуралысь? що я сирота.
 Одно було серце, одно на всимъ свити,
 Одна душа щыра, та бачу, що й та,
 Що й та одцуралась.“

И хлынули слёзы.

Поплакавъ сердега, утеръ рукавомъ.
 „Оставайсь здорова! Въ далекій дорози
 Найду або долю, або за Днипромъ
 Ляжу головою... А ты не заплачешъ,
 А ты не побачышъ, якъ воронъ клюе
 Ти карыи очи, ти очи козачи,
 Що ты цилувала, серденько мое!

Забудь мои слёзы, забудь сиротыню,
 Забудь, що клялася; другого шукай—
 Я тобі не пара: я въ сирій свытныни,
 А ты тытаривна. Кращого витай,—
 Витай, кого знаешь... така моя доля!
 Забудь мене, пташко, забудь, не журысь
 А колы почуешь, що на чужимъ поли
 Сховалы Ярему, нышкомъ помолысь.
 Одна, сердце, на всимъ свити
 Хочъ ты помолыся!“

Та й заплакавъ сирромаха,
 На кый похылвся.

Плаче соби тыхесенько...

Шелестъ!... колы гляне:

По-пидъ гаемъ, мовъ ласочка,
 Крадется Оксана.

Забувъ... побигъ... обнялыся...

„Серце!“—та й зомлилы.

Довго, довго тилько—„серце!“

Та й знову нимилы.

— „Годи, пташко!“

— „Ще трошечкы,

Ще... ще... сызокрылый!

Выймы душу!... ще разъ... ще разъ...

Охъ, якъ я втомылась!“

— „Одпочынь, моя ты зоре!

Ты зъ неба злетила!“

Пославъ свытку. Якъ ясочка,

Усмилнулась, сила.

— „Сидай же й ты коло мене,“

Сивъ, та й обнялыся.

„Серце мое, зоре моя,

Де це ты зорила?

- „Я сёгодня забарылась:
 Батько занедужавъ;
 Коло ёго все поралась...“
 — „А мене й байдуже?“
 — „Якый бо ты, ий же Богу!“
 И слёзы блыснулы.
 — „Не плачь, сердце, я жартую.“
 — „Жарты!“

Усмихнулась.

- Прыхлылась головкою,
 Та й нибы заснула.
 — „Бачь, Оксано, я жартую,
 А ты й справди плачешь!
 Ну, не плачь же, глянь на мене:
 Завтра не побачышь.
 Завтра буду я далеко,
 Далекое, Оксано...
 Завтра, въ ночи у Чыгрыни
 Свяченный достану.
 Дасть винь мени срибло-злото,
 Дасть винь мени славу;
 Одягну тебе, обую,
 Посажу, якъ паву,—
 На дзыглыку, якъ гетьманшу,
 Та й дывытысь буду;
 Поки не вмру, дывытымусь.“
 — „А може й забудешь?“
 Розбагатіешь, у Кыивь
 Пойдешь зь панами,
 Найдешь соби шляхтяночку,
 Забудешь Оксану!“
 — „Хыба краща йе за тебе?“
 — „Може й йе,—не знаю.“

— „Гнивышь Бога, мое сердце:
 Кращои немае!
 Ни на небе, ни за небомъ,
 Ни за сынимъ моремъ
 Нема кращои одъ тебе!“
 „Що се ты говоришь?
 Схаменыся“

— „Правду, рыбка!“
 Та й знову, та й знову
 Довго вони, якъ бачыте,
 Велы таку мову;
 Цилувалысь, обнималысь
 Зъ усіей сылы;
 То плакалы, то божылысь,
 То ще разъ божылысь.
 Ій Ярема розказувавъ,
 Якъ жыть вони будуть,
 Якъ окуе всю въ золото,
 Якъ долю добуде,
 Якъ вырижуть гайдамакы
 Ляхивъ въ Украины,
 Якъ винъ буде пануваты,
 Колы не загыне.
 Ажъ обрыдло слухаючы;
 Далеби, дивчата!
 „Отто якый! мовъ и справди
 „Обрыдло!

А маты,
 Або батько якъ побачать,
 Що вы, мои любы,
 Таке дыво чытаете,—
 Гриха на всю губу!

Тоди, тоди—та цурь ёму,
 А дуже цікаве!
 А надто вамъ розказать бы,
 Якъ козакъ чорнявий
 Пидъ вербою, надъ водою
 Обнявшысь сумуе;
 А Оксана, якъ голубка,
 Воркуе, цилуе;
 То заплаче, то зомліе,
 Головоньку схылыть:
 „Серце мое, доле моя!
 Соколе мій мылий!
 Мій...“ Ажъ вербы нагыналысь
 Слухать тую мову.
 Отто мова! Не розкажу,
 Мои чорноброви,
 Не розкажу протывъ ночи,
 А то ще прыснутся.
 Нехай соби розійдутся—
 Такъ якъ и зійшлыся.
 Тыхесенько, гарнесенько,
 Щобъ нихто не бачывъ—
 Ни дивочи дрибни слёзы,
 Ни щыри козачи.
 Нехай соби... може, ще разъ
 Вони на симъ свити
 Зостринутся... побачымо...

А тымъ часомъ свитыть
 Зъ усихъ виконь у тытаря.
 Що то тамъ творытся?
 Треба глянуть, та розказать...
 Бодай не дывыться!

Бодай не дывытысь, бодай не казаты!
 Бо за людей соромъ, бо сердце болыть.
 Гляньте, подывитесь: конфедераты,
 Люде, що зибралысь волю боронить,
 Боронять, прокляти!... 4) Будь проклята маты,
 И день, и годына, колы понесла,
 Колы породыла, на свить прывела!
 Дывитесь, що роблять у тытара въ хати
 Пекельныи диты.

У печи пала
 Огонь и свитыть на всю хату;
 Въ кутку собакою дрижыть
 Проклятый жыдь; конфедераты
 Крычать до тытара:— „Хочь жыть?
 Скажи, де гроши?“

Той мовчыть.
 Налыгачемъ скрутылы руки,
 Обь землю вдарылы—нема,
 Нема ни слова.

— „Мало мукы!
 Давайте прыску! де смола?
 Кропы ёго! оттакъ холопе!
 Мерщій же прыскомъ посынай!
 Що? скажешъ, шельмо?... И не стогне!
 Завзята бестія! Стривай!“
 Насыпалы въ халявы жару...
 — „У тимья цвяшокъ закатай!“
 Не вытерпивъ святой кары,
 Упавъ сердега. Пропадай,
 Душа, безъ сповиди святой!
 — „Оксано, дочко!“ та й умерь.
 Ляхы задумалыся стоя,
 Хочь и запекли.

— „Що жъ теперь,
Панове, рады? Помиркуемъ,
Теперь въ нымъ ничего робыть.
Запалымъ церкву!“

— „Кгвалтъ! рятуйте!
Хто въ Бога вируе!“
На двори голосъ, що йе слыы.
Ляхы зомлили. „Хто такой?“
Оксана въ двери:— „Вбылы! вбылы!“
Та й пада крыжемъ. А старшый
Махнувъ рукою на громаду.
Понура пляхта, мовъ хорты,
За двери выйшла. Самъ позаду
Бере зомлилуу...

Де жъ ты,
Яremo, де ты? подывыся!
А винъ мандруючы спива,
Якъ Налывайко зъ ляхомъ бився.
Ляхы пропалы; нежива
Пропала зъ нумы и Оксана.

Собаки де-де по Вильшаній
Загавкають, та й замовчять.
Биліе мисяць; люде сплять,
И тытарь спыть... Не рано встане
На-вики, праведпый, заспувъ.
Горило свитло, погасало,
Погасло... Мертвый мовъ здрыгнувъ,
И сумно, сумно въ хати стало ⁵⁾.

Свято въ Чыгырыни.

Гетьманы, гетьманы! якъ-бы то вы встали,
 Встали, подывылысь на той Чыгырынъ,
 Що вы будувалы, де вы панувалы!

Заплакали бь тяжко, бо вы бь не пизнали
 Козацькои славы убогыхъ руинъ.

Базары, де вйсько, якъ море червоне,
 Передь бучукамы, бувало, горыть,
 А ясновельможный, на воронимъ копи,
 Блысне булавою—море закыпуть...

Закыпуть, и розлылося

Степамы, ярамы;

Лыхо мліе передь нымы...

А за козакамы...

Та що й казать?... минулося;

А те, що минуло,

Не згадуйте, паны браты...

Та й що зь того, що згадаешъ?

Згадаешъ—заплачешъ.

Ну, хочъ глянемъ на Чыгырынъ,

Колысь-то козачый.

Изъ-за лису, зъ-за туману,

Мисяць выплывае,

Червоніе, круглолицый,

Горыть, а не сяе,

Неначе зна, що не треба

Людымъ ёго свиту,

Що пожары Украину
 Нагріють, освітять.
 И смерклося, а въ Чыгрыни,
 Якъ у домовыни,
 Сумно, сумно. (Оттакъ було
 По всій України
 Протывъ noci Маковія,
 Якъ ножи святаылы).
 Людей не чутъ; черезъ базаръ
 Кажанъ костокрылый
 Перелетыть; на выгони
 Сова завывае.
 А де жъ люде?... Надъ Тясмыномъ,
 У темному гаю
 Зибралыся; старый, малый,
 Убогий, багатый
 Поеднались,—дожыдають
 Велького свята.

У темному гаю, въ зеленій диброви,
 На прыпони кони отаву скубуть;
 Осидлани кони ворони готови.
 Куды-то пойдуть? Кого повезуть?
 Опъ-кого, дывиться. Ляглы по долыпи,
 Неначе побыти, ни слова не чутъ.
 Отто гайдамакы. На квалть України
 Орлы налетылы; воны рознесуть
 Ляхамъ, жыдамъ кару;
 За кровь и пожары
 Пекломъ гайдамакы ляхамъ оддадутъ

По-пидъ дибровою стоять
 Возы залізної тарани:

То щедрої гостынецъ пани.
 Умила що кому давати!
 Нивроку їй, нехай царствує;
 Нехай не вадыть, якъ не чує!
 Помижъ возаы нигде стать:
 Неначе въ ирїй налетило
 Зъ Смилянщыны, зъ Чыгырна.
 Просте козацтво, старшына;
 На певне дило налетили.
 Козацьке панство похожає,
 Въ кыреяхъ чорныхъ, якъ одыпъ,
 Тыхенько ходя розмовляє
 И поглядає на Чыгрынь.

Старшына первый.

Старый Головатый щось дуже коверзує.

Старшына другый.

Мудра голова! сыдыть соби въ хутори, нибы
 не знає ничого, а дывышся — скрызъ Головатый.
 „Колы самъ“, каже, „не повершу, то сынови пе-
 редамъ“.

Старшына третій.

Та й сыць же штука! Я вчора зострився зъ
 Зализнякомъ, таке розказує про ёго, що дуръ ёму!
 „Кошовымъ“, каже, „буде, тай годи; а може ще и
 гетьманомъ, колы тее...

Старшына другый.

А Гонта на-що? а Зализнякъ? до Гонты сама...
 сама пысала: „Колы, каже“...

Старшына первый.

Цытыте лышень, здаеця дзвоняць!

Старшына другый.

Та ні, то люде гомоняць.

Старшына первый.

Гомоняць, помы ляхы почуюць. Охъ, стари головы та розумны; хымеряць, хымеряць, та й зробляць зъ лемеша швайку. Де можна лантухъ, тамъ торбы не треба. Купылы хрину, треба зъісты: плачце, очи, хочъ павылазьце,—бачылы, що купувалы, грошамъ не пропадаты! А то думаютъ, думаютъ, ні въ голось, ні мовчкы; а ляхы догадаюцца—отъ тоби й пшыкъ! Що тамъ за рада? чомъ воны не дзвоняць? Чымъ спышыць народъ, щобъ не гомонивъ? Не десять душъ, а слава Богу вся Смилянщина, колы не вся Украина. Онъ, чуєте? спывають.

Старшына третій.

Справди спыва щось; пиду спыню.

Старшына первый.

Не сыняй, нехай соби спывае, абы не голосно.

Старшына другый.

Отто, мабудь волохъ! ⁶⁾ Не втерпивъ такы старый дурень; треба, та й годи.

Старшына третій.

А мудро спывае! колы не послухаешъ, усе иншу. Пидкрадьмось, братци, та послухаемъ; а тымъ часомъ задзвоняць.

Старшына первый и другій.

А що жъ? то й ходимо!

Старшына третій.

Добре, ходимо.

(Старшыны нышкомъ стали за дубомъ, а пидъ дубомъ сыдыть слипый кобзарь; кругомъ ёго вапорожци и гайдамаки. Кобзарь спивае въ повагею и неголосно).

Кобзарь.

„Ой волохы, волохы!

Вась осталося трохы;

И вы, молдаваны,

Теперь вы не паны:

Ваши господари

Наймыты татарамъ,

Турецкымъ султанамъ,

Въ кайданахъ, въ кайданахъ!

Годи жъ, не журиться,

Гарно помолиться,

Братайтесь зъ нами,

Зъ нами козакамы;

Згадайте Богдана,

Старого гетьмана;

Будете панамы,

Та, якъ мы, зъ ножами,

Зъ ножами святымы,

Та зъ батькомъ Максимомъ

Сю ничъ погуляемъ,

Ляхивъ погойдаемъ,

Та такъ погуляемъ,

Що ажъ пекло засміється,

Небо запалає...
Добре погуляємъ“!

Запорожець.

Добре погуляємъ! правду старый спива, якъ не бреше. А що бъ то зъ ёго за кобзарь бувъ, якъ бы не волохъ!

Кобзарь.

Та я й не волохъ; такъ тилько—бувъ колысь у Волощыни, а люде и зовуть волохомъ, самъ не знаю за що.

Запорожець.

Ну, та дарма; утны ще яку-небудь. А ну лышень, про батька Максима ушкварь.

Гайдамака.

Та не голосно, щобъ не почувла старшына.

Запорожець.

А що намъ ваша старшына? почуе, такъ послуха, колы мае чымъ слухаты, та й годи. У насъ одынъ старший—батько Максимъ; а винъ, якъ почуе, то ще карбованця дасть. Спивай старче Божый, не слухай ёго.

Гайдамака.

Та воно такъ, чоловиче; я це й самъ знаю, та ось що: не такъ папы, якъ пидпанкы! або покы сонце зійде, то роса очи вийиеть.

Запорожець.

Брехня! спивай, старче Божый, яку знаешъ, а то й дзвона не диждемо—поснемо.

Гуртомъ.

Справди поснемо; сшивай яку-небудь.

Кобзарь (спивае).

„Лита орель, лита сызый
 По пидь небесамы:
 Гуля Максымъ, гуля батько
 Степамы, лисамы.
 Ой литае орель сызый,
 А за нымъ орлятя;
 Гуля Максымъ, гуля батько,
 А за нымъ хлопьята,
 Запорозци—ти хлопьята,
 Сыны, ёго диты.
 Помиркуе, загадае,
 Чы быты, чы пыты,
 Чы танцювать,—то й ушкварять,
 Ажъ земля трясется;
 Заспивае—заспивають,
 Ажъ лыхо сміється.
 Горилку, медъ не чаркою,
 Поставцемъ черкае,
 А ворога заплющывшысь
 Катá, не мынае.
 Оттакый-то нашъ отамань,
 Орель сызокрылый!
 И воюе, и гарцюе
 Зъ усіей сылы.
 Нема въ ёго ни осели,
 Ни саду, ни ставу...
 Степь и море—скризь бытый шляхъ,
 Скризь золото, слава.

Шануйтеся жъ, вражи ляхы,
Скажени собаки!
Йде Зализнякъ Чорнымъ шляхомъ,
За нымъ гайдамакы“.

Запорожець.

Оце то такъ! вчыстывъ, ничего сказаты: и до ладу, и правда. Добре, далеби добре! Що хоче, то такъ и втне. Спасыби, спасыби!

Гайдамака.

Я щось не второпавъ, що винъ спивавъ про гайдамакивъ?

Запорожець.

Якый бо ты бевзь и справди! Бачышъ, ось що винъ спивавъ: щобъ ляхы погани, скажени собаки, каялысь, бо йде Зализнякъ Чорнымъ шляхомъ зъ гайдамакамы, щобъ ляхивъ, бачышъ, ризаты...

Гайдамака.

И вишаты, и мордоваты! Добре, ій-Богу, добре! Ну, це такъ! Далеби, давъ бы карбованця, якъ бы бувъ не пропывъ учора! Шкода! Ну, нехай стара вязне, бильше м'яса буде. Поборгуй, будь ласкавъ, завтра оддамъ. Утны ще що-небудь про гайдамакивъ!

Кобзарь.

До грошей я не дуже ласый. Абы була ласка слухаты, покы не охрыпъ, спиватыму; а охрыпну—чарочку, другу ти ледащыци-жывыци, якъ то кажуть, та й знову. Слушайте жъ, панове громадо!

„Ночувалы гайдамакы
 Въ зеленій диброви,
 На прыпони паслы кони,
 Сидлани, готови.
 Ночувалы ляшкы-панкы
 Въ будынкахъ зъ жыдамы,
 Напылыся, простягыся,
 Та й...“

Громада.

Цыть лышены! здаеця, дзвоняць. Чуешь?...
 ще разъ... о!

Кобзарь.

„Задзвонылы, задзвонылы!
 Пишла луна гаемъ.
 Идць же вы, та молитесь,
 А я доспиваю“.

Повалылы гайдамакы,
 Ажъ стогне диброва;
 Не повезлы, а на плечахъ
 Чумацькы волови
 Несуть возы. А за нымы
 Слипый волохъ знову:
 „Ночувалы гайдамакы
 Въ зеленій диброви“.
 Шкандыбае, курныкае,
 И гычь не до речи.
 — „Ну лышь иншу, старче Божий!“
 Зъ возамы на плечахъ
 Крычать ёму гайдамакы.
 — „Добре, хлопци, нате!
 Оттакъ! оттакъ! добре, хлопци!
 А нуте, хлопьята,

Ушкварымо!"

Земля гнется,

А воны зъ возамы

Таеъ и рижуть. Кобзарь грае,

Додае словамы:

„Ой, гоць такы-такъ?

Клыче Гандзю козакъ:

— Ходы, Гандзю, пожартую,

Ходы, Гандзю, поцилую;

Ходимъ, Гандзю, до попа

Богу помолыться;

Нема жыта ни снопа,

Вары вареныци.

Оженився, зажурывся—

Ничого немає;

У рядныни растутъ диты,

А козакъ спивае:

— И по хати ты-ны-ны,

И по синяхъ ты-ны-ны,

Вары, жинко, лыны,

Ты-ны-ны, ты-ны-ны!"

— „Добре! добре! ще разъ! ще разъ!“

Крычать гайдамакы.

„Ой гоць того дыва!

Наварылы ляхы пыва,

А мы будемъ шынкувать,

Ляшкивъ-панкивъ частувать.

Ляшкивъ-панкивъ почастуемъ,

Зъ павянкамы пожартуемъ.

Ой гоць, такы-такъ!

Клыче панну возакъ:

— Панно, пташко моя!

Панно, доле моя!
 Не соромся, дай рученьку,
 Ходимъ погуляймо;
 Нехай людямъ лыхо снытся,
 А мы заспиваймо.
 А мы заспиваймо,
 А мы посидаймо.
 Панно, пташко моя,
 Панно, доле моя"!

— „Ще разъ, ще разъ“!

„Якъ-бы такы, або такъ, або сякъ,
 Якъ-бы такы запорозьскый козакъ,
 Якъ-бы такы молодой, молодой,
 Хочь по хати бь поводывь, поводывь.
 Страхъ мени не хочеться
 Зь старымъ дидомъ морочыться,
 Якъ-бы такы“...

— „Цу-цу, скажени! схамениться!
 Бачь розходылыся! А ты,
 Стара собако, де бь молыться,
 Верзешь тутъ погань. Отъ чорты“!
 Крычть отаманъ. Опынылысь;
 Ажъ церковь бачячь. Дякъ спива,
 Попы зь кадыламы, зь кропыломъ;
 Громада—нибы нежива,
 А ни телень... Помижъ возамы
 Попы зь кропыламы пишлы;
 За ными корогвы неслы,
 Якъ на велькдень надъ паскамы.

„Молитесь, братія, молитесь“!

Такъ благочынный начына:
 „Кругомъ святого Чыгрына
 Сторожа стапе зъ того свиту,
 Не дасть святого роспынать.
 А вы Украину ховайте:
 Не дайте матери, не дайте
 Въ рукахъ у ката пропадать.
 Одъ Конашевыча и доси
 Пожаръ не гасне, люде мруть,
 Канають въ тюрмахъ, голи, боси...
 Диты нехрещени ростуть,
 Козацьки диты; а дивчата!...
 Земли козацькой краса,
 У ляха вяне, якъ першь маты,
 И непокрытая коса
 Стыдомъ сичется; кари очи
 Въ неволи гаснуть; росковать
 Козакъ сестру свою не хоче,
 Самъ не соромытса канать
 Въ ярми у ляха... горе, горе!
 Молитесь, диты! страшный судъ
 Ляхы въ Украину несуть—
 И зарыдають чорни горы.
 Згадайте праведныхъ гетьманивъ:
 Де ихъ могылы? Де лежыть
 Останокъ славного Богдана?
 Де Остряныцына стоить
 Хочь бы убогая могыла?
 Де Налывайкова? нема!
 Жывого й мертвого спалылы. 7)
 Де той Богунъ, де та зима?
 Ингуль, що зиму замерзае—

Богунъ не встане загатыть
 Шляхетськымъ трупомъ. 8) Ляхъ гулле!
 Нема Богдана червоныть
 И Жовти Воды, й Рось зелену.
 Сумуе Корсунъ староденный:
 Нема журбу зъ кымъ подилыть.
 И Альта плаче: „Тяжко жыты!
 „Я сохну, сохну“... де Тарась? 9)
 Нема, не чуть... не въ батька диты!
 Не плачте, братія: за насъ
 И души праведныхъ, и сына
 Архыстратыга Мыхайла.
 Не за горами кары часъ.
 Молитесь, братія!“

Моылысь,
 Моылысь щыро козаки,
 Щыро, якъ диты; не журылысь,
 Гадалы тес... а зробылось—
 Надъ козакамы хусточки!
 Одно добро, одна слава—
 Биліе хустына,
 Та й ту знимуть...

А діякопъ:
 „Нехай ворогъ гыне!
 Берить ножи! Освятылы!“
 Ударылы въ дзвоны,
 Реве гаемъ: „освятылы!“
 Ажъ серце холоне!
 „Освятылы, освятылы!
 Гыне шляхта, гыне!“
 Розибралы, заблыщалы
 По всій України. 10)

Трети пивни. 11)

Ще день Украину катували
 Ляхы скажени; ще одынь,
 Однынь останній сумували
 И Украина, и Чыгрынь.
 И той мынувъ день Маковія,
 Вельке свято въ Украины,
 Мынувъ—и ляхъ, и жыдовынь
 Горилкы, крови упывалысь,
 Клялы схызмата, роспыналы,
 Клялы, що ничего вже взять.
 А гайдамакы мовчкы ждали,
 Покры поганци ляжуть спать.
 Ляглы, и въ головы не клалы,
 Що вже имъ завтра не вставать.
 Ляхы заснулы, а іуды
 Ще личять гроши у-ночи,
 Безъ свитла личять барыши,
 Щобъ не побачылы, бачъ, люде.
 И ти на золото ляглы,
 И сномъ нечыстымъ задрималы.

Дримають... на вику бодай задрималы!
 А тымъ часомъ мисяць плыве оглядать
 И небо, и зори, и землю, и море,
 Та глянуть на люде, що вони моторять,
 Щобъ Богови въ-ранци про те розказать.
 Свитыть билолыцый на всю Украину,
 Свитыть... а чы бачыть мою сыротыну,
 Оксану зъ Вильшаны, мою сыроту?
 Де ии мордують, де вона воркуе?

Чы знае Ярема? чы знае, чы чуе?
 Побачымо потимъ, а теперь не ту,
 Не ту заспываю, иншой заграю:
 Лыхо—не дивчата—буде танцювать.
 Недолю спываю козацького краю;
 Слухайте жъ, щобъ дитямъ потимъ розказать,
 Щобъ и диты зналы, внукамъ розказалы,
 Якъ козаки шляхту тяжко покаралы,
 За те, що не вмила въ добри папувать.

Гомонила Украина,
 Довго гомонила,
 Довго, довго кровь степамы
 Текла, червонила.
 Текла, текла, та й высохла.
 Степы зеленіють;
 Диды лежать, а надъ нымы
 Могылы сыніють.
 Та що зъ того, що высоки?
 Нихто ихъ не знае,
 Нихто шыро не заплаче,
 Нихто не згадае.
 Тилько витерь тыхесенько
 Повіе надъ нымы,
 Тилько росы ранесенько
 Слёзамы дрибнымы
 Ихъ умышють. Зійде сонце,
 Осушыть, прыгріе;
 А унуки? имъ байдужо,
 Жыто соби сіють.
 Багато ихъ, а хто скаже,
 Де Гонты могыла,—
 Мученыка праведного

Де похоронили?
 Де Зализнякъ, душа щыра,
 Де одпочывае?
 Тяжко! важко!...

Гомонила Украина,
 Довго гомонила,
 Довго, довго кровь степамы
 Текла, червонила.
 И день, и ничь квалть, гарматы;
 Земля стогне гнется;
 Сумно, страшно, а згадаешь—
 Серце усмихнется.

Мисяцю мій ясний! зъ високого неба
 Сховайся за гору, бо свиту не треба;
 Страшно тобі буде, хочъ ты й бачывъ Рось,
 И Альту, и Сену: и тамъ розлылось,
 Не знать за що, крови шырокее море.
 А теперьъ що буде! Сховайся жъ за гору;
 Сховайся, мій друже, щобъ не довелось
 На старисть заплакаты...

Сумно, сумно середъ неба
 Сяе бичолицый.
 По-надъ Днипромъ козакъ иде,
 Може, зъ вечорныци.
 Иде смутный, невеселый,
 Ледвѣ несуть ноги.
 Може, дивчына не любить,
 За те, що убогий?
 И дивчына ёго любить
 Хочъ лата на лати.

Чернобровый, а не згыне,
 То буде й багатый.
 Чого жъ смутный чернобровый
 Иде—чуть не плаче?
 Якусь тяжку недоленьку
 Вищуе козаче.
 Чуе сердце, та не скаже,
 Яке лыхо буде.
 Мыне лыхо... Кругомъ ёго
 Мовъ вымерлы люде.
 А ни пивня, ни собаки:
 Тилько изъ-за гаю
 Десь далеко сироманьци
 Вовкы завывають.
 Байдуже! иде Ярема,
 Та не до Оксаны,
 Не въ Вильшану на досвитки,—
 До ляхивъ поганыхъ
 У Черкасы. А тамъ третій
 Пивень заспивае...
 А тамъ... а тамъ... Иде Ярема,
 На Днипръ поглядае.

„Ой Днипре мій, Днипре, широкий та дужый!
 Багато ты, батьку, у море носывъ
 Козацькой крови; ще понесешъ, друже!
 Червонывъ ты сыне, та не напоивъ;
 А сю ничъ упьешся. Пекельнее свято
 По всій України сю ничъ зареве;
 Потече багато, багато, багато
 Шляхетської крови. Козакъ оживе:
 Оживуть гетьманы въ золотимъ жупани;
 Прокынется доля; козакъ заспива:

„Ни жыда, ни ляха“, а въ степахъ Украйны —
Дай-то, Боже мылый—блысне булава!“

Такъ думавъ, идучы въ латаній свытыни,
Сердега Ярема зъ свяченымъ въ рукахъ.
А Днипръ, мовъ пидслухавъ: шырокий та сынній
Пиднявъ горы-хвыли; а въ очеретахъ

Реве, стогне, завывае,
Лозы нагынае;
Гримъ гогоче, а блыскавка
Хмару роздырае.
Иде соби нашъ Ярема,
Ничого не бачыть;
Одна думка усмихнется,
А друга заплаче.
„Тамъ Оксана, тамъ весело
И въ сирій свытыни;
А тутъ... а тутъ... що ще буде?
Може ще загыну.“
А тимъ часомъ изъ байраку
Цивень „кукуруку!“
„А, Черкасы!.. Боже мылый!
Не вкороты вику!“

Червоный бенкетъ.

Задзвонили въ уси дзвоны
По всій Украйни;
Закрычали гайдамакы:
„Гыне шляхта, гыне!“

Гине ш^{ля}хта! погуляемъ
 Та хмару нагріємъ!⁴
 Занялася Смилянщина,—
 Хмзра червоніе;
 А найперша Медведивка
 Хмары нагривае.
 Горыть Смила, Смилянщина
 Кровью пидпливае.
 Горыть Корсунь, горыть Канивъ,
 Чыгырынъ, Черкасы;
 Чорнымъ шляхомъ ¹²⁾ запалало,
 И кровь полылася
 Ажъ у Волынъ. По Полисси
 Гонта бенкетуе,
 А Зализнякъ въ Смилянщини
 Дамаску гартуе
 У Черкасахъ, де й Ярема
 Пробуе свячений.
 — „Оттакъ, оттакъ! добре, диты!
 Мордуйте скаженихъ!
 Добре, хлопци!“—на базари
 Зализнякъ гукае.
 Кругомъ пекло; гайдамакы
 По пеклу гуляють.
 А Ярема—страшно глянуть—
 По тры, по чотыри
 Такъ и кладе. „Добре, сыну,
 Матери ихъ хыря!
 Мордуй, мордуй: въ раю будешъ,
 Або есауломъ.
 Гуляй, сыну! Нуте, диты!“
 И диты майнулы
 По горыщахъ, по коморахъ

По лёхахъ, — усюды;
 Всихъ уклалы, все забралы.
 — „Теперьъ, хлопци, буде!
 Утомылысь, одпочыньте.“
 Улыци, базаръ
 Крылысь трупомъ, плылы кровью.
 — „Мало клятымъ кары!
 Ще разъ треба перемучыть,
 Щобъ не повставалы
 Нехрещени, кляти души.“
 На базаръ збиралысь
 Гайдамакы. Йде Ярема,
 Зализнякъ гукае:
 — „Чуешъ, хлопче? ходы сюды:
 Не бійсь, не злякаю.“
 — „Не боюся!“ Знявши шапку,
 Ставъ мовъ передъ паномъ.
 „Видкиля ты? хто ты такый?“
 — „Я, пане, зъ Вильшаны.“
 — „Зъ Вильшанои, де тытаря
 Псы замордували?“
 — „Де? якого?“
 — „У Вильшаній;
 И кажуть, що вкралы
 Дочку ёго, колы знаешъ.“
 — „Дочку у Вильшаній?“
 — „У тытаря, колы знававъ.“
 — „Оксано, Оксано!“
 Ледве вымовывъ Ярема
 Та й упавъ до-долу.
 „Еге! ось що... Шкода хлопця;
 Провитры, Мыколо!“
 Провитрився. — „Батьку! брате!

Чомъ я не сторукий?

Дайте ножа, дайте сылу,

Муки ляхамъ, муки!

Муки страшной, щобъ пекло

Тряслось та млило!“

— „Добре, сыну! ножи будуть

На святее дило.

Ходимъ зъ нами у Лысянку

Ножи гартуваты!“

— „Ходимъ, ходимъ, отамане,

Батьку ты мій, брате

Мій едыный! На край свита

Полечу, достану,

Зъ пекла вырву, отамане...

На край свита, пане...

На край свита, та не найду,

Не найду Оксаны!“

— „Може й найдешъ. А якъ тебе

Зовуть, я не знаю.“

— „Яремою“.

— „А призывыще?“

— „Призывыща немає!“

— „Хиба байстрюкъ? Безъ призывыща?

Запышы, Мыколо,

У реестръ. Нехай буде...

Нехай буде Голый,

Такъ и пышы!“

— „Ни, погано!“

— „Ну, хиба, Бидою?“

— „И це не такъ.“

— „Стривай лышень,

Пышы Галайдою!“

Запысалы.

— „Ну, Галайдо,
 Пойдемъ гуляты.
 Найдешъ долю... а не найдешъ...
 Рушайте, хлопьята.“
 И Яреми дали коня
 Зайвого зъ обозу.
 Усмивнувся на воронимъ,
 Та й знову у слёзы.
 Выйихали за царыну;
 Палають Черкасы...
 — „Чы вси, диты?“
 — „Уси, батьку!“
 — „Гайда!“

Простяглася
 По диброви по-надъ Днiproмъ
 Козацька ватага.
 А за ными кобзарь—волохъ
 Перевагы-вагы
 Шкандыбае на коньку,
 Козакамъ спивас:
 „Гайдамакы, гайдамакы!
 Зализнякъ гуляе.“

Пойихали... а Черкасы
 Палають, палають!
 Байдуже пихто й не гляне!
 Сміються та лають
 Кляту шляхту; хто балаба,
 Хто кобзаря слуха.
 А Зализнякъ попереду
 Нашорошывъ уха,
 Иде соби, люльку курить,
 Никому ни слова;

А за нымъ нимый Ярема.
 Зелена диброва
 И темный гай, и Днипръ дужый,
 И высоки горы,
 Небо, зори, добро, люде
 И лютее горе—
 Все пропало, все! Ничого
 Не знае, не бачыть,
 Якъ убытый. Тяжко ёму,
 Тяжко, а не плаче.
 Ни, не плаче: змя люта
 Жадно выпывае
 Его слёзы, давыть душу,
 Серце роздырае.
 „Ой вы, слёзы, дрибни слёзы!
 Вы змыете горе.
 Змойте ёго! Тяжко! нудно!
 И сынёго моря,
 И Днипра, щобъ вылыть люте,
 И Днипра не стане.
 Завапастыть хиба душу?
 Оксано, Оксано!
 Де ты, де ты? Подывыся,
 Моя ты едына,
 Подывыся на Ярему!
 Де ты? Може, гыне,
 Може, тяжко клене долю,
 Клене, умирае,
 Або въ пана у кайданахъ
 У склепу канае.
 Може, згадуе Ярему,
 Згадуе Вильшану,
 Клыче ёго: „Серце мое,

„Обнимы Оксану!
 „Обнимемось, мій соколе!
 „На вики зомліємъ.
 „Нехай ляхы гнущаются—
 „Не почуемъ!..“ Віе,
 Віе витерь зъ-за Лыману,
 Гне тополю въ поли,
 И дивчына похылытся,
 Куды гне недоля.
 Посумуе, пожурытся,
 Забуде... и може...
 У жупани сама пани;
 А ляхъ... Боже, Боже!
 Карай пекломъ мою душу,
 Вылый муки море,
 Розбий кару надо мною,
 Та не такимъ горемъ
 Карай сердце; розирвется,
 Хочь-бы було каминь.
 Доле моя! Серце мое!
 Оксано, Оксано!
 Де ты дилася, подилась?“
 И хлынули слёзы;
 Дрибни, дрибни полылыся.
 Де вони взялыся.
 А Зализнякъ гайдамакамъ
 Каже опынытысь:
 — „У лись, хлопци! вже свитае,
 И кони прыстали:
 Попасемо“,—и тыхенько
 У лиси сховалысь.

Гупаливщина.

Зійшло сонце; Україна—
 Де палала, тлила,
 А де шляхта, запершыся,
 У будынкахъ млила.
 Скризь по селахъ шыбеныци;
 Навишано трупу
 'Гилько старшихъ, а такъ шляхта—
 Буною на купи.
 На улыцяхъ, на розпуттяхъ
 Собаки, вороны
 Йидять шляхту, клюють очи;
 Нихто не боронить.
 Та й нікому: осталыся
 Диты та собаки;
 Жинкы навить зъ рогачамы
 Пишли въ гайдамакы.

Оттаке-то було лыхо
 По всій України!
 Гирше пекла... А за вищо,
 За що люде гннуть?
 Того жъ батька, таки жъ диты,—
 Жыты бъ та брататься;
 Ни, не вмилы, не хотилы,
 Треба розъеднатися!
 Треба крови, брата крови,
 Бо задро, що въ брата
 Йе въ комори и на двори,
 І весело въ хати!

„Убьемъ брата! спалымъ хату!“

Сказали—и сталося.

Все бѣ, здается; ни, на кару

Сироты остались.

Въ слѣзахъ росли, та й выросли;

Замучени руки

Розвязались, — и кровь за кровь,

И муки за муки!

Болѣть сердце, якъ згадаешъ:

Старыхъ славянъ диты

Впылысь кровью, а хто выненъ?

Ксѣндзы, іезуиты ¹³).

Мандрувалы гайдамакы

Лисамы, ярамы,

А за нымы и Галайда

Зъ дрибными слѣзамы.

Вже мынули Воронивку,

Вербивку; въ Вильшану

Прыйихали. „Хиба спытать,

Спытать про Оксану?

Не спытаю, щобъ не знали,

За що пропадаю.“

А тымъ часомъ гайдамакы

Й Вильшану мынають.

Пытається у хлопчыка:

„Що, тытаря вбылы?“

— „Ба, ни, дядьку: батько казавъ,

Що ёго спалылы

Отти ляхы, що тамъ лежать;

И Оксану вкралы;

А тытаря на цвынтари

Вчора поховалы.“

Не дослухавъ... „Несы, коню!“
 И поводы кынувъ.
 „Чомъ я вчора, поky не знавъ,
 Вчора не загынувъ!
 А сёгодня, колы й умру,
 Зъ домовыны встану
 Ляхивъ мучыть. Серце мое!
 Оксано! Оксано!
 Де ты?“

Замовкъ, зажурывся,
 Пойихавъ ходюю.
 Тяжко, важко сиромаси
 Бороться зъ нудьгою.
 Догнавъ своихъ. Боровыквивъ
 Вже хутирь мынають,
 Корчма тліе зъ стодолою,
 А Лейбы немає.
 Усмихнувся мій Ярема,
 Тяжко усмихнувся.
 Оттуть, оттуть позавчора
 Передъ жыдомъ гнувся,
 А сёгодня... та й жаль стало,
 Що лыхо мынуло.
 Гайдамакы по-надъ яромъ
 Зъ шляху повернулы.
 Наганяють пивпаробка.
 Хлопець у свытыни
 Полатаній, у постолахъ,
 На плечахъ торбына.
 „Гей, старченя! стривай лышень!“
 — „Я не старецъ, пане!
 Я, якъ бачте, гайдамака.“
 — „Якый же поганый!

Видкиля ты?“

— „Зь Кереливки.“ ¹⁴⁾

— „А Будыща ¹⁵⁾ знаешъ?“

И озеро коло Будыщъ?“

— „И озеро знаю,

Оттамъ воно; оцимъ яромъ

Втрапыте до ёго.“

— „Що сёгодня ляхивъ бачывъ?“

— „Нигде ни одного;

А вчора було багато.

Винки не святылы:

Не дали ляхы прокляти.

За те жь ихъ и были!

И я, й батько святымъ ножемъ;

А маты не здужа,

А то й вона бь.“

— „Добре, хлопче.

Ось па жь тобі, друже,

Цей дукачыкъ, та не згубы.“

Узявъ золотого,

Подывввся: „Спасыби вамъ!“

— „Ну, хлопци, въ дорогу!

Та чуєте? безъ гомону.

Галайдо, за мною!

Въ оцимъ яру йе озеро

Й лисъ по-пидь горою,

А въ лиси скарбъ. Якъ прыйдемъ,

То щобъ кругомъ стали,

Скажи хлопцямъ. Може, лѣхы

Стерегты осталась

Яка погань.“

Прыйихали,

Стали кругомъ лиса;

Дывляться—нема пикого...
 „Ту ихъ до-сто-биса!
 Яки груши уродылы!
 Збывайте, хлопьята!
 Швыдче! швыдче! Оттакъ! оттакъ!“
 И конфедераты
 Посыналыся до-долу—
 Груши гнылобоки.
 Позбывалы, упоралысь,
 Козакамъ нивроку.
 Найшлы лѣхы, скарбъ забрали,
 У ляхивъ кышени
 Потрусылы, та й потягли
 Караты мерзенныхъ
 У Лысянку. 16)

Бенкетъ у Лысянци.

Смеркалося. Изъ Лысянки
 Кругомъ засвѣтыло:
 Отто Гонта зъ Зализнякомъ
 Люльки закурылы.
 Страшно, страшно закурылы!
 И въ пекли не вмѣють
 Оттакъ курить. Гнылый Тыкычъ
 Кровью червоніе
 Шляхетською, жыдивською;
 А падъ нымъ палають

И хатына, и будынокъ;
 Мовь доля карае
 Вельможного й неможного.
 А середь базару
 Стоить Гонта зь Зализнякомъ,
 Крычатъ: „ляхамъ кары!
 Кары ляхамъ, щобъ каялысь!“
 И диты карають.
 Стогнуть плачуть; одынъ просыть,
 Другый проклинае:
 Той молытся, сповидае
 Грихы передь братомъ,
 Уже вбитымъ. Не мылуютъ,
 Карають завзяти.
 Якъ смерть люта, не вважають
 На лига, на вроду:
 Шляхтяночки й жыдивочки
 Тече кровъ у воду.
 Ни калика, а ни старый,
 Ни мала дытына
 Не осталысь,—не вблагалы
 Лыхой годыны.
 Все поляглы, все покотомъ;
 Ни души живои
 Шляхетськой й жыдивськой.
 А пожаръ удвое
 Розгорився, распалався
 До самой хмары.

А Галайда знай гукае:
 „Кары ляхамъ, кары!“
 Мовь скажоный, мертвыхъ риже,
 Мертвыхъ виша, палыть.

„Дайте ляха, дайте жыда!
 Мало мени, мало!
 Дайте ляха, дайте крови
 Наточыть зъ поганыхъ!
 Крови море... мало моря...
 Оксано! Оксано!
 Де ты?.. Крыкне й сховається
 Въ поломьы, въ пожари.
 А тымъ часомъ гайдамакы
 Столы вздовжъ базару
 Поставылы, несуть страву,
 Де що запопалы,
 Щобъ засвитла повечерять.
 „Гуляй!“ загукалы.
 Вечеряють, а кругомъ ихъ
 Некло червоніе.
 У поломьы повишани
 На кроквахъ чорніють
 Панськы трупы. Горять кроквы
 И падають зъ ными.
 „Пийте, диты! пийте, лыйте!
 Зъ панамы такымы,
 Може, ще разъ зостринемось,
 Ще разъ погуляемъ.“
 И поставець однимъ духомъ
 Зализнякъ черкае.
 „За прокляти ваши трупы,
 За души прокляти
 Ще разъ выпью! Пийте, диты!
 Выпьемъ, Гонто, брате!“
 — „Постривай, я дожыдаю,
 Що ляхи прокляти...“
 Ярема вставъ: — „Яки ляхи?“

— „Отто бо завзятый!
 Пий горилку, мій голубе!“
 — „Яки ляхи, брате?“
 — „По тимъ боци, у будынку
 Заперлысь прокляти!“
 — „Розвіємо!“ — „Шкода муру,
 Старосвитська штука!
 А ще гирше: Богдановы
 Мурувалы руки!“
 — „Богдановы? шкода, шкода
 Гетьманської праці.“
 — „Я пославъ сказати проклятымъ,
 Щобъ выдали Паца.
 Помылюю! Не выдадутъ—
 Порохъ засыпаю...
 Потайныки вже зроблени...“
 — „И ляхи гуляють?
 Личать зори? Добре, брате!
 А помы що буде,
 Выпьемъ чарку!“ — „Добре, вышьемъ!“
 — „Пийте, добри люде,
 Та не дуже, бо ще може
 Не кончылы кары!“
 — „Не кончылы!... Пийте, быйте!
 Грай, спивай, кобзарю!
 Не про дидивъ, бо не згирше
 Й мы ляхивъ караемъ;
 Не про лыхо, бо мы ёго
 Не знали й не знаемъ.
 Веселой утны, старче,
 Щобъ земля ломылась,—
 Про вдовыцю-молодыцю,
 Якъ вона журылась.“

(Кобзарь грае и прыспивуе).

„Одъ села до села
Танци та музыкы:
Курку, яйца продала—
Маю черевыки.
Одъ села до села
Буду танцюваты:
Ни коровы, ни вола—
Осталася хата.
Я оддамъ, я продамъ
Кумови хатыну,
Я куплю, я зроблю
Яточку пидъ тыномъ;
Торгувать, шыкувать
Буду чарочкамы,
Танцювать та гулять
Такы зъ парубкамы.
Охъ вы, диткы мои,
Мои голубьята,
Не журиться, подывиться,
Якъ танцюе маты.
Сама въ наймы пиду,
Дитокъ въ школу оддамъ,
А червонымъ черевычкамъ
Такы дамъ, такы дамъ!“

— „Добре! добре! Ну, до танцивъ,
До танцивъ, кобзарю!“

Слиплый вшкварывъ—навпрысядки

Пишлы по базару:

Земля гнется. „Нумо, Гонто!“

— „Нумъ, брате Максиме!

Ушкварымо, мій голубе,
Поки не загинемъ!“

„Не дивуйтеся, дивчата,
Що я обидрався;
Бо мій батько робивъ гладко,
То й я въ ёго вдався.“

- „Добре, брате, ій же Богу!“
- „А ну, ты, Максиме!“
- „Постривай лышъ!“

„Оттакъ чыны, якъ я чыню,
Любы дочку абы-чыю.
Хочъ попову, хочъ дякову,
Хочъ хорошу мужыкову.“

Вси танцюють, а Галайда
Не чує, не бачыть.
Сыдыть соби кинець стола,
Тяжко, важко плаче,
Якъ дытына. Чого бь, бачтся?
Въ червонимъ жупани,
И золото, и слава йе...
Та нема Оксаны;
Ни зь кимъ долю подилыты,
Чи зь кимъ заспиваты;
Одынъ, одинъ сыротою
Мусыть пропадаты.
А того, того й не знає,
Що ёго Оксана
По тимъ боци за Тыкычемъ
Въ будынку зь панамы,
Зь тымы самымы ляхамъ

Що замордували
 Ии батька. Недолюды!
 Теперь заховалысь
 За мурамы, та дывытесь,
 Якъ жыды канають,
 Браты ваши! А Оксана
 Въ викно поглядае
 На Лысянку засвичену.
 „Де-то мій Ярема?“
 Сама думае. Не знае,
 Що винъ коло неи,
 У Лысянци, не въ свытыни—
 Въ червонимъ жупани,
 Сидыть одынъ та думае:

„Де моя Оксана!
 Де вона, моя голубка
 Прыборкана, плаче?“
 Тяжко ёму.

А изъ яру
 Въ кырей козачій
 Хтось крадется.

— „Хто ты такый?“
 Галайда пытае.
 „Я посланецъ пана Гонты.
 Нехай погуляе,
 Я пидожду.“

— „Ни, не диждешъ
 Жыдивська собако!“
 — „Ховай Боже, якый я жыдь!
 Бачышь? гайдамака!
 Ось копійка... подывыся...
 Хиба ты не знаешъ?“
 — „Знаю, знаю,“ и свяченый

Зъ халявы выймае.

„Признавайсь, проклятый жыде,
Де моя Оксана?“

Та й замахнувьсь.

— „Ховай, Боже....

Въ будынку... зъ панамы...

Вся въ золоти...“

— „Выручай же!

Выручай! проклятый!“

— „Добре, добре... Яки жъ бо вы,
Яremo, завзяти!

Иду заразь и выручу:

Гроши муръ ламають,—

Скажу ляхамъ—замисть Паца...“

— „Добре, добре! знаю.

Иды швыдче!“

— „Заразь, заразь,

Гонту забавляйте

Съ пивъ-упруга, а тамъ нехай.

Идите же гуляйте...

Куды везты?“

— „У Лебедыны!

У Лебедынъ, чуешь?“

— „Чую, чую.“

И Галайда

Зъ Гонтою танцюе.

А Зализнякъ бере кобзу:

— „Потанцюй, кобзарю,

Я заграю.“

Навпрысядки

Слиный по базару

Одырае постоламы,

Додае словамы:

„На городи пустырнакъ, пустырнакъ;
 Чы я жъ тоби не козакъ, не козакъ?
 Чы я жъ тебе не люблю, не люблю?
 Чы я жъ тоби черевычкивъ не куплю?

Куплю, куплю, чорнобрыва,
 Куплю, куплю того дыва,
 Буду, сердце, ходыть,
 Буду, сердце, любыть.“

„Ой гопъ, гопака!
 Полюбыла козака,
 Та рудого, та старого—
 Лыха доля така.
 Иды жъ, доле, за журбою,
 А ты, старый, за водою,
 А я—такъ до шыику.
 Выпью чарку, выпью другу,
 Выпью третю на потугу,
 Пьяту, шосту, та й кинецъ.
 Пишла баба у танецъ,
 А за нею горобецъ,
 Выкрутасомъ, выхылясомъ...
 Молодецъ горобецъ!
 Старый рудый бабу клыче,
 А та ёму дули тыче:
 — „Оженився, сатано,—
 „Заробляй же на пшоно:
 „Треба дитокъ годувать,
 „Треба дитокъ одягать;
 „А я буду добувать;
 „А ты, старый, не гришы,
 „Та въ запичку колышы,
 „Та мовчы, не дышы!“—

Якъ була я молодою преподобницею,
 Повисыла хвартушыну надъ виконницею,
 Кто йде—не мыше,
 То кивне, то моргне.
 А я шовкомъ вышиваю,
 Въ кватырочку выглядаю:
 Семены, Иваны!
 Надивайте жупаны,
 Та ходимо погуляймо,
 Та сядемо заспиваймо.“

„Загоняйте крочку въ бочку,
 А курчята въ вершу.“

.

„Ш... гу!

Загнувъ батько дугу,
 Тягне маты супоню,
 А ты завьяжы, доню.“

— „Чы ще? чы годи?“

— „Ще, ще,

Хочь погану! самы ногы носять.“

„Ой сыпъ сыривець
 Та крышы опенькы:
 Дидь та баба, то й до ладу,—
 Обое раденьки.

Ой сыпъ сыривець
 Та крышы петрушку:

.

„Ой сыпь сыривець
 Та накрышы хрину:

“

„Ой сыпь воду, воду
 Та пошукай броду, броду...“

— „Годи! годи!“ крычыть Гонта:

„Годи, погасае.
 Свитля, диты!... А де Лейба?
 Що ёго немае?“

Найти ёго та повисыть.

Петелька свыняча!

Гайда, диты! погасае

Каганець козачый!“

А Галайда:— „Отамане!

Погуляймо, батьку!

Дывысь—горыть; на базари

И выдко, и гладко.

Потанцюемъ. Грай, кобзарю!“

— „Не хочу гуляты!

Огню, диты! дёгтю, клочтя!

Давайте гарматы;

Въ потайныкы пустить огоны!

Думають, жартую!“

Заревилы гайдамакы:

„Добре, батьку! чуемъ!“

Черезъ греблю повалылы,

Гукають, спивають.

А Галайда крычыть:— „Батьку!

Стійте!... пропадаю!

Постривайте, не вбывайте:

Тамъ моя Оксана.
 Годыночку, батьки мои:
 Я ии достану!“
 — „Добре, добре!... Зализняче,
 Гукны, щобъ палылы.
 Преподобытся зъ ляхама!...
 А ты, сызокрылый,
 Найдешъ иншу.“

Оглянувся—

Галайды немае.
 Ревуть горы, и будынокъ
 Зъ ляхама гуляе
 Коло хмары. Що осталось,
 Щекломъ запалало...
 — „Де Галайда?“ Максимъ клыче.
 И слиду не стало...
 Покры хлопьята танцювалы,
 Ярема зъ Лейбою прокралысь
 Ажъ у будынокъ, въ самый лёхъ;
 Оксану выхопывъ чуть живу
 Ярема зъ лёху, та й полынувъ
 У Лебедынъ...

Лебедынъ.

Я сырота зъ Вильшаной,
 Сырота, бабусю.
 Батька ляхи замучылы,
 А мене. . боюся,
 Боюсь згадать, моя сыза...

Узялы зъ собою.
 Не распытуй, бабусенько,
 Що було зо мною.
 Я моылась, я плакала,
 Серце розрывалось,
 Слёзы сохлы, душа мерла...
 Охъ, якъ бы я знала,
 Що побачу знову,—
 Вдвое, втрое бь вытерпила
 За сдыне слово!
 Выбачай, моя голубко;
 Може, я гришыла.
 Може, Богъ за те й карас,
 Що я полюбыла—
 Полюбыла станъ высокый
 И карыи очи—
 Полюбыла, якъ умила,
 Якъ серденько хоче.
 Не за себе, не за батька
 Моылась въ неволи,—
 Ни, бабусю, а за ёго,
 За мылого долю.
 Карай, Боже! Твою правду
 Я вытерпить мушу.
 Страшно сказать: я думала
 Занапастыть душу.
 Якъ-бы не винъ, може бь... може
 И занапастыла.
 Тяжко було! я думала:
 „О, Боже мій мыый!
 „Винъ сырота,—кто безъ мене
 „Ёго привитае?
 „Хто про долю, про недолю,

„Якъ я, роспытае?

„Хто обійме, якъ я ёго:

„Хто душу покаже?

„Хто сироти убогому

„Добре слово скаже?“

И такъ думала, бабусю,

И сердце сміялось:

„И сирота: безъ матери,

„Безъ батька осталась,

„И винъ одинъ на всимъ свити

„Мене вирно любыть;

„А почуе, що я вбылась,

„То й себе погубыть.“

Такъ я думала, момылась,

Ждала, выглядала:

Нема ёго, не прыбуде,—

Одна я осталась...“

Та й заплакала. Черныця,

Стоя коло нси,

Зажурылась.

„Бабусенько!

Скажи мені, де я?“

— „Въ Лебедыни, моя пташко;

Не вставай: ты хвора.“

— „Въ Лебедыни! чы давно я?“

— „Ба ни, позавчора.“

— „Позавчора?... Стривай, стривай...

Пожаръ надъ водою...

Жыдъ, будынокъ, Майданивка... 17)

Зовуть Галайдою...“

— „Галайдою Яремою

Себе называе

Той, що привизъ...“

— „Де винъ, де винъ?
Теперь же я знаю!...“

— „Черезъ тыждень обидявся
Прыйты за тобою.“

— „Черезъ тыждень! черезъ тыждень!
Раю мій, покою!
Бабусенько, мыпулася
Лыхая годына!

Той Галайда—мій Ярема!...

По всій України
Ёго знають. Я бачыла,
Якъ села горилы;

Я бачыла—каты ляхы
Трусылыся, млилы,

Якъ хто скаже про Галайду.
Знають воны, знають,

Хто такый и видкиля винъ,
И кого шукае!...

Мене шукавъ, мене найшовъ,
Орелъ сызокрылый!

Прылитай же, мій соколе,
Мій голубе сызый!

Охъ, якъ весело на свити,
Якъ весело стало!

Черезъ тыждень, бабусенько...
Ще тры дни осталось.

Охъ, якъ довго!...

„Загрибай, мамо, жаръ, жаръ,

„Буде тоби дочки жаль, жаль,
Охъ, якъ весело на свити!

А тоби, бабусю,
Чи весело?“

— „Я тобою, Пташко, веселюся!“

— „А чомъ же ты не спиваешь?“

— „Я вже одспивала...“

Задзвонили до вечерни;
Оксана осталась,

А черныця, помолывшысь,
Въ храмъ пошкандыбала.

Черезъ тыждень въ Лебедьни ¹⁸⁾
У церкви спивали:

„Исаія ликуй!“ Въ-ранци
Ярему винчали;

А въ-вечери мій Ярема
(Отъ хлопецъ звычайный!)

Щобъ не сердыть отамана,
Покинувъ Оксану:

Ляхивъ кинча; зъ Зализнякомъ
Весилля справляе

Въ Уманщыни на пожарахъ.
Вона выглядае,

Выглядае, чи не йиде
Зъ боярамы въ гости—

Перевезты изъ келіи
Въ хату на помости.

Не журыся, сподивайся
Та Богу молюся.

А мени теперь на Умань ¹⁹⁾
Треба подывытысь.

Гонта въ Умани.

Хвалялыся гайдамакы,
 На Умань идучы:
 «Будемъ драты, паны-браты,
 Зъ кытайкы онучи!»

Мынають дни, мынае лито,
 А Украина знай горыть;
 По селамъ плачуть мали диты—
 Батькивъ немае. Шелестыть
 Пожовкле лыстя по диброви;
 Гуляють хмары, сонце спыть;
 Нигде не чутъ людської мовы;
 Звирь тилько вие, йде въ село,
 Де чуеть трупы: не ховалы,
 Вовкивъ ляхамы годувалы,
 Поки ихъ снигомъ занесло.

Не спыныла хуртовына
 Пекельной кары:
 Ляхы мерзлы, а козаки
 Грилысь на пожари.
 Встала й весна, чорну землю
 Сонну розбудыла,
 Уквитчала ии рястомъ,
 Барвинкомъ покрыла;
 И на поли жайворонокъ,
 Соловейко въ гаи
 Землю, убрану весною,
 Въ-ранци зостричаютъ...
 Рай та й годи! А для кого?

Для людей. А люде?
 Не хотять на ёго й глянуть,
 А глянуть—огудять:
 Треба кровью домалиювать,
 Освитыть пожаромъ;
 Сонця мало, рясту мало
 И багато хмары.
 Некла мало!... Люде, люде!
 Колы-то зъ вась буде
 Того добра, що маєте?
 Чудни, чудни люде!

Не спыныла весна крови,
 Ни злости людської.
 Тяжко глянуть; а згадаемъ—
 Такъ було и въ Трои,
 Такъ и буде.

Гайдамакы

Гуляють, карають;
 Де пройидуть—земля горыть,
 Кровью пидпылае.
 Прыдбавъ Максимъ соби сына
 На всю Украину.
 Хочъ не ридный сынъ Ярема,
 А щыра дытына.
 Максимъ риже, а Ярема
 Не риже—лютуе:
 Зъ ножемъ въ рукахъ, на пожарахъ
 И днюе й ночуе.
 Не мылуе, не мынае
 Нигде ни одного;
 За тытаря ляхамъ платыть,
 За батька святого;

За Оксану... та й зомліє,
 Згадавши Оксану.
 А Зализнякъ: „Гуляй, сыну!
 Поки доля встане,
 Погуляемъ!“

Погулялы:

Купою на купи
 Одъ Кыива до Умани
 Ляглы ляхы трупомъ.
 Якъ та хмара, гайдамакы
 Умань обступылы
 О пивночи; до схидъ сонця
 Умань затопылы,
 Затопылы, закрычалы:
 „Карай ляха знову!“
 Покотылысь по базару
 Киини Nagodowi; ²⁰⁾
 Покотылысь мали диты
 И каликы хвори.
 Гвалть и галась. На базари,
 Якъ посередъ моря
 Кровавого, стоить Гонто
 Зъ Максимомъ завзятымъ.
 Крычать у-двохъ: „Добре, диты!
 Оттакъ ихъ проклятыхъ!“
 Ажъ ось ведуть гайдамакы
 Ксе́ндза-іезуита
 И двохъ хлошцивъ.—„Гонто, Гонто!
 Оте твои диты.
 Ты насъ рижешъ—зарижъ и ихъ:
 Вони католыкы.
 Чого жъ ты ставъ? чомъ не рижешъ?
 Поки не великы,

Зарижь и ихъ, бо выростуть,
 То тебе зарижуть...“
 — „Убьйте пса! а собачятъ
 Своею зарижу.
 Клычъ громаду! Признавайтесь,
 Що вы католыкы?“
 — „Католыкы... бо насъ маты...“
 — „Боже мій великый!
 Мовчить, мовчить! знаю, знаю!“
 Зибралась громада.
 „Мои диты католыкы...
 Щобъ не було зрады,
 Щобъ не було поговору,
 Панове громадо...
 Я присягавъ, бравъ свяченый
 Ризать католыка...
 Сыны мои, сыны мои!
 Чомъ вы не велики?
 Чомъ вы ляха не рижете?...“
 — „Будемъ ризать, тату!“
 — „Не будете! не будсте!
 Будь проклята маты,
 Та проклята католычка,
 Що васъ породыла!
 Чомъ вона васъ до схидъ сонця
 Була не втопыла?
 Менше бъ гриха: вы бъ умерлы
 Не католыкамы:
 А сёгодня, сыны мои,
 Горе мени зъ вами!
 Поцилуйте мене, диты,
 Бо не я вбываю,
 А присяга...“

Махнувъ пожемъ—

И дитей немає!

Попадады заризани.

„Тату!“ белькоталы,

„Тату, тату... мы не ляхы!

„Мы...“ та й замовчали.

— „Поховать хыба?“

— „Не треба!

Воны катоныкы.

Сыны мои, сыны мои!

Чомъ вы не великы?

Чомъ ворога не ризалы?

Чомъ матиръ не вбылы,

Ту прокляту катонычку,

Що васъ породыла?... ²¹⁾

— Ходимъ, брате!“

Взявъ Максима,

Пишлы вздовжъ базару,

И обыдва закрычали:

— „Кары ляхамъ, кары!“

И каралы: страшно, страшно

Умань запалала.

Ни въ будынку, ни въ костёли,

Нигде не осталось,—

Все поляглы. Того лыха

Не було николы,

Що въ Умани робылося.

Базыліянъ школу,

Де учылысь Гонты диты.

Самъ Гонта руйнуе:

— „Ты пойила моихъ дитокъ!“

Гукае, лютуе:

„Ты пойила невеликыхъ,

Добру не навчыла!...
Валить стины!“

Гайдамакы

Стины розвалылы,—
Розвалылы, обь каминня
Ксёндивъ розбывалы,
А школяривъ у крыныци
Жывыхъ поховалы.

До самой ночи ляхивъ мордувалы;
Души не осталось. А Гонта крычыть.
„Де вы, людойиды? де вы поховалысь?
Зъили моихъ дитокъ,—тяжко мени жыть!
Тяжко мени плакать! ни съ кимъ говорыты!
Сыны мои любя, мои чорноброви!
Де вы поховалысь? Крови мени, крови!
Шляхетської крови, бо хочеться пыть,
Хочеться дывытысь, якъ вона чорніе,
Хочеться напытысь... Чомъ витерь не віе,
Ляхивъ не навіе?... Тяжко мени жыть!
Тяжко мени плакать! Праведныи зори!
Сховайтесь за хмару; я васъ не займавъ,
Я дитей заризавъ!... Горе мени, горе!
Де я прыхылюся?“

Такъ Гонта крычавъ,
По Умани бигавъ. А середъ базару,
Въ крови, гайдамакы ставылы столы!
Де що запопалы, стравы нанесли,
И силы вечерять. Остатняя кара,
Остатняя вечера!

— „Гуляйте, сыны!

Пийте помы пьетса, быйте, помы бьетса!“
Зализнякъ гукае. „А ну, нависный,
Ушкварь намъ що небудь, нехай земля гнетса,

Нехай погуляють мои козаки!“

И кобзарь ушкварывъ:

„А мій батько орандарь,

Чоботарь;

Моя маты пряха

Та сваха;

Браты мои, соколы,

Прывелы

И корову изъ дибровы,

И намыста нанесли.

А я соби Хрыстя

Въ намысти;

А на лыштви лыстя

Та лыстя,

И чоботы, и пидковы.

Выйду въ-ранци до коровы,

Я корову напою,

Подою,

Зъ парубкамы постою,

Постою.“

„Ой гоць по вечери,

Замыкайте, диты, двери,

А ты, старя, не журись,

Та до мене прыгорнысь!“

Вси гуляють. А де жъ Гонта?

Чомъ винъ не гуляе!

Чому не пье зъ козакамы?

Чому не спивае?

Нема ёго; теперь ёму,

Мабудь, не до неи,

Не до спивы.

А хто такой
 У чорній кырей
 Черезъ базаръ переходыть?

Ставь; розрыва купу
 Ляхивъ мертвыхъ, шука когось,
 Нагнувся, два трупы
 Невелыкыхъ взявъ на плечи
 И, позадь базару,
 Черезъ мертвыхъ переступа,
 Крыется въ пожари
 За костёломъ. Хто жъ це такой?
 Гонта, горемъ бытый,
 Несе дитей поховаты,
 Землею накрыты,
 Щобъ козацьке мале тило
 Собаки не йилы.
 И темными улыцями,
 Де менше горило,
 Понисъ Гонта дитей своихъ,
 Щобъ ниhto не бачывъ,
 Де вивъ сынивъ поховае
 И якъ Гонта плаче.
 Вынисъ въ поле, геть одъ шляху;
 Свяченый выймае,
 И свяченымъ копа яму.
 А Умань палае,
 Свитыть Гонти до роботы
 И на дитей свитыть.
 Неначе сплять одягнени.
 Чого-жъ страшни диты?
 Чого Гонта нибы краде,
 Або скарбъ ховае?
 Ажъ трусытсья. Изъ Умани

Де-де чуть— гукають
 Товарыши гайдамакы;
 Гонта мовъ не чуе,
 Сынамъ хату середъ степу
 Глыбоку будуе.
 Та й збудувавъ. Бере сыннивъ,
 Кладе въ темпу хату,
 Й не дывытса, нибы чуе:
 „Мы не ляхы, тату!“
 Поклавъ обохъ, изъ кышени
 Кытайку выймае;
 Поцилувавъ мертвыхъ въ очи,
 Хрестыть, накрывае
 Червоною кытайкою
 Головы козачи.
 Роскрывъ, ще разъ подывывся...
 Тяжко, важко плаче:
 „Сыны мои, сыны мои!
 На ту Украйну
 Подывитса: вы за неи
 Й я за неи гыну.
 А хто мене поховае?
 На чужому поли
 Хто заплаче надо мною?
 Доле моя, доле!
 Доле моя нещаслива?
 Що ты наробыла?
 На-що мени дитей дала?
 Чомъ мене не вбыла?
 Нехай воны бъ поховалы,
 А то я ховаю.“
 Поцилувавъ, перехрестывъ,
 Покрывъ, засыпае:

— „Спочывайте, сыны мои,
 Въ глыбокій осели!
 Сука маты не прыдбала
 Новои постели.
 Безъ васылькивъ и безъ руты
 Спочывайте, диты,
 Та благайте, просить Бога,
 Нехай на симъ свити
 Мене за васъ покарае,
 За грихъ сей великый.
 Простить, сыны! я прощаю,
 Що вы католыкы.
 Зривнявъ землю, покрывъ дерномъ,
 Щобъ ниhto не бачывъ,
 Де поляглы Гонты диты,
 Головы козачи.
 „Спочывайте, выглядайте,
 Я швыдко прыбуду.
 Укоротывъ и вамъ вику,
 И мени те буде.
 И мене вбють... колы бь швыдче!
 Та хто поховае?
 Гайдамакы!... Пиду ще разъ,
 Ще разъ погуляю!...“

Пишовъ Гонта похылившысь;
 Иде, спотыкнется.
 Пожаръ свитыть! Гонта гляне,
 Гляне—усмихнется.
 Страшно, страшно усмихався,
 На степъ оглядався.
 Утеръ очи... тилько мріе
 Въ дыму, та й сховався.

Епилогъ.

Давно те минуло, якъ—мала дытына,
 Сырота въ рядныни—я колысь блукавъ,
 Безъ свыты, безъ хлиба, по тій України,
 Де Зализнякъ, Гопта зъ свяченымъ гулявъ.
 Давно те минуло, якъ тыми пляхама,
 Де йшли гайдамакы,—малымы ногама
 Ходывъ я, та плакавъ, та людей шукавъ,
 Щобъ добру навчылы. Я теперь, згадавъ,
 Згадавъ, та й жаль стало, що лыхо минуло.
 Молодее лыхо! якъ-бы ты вернулось,
 Проминявъ бы долю, що маю теперь.
 Згадаю те лыхо, степы ти безкраи,
 И батька и дида старого згадаю..
 Дидусь ще гуляе, а батько вже вмеръ.
 Бувало, въ недилю, закрывши Мынею,
 По чарци зъ сусидомъ выпывши тыеи,
 Батько дида просить, щобъ той розказавъ
 Про Коліивщину, якъ колысь бувало,
 Якъ Зализнякъ, Гопта ляхивъ покаравъ.
 Столитніи очи, якъ зори, сіялы,
 А слово за словомъ сміялось, лылось:
 Якъ ляхы каналы, якъ Смила горила,
 Сусиде одъ страху, одъ жалю нимилы.
 И мени, малому, не разъ довелось
 За тытаря плакать. И нихто не бачывъ,
 Що мала дытына у куточку плаче.
 Спасыби, дидусю, що ты заховавъ

Въ голови столитній ту славу козачу:
Я їи онукамъ теперь розказавъ.

Выбачайте, люде добри,
Що козацьку славу
Такъ навманя розказую,
Безъ кныжної справы.
Такъ дидъ колысь розказувавъ,
Нехай здоровъ буде!
А я за нымъ. Не знавъ, старый,
Що пысьменни люде
Тыи речи прочитають.
Выбачай, дидусю, —
Нехай лають; а я поки
До своихъ вернуся,
Та доведу вже до краю,
Доведу — спочыну,
Та хочъ кризь сонъ подывлюся
На ту Украину,
Де ходылы гайдамакы
Зъ святими ножами —
На ти шляхы, що я мирявъ
Малымы ногами.

Погулялы гайдамакы,
Добре погулялы:
Трохы не рикъ шляхетською
Кровью наповалы
Украину, та й замовкы —
Ножи пощербылы.
Нема Гонты; нема ёму
Хреста, ни могылы.

Буйни витры розмахалы
 Попиль гайдамакы,
 И никому помолытысь,
 Никому заплакать.
 Одынъ тилько братъ названый
 Оставсь на всимъ свити;
 Та й той почувъ, що такъ страшно
 Пекельныи диты
 Ёго брата замучылы;
 Зализнякъ заплакавъ
 Въ-перше зроду, слёзы не втеръ,
 Умеръ неборака.
 Нудьга ёго задавила
 На чужому поли,
 Въ чужу землю положила: 22)
 Така ёго доля!
 Сумно, сумно гайдамакы
 Зализную сылу
 Поховалы; насыпалы
 Высоку могылу;
 Заплакалы, розійшлися,
 Видкиля взялыся.
 Одынъ тилько мій Ярема
 На кый похылывся,
 Стоявъ довго.—„Спочынь, батьку,
 На чужому поли,
 Бо на своимъ нема миста,

 Спи козаче, душа щыра!
 Хто-небудь згадае.“
 Пишовъ степомъ сирромаха,
 Слёзы утырае.
 Довго, довго оглядався,

Та й не выдко стало.
 Одна чорна середь степу
 Могыла осталась.

Посіялы гайдамакы
 Въ Украини жыто,
 Та не воны ёго жалы.
 Що мусымъ робыты?
 Нема правды, не выросла;
 Кривда повивае...
 Розійпилися гайдамакы,
 Куды який знае;
 Хто до-дому, хто въ диброву,
 Зъ ножемъ у халяви
 Жыдивъ кинчать. Така й доси
 Осталася слава ²³).
 А тымъ часомъ стародавню
 Сичь розруйнували:
 Хто на Кубань, хто за Дунай;
 Тилько и остались,
 Що пороги середь степу;
 Ревуть, завывають:
 „Поховалы дитей нашыхъ,
 И насъ розрываютъ.“
 Ревуть соби й ревитымуть—
 Ихъ люде мынули;
 А Украина на-викы,
 На-викы заснула.

Съ того часу въ Украини
 Жыто зеленіе;
 Не чутъ плачу, ни гарматы,

Тільки виторь віе,
 Нагынае вербы въ гая,
 А тырсу на поли.
 Все замовкло. Нехай мовчыть:
 Така Божа воля.

Тільки часомъ у-вечери,
 По-надъ Днипромъ, гаємъ,
 Идуть стари гайдамаки,
 Идучы співають:

„А въ нашого Галайды хата на помости!
 Грай море! добре, море!
 Добре буде, Галайда!“

П Р Ы П Ы С Ы.

¹ „Энциклопедическій лексиконъ“. томъ 5, Барская конфедерация и „Historia królestwa“ Polskiego g. в Vandke. tom 2.

² Вильшана або Ольшана—мистечко Кыйвськой губерніи Звенигородського повіту; міжъ Звенигородкою и Вильшаною, по старому шляху, Воровкивъ хутирь и корчма, де-бъ 10 Ярема Байстрюкъ, а потимъ Галайда, бувъ у жыда наймытомъ. (Одъ старыхъ людей).

³ Неунитивъ ляхы называли схызматамы.

⁴ Про конфедеративъ такъ розсказують люде, котори ихъ бачылы, и не диво, бо то була все шляхта з honorem, безъ дисциплины: робыть не хочеться, а йсты треба.

⁵ Анахронизмъ: тытаря ляхы замучылы зимою, а не литомъ.

⁶ За гайдамаками ходывъ кобварь; ёго называли слепымъ Волохомъ (Дидъ розсказувавъ).

⁷ Павла Налывайка жывого спалылы въ Варшави, Ивана Острияницю и трыдцать старшынь ковацькихъ, після страшнои муки, розчетвертували и роввели ихъ тила по всій Украини.

Зиновій Богданъ и сыпъ ёго Тymoфій були поховани въ Суботви, коло Чыгрына; Чарнецькый, коронный гетьманъ, не доставшы Чыгрына, одъ злости спалывъ ихъ мертвыхъ. (Георгій Коняскій).

⁸ Полковникъ Богунъ потопывъ ляхивъ въ Ингули. Зиновій Богданъ выризавъ 40 въ чимъ-то тысячъ ляхивъ надъ Росью въ Корсуни. Тарасъ Трясыло выризавъ ляхивъ надъ Альтою И та ничъ въ котору те трапылось, вовется Тарасова або кровава. (Бантышъ Каменскій).

⁹ Тарасова и Варфоломеева ночи одна другою вартъ на стыдъ римської тіары.

¹⁰ Такъ про Чыгрынське свято розказують стари люде.

¹¹ Трети пивни—сигналъ. Розказують, що Зализняка есаулъ, не дикдавшы третихъ пивнивъ, запалывъ Медведивку, мистечко межъ Чыгрыномъ и Звенигородкою.

¹² Чорный шляхъ выходывъ одъ Днипра мижъ устями ричокъ Сокоривкы и Носачивкы и бигъ черезъ степы занорозьски, черезъ воеводства Кыиовське, Подольське и Волинське—на Червону Русь до Львова. Чорнымъ навваный, що по ёму татары ходыли въ Польшу и своими табунами выбывали траву.

¹³ До Уніи козаки зъ ляхами мырылися и якъ-бы не Іезуиты, то може-бъ и не ризалися Іезуитъ Посевынъ, легатъ папськый, першый начавъ унію въ Украини.

¹⁴ Кереливка або Кырыловка—село Звенигородського повиту. Червонецъ, що давъ Зализняка хлопцеви, и доси есть у сына того хлопця, которому бувъ даный; я самъ ёго бачывъ.

¹⁵ Село Будыща—недалеко одъ Кереливки; въ яру озеро и надъ озеромъ лись невеликый, вовется Гупаливицкою за те, що тамъ Зализнякъ вбывавъ ляхивъ зъ дерева. Лёхы, де бувъ захований шляхетськый скарбъ, и доси выдко, тилько вже розруйновани.

¹⁶ Лысянка—мистечко Звенигородського повиту—надъ ричкою Гнылымъ Тыкычемъ. Тутъ зійшлися Гонга зъ Зализнякомъ и розруйнували старосвитськый будынокъ, Богданомъ ныбы-то будованый.

¹⁷ Майданивка—село, недалеко одъ Лысянки.

¹⁸ Лебедынъ—дивочый монастырь межъ Чыгрыномъ и Звенигородкою.

¹⁹ Умань—городъ повитовый, губерніи Кыиовськои.

²⁰ Kawal gia Nagodowa,—такъ звалысь польськи драгуны; ихъ тоди було въ Умани 3000, и вси були побыты гайдамаками.

²¹ Въ Умани Гонга убывъ дитей своихъ за те, що ихъ маты-католичка помогла іезуитамъ перевести ихъ у кат. лыкы. Младановичъ, товаришъ сынивъ Гонты, бачывъ зъ двиньци, якъ воны умерлы, и якъ школяривъ базилянськои школы по

топывъ Гонга въ крышци. Винъ багато напысавъ объ гайдамачыни, але надрукованого нема ничего.

²² Зрадою вьялы ляхы Гонту и страшно замучылы. Прывезлы ёго въ кайданахъ у польскый лагерь, недалеко Балты, въ одриванымъ языкомъ и правою рукою; Б., польскый генералъ, такъ веливъ зробыты, щобъ винъ чого-небудь не сказавъ на ёго. Потимъ каты роздягли ёго, якъ маты родыла, и посадылы на горячи пятабы залива; потимъ знялы дванадцять насъ въ спыны шкуры. Гонга повивъ очыма и страшно глянувъ на Б.; той махнувъ рукою—и ровнялы Гонту на четверо, роввезлы тило и попрыбывылы на середохрестныхъ шляхахъ. Зализникъ, почувшы, що такъ страшно ляхы замучылы Гонту, заплакавъ, занедужавъ, та й умеръ: ёго гайдамакы поховалы въ степу надъ Днистромъ та й розійшылыся.

²³ Злодій, ровбийникъ, або гайдамака—такымы осталися гайдамакы по Колинчыни. Такымы ихъ знають и доси.

ПЕРЕДМОВА.

(До Гайдамакивъ.)

По мови передмова,—можна-бъ и безъ неи. Такъ ось, бачте, що: все, що я бачывъ надрукованого (тільки бачывъ, а прочытавъ дуже пебагато),—всюды йе передслово, а въ мене нема. Якъ-бы я не друкувавъ своихъ „Гайдамакивъ“, то воно-бъ не треба й передмовы, а колы вже пускаю въ люде, то треба й зъ чымъ, щобъ не сміялысь на обирванцивъ, щобъ не сказалы: „Отъ якый! хиба диды та батькы дурнійши булы, що не пускалы въ люде навить граматкы безъ предисловія!“ Такъ, далеби такъ, выбачайте! Треба предисловіе. Такъ якъ же ёго скомпонувать, щобъ, знаете, не було и кривды, щобъ не було и правды, а такъ, якъ вси предисловія komponуются? Хочь убый, не вмю: треба-бъ хвалыть,—такъ соромъ, а гудыть не хочеться.

Начнемъ же уже начало кнѣвы сиче: Весело подывы-
 ться на слипого кобзаря, якъ винь соби сыдыть зъ
 хлопцемъ, слипый, пидь тыномъ, и весело послухать
 ёго, якъ винь заспивуе думу про те, що давно ді-
 ялось... якъ боролыся ляхы зъ козакамы... Весело...
 а все-таки скажешъ: „слава Богу, що мынуло!“
 А надто якъ згадаешъ, що мы одной матери диты,
 що вси мы славяне. Серце болить, а розказувать
 треба: нехай бачать сыны и внукуы, що батькы
 ихъ помылялыся, нехай братаются знову зъ сво-
 ими ворогамы, нехай жытомъ-пшеницею, якъ зо-
 лотомъ покрыта, нерозмежованою останется на
 вики одъ моря и до моря славянская земля. Про
 те, що діялось на Украины 1768 року, розказую
 такъ, якъ чувъ одъ старыхъ людей: надрукованого
 и крытыкованого ничего не чытавъ, бо, здається, и
 нема ничего. Галайда въ—половину выдуманый, а
 смерть вильшаньского тытаря—правдыва, бо ще
 е люде, котори ёго знали. Гонта и Зализнякъ—
 отаманы того кривавого дила, може выведени въ
 мене не такъ, якъ воны булы,—за се не ручаюсь.
 Дидь мій, нехай здоровъ буде, колы зачына роз-
 казувать що-небудь таке, що не самъ бачывъ, а
 чувъ, то спершу скаже: „колы стари люде бре-
 шуть, то й я зъ ными“.

1844.

НАЙМЫЧКА.

Прологъ.

У недилю въ-ранци рано
Поле крылося туманомъ;
У тумани на могыли,
Якъ тополя похылылась
Молодыця молодая.
Щось до лоня прыгортае
Та зъ туманомъ розмовляе:

„Ой, тумане, тумане—
Мій латаный талане!
Чому мене не сховаешъ
Оттуть середъ лану?
Чому мене не задавышь,
У землю не вдавышь?
Чому мени злои доли,
Чомъ вику не збавышь?
Ни, не давы, туманочку!
Сховай тилько въ поли,
Щобъ нихто не знавъ, не бачывъ

Моеи недоли!...
 Я не одна,—есть у мене
 И батько, и маты...
 Есть у мене... туманочку,
 Туманочку, брате!...
 Дытя мое, мій сыночку,
 Нехрещеный сыну!
 Не я тебе хрестытому
 На лыху годыну;
 Чужи люде хрестытумуть,
 Я не буду знаты,
 Якъ и зовуть... Дытя мое!
 Я була багата...
 Не лай мене, молытымусь,
 Изъ самого неба
 Долю выплачу слёзамы
 И пошлю до тебе.“

Пишла полемъ рыдаючи,
 Въ тумани ховалась,
 Та кризь слёзы тихесенько
 Про вдову спивала.
 Якъ удова въ Дунаеви
 Сынивъ поховала.

„Ой у поли могоыла;
 Тамъ удова ходыла,
 Тамъ ходыла-гуляла,
 Труты-зилля шукала.
 Труты-зилля не найшла,
 Та сынивъ двоохъ прывела;
 Въ кытаечку повшла

И на Дунай однесла:
 „Тыхый, тыхый Дунай!
 „Моихъ дитокъ забавляй.
 „Ты, жовтенький писокъ!
 „Нагодуй моихъ дитокъ;
 „Искупай, исповый,
 „И собою укрый!“

I.

Бувъ соби дидъ да баба.
 Зъ давняго давна, у гаи надъ ставомъ,
 У-двохъ соби на хутори жылы,
 Якъ диточокъ двое,—
 Усюды обое.
 Ще зъ малечку у-двохъ ягнята паслы,
 А потимъ побралыся,
 Худобы диждалися,—
 Прыдбалы хутирь, ставъ и млынъ,
 Садокъ у гаи розвели
 И пасику чымалу,—
 Всёго надбалы.
 Та диточокъ у ихъ Бигъ-ма,
 А смерть зъ косою за плечыма.

Хто жъ ихъ старистъ привитае,
 За дытыну стапе?
 Хто заплаче, поховае?
 Хто душу спомяне?
 Хто пожыве добро чесно,

Въ добрую годьну,
 II згадае дякуючы,
 Якъ своя дытына?...
 Тяжко дитей годуваты
 У безверхій хати,
 А ще гирше старитыся
 У билыхъ палатахъ—
 Старитыся, умирагы,
 Добро покыдаты
 Чужымъ людямъ, чужымъ дитямъ
 На смихъ, на рострату!

II.

И дидъ, и баба у недилу
 На прызби въ-двохъ соби сыдили
 Гарпенько, въ билыхъ сорочкахъ.
 Сіяло сонце въ небесахъ:
 А ни хмарыночкы, та тыхо,
 Та любо, якъ у раи.
 Сховалося у серци лыхо,
 Якъ звирь у темнимъ гаи.

Въ такимъ раи, чого бь, бачтця,
 Старымъ сумоваты?
 Чы то давпе яке лыхо
 Прокынулось въ хати?
 Чы вчорашне, задавлене
 Зновъ заворушылось,

Чы ще тилько заклюнулось—
И рай запалыло?

Не знаю, що и нисля чога
Стари сумують. Може, вже
Отсе збираются до Бога;

Та хто въ далекую дорогу
Имъ добре коней запряже?
— „А хто насъ, Насте, поховае,
Якъ помремо?“

— „Сама не знаю!
Я все отсе миркувала,

Та ажъ сумно стало:
Одыноки зостарилысь...

Кому понадбалы
Добра сёго?“...

— „Стривай лышены!
Чы чуешъ? щось плаче
За воритьмы... мовъ дытына!

Побижимъ лышъ!... Бачышъ?
Я вгадувавъ, що щось буде!“

И разомъ схопылысь
Та до ворить... Прыбигають.

Мовчки зупынылысь:
Передъ самымъ перелазомъ—

Дытына сповыта,
Та й не туго, й новенькою

Свытыною вкрыта,
Бо то маты сповывала—

И литомъ уккрыла
Останнёю свытыною!...

Дывылысь, молылысь
Стари мои. А сердешне

Неначе благае:
 Выпручало рученята
 И до ихъ простягае
 Манюсиньки... и замовкло
 Неначе не плаче,
 Тилько ихька.

— „А що, Насте?
 Я й казавъ! Отъ бачышь?
 Отъ и таланъ, отъ и доля,
 И не одыноки!
 Берш-жь лышень та сповывай...
 Ачь яке, нивроку!
 Несы-жь въ хату, а я верхы
 Кынусь за кумама
 Въ Городыще.“
 Чудно якось
 Діется мижъ нами!
 Одынъ сына проклынае,
 Зь хаты выгоняе;
 Другый свичечку, сердешный,
 Пóтомъ заробляе
 Та рыдаючы становить
 Передъ образами:
 Нема дитей!... Чудно якось
 Діется мижъ нами!

III.

Ажь тры пары на радоцахъ
 Кумивъ назбиралы,
 Та въ-вечери й охрестылы

И Маркомъ названы.
 Рoste Марко. Стари мои
 Не знаютъ, де диты,
 Де посадить, де положить
 И що зъ нымъ робыты.
 Мынае рикъ. Рoste Марко—
 И дїйна корова
 У роскоши купається.
 Ажъ ось чернобрыва
 Та молода, билолыця
 Прыйшла молодыця
 На той хутирь благодатный
 У наймы просыться.

„А що жъ?“ каже, „возьмимъ, Насте.“

— „Возьмимо, Трохыме,
 Бо мы стари, нездужаемъ;
 Та такы й дытына—
 Хоча воно й пидросло,
 Та все жъ такы треба
 Коло ёго пиклуватысь.“

— „Та воно-то треба,
 Бо й я свою вже часточку
 Проживъ, слава Богу,—
 Пидтоптався.—Такъ що жъ теперь,
 Що визьмешъ, небого?
 За рикъ, чы якъ?“

— „А що дасте.“
 — „Е, ни! треба знаты,
 Треба, дочко, личыть плату,
 Зароблену плату;
 Бо сказано: хто не личыть,
 То той и не мае.

Такъ оттакъ хиба, небого?

 Ни ты насъ не знаешь,

Ни мы тебе. А пожывешь,

 Роздывышся въ хати,

Та й мы тебе побачымо,—

 Оттоди й за плату.

Чы такъ, дочко?“

 — „Добре, дядьку.“

— „Просымо-жь у хату.“

Поєдналысь. Молодыця

 Рада та весела,

Нибы зъ паномъ повинчалась,

 Закупыла села.

И у хати, и на двори,

 И коло скотыны

У-вечери и въ-досвита;

 А коло дытны

Такъ и пада, нибы маты:

 Въ будень и въ педилю

Головоньку ему змые,

 Й сорочечку билу

Що-день Божый надивае,

 Грается, спивае,

Робыть возыкы, а въ свято,

 То й зъ рукъ не спускае.

Дывуються стари мои

 Та молятся Богу.

А наймычка невсыпуца

 Що-вечирь, небога,

Свою долю проклынае,

 Тяжко, важко плаче;

И ниhto того не чус,

Не знае й не бачыць,
 Оцричь Марка маленького.
 Такъ воно не знае,
 Чого наймычка слёзамы
 Ёго умывае.
 Не зна Марко, чого вона
 Такъ ёго цилуе,—
 Сама не зйість и не допье,
 Ёго нагодуеть.
 Не зна Марко, якъ въ колысци
 Часомъ середъ ночи
 Прокинется, ворухнется,—
 То вона вже скочыть,
 И укрые й перехрестыть,
 Тыхо закольше:
 Вона чуе зъ тии хаты,
 Якъ дытына дыше.
 Въ-ранци Марко до наймычкы
 Ручкы простягае
 И мамою невсыпуцу
 Ганну велычае...
 Не зна Марко, росте соби,
 Росте, вырастае.

 IV.

Чымало лить перевернулось,
 Воды чымало утекло;
 И въ хутирь лыхо завернуло,
 И слизь чымало прынесло.
 Бабусю Настю поховалы

И ледве, ледве одволалы
 Трохыма дида. Прогуло
 Прокляте лыхо та й заснуло.
 На хутирь знову благодать
 Зь-за гаю темного вернулась
 До дида въ хату спочывать.
 Уже Марко чумакуе
 И въ-осены не ночуе
 Ни пидъ хатою, ни въ хати...
 Кого-небудь треба сватать.
 „Кого-жь бы туть?“ старый дума
 И просыть порады
 У наймычкы. А наймычка
 До царивны бь рада
 Слать старосты:—„Треба Марка
 Самого спытаты.“
 — „Добре, дочко, спытаемо,
 Та й будемо сватать.“
 Роспыталы, порадылысь,
 Та й за старостамы
 Пишовь Марко. Вернулыся
 Люде зь рушныкамы,
 Зь святымъ хлибомъ обминенымъ.
 Панну у жупани,
 Таку кралю высваталы,
 Що хочь за гетьмана,
 То не соромъ. Оттаке-то
 Дыво запопалы!
 „Спасыби вамъ!“ старый каже.
 „Теперь, щобъ вы знали,
 Треба краю доводыты,
 Колы й де винчаты,

Та й весилля. Та ще ось-що:
 Хто въ насъ буде маты?
 Не дожыла моя Настя!...“
 Та й залывсь слёзамы.
 А наймычка у порогу
 Вхопылась руками
 За одвирокъ, та й зомлила.
 Тихо стало въ хати;
 Тилько наймычка шентала:
 „Маты... маты... маты!“

V.

Черезъ тыждень молодыци
 Коровай мисылы
 На хутори. Старый батько
 Зъ усіей сылы
 Зъ молодыцями талцюе
 Та двирь вымитас,
 Та прохожыхъ, пройизжачыхъ
 У двирь заклыкае,
 Та вареною частуе,
 На весилля просыть.
 Знай бигае, а самого
 Ледве ноги носять.
 Скризь гармыдерь та реготня
 Въ хати и на двори,
 И жолобы выкотылы
 Зъ новой коморы.
 Скризь порання: печуть, варятъ;

Вымитають, мыють...
 Та все чужи. Де жъ наймычка?
 На прощу у Къивъ
 Пишла Ганна. Благавъ старый,
 А Марко ажъ плакавъ,
 Щобъ була вона за матирь.
 — „Ни, Марку, ніяко
 Мени матирью сыднты:
 То багати люде,
 А я наймычка... ще й зъ тебѣ
 Сміятыся будуть.
 Нехай Богъ вамъ помагае!
 Пійду помолюся
 Усимъ святымъ у Къиви,
 Та й знову вернуся
 Въ вашу хату, якъ приймете.
 Покры маю сылы,
 Трудытымусь...“
 Чыстымъ сердцемъ
 Поблагословила
 Свого Марка... заплакала
 Ї пишла за ворота.

 Розвернулося весилля.
 Музыкамъ работа
 И пидковамъ. Вареною
 Столы й лавы мыють.
 А наймычка шкандыбае,
 Поспишае въ Къивъ.
 Прийшла въ Къивъ — не спочыла:
 У мищанкы стала,
 Нанялася носыть воду,
 Бо грошей не стало

На акафысть у Варвары.

Носыла, носыла,

Синь изъ висимъ заробыла, —

И Маркови купыла

Свѣту шапочку въ пещерахъ

У Йвана святого,

Щобъ голова не болила

Въ Марка молодого;

И перстеныкъ у Варвары

Незистци достала,

И, всимъ святымъ поклонившысь,

До-дсму верталась.

Вернулася. Катерына

И Марко зострилы

За воритьмы, ввели въ хату

И за стиль посадылы;

Напувалы й годувалы,

Про Кывивъ пыталы,

И въ кимнати Катерына

Одпочыть послала.

„За що вони мене люблять?

За що поважають?

О, Боже мій мылосердний!

Може, вони знають...

Може, вони догадалысь...

Ни, не догадалысь;

Вони добри..“

И наймычка

Тяжко зарыдала.

VI.

Трычи крыга замерзала,
 Трычи роставала,
 Трычи наймычку у Кывь
 Катря провожала,
 Такъ якъ матиръ; и въ четвертый
 Провела небогу
 Ажъ у поле, до могылы,
 И молыла Бога,
 Щобъ швиденько верталася,
 Бо безъ неи въ хати
 Якось сумно, нибы маты
 Покинула хату.

Писля Пречыстои въ недилю,
 Та писля Першой, Трохымъ
 Старый сыдивъ въ сорочци билій,
 Въ брыли на прызби. Передъ нымъ
 Зь собакою унучокъ грався,
 А внучка въ южку одяглась
 У Катрыну и нибы йшла
 До дида въ гости. Засміявсь
 Старый и внучку прывитавъ,
 Неначе справди молодыцю.
 — „А де жъ ты дила паляныцю?
 Чы, може, въ лиси хто однявъ?
 Чы по-просту—забула взяты?...
 Чы, може, ще й не напекла?
 Е, соромъ, соромъ, лепська маты!“
 Ажъ зыркъ,—и наймычка ввійшла
 На двирь. Побигъ стричаты

Зъ онукамы свою Ганну.
 — „А Марко въ дорози?“
 Ганна дида пыталася.
 — „Въ дорози ще й доси.“
 — „А я ледве додыбала
 До вашои хаты,
 Не хотилось на чужыни
 Одній умираты!
 Колыбь Марка диждатыся...
 Такъ щось тяжко стало!“
 И внучаткамъ изъ клуночка
 Гостынци выймала:
 И хрестыкы, й дукачыкы,
 И намыста разочокъ
 Орыночци, и червоній
 Зъ хвольгы образочокъ;
 А Карпови соловейка
 Та коныквивъ пару;
 И четвертый уже перстень
 Святой Варвары
 Катерыни; а дидови
 Изъ воску святого
 Тры свичечкы; а Маркови
 И соби ничего
 Не прынесла: не купыла,
 Бо грошей не стало,
 А заробыть нездужала.
 — „А ось ще осталось
 Пивъ-бублычка!“
 И по шматочку
 Дитямъ роздилыла.

VII.

Ввійшла въ хату. Катерина
 Їй ноги умыла,
 Ї полудновать посадила.
 Не пыла й не йила
 Стара Ганна.

— „Катерино!

Колы въ насъ неділя?“

— „Писля-завтра.“

— „Треба буде

Акафысь наняты

Мыколаеви святому

Ї на часточку даты;

Бо щось Марко забарывся...

Може де въ дорози

Занедужавъ, сохрани Боже!“

Ї покапалы слёзы

Зъ старыхъ очей замученыхъ.

Ледве, ледве встала

Изъ- за стола.

— „Катерино!

Не та я вже стала:

Зледащила, нездужаю

И на ноги встаты.

Тяжко, Катре, умираты

Въ чужій теплій хати!“

Занедужала небога.

Уже й прычащала,

Ї маслосвятіе служылы,—

Ни, не помагало.
 Старый Трохымъ по надвирью,
 Мовъ убытый, ходыть.
 Катерына зъ боляцой
 И очей не зводыть;
 Катерына коло пей
 И днюе, й ночуе.
 А тымъ часомъ, сычы въ-ночы
 Недобре вищують
 На комори. Болящая
 Що-день, що годына,
 Ледве чуты, пытается:
 „Доню, Катерыно!
 Чы ще Марко не прыйихавъ?
 Охъ, якъ-бы я знала,
 Що диждуся, що побачу,
 То ще бь подождала!“

VIII.

Иде Марко зъ чумакамы,
 Идучы спивае,
 Не поспиша до госноды—
 Волю попасае.
 Везе Марко Катерыни
 Сукна дорогого,
 А батькови шытый поясъ
 Шовку червоного,
 А наймычци на очипокъ.
 Парчи золотой

И червону добру хустку
 Зъ билою габою,
 А диточкамъ черевычкы,
 Хвыгъ та винограду,
 А всимъ вкуши червоного
 Вына зъ Цариграду,
 Видеръ зъ трое у барыли,
 И кавьяру зъ Дону,—
 Всего везе, та не знае,
 Що діється дома!

Иде Марко, не журытся.
 Прийшовъ—слава Богу!
 И ворота одчыняе,
 И молятся Богу.
 — „Чы чуешъ ты, Катерино?
 Бижы зостричаты!
 Уже прийшовъ! бижы швидче
 Швидче веды въ хату!
 Слава Тоби, Хрысте-Боже!
 Насылу диждала!“
 И „Отче нашъ“ тыхо, тыхо,
 Мовъ кризь сонъ, читала.

Старый волю выпрягае,
 Занозы ховае
 Мережани, а Катруся
 Марка оглядае.
 — „А де жъ Ганна, Катерино?
 Я, цакъ, и байдуже!
 Чы не вмерла?“
 — „Ни, не вмерла,
 А дуже нездужа.“

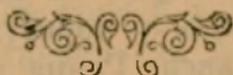
Ходимъ лышень въ малу хату,
Поки выпрягае
Волю батько: вона тебе,
Марку, дожыдае.“

Ввійшовъ Марко въ малу хату
И ставъ у порогу...
Ажъ злякався. Ганна шепче:
— „Слава... слава Богу!
Ходы сюды, не лякайся...
Выйды, Катре, зъ хаты:
Я щось маю роспытаты,
Де-що розказаты.“

Выйшла зъ хаты Катерина,
А Марко схылывся
До наймычки у головы.
— „Марку! Подывмыся,
Подывмыся ты на мене:
Бачь, якъ я змарнила?
Я не Ганна, не наймычка,
Я...“

Та й занимала.
Марко плакавъ, дывувався.
Зновъ очы одкрыла,
Пыльно, пыльно подывылася—
Слѣзы покотылись.
— „Просты мене! Я каралась
Весь викъ въ чужій хати...
Просты мене, мій сыночку!
Я... я твоя мати.“
Та й заговкла...

Зомливъ Марко,
 Й земля задрожала.
 Прокынувся... до матери—
 А маты вже спала!

СОНЪ.

(Частина зъ поеми).

Прощай, свите, прощай, земле,
 Непрыязний краю!
 Свои муки, свои люти
 Въ хмари заховаю.
 А ты, моя Україно,
 Безталанна вдово!
 Я до тебе литатиму
 Зъ хмари на розмову;
 На розмову тыху, сумну,
 На раду зъ тобою,
 О-пивяочи надатиму
 Чыстою росюю.
 Порадымось, посумуемъ,
 Ножы сонце встане,
 Пожы твои мали диты
 На ворога стануть...

Прощай же ты, моя нене,
 Удово небого!
 Годуй дитокъ! Жыва правда
 У Господа Бога.

Лечу... дывлюся: ажъ свитае,
 Край неба палае;
 Соловейко въ темнимъ гай
 Сонце зостричае;
 Тыхесенько витерь віе,
 Степы, ланы мріють,
 Мижъ ярамы надъ ставами
 Вербы зеленіють...
 Сады рясни похылылысь,
 Тополи по воли
 Стоять соби, мовъ сторожи
 Розмовляють въ поли.
 И все то-те... вся краина
 Повыта красою,
 Зеленіе, вымвається
 Раннёю росою;
 Вымвається, красуется,
 Сонце зостричае,—
 И нема ёму почыну,
 И краю немае.
 Нихто ёго не додбае,
 А ни розруйнуе.
 Душе моя убогая!
 Чого ты сумуешь?
 Душе моя убогая!

Чого тобі шкода? Хиба ты не бачышь,
 Хиба ты не чуешь людського плачу?

Онъ, глянь... подывыся, а я полечу
 Высоко, высоко за сыніи хмары:
 Немае тамъ власти, немае тамъ кары,
 Тамъ смиху людського и плачу не чуть!
 Онъ, глянь, у тимъ раю, що ты покидасшъ,
 Латану свытыну зъ каликы здѣймають,
 Зъ шкурою здѣймають, бо ни чымъ обуць
 Паять педорослыхъ...
 А тамъ по-пидъ тынню
 Опухла дытына голодная мре,
 А маты шпеныцю на панщыни жне...
 А тамъ... а тамъ... очы, очы!
 На що вы здалися?
 Чомъ вы змалку не высохлы,
 Слизьмы не злылися?
 Тамъ покытка по-пидъ-тынню
 Зъ байстрамъ шкандыбае:
 Батько й матирь одцуралысь,
 Чужи не прыймають;
 Старци навить цураются...
 А панычъ не знае!
 Зъ двадцятою, недолитокъ,
 Души пропывае...
 Душе моя убогая!
 Дышелько зъ тобою!

ЧЫГРЫНЬ.

Чыгрыне, Чыгрыне!
 Все на свити гыне,
 И святая твоя слава,
 Якъ пылына, лыне
 Зь витрамы холоднымы,
 Въ хмари пропадае.
 Надь землею летять лита,
 Днипро высыхае,
 Розсыпаются могылы,
 Высоки могылы—
 Твоя слава; и про тебе,
 Старче малосылый,
 Нихто й слова не промовыть,
 Нихто й не покаже,
 Де ты стоявъ, чого стоявъ....
 И на смихъ не скаже.

За що-жъ боролысь мы зь ляхамы!
 За що-жъ мы ризалысь зь панамы!
 За що скородылы списамы
 Татарськы ребра!.. Засявалы,
 И рудою полывалы,
 И шаблямы скородылы.
 Що-жъ на ныви уродыло?
 Уродыла рута, рута—
 Воли нашої отрута.

А я, юродывый, на твоихъ руинахъ
 Марно слёзы трачу. Заснула Украина,

Бурьяномъ укрылась, цвиллю зацвила,
 Въ камюжи, въ болоти, сердце прогноила
 И въ душло холодне гадюкъ напустыла,
 А дитямъ надію въ степу оддала.

А надію

Витерь по полю розвіявъ,
 Хвилля моремъ рознесла.

Нехай же витерь все розносить
 На неокраенимъ крыли,
 Нехай же сердце плаче, просить
 Святои правды на земли.

Чыгрыне, Чыгрыне,

Мій друже **єдиний!**

Проспавъ еси степы, лисы

И всю Украину!

Спм-жь повытый жыдовою,

Поки сонце встане!

.....
 Помолывшысь, и я бѣ заснувъ.....

Такъ думы прокляти

Рвутся душу запалыты,

Серце розирваты.

Не рвить, думы, не палите!

Може, верну знову

Мою правду безталанну,

Мое тыхе слово.

Може, выкую я зъ ёго

До старого плуга

Новый лемишь и чересло,

И въ тяжки упругы,

Може, зѣрю перелигъ той.

А на перелози
 Я посию мои слёзы,
 Мои щыри слёзы;
 Може, зйдуть и выростуть
 Ножи обоюдни;
 Роспанахають погане,
 Гныле сердце, трудне;
 И выцидять сукровату,
 И наллють живои
 Козацькои тїи крови.
 Чыстои, святои.

Може, може... а мижь тымы,
 Мижь ножами рута
 И барвинокъ розивьется,
 И слово забуде.
 Мое слово тыхе, сумне,
 Богобоязлыве
 Згадається,—и дивоче
 Серце боязлыве
 Стрепенется, якъ рыбацька
 И мене згадае...
 Слово мое, слёзы мои
 Раю ты мій, раю!

.

Москва, 19 февраля 1844 года

1845.

ДО ОСНОВЬЯНЕНКА.

Бьютъ пороги; мисяць сходять,
Якъ и перше сходывъ...
Нема Сичы, пропавъ и той
Хто всимъ верховодывъ!
Нема Сичы; очереты
У Днипра пытають:
„Де-то наши диты дилысь,
Де вони гуляють?“
Чайка скыглыть литаючи,
Мовъ за дитьмы плаче;
Сонце гріе, витерь віе
На степу козачимъ.
На тимъ степу скризь могылы
Стоять та сумують:

Пытаются у буйного:
 „Де наши панують?
 Де панують, бенкетують?
 Де вы забарылись?
 Вернитесь!... Дывитесь—
 Жыта похылылысь,
 Де паслыся ваши кони,
 Де тырса шумила,
 Де кровь ляха, татарына
 Моремъ червонила...
 Вернитесь!“...

.
 Слава не поляже;
 Не поляже, а розскаже,
 Що діялось въ свити,
 Чія правда, чія кривда
 И чии мы диты.
 Наша дума, наша писня
 Не вмере, не загыне...
 Отъ де, люде, наша слава,
 Слава Украины!
 Безъ золота, безъ каменю,
 Безъ хытрои мовы,
 А голосна та правдыва,
 Якъ Господа слово.
 Чы такъ, батьку, отамане?
 Чы правду спиваю?
 Эхъ, якъ-бы то!.. Та що й казать,
 Кебеты не маю!

.
 „Не потурай!“ може
 Та що зъ того буде?

Насміються на цсаломъ той,
 Що выллю слёзамы;
 Насміються! Тяжко, батьку!

Поборовся-бъ
 Якъ бы малось сылы,
 Заспивавъ бы,—бувъ голосокъ,
 Та позычки зйили..
 Оттаке-то лыхо тяжке,
 Батьку ты, мій друже!
 Блужу въ снигахъ та самъ собі:
 „Ой не шуми, луже!“
 Не втну бильше. А ты, батьку.
 Якъ самъ здоровъ знаешъ;
 Тебе люде поважають,
 Добрый голосъ маешъ;
 Спивай же имъ, мій голубе,
 Про Сичъ, про могылы,
 Коля яку насынали,
 Кого положили.
 Про старыну, про те диво,
 Що було, минуло..
 Утны, батьку, щобъ нехотя
 На весь свить почувлы,
 Що діялось въ Украйни,
 За що погыбала,
 За що слава козацькая
 На всимъ свити стала!
 Утны, батьку, орле сызый!
 Нехай я заплачу,
 Нехай свою Украйну
 Я ще разъ побачу;
 Нехай ще разъ послухаю

Якъ те море грае,
 Якъ дивчына пидь вербою
 Грыця заснивае;
 Нехай ще разъ усмихнется
 Серце на чужыни,
 Покы ляже въ чужу землю,
 Въ чужій домовыни.

До мертвыхъ и живыхъ и пенарожден-
 ныхъ землякивъ моихъ, въ Украини и
 не въ Украини сущыхъ, мое дружее
 посланіе.

„Аще кто речеть, яко люблю Бога, а
 брата своего ненавидитъ, ложь есть.“

И свитае, и смеркае,
 День Божый мынае,
 И знову людъ потомлений
 И все спочывае...
 Тилькы я, мовъ окаянный,
 И день, и ничь плачу
 На распуттяхъ велелюдныхъ,
 А нихто не бачыть;
 И не бачыть, и не знае...

Оглухлы, не чуютъ...
 Кайданамы миняются,
 Правдою торгуютъ,
 И Господа зневажаютъ —
 Людей запрягаютъ
 Въ тяжки ярма, орутъ лыхо,
 Лыхомъ засиваютъ...
 А що вродыть? Побачыте,
 Яки будуть жныва...
 Схамениться, недолюдкы,
 Диты юродыви!
 Подывитесь на рай тыхый --
 На свою Украину;
 Полюбите щырымъ сердцемъ
 Вельку руину;
 Розкуйтеся, братайтесь,
 У чужому краю
 Не шукайте, не пытайте
 Того, що немає
 И на неби, а не тилькы
 На чужому поли...
 Въ свой хати — своя й правда
 И сыла, и воля!
 Нема на свити Украины,
 Немае другого Дшира —
 А вы претесь на чужыну
 Шукаты доброго добра,
 Добра святого, воли, воли,
 Братерства братнёго... Найшлы,
 Неслы, неслы зъ чужого поля
 И въ Украину прынесли
 Велькыхъ словъ вельку сылу,
 Та й бильшь ничего... Крычыте...

.

 И знову шкуру дерете
 Зъ бративъ незрячихъ гречкосіивъ,
 И сонця правды дозривать
 Въ нимецьки земли, у чужьи
 Претесе знову. Якъ бы взять
 И всю мызерію зъ собою,
 Дидамы крадене добро,
 Тоди бъ zostався сыроतोю
 Зъ святымы горами Днипро!

Охъ якъ бы то сталося, щобъ вы не вернулись,
 Щобъ тамъ и здыхали, де вы порослы:
 Не плакали бъ диты, маты бъ не рыдала;
 Не чулы бъ у Бога вашои хулы;
 И сонце не грило бъ смердячого гною
 На чыстій, шырокій, на вольній земли;
 И люде бъ не знали, що вы за орлы,
 И не покывали бъ на васъ головою...

Схамениться! будьте люде,
 Бо лихо вамъ буде:
 Розкуются незабаромъ
 Заковани люде;
 Настане судъ, заговорять
 И Днипро и горы,
 И потече сторикамы
 Кровь у сыне море
 Дитей вашихъ; и не буде
 Кому помагаты,—
 Одцурается братъ брата
 И дытны маты;

И дымъ хмарою заступить
 Сонце передъ вами,
 И па-вики проклянетесь
 Своими сынамы.
 Умойтесе, образъ Божый
 Багномъ не скверните;
 Не дурите дитей вашихъ,
 Що воны на свити
 На те тилькы, щобъ панувать;
 Бо невчене око
 Загляне имъ въ саму душу
 Глыбоко, глыбоко...
 Дознаются небожята,
 Чія на васъ шкура,
 Та й засудять, и премудрыхъ
 Немудри одурять.

Якъ бы вы вчылысь такъ, якъ треба,
 То й мудрость бы була своя;
 А то зализете на небо:
 „И мы—не мы, и я—не я,
 И все те бачывъ, все те знаю:
 Нема ни пекла, а ни раю,
 Немае й Бога, тилькы я,
 Та кудый нимецъ узлуватый,
 Та й бильшь никого...“ — „Добре, брате!
 Що-жь ты таке?“
 — „Нехай нимецъ
 Скаже,—мы не знаемы!“
 Оттакъ то вы навчатесь
 У чужому краю!
 Нимецъ скаже: „Вы моголы!“
 — „Моголы, моголы,

Золотога Тамерлана
 Онучята голи!“
 Нимецъ скаже: „Вы славяне!“
 — „Славяне, славяне,
 Славныхъ прадидивъ велькихъ
 Правнуку погани!“
 И Комяра чытаете
 Зъ усїей сылы,
 И Шафарыка, и Ганку,
 И въ славянофылы
 Такъ и претесь, и вси мовы
 Славянського люду,
 Вси знаете, а своеи
 Дасть-Бигъ... „Колысь будемъ
 И по своему глаголатъ,
 Якъ нимецъ покаже,
 А до того й исторію
 Намъ нашу розскаже.
 Отгоди мы заходымось!“
 Добре заходылмсь
 По нимецькому показу,
 Та й заговорылы
 Такъ, що й нимецъ не второпа,
 Учитель велькый,
 А не то, щобъ прости люде!
 А гвалту! а крыку!
 „И гармонія, и сыла,
 Музыка, та й годи!
 А исторія? Поема
 Вольного народу!
 Що ти рымляне убоги!
 Чортъ-зна що, не Бруты....
 У насъ Бруты и Коклеса,

Славни, забути!
 У насъ воля выростала,
 Днипромъ умывалась,
 У головы горы клала,
 Степомъ укрывалась!“
 — Кровью вона умывалась,
 А спала на купахъ,
 На козацькихъ вольныхъ трупахъ,
 Окраденыхъ трупахъ!...
 Подивиться лишень добре,
 Прочытайте знову
 Тую славу, та чытайте
 Одъ слова до слова;
 Не мыняйте а ни тытлы,
 Ниже тыи комы;
 Все розберить, та й спытайте
 Тоди себе: що мы?
 Чи сыны? якихъ батькивъ?

.....

Варшавське смиття ваши паны
 Ясновельможныи гетьманы!
 Чого жъ вы чванятеся, вы,
 Сыны сердешной Украйны?

.....

Доборолась Украйна
 До самого краю:

Гирше ляха свои диты
 И роспынають;
 Такъ якъ пиво, праведную
 Кровь изъ реберь точуть;
 Просвитыты, бачышь, хочуть
 Матерыны очи
 Современнымы огнями,
 Повесты за викомъ,
 За нимцямы, недорику,
 Слипую калику.
 Добре, ведить, показуйте!
 За науку буде
 Матерына добра плата:
 Роспадется луда
 На очахъ вашихъ насытыхъ;
 Побачыте славу,
 Жыву славу дидивъ своихъ
 И бацькивъ лукавыхъ...

Учитесь, браты мои,
 Учитесь; чытайте,
 И чужому научайтесь
 Й свого не цурайтесь:
 Бо хто матирь забувае,
 Того Богъ карае,
 Чужи люде цураются,
 Въ хату не пускають,
 Свои диты—мовъ чужыи,
 И немае злomu
 На всій земли безконешній
 Веселого дому.

Я рыдаю, якъ згадаю
 Дила незабутни
 Дидивъ нашихъ: тяжки дила!
 Якъ бы ихъ забути,
 Я отдавъ бы веселого
 Вику половыну!
 Оттака-то наша слава,
 Слава Украины!...
 Оттакъ и вы прочытайте,
 Щобъ несоннымъ спылысь
 Все неправды, щобъ розкрылысь
 Высоки могылы
 Передъ вашыми очыма,
 Щобъ вы роспыталы
 Мученывивъ: кого, колы
 Й за що роспыналы?

.....

Обнимите жъ, братья мои,
 Найменьшого брата,—
 Нехай маты усмихнется,
 Заплакана маты;
 Благословить дитей своихъ
 Твердымы руками
 И обмытыхъ поцилуите
 Вольнымы устами!
 И забудется срамотня
 Давняя година,
 И оживе добра слава,
 Слава Украины,
 И свить ясный, не вечерній
 Тыхенько засяе...

Обнимитесь жъ, братья мои,
Молю васъ, благаю!

1845 г. 14 Декабря.

Въ юнщце, Полтав. губ. Переяславск. уѣзда, недалеко видъ Канева.

НЕВОЛЬНЫКЪ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

- Думы мои молоды,
Понурны диты!
И вы мене покынули!...
Пустку натопыты
Нема кому... Остався я,
Та не сырою,
А зъ тобою, молодю,
Раю мій покою,
Моя зоре досвітняя,
Едыная думо
Пречыстая!... Ты витаешъ...
Якъ у того Нумы
Тая нимфа Егерія,—
Такъ ты, моя зоре,
Просіяешъ надо мною,

Нибы заговоришь,
 Усмихнешся... Дивлюся я—
 Ничого не бачу...
 Прокынуся—серце плаче
 И очи заплачуть.
 Спасыби, зиронько!
 Мынае

Неясный день мій; вже смеркае,
 Надь головою вже несе
 Свою неклепаную косу
 Косарь непевный.. мовчки скосять...
 А тамъ—и слидъ мій занесе
 Холодный витерь... Все мынае!...
 Згадаешъ, може, молодая,
 Вылыту слёзамы
 Мою думу,—и тыхымы,
 Тыхымы ричамы
 Проговоришь: „я любыла
 Ёго на симъ свити,
 Й на тимъ свити любытыму...
 О, мій тыхый свито,
 Моя зоре вечерняя!
 Я буду витаты
 Коло тебе, и за тебе
 Господа богататы!

Той блукае за морямы,
 Свить перехожае,
 Доли, доленькы шукае...
 Немае, немае,—

Мовъ умерла! А той рвется
 Зъ усіеи сылы
 За долею... оть-отъ догнавъ!
 И—бебехъ въ могылу!
 А въ иншого сиромахы
 Ни хаты, ни поля,
 Тилькы торба; а зъ торбыны
 Выглядае доля,
 Мовъ дытынка; а винъ іи
 Лае, прокльнае
 И за чвертку закладае,—
 Ни, не покыдае,—
 Якъ репьяхъ той, учепытсья
 За латани полы,
 Та й збирае колосочки
 На чужому поли.

А тамъ—спопы, а тамъ—скырты,
 А тамъ—у палатахъ
 Сыдыть соби сирромаха,
 Мовъ у свой хати.
 Такая-то доля тая,—
 Хочь и не шукайте:
 Кого схоче—сама найде,
 У колысци найде.

Ще на Украини весели
 И вольныи пышались села
 Тоди, якъ праведно жылы
 Старый козакъ и дитокъ двое...
 Ще за гетьманщыны старои,
 Давно се діялось колысь.
 Такъ коло полудня, въ недилю,
 Та на зеленыхъ ще й святкахъ,

Пидь хатою въ сорочци билій
 Сыдивъ, зъ бандурою въ рухахъ,
 Старый козакъ.

— „И такъ, и сякъ!“

Старый миркуе, розмовляє:

„И треба бѣ“, каже, „й трохи шкода.

А треба буде; два-тры годы

Нехай по свиту погуляе

Та самъ *своеи* пошукае,

Якъ я шукавъ колысь... Ярыно!

А де Степанъ?“— „А онъ пидь тыномъ

Непаче вкопаний, стоять.“

— „А я й не бачу! А йдуть

Лышень сюды, та йдуть обое...

А нуте, диты, оттакои!“—

И вшкварывъ по струнахъ.

Старый грае, а Ярына

Зъ Степаномъ танцюе!

Старый грае, прымовляє,

Ногами тупцюе:

„Якъ-бы мени лыха, та лыха,

Якъ-бы мени свекривонька тыха,

Якъ-бы мени чоловікъ молодой,

До другои не ходывъ, не любывъ!

Ой, гопъ, чыкы-чыкы!—

Та червони черевыкы,

Та троисти музыки,

Одъ вику до вику

Я любила бѣ чоловіка!

Ой гопъ! Заходывсь,

Зробывъ хату, оженывсь,

И ничъ затопывъ,

И вечерять паварывъ.“

— „А нуте, диты, оттакон!“ —
 И старый пиднявся;
 Якъ ударыть, якъ ушкварыть, —
 Ажъ у боки взявся.
 „Чы такъ, чы не такъ, —
 Уродывъ постернакъ,
 А петрушку
 Крышы въ юшку, —
 Буде смакъ, буде смакъ!
 Ой такъ такы-такъ,
 Оженывся козакъ:
 Кынувъ хату
 И кимнату,
 Та й потягъ у байракъ.“

— „Ни, не така вже, пидтопталась
 Стара моя сыла,
 Утомывся... А все це вы
 Такъ розворушылы.
 О, бодай васъ! Що-то лита!
 Ни вже, не до ладу...
 Мыпулося. Иды лышень
 Полуднувать лагодъ;
 Гуляючы, якъ той казавъ,
 Шматокъ хлиба зъисты.
 Иды жъ, доню... А ты, сыну,
 Послухаешъ висты.
 Сидай лышень. Якъ убылы
 Твого батька Йвана
 Въ Шляхетчыни, то ты ще бувъ
 Маленькымъ, Степапе, —
 Ще й не лазывъ.“ — „То я не сынъ,
 А чужый вамъ, тату?“ —
 — „Та не чужый! стривай лышень.

Отъ, умерла й маты,
 Такы твоя, а я й кажу,
 Покійній Марыни—
 Моій жинци: а що, кажу,
 Визьмемъ за дытну,
 Тебе бь оце?—Добре, каже
 Покійна Марына,
 Чому не взять? Взялы тебе
 Мы, та й спарувалы
 Зь Ярыночкою до-купы...
 А теперь осталось
 Ось-що робыть: ты на лити,
 И Ярына зріе;—
 Треба буде людей шукать
 Та що-небудь діять.
 Якъ ты скажешь?—„Я не зляю,
 Бо я думавъ... тее...“
 — „Що Ярына сестра тоби?
 А воно—не тее;
 Воно просто: любитеся,
 Та й зь Богомъ до шлюбу.
 А покы-що, треба буде
 И на чужи люде
 Подывытысь, якъ тамъ жыють:
 Чы орють,
 Чы не на ораному сіють,
 А просто—жнуть
 И немолоченее віють;
 Та якъ и мелють и йидять—
 Все треба знать.
 Такъ отъ-якъ, друже: треба вь люде
 На рикъ, на два пты
 У наймыты;

Тоди й побачымо, що буде.
 Бо хто не вміє заробить,
 То той не вмитыме й пожить.
 А ты якъ думаешъ, небоже?...
 Не думай: колы хочешъ знать,
 Де лучче лыхомъ торгувать,
 Иды ты въ Сичъ. Якъ Богъ поможе,—
 Тамъ найисыся всихъ хлибивъ;
 Я ихъ чымало попойивъ:
 И доси нудно, якъ згадаю!
 Колы здобудешъ—прынесешъ;
 А колы згубышь—поживешъ
 Мое добро! то хочъ звычаю
 Козацького наберешся,
 Та побачышь свита,
 Не такого, якъ у бурси,
 А живи мыслите
 Зъ товариствомъ прочитаешъ,
 Та по-молодечы
 Будешъ Богу молытыся,
 А не по-чернечы
 Харамаркать. Отакъ, сыну!—
 Помолывшысь Богу,
 Осидлаемъ буланого,
 Та й гайда въ дорогу!
 Ходимъ лышень полудновать.
 Чы ты вже, Ярыно,
 Змайструвала намъ що-небудь?
 Оттаке-то, сыну!...“—
 — „Уже таточку!“ озвалась
 Изъ хаты Ярына.

Не йистся, не пьется и сердце не бьется,

И очы не бачать, не чутъ головы!
 Замість шматка хліба—за кухоль берется.
 Дывятся Ярына та нышкомъ сміється.
 — „Що се ёму стало? Ни йсты, ни пыть,—
 Ничого не хоче! Чы не занедужавъ?
 Братику Степане, що въ тебе болыть?“—
 Ярына пытае. Старому байдуже,
 Нибы-то й не чые—„Чы жать, чы не жать
 А сіяты треба!“—старый промовляе
 Нибы-то до себе.—„А нумо вставать!
 До вечерни, може, ще пошкандыбаю.

А ты, Степане, ляжешъ спать,
 Бо завтра рано треба встать
 Та коня сидлатъ.“

— „Степапочку, голубчыку!
 Чого се ты плачешъ?
 Усмихнися, подывыся:
 Хиба ты не бачышь,
 Що й я плачу? Розсердывся
 Богъ знае на кого,
 Та й зо мною не говорыть.
 Утечу, ій Богу,
 Та й сховаюсь у бурьяни...
 Скажы бо, Степане,
 Може, й справди нездужаешъ?
 Я зилля достану,
 Я побижу за бабою...
 Може, це зъ прыстриту?“
 — „Ни, Ярыно, мое сердце,
 Мій рожевый квите!..
 Я не братъ тоби, Ярыно!
 Я завтра покыну

Тебе й батька,—на чужыни
 Де-небудь загыну;
 А ты мене й не згадаешъ,—
 Забудешъ, Ярыно,
 Свого брата...“—„Схаменыся!
 Й-Богу зъ прыстриту!
 Я не сестра?... хто жъ оце я?
 О, Боже, мій свите!
 Що тутъ дять? Батька нема,
 А винъ занедужавъ
 Та ще й умре. О, Боже мій!
 А ёму й байдуже,
 Мовъ сміється. Степаночку!
 Хыба ты не знаешъ,
 Що безъ тебе и таточка
 И мене не стане?“—
 — „Ни, Ярыно, я не кыну,
 А тилькы пойиду
 Недалеко. А на той рикъ
 Я до васъ прыйиду
 Зъ старостами—за тобою
 Та за рушныкамы..
 Чы подаешъ?“—„Та цуръ тоби
 Зъ тымы старостами!
 Ще й жартуе!“—„Не жартую,
 Й-Богу, Ярыно,
 Не жартую!...“—„Та це й справди
 Ты завтра покынешъ
 Мене й батька? Не жартуешъ?
 Скажы бо, Степане,
 Хыба й справди не сестра я?“—
 — „Ни, мое кохання,
 Мое серце!“—„Боже жъ ты мій!

Чому я не знала?
 Була бь тебе не любила
 И не цилувала...
 Ой, ой, соромь! Геть одь мене!
 Пусты мене! Бачышь,
 Який добрый! Та пусты бо!
 Ій-Богу, заплачу.“ —
 И заплакала Ярына,
 Якъ тая дытына,
 И кризь слёзы промовляла:
 „Покыне! покыне!“
 Якъ той явирь надъ водою,
 Степань похылывся,
 Щыри слёзы козацькыи
 Въ серци запеклыся,
 Мовь у пекли. А Ярына
 То клене, то просить,
 То замовкне, подывытсья,
 И зновъ заголосить.
 Не чулыся, якъ смерклося;
 И сестру, и брата,
 Нибы скованыхъ до-купы
 Заставъ батько въ хати.

И свить наставъ, а Ярыни
 Не спытсья,—рыдае.
 Уже Степань изъ крыныци
 Коня напувае.
 Ій езна зь видрамы побигла
 Либы за водою
 До крыныци. А тымъ часомъ
 Запорозську зброю
 Старый вынисъ изъ коморы.

Дывытсья, радіе,
 Прымірае, нібы знову
 Старый моладіе.
 Та й заплакавъ.— „Зброе моя,
 Зброе золотая!...
 Літа мои молады,
 Сыло моладая!
 Послужы, моя ты зброе,
 Моладій ще сылі,
 Послужы ёму такъ щыро,
 Якъ мени служыла!“—
 Вернулсья одъ крыныці,
 И Степанъ сидлае
 Коня, свого товарыша,
 Й жупанъ надывае.
 А Ярына дае зброю,
 На порози стоя;
 Степанъ іі надывае,
 Та плачуть обое.
 И шаблюка, мовъ гадюка,
 Й ратыще-дрючына,
 Й самопаль семыпъядены
 Повысь за плечыма.
 Ажъ зомлила, якъ узрела.
 И старый заплакавъ,
 Якъ побачывъ на коневи
 Такого юнака.
 Веде коня за поводы
 Та плаче Ярына;
 Старый батько іде рядомъ,
 Научае сына:
 Якъ у війську пробуваты,
 Старшынь шануваты,

Товариство поважаты,
 Въ таборъ не ховатысь.
 — „Нехай тебе Богъ заступыты!“—
 Якъ за селомъ стали,
 Сказавъ батько,—та вси трое
 Разомъ зарыдали.
 Степанъ гукнувъ, и курява
 Шляхомъ пиднялася.
 — „Не барыся, мій сыночку,
 Швыдче повертайся!“—
 Сказавъ старый. А Ярына,
 Мовъ тая ялына
 Пры долини, похылылася...
 Мовчала Ярына,
 Тилькы слёзы утырае,
 На шляхъ поглядае.
 Изъ курявы щось выгляне
 И зновъ пропадае;
 Нибы шапка черезъ поле
 Котытся, чорніе,
 Пропадае, мошечкою
 Тилькы-тилькы мріе,
 Та й пропало. Довго, довго
 Стояла Ярына
 Та дывылася, чы не вырне
 Знову комашына
 Изъ курявы. Не вырнула—
 Пропала! И знову
 Заплакала Ярыпочка
 Та й пишла до-дому.

Мынають дни, мынае літо;
 Настала осінь, шелестыть

Пожовкле лыстя; мовь убытый
 Старый пидь хатою сыдыть:
 Дочка нездужае Ярына!
 Ёго едыная дытына
 Покинуть хоче. Зь кымь дожить,
 Добыты вику викового?
 Згадавь Степана молодого,
 Згадавь свои благи лита,
 Згадавь—та й заплакавь
 Багатый сывый сырота.—

— „Въ Твоихъ рукахъ все на свити,
 Твоя всюды воля!
 Нехай буде такъ, якъ хочешъ,—
 Така моя доля!...“

Старый вымовывъ и нышкомъ
 Богу помолывся;
 Та й пишовъ соби зь-пидь хаты
 Въ садокъ походыты.

И барвинкомъ, и рутою,
 И рястомъ квитчае
 Весна землю, мовь дивчыну,
 Въ зеленсму гаи!
 И сонечко середь неба
 Опынылось—стало,
 Мовь женихъ той молодую,
 Землю оглядало.
 И Ярына выйшла зь хаты
 На свить Божый глянуть,
 Ледве выйшла; усмихнется,
 То пиде, то стане,
 Розглядае, дывуется,
 Та любо, та тыхо.

Нибы вчора народылась...
 А лютеє лыхо
 Въ самимъ серци ворухнулось
 И свить запалыло.
 Якъ былына пидкошена,
 Ярына схылылась;
 Якъ зъ квиточки роса въ-ранци—
 Слѣзы полылыся...
 Старый батько коло неи
 Якъ дубъ похылывся.

Одужала Ярыночка.
 Идуть люде въ Кывь
 Та въ Почаивъ помолытысь,
 И вона йде зъ нымы.
 У Кыви великому
 Всихъ святыхъ благала;
 У Межыгорського Спаса
 Трычи прычащалась;
 У Почаиви святому
 Рыдала-молылась,
 Щобъ Степанъ той, доля тая,
 Й хоча прыснылась.
 Не прыснылась!... Вернулася...
 Знову забилила
 Зима била. За зимою
 Зновъ зазеленила
 Весна Божа. Выйшла зъ хаты
 На свить дывуватысь
 Ярыночка, та не Бога
 Святого богаты,
 А ныщечкомъ у ворожки
 Про ёго спытаты...

И ворожка ворожила,
 Пристрить замовляла,
 Таланъ, долю та весилля
 Зъ воску выливала.
 — „Онъ, бачышь; кинь осидланный
 Тупае ногою
 Пидъ козакомъ; а онъ-де йде
 Дидусь зъ бородою
 Ажъ до колинъ. Отто гроши;
 Якъ бы догадався
 Козакъ оттой злякать дида...
 Злякавъ!—та й сховався
 За могылу, личыть гроши...
 А онъ знову шляхомъ
 Козакъ иде, пибы старецъ;
 То, бачъ, рады страху,
 Щобъ ляхы, або татары
 Часомъ не спиткалы.“
 И радесенька Ярына
 До дому верталась.

Уже третій и четвертый
 И пъятый мынае
 Немалый рикъ, а Степана
 Немае, немао!
 И стежечка, дорижечка,
 Яромъ та горою
 Утоптана до ворожки,
 Поросла травою,—
 Нема ёго!... У черныци
 Косу расплитае
 Безталанна; коло неи
 Падае-благае

Старый батько,— хочь литечко,
 Хочь Петра диждаты,
 Хочь зеленои недиле.

Диждалысь, и хату
 Уквитчалы гарнесенько,
 И въ сорочкахъ билыхъ
 Невесели, мовь сыроты,
 Пидь хатою силы.
 Сыдять соби та сумують.
 Слухають... щось грае
 Мовь на кобзи, на улыци,
 И нибы спивае...

Д у м а.

У недилеу въ-ранци рано
 Сыне море грало:
 Товарыство кошового
 На ради прохало:
 „Благословы, отамане,
 Байдакы спускаты,
 Та за Тендерь погуляты,
 Турка пошукаты.“
 Чайкы й байдакы спускалы,
 Зь Днипрового гирла широкого выплывалы,
 Середь ночи темной

На мори сынѣму,
 За островомъ Тендеромъ потопалы, пропадалы...
 Одынъ потопае,
 Другый вырынае,
 Козацеству-товарыству изъ сынѣи хвыли рукою махае
 И зычно гукае:
 „Нехай вамъ, панове товариство, Богъ допомагае!“
 И въ сынїй хвыли потопае, пропадае...
 Тилькы тры чайкы, слава Богу,
 Отама на куринного,
 Сыроты Степана молодого,
 Сыне море не втопыло,
 А въ турецьку землю Агарянську
 Безъ кормылъ прыбыло.
 Тоди сыроту Степана,
 Козака лейстрового,
 Отамана молодого,
 Туркы-янычары ловылы,
 Зъ гарматы грымалы,
 Въ кайданы кувалы,
 Въ тяжкую неволю завдавалы...
 Ой Спасе нашъ Межыгорський,
 Чудотворный Спасе!
 И лютому ворогови
 Не допусты впасты
 Въ турецькую землю, въ тяжкую неволю!
 Тамъ кайданы по тры пуды,
 Отаманамъ—по чотыри...
 И свита Божого не бачать, не знаютъ,
 Пидь землею каминь ламають,
 Безъ сповиди святой умирають,
 Якъ собаки здыхають.

И згадавъ сырота Степанъ въ неволи
 Свою далеку Украину,
 Неридного батька старого,
 И конька вороного,
 И неридну сестру Ярыну...
 Плаче, рыдае,
 До Бога руки здймае,
 Кайданы ламае,
 Утикае на вольную волю...
 Уже на третёму поли
 Туркы-янычары догналы,
 До стовпа ввязалы,
 Очы выймалы,
 Гарячимъ зализомъ выпикалы,
 Въ кайданы кувалы,
 Въ тюрьму посадылы
 Та й замурувалы..“

Оттакъ на улыци, пидь тыномъ,
 Ще молодой кобзарь стоявъ
 И про невольныка спивавъ.
 За тыномъ слухала Ярына,
 И не дослухала—упала.
 „Степаночку! Степаночку!“
 Крычала, рыдала
 „Степаночку, мое сѣрце!
 Де жъ це ты барывся?
 Тату! тату! идить сюды,
 Идить, подывитесь!“—
 Прийшовъ старый, розглядае,
 И свого Степана
 Не пизнае. Таке зъ ёго
 Зробылы кайданы.

— „Сыну ты мій безталанний!
 Моя ты дытыно!
 Де ты въ свити погыбаешъ,
 Сыну мій едѣный“ —

Плаче старый та рыдае,
 Й Степанъ слипый плаче,
 Невыдющымы очыма
 Мовъ сонце побачывъ.
 И берутъ ёго пидъ руки
 И ведуть у хату;
 И витае Ярыночка,
 Мовъ ридного брата:
 И голову ёму змыла,
 И ноги умыла,
 И въ сорочци тонкій, билій
 За стилъ посадыла;
 Годувала, напувала,
 Положыла спаты
 У кимнати,—и тыхенько
 Выйшла зъ батькомъ зъ хаты.
 Черезъ тыждень безъ старостивъ
 За Степана свата
 Старый свою Ярыночку,—
 И Ярына въ хати...
 „Ни, не треба, мій таточку,
 Не треба, Ярыно!“ —
 Степанъ каже—„я загынувъ,
 На-вики загынувъ!
 За що жъ свои молоды
 Ты лита погубышъ
 За каликою, Ярыно?...
 Насміются люде,

И Богъ святой покарае,
 И прожене долю
 Зъ ціи хаты веселой
 На чужее поле...
 Ни, Ярыно! Богъ не кыне
 И знайде дружину;
 А я пиду въ Запорожжя:
 Тамъ я не загыну,—
 Нагодують.“ — „Ни, Степане,
 Моя ты дытыно!
 И Господь тебе покыне,
 Якъ ты насъ покынешь.
 Оставайся, Степаночку;
 Колы не хочь братысь,
 То такъ будемъ: я—сестрою,
 А ты будешь братомъ,
 И дитьмы ёму обое,
 Батькови старому.
 Не йды одь насъ, Степаночку,
 Не кыдай насъ знову!
 Не покынешь?...“ — „Ни, Ярыно!“ —
 И Степанъ остався.
 Зрадивъ старый, мовъ маленький,
 Ажъ за кобзу взявся,
 Хотивъ вшкварыть метельцю
 Зъ усіей сылы,
 Та не вшкварывъ...
 Пидь хатою
 Уси трое силы.
 —Розскажи жь ты намъ, Степане,
 Про свою недолю;
 Бо й я такы гулявъ колысь
 Въ турецкій неволи.“

— „Отто жъ мене, вже сліпого,
 На свить выпускалы
 Зъ товариствомъ. Товариство
 На Сичъ прямувало,
 И мене взяло зъ собою,
 И черезъ Балканы
 Просталы мы въ Украину
 Вольными ногами;
 А на тихому Дунаю
 Насъ перебивають
 Сичовыкы-запорозци
 И въ Сичъ завертають...
 И розказують, и плачуть:
 Якъ Сичъ руйновалы,
 Якъ москали срибло, злото
 И свичы забралы
 У Покровы; якъ козаки
 Въ-ночи утикалы
 И на тихому Дунаю
 Новымъ Кошемъ сталы;
 Якъ цариця по Кыиву
 Зъ Нечосемъ ходыла

.....
 И якъ стены запорозьски
 Тоди подилылы
 И панамъ на Украини
 Людъ закрипостылы...

.....
 Оттакъ, тату! Я щасливый,
 Що очей не маю,
 Що ничего того въ свити
 Не бачу й не знаю.

.....

Оттаке-то! тяжко, тату,
 Изъ своеи хаты
 До турчына поганого
 Въ сусиды прохатысь.
 Теперь, кажуть, въ Слободзеи
 Останкы збирае
 Головатый, та на Кубань
 Хлопцивъ пидмовляе...
 Нехай ёму Богъ поможе!
 А що зъ того буде—
 Святый знае: почуемо,
 Що розскажуть люде.“

Оттакъ вони, що-день Божый,
 У двоохъ розмовлялы
 До пивночи, а Ярына
 Господарювала,
 Та святихъ оттихъ благала...
 Такы жъ ублагала:
 На всейдній у недилю
 Вона спарувалась
 Зъ слипымъ своимъ...

Такее-то
 Скоилось на свити,
 Мои любви дивчаточка
 Рожевыи квити!
 Такее-то. Одружылысь
 Мои молодии.
 Може воно й не до-ладу,
 Та що маю дять,
 Колы таке сподіялось.

Рикъ уже мынае,
 Уже й другой. Зъ дружною
 Ярына гуляе
 По садочку; Старый батько
 Сыдыть коло хаты,
 Та вчыть внука пузанчыка
 Чоломъ отдаваты...

Епилогъ.

Оце и вся моя дума...
 Не здыуйте, люде!
 Те, що було, мынулося
 И знову не буде.
 Мынулыся мои слёзы,
 Не рвется, не плаче
 Поточене старе сердце,
 И очи не бачять
 Ни тихой хатыночки
 Въ забутому краю,
 Ни тихой долиночки,
 Ни темного гаю;
 Ни дивчыны молодой
 Й малой дытыны
 Я не бачу щаслывои...
 Все плаче, все гыне!
 И радъ бы я схватыся,

Але де?—не знаю.
 Скризь неправда, де не гляну,
 Скризь Господа лають!...
 Серце вяне, засыхае,
 Замерзають слёзы...
 И втомывсь я, одынокый,
 На самій дорози...
 Оттаке-то... не здывуйте,
 Що ворономъ кричу:
 Хмара сонце заступыла—
 Я свита не бачу...!
 Ледви, ледви о-пивночи
 Серцемъ прозыраю
 И немощну мою душу
 За свить посылаю
 Сцилющою й живущою
 Воды пошукаты:
 Якъ инколы, то й прынесе
 И покропыть въ хати,—
 И засвитыть огонь чыстый,
 И сумно и тыхо
 Розсказуе про весилля,
 Звертае на лыхо...

Теперь мени про слипого
 Сыроту кинчае,
 Але якъ довесты краю—
 И сама не знае:
 Бо не було того дыва
 Може споконь-вику,
 Щобъ щаслыва була жинка
 Зь слипымъ чоловикомъ.
 Отъ же сталоь таке дыво!

Годъ, другой мынае,
 Якъ побралысь; а дывышся—
 Въ-купочки гуляють
 По садочку... Старый батько
 Сыдыть коло хаты,
 Та вчыть внука маленького
 Чоломъ отдаваты.

16 Октября 1845.

С. Марьинское.

Посланіе славному П. І. Шафарыкови.

Лры поеми «Иванъ Гусъ», або «Эретыкъ».

Запалылы у сусида
 Нову добру хату
 Сусиды злы; нагрлыся
 Та й поляглы спаты,
 И забулы теплый попиль
 По полю розвіять...
 Лежыть попиль на роспутти,
 А въ попели тліе
 Огню искра велького,—
 Тліе, не вгасе,
 Лидпалу жде, якъ той местныкъ
 Часу дожыдае,

Злого часу. Тлила искра,
 Тыхо дотливала
 На распутти широкому,
 Тай гаснуты стала.

Оттакъ нимота запалыла
 Велыку хату, и симью—
 Симью славянъ розъедыныла,
 И нышкомъ тыхо упустила
 Усобыць лютую змію.
 Поылыся рикы крови,
 Пожаръ погасылы,
 А нимчыкы пожарыще
 Й сырить подилылы.
 Выросталы у кайданахъ
 Славянськыи диты,
 И забулы, невольныкы,
 Чи воны диты.
 А па давнимъ пожарыщи
 Искра братства тлила,—
 Дотливала, дожыдала
 Рукъ твердыхъ та смилыхъ...
 И дождалась. Прозривъ-есы
 Въ попели глыбоко
 Огонь добрый, смилымъ сердцемъ,
 Смилымъ орлимъ окомъ!
 И засвитывъ, любомудре,
 Свиточъ правды, воли...
 И славянъ симью велыку,
 Вотьми и неволи,
 Переличывъ до одного,
 Переличывъ трупы,
 А не славянъ—и ставъ есы

На великихъ купахъ,
 На розпутги всесвѣтнѣму,
 Іезекіилемъ.

И, о диво! трупы встали
 И очи раскрылы!
 И братъ зъ братомъ обнялся
 И проговорылы

Слово тихой любви
 На вики и вики!—

И потеклы въ одно море
 Славянскіи рикы!

Слава тоби, любомудре,
 Чеху-славяныне,

Що не давъ ты потонуты
 Въ нѣмецкій пучини

Нашій правди! Твое море
 Славянское, нове,

Зато́го вже буде повне,
 И поплыве човень

Зъ широкымы витрыламы
 И добрымъ кормыломъ,—

Пошыве на вольнимъ мори,
 На широкихъ хвляхъ!

Слава жъ тоби, Шафарыку,
 Во вики и вики,

Що звивъ-есы въ одно море
 Славянскіи рикы!

Прывитай же въ свой слави
 И мою убогу

Лепту—думу немудрую
 Про Чеха святого,

Великого мученька,

Про славного Гуса!
 Прыймы, отче! А я нышкомъ
 Богу помолюся,
 Щобъ уси славяне стали
 Добрымы братамы,
 И сынамы сонця правды
 И еретыкамы
 Оттакымы, якъ констанський
 Еретыкъ велькый!...
 Мырь мырови подарують
 И славу во вики!

22 Нолбра 1845.

Перелславъ.

Дви частыны зъ поемы „Иванъ Гусъ“ *).

I.

Камень, его же небрегоша виждущіе,
 сей бысть во главу угла;
 отъ Господа бысть сей и есть
 дивенъ во всѣхъ нашихъ:

Псал. СХVII, ст. 22.

Кругомъ неправда и неволя,
 Народъ замученый мовчыть,
 А на апостольскимъ престоли
 Чернецъ годованый сыдыть,

*, Урвокъ изъ поемы „Иванъ Гусъ“ бувъ першый разъ надружованый въ статті редактора „Домашней Бесѣды“ — „И мои воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ“ (Дом. Бес. 1861 г., вып

Людською кровію торгує
 И рай у наймы оддає.
 О, Боже! судъ твій правый всує
 И всує царствіє твое!
 Розбійныкы, людойиды
 Правду поборолы,
 Осміялы твою славу
 И сылу и волю.
 Люде стогнуть у кайданахъ,
 Немає зъ кымъ взятись,

33). Зъ неї выдко, що поема „Иванъ Гусъ“ була Т. Г. Шевченкомъ зовсимъ выроблена и читана автору тїи статти ще 26 мая 1846 року.—Це свидчаннє сучасныка Шевченкового, а особливо одповидь намъ шанов. добр. Д. Г. Лебединцева о де-якихъ рукописахъ Шевченка, данныхъ имъ для перепису чиновнику П-чу не задовго до арешту его въ Києви (1847 року), въ рещти одкыдає думку, що Тарась Грыгоровычъ Шевченко напысавъ тилько „Посланіє славному П. І. Шафарыку пры поєми „Иванъ Гусъ або Еретыкъ“. Доброд. Д. Г. Лебединцевъ повидавъ намъ, що авторъ пієсы, вернувшысь зъ высылкы въ Петербургъ, запєвнявъ его, що ця поема була имъ зовсимъ выкончена, и винъ пам'ятає, що въ Києви, въ 1847 році, винъ воставивъ їи комусь цїлкомъ. Шевченко прохавъ д. Лебединцева роспытатись про неї у Києви, и винъ дознавсь, що Шевченко давъ цю поєму въ иншымы своїмы творами для перепису чиновнику Києвськои консисторїи П-чу; цей же, після того якъ Шевченко бувъ арештований, зъ переляку, спалывъ уси рукописы покойного, яки було дано ему для перепису. Усю оцю исторїю зъ рукопысами добр. Лебединцевъ перєсказавъ Шевченкови, который вразу жъ згадавъ, кому и для чого винъ давъ свои рукописы, мижъ которымы була и выкончена поема „Иванъ Гусъ“. Думка, що поема була тилько задумана, одкыдаєся такожъ ще й тымъ, що въ бумагахъ, котри востались після покойного П. І. Шафарыка у его сына, знайшовся урывокъ зъ цієї жъ поємы, названий—„Папська Булла“; але цїлої поємы—мижъ рукопысами П. І. Шафарыка—такъ-таки й не розшукано. Такимъ робомъ, поема „Иванъ Гусъ, або Еретыкъ“ не дійшла до насъ цїлкомъ, и мы друкуємо нынї урывкы зъ неї, яки були вже надруковани въ часопыси „Правда“ 1873 року.

Роскуватись, одностайне,
 Односердне стати
 За евангелію правды,
 За темны люде.
 Нема кому!... Боже, Боже!
 Чы то жъ и не буде?
 Чы настане велькій часъ
 Небесной кары?
 Чы розломымъ тры короны
 На гордй тиари?
 Розломимо!... Благословы—
 Не на месть и муки—
 Благословы мои, Боже,
 Нетверды руки
 И слово тыхее... О, Боже!
 Чы воны жъ почувуть...

Оттакъ

У келіи свой правдыый
 Иванъ Гусъ думавъ роскувать
 Народъ замученый и дыво,
 Свягее дыво, показать
 Очамъ незрячымъ...
 „Поборюсь!...
 За правду Богы! Да совершится!...
 И въ Выфліемськую каплюцю
 Пишовъ молытсья вирный Гусъ.

II.

Папська булла.

„Во имя Господа Христа,
 За насъ распятого на древи,
 И всихъ апостоливъ святыхъ,
 Петра и Павла особлыве,
 Мы розришаемо грихы
 Святою буллою сією
 Рабыни Божый оттій,
 Що водылы по улыцяхъ
 Въ Прази позавчора,
 Що хылылась...
 По шынкахъ, по станахъ,
 По чернечыхъ переходахъ,
 По келіяхъ пьяна.
 Отта сама заробыла
 Та буллу купыла:
 Теперь свята...“

— „Боже, Боже,
 Великая сыло!

Великая славо! зглянься на людей,
 Одпочынь одъ кары у святому раи!
 За що пропадають, за що Ты караешъ
 Своихъ и покирныхъ, и добрыхъ дитей?
 За що закрывъ ихъ добри очы
 И вильныхъ розумъ окувавъ
 Кайданамы лыхой ночи?
 Прозрите, люде! день наставъ!

Проснитися, чехы, змийте луду
 . . . будьте люде,
 А не посмишыще ченцямъ!
 Розбійныкы, каты въ тіарахъ,
 Все потопылы, все взяли,
 Мовъ у Москви татары,
 И намъ, слипымъ, передалы
 Свои догматы. Кровь, пожары
 Все зла на свити, войны, чвары,
 Пекельныхъ мукъ безкрай рядъ
 И повенъ Рымъ байстрять—
 Отъ ихъ догматы и ихъ слава!
 То явна слава... А теперь
 Святымъ положено конклавомъ:
 Хто безъ святой буллы вмеръ—
 У пекло просто! Хто жъ заплатить
 За буллу вдвое—рижъ хочъ брата,
 Окромѣ папы и ченця,
 И въ рай иды—кинець кинцямъ.¹
 У злодія вже злодій краде,
 Та ще й у церкви... Гады! гады!
 Чы напылыся вы, чы ни
 Людської крови?!—Не мени,
 Великий Господы, простому,
 Судыть великій дила
 Твоеи воли... люти зла
 Не діешъ безъ выны никому!²
 И плакавъ Гусъ, молитву дія,
 И тяжко плакавъ; людъ мовчавъ
 И дывувався: що винъ діявъ?
 На кого руку пиднимавъ?³

 Все здригнулы:

Иванъ Гусь буллу розидравъ!
 Изъ Выфльемської каплицы
 Ажъ до всесвітнѣи столыци
 Луна, гогочучы, неслась;
 Ченци ховаются: мовъ кара,
 Луна въ конклави виддалась,—
 И похылылася тіара.
 Шепочется Авыньоно
 Зъ рымськымы ченцями;
 Шепочутся антыпапы—
 Ажъ трясутся стины
 Видь шопоту. Кардыналы,
 Якъ гадюкы, вьются
 Кругъ тіары, та ныщечкомъ,
 Мовъ коты, грызутся
 За мышеня... Та й якъ такы:
 Однѣи шкуры
 Така сыла! А мьясыва!
 Ажъ здригнулы муры,
 Якъ зачулы, що у Прази
 Закгелкалы гусы
 Та зъ орламы летять бытсья...
 Конклавъ схаченувся.
 .. положиылы:
 Одностайне статы,
 И всихъ...
 ... склыкаты,
 Та й стерегыты, яко мога
 И зъ верху, и зъ долу,
 Щобъ не втекла тая птаха
 На славянське поле.
 Якъ та галычъ поле крыла,
 Ченци повалылы

Погорилу хату,
 И вымете, и вымые,
 И свитло засвтиты;
 Може ще разъ прокынутся
 Мои думы-диты;
 Може ще разъ пожурюся,
 Зъ дитками заплачу,
 Може ще разъ сонце правды
 Хочъ кривъ сонъ побачу!

1846. Книж.

До 1847 року.

УТОПЛЕНА.

Витерь въ гаю не гуляе—
 Въ ночи спочывае;
 Прокынется,—тыхесенько
 Въ осоки спытае:
 „Хто се, хто се по симь боци
 Чеше косу? хто се?...
 Хто се, хто се по тимь боци
 Рве на соби косы?...
 Хто се, хто се?“ тыхесенько
 Спытае-повіе,
 Та й задрима, поky неба
 Край зачервоніе.

„Хто се, хто се? спытаете,
 Цикави дивчата,
 Отто дочка по симь боци,
 По тимь боци—маты.

Давно колысь те діялось
 У насъ на Вкраини...
 Середъ села вдова жыла
 У новій хатыни;
 Билолыця, кароока
 И станомъ висока,
 У жупани,—кругомъ пани,
 И спереду, й збоку.
 И молода—нивроку ій,—
 А за молодую,
 А надто ще за вдовою,
 Козаки ордою
 Такъ и ходять. И за нею
 Козаки ходылы,
 Покры вдова безъ сорома
 Дочку породыла;
 Породыла, та й байдуже;
 Людямъ годуваты
 Въ чужимъ сели покынула:
 Оттака-то маты!...
 Постривайте, що ще буде!
 Годувалы люде
 Малу дочку, а вдовыця,
 Въ педилю и въ будень,
 Зъ жонатымы, зъ парубкамы,
 Пыла та гуляла,
 Покры лыхо не спиткало,
 Покры не та стала:
 Не чулася, якъ мынулы
 Лита молоды...
 Лыхо, лыхо! маты вяне,
 Дочка червоніе,
 Выростае... Та й выросла

Ганна кароока,
 Якъ тополя середь поля,
 Гнучка та висока.
 „Я Ганнуси не боюся!“
 Спивае матуся;
 А козаки, якъ хмиль оттой
 Вьются кругъ Ганнуси.
 А надто той рыбалонька,
 Жвавый, кучерявый,
 Мліе, вяне, якъ зострине
 Ганнусю чорняву.
 Побачыла стара маты,
 Сказылася люта:
 „Чы бачь, погань росхрыстана,
 Байстря необуте!
 Ты вже выросла, дивуешьъ,
 Зъ хлопцями гуляешьъ...
 Постривай же, ось я тобі!...
 Мене зневажаешьъ?
 Ни, голубко!“

И одъ злости

Зубамы скрегоче.
 Оттака-то була маты!...
 Де жъ сердце жиноче,
 Серце матери?... Охъ, лихо,
 Лышенько, дивчата,
 Маты станъ гнучкый, высокый,
 А сердца—не маты!
 Изогнется станъ высокый,
 Бровы полмяняють,
 И не счуетесь; а люде
 Смючысь згадають

Ваши лита молодьи,
 Та й скажуть: ледащо!
 Тяжко плакала Ганнуса,
 И не знала, за що,
 За що маты знущаетя,
 Лае, проклынае,
 Свое дытя безъ сорома
 Байстрямъ нарикае.
 Катувала, мордувала,
 Та не помагало:
 Якъ макивка на городи,
 Ганна розцвитала;
 Якъ калына пры долини
 Въ-ранци пидь росую,
 Такъ Ганнуса червонила,
 Мылася слёзою.
 „Заворожена! . . стривай же!“
 Шепче люта маты!
 „Треба труты роздобуты,
 Треба йты шукаты
 Стару видьму!“

Найшла видьму

И труты достала,
 И трутою до схиць сонця
 Дочку наповала.
 Не помогло... Кляне маты
 Той часъ и годину,
 Колы на свить породыла
 Нелюбу дытыну.
 „Душно мени; ходимъ, дочко,
 До ставка купатысь“.
 — „Ходимъ, мамо“ .

На берези

Ганна роздяглася,
 Роздяглася, роскынулась
 На билій сорочци;
 Рыбалонька кучерявий
 Мліе на тимъ боци..
 И я колысь... Та цурь ёму!
 Соромъ—не згадаю.
 Якъ дытына калыною
 Себе забавляє,
 Гне станъ гнучкый, розгынае,
 На сонечку гріе.
 Маты дывытця на неи—
 Одъ злости ниміе:
 То жовтіе, то сыніе;
 Росхрыстана, боса,
 Зъ роту пина; мовъ скажена,
 Рве на соби косы.
 Кынулася до Ганнуси
 И въ косы впылася.
 „Мамо! мамо! що ты робышь?“
 Хвыля роздалася,
 Закыпила, застонала,
 И обохъ покрыла.
 Рыбалонька кучерявий
 Зъ усіей сылы
 Кынувсь въ воду; плыве, сыню
 Хвылю роздырае,
 Плыве, плыве... оть-отъ доплывъ!
 Пурнувъ, вырынае—
 И утоплону Ганнусю
 На берегъ выносыть,
 Изъ рукъ матери заклятыхъ

Вырывает косы.
 „Серце мое! доле моя!
 Роскрий кари очи!
 Подвыся, усмихнися!
 Не хочешъ? не хочешъ?
 Плаче, пада коло неи,
 Роскрыва, цилуе
 Мертви очи. „Подвыся!...
 Не чует, не чует!
 Лежить соби на писочку,
 Били рученята
 Роскыдала; а за нею
 Стара люта маты:
 Очи вывело изъ лоба
 Одъ страшной муки!
 Втеребыла въ писокъ жовтый
 Стари сини руки.
 Довго плакавъ рыбалонька:
 „Нема въ мене роду,
 „Нема доли на симъ свити,—
 Ходимъ жыты въ воду!“
 Пиднявъ її, поцилувавъ...
 Хвля застогнала,
 Роскрылася, закрылася,
 И слиду не стало...

Зъ того часу ставокъ чысты
 Зарисъ осокою;
 Не купаются дивчата,
 Обходить горою;
 Якъ угледать, то хрестятся,
 И зовуть заклятымъ...
 Сумно, сумно кругомъ ёго...

А въ-ночи, дивчата,
 Выплывае зъ воды маты,
 Сяде по тимъ боци;
 Страшна, сына, розхристана,
 И въ мокрїй сорочци,
 Мовчки дывытса на сей бикъ,
 Рве на соби косы...
 А тымъ часомъ сына хвыля
 Ганнусю выносыть.
 Голисинька, стрепенетса,
 Сяде на писочку...
 И рыбалка выплывае,
 Несе на сорочку
 Баговиння зеленого;
 Поцилуе въ очы—
 Та и въ воду: соромытса
 На гнучкый дивочый,
 На станъ голый подывытса...
 И нихто не знае
 Того дыва, що творытса
 Середъ ночи въ гаи:
 Тилько витерь зъ осокою
 Шепче: „Хто се, хто се
 Сыдыть сумно надъ водою,
 Чеше довги косы?“

Н. МАРКЕВИЧУ.

Бандурысте, орле сызый!
 Добре тобі, брате!
 Маешъ крыла, маешъ сылу;
 Е-колы литаты.
 Теперъ летышь въ Украину:
 Тебе виглядають;
 Полетивъ бы за тобою,
 Та хто привитае?
 Я й тутъ чужый, одынокый,
 И на Украини
 Я сырота, мій голубе,
 Якъ и на чужыни!
 Чого жъ сердце бьется, рвется?
 Я тамъ одынокый...
 Одынокый!... а Вкраина!
 А степы широки!
 Тамъ повіе буйнесенькый,
 Якъ братъ заговорить;
 Тамъ въ широкомъ поли воля!
 Тамъ сынїе море,
 Выгравае, хвалыть Бога,
 Тугу розганяе;
 Тамъ могылы зъ буйнымъ витромъ
 Въ степу розмовляють,—
 Розмовляють, сумуючы;
 Оттака ихъ мова:
 „Було колысь, минулося,—

Не вернется знову!“
 Полетивъ бы, послухавъ бы,
 Заплакавъ бы зъ нымы...
 Та ба,—доля приборкала
 Мижъ людмы чужымы!

На вичну пам'ять Котляревському.

Сонце гріе, витьє віє
 Зъ поля на дольну,
 Надъ водою гнє зъ вербою
 Червону калыну;
 На калыни одыноке
 Гниздечко гойдає.
 А де жъ дився соловейко?
 Не пытай,—не знає!
 Згадай лыхо—то й байдуже:
 Мынулось, пропало;
 Згадай добре—серце вяне:
 Чому не осталось?

Отто жъ гляну, та й згадаю:
 Було, якъ смеркає,
 Защєбече на калыни,—
 Нихто не мынає:
 Чы багатый, кого доля,
 Якъ маты дытыну,

Убирае, доглядае,—
 Не мыне калыну;

Чы сырота, що до-свита

Мусыть уставаты,

Опынытса, послухае,---

Мовь батько та маты

Роспытують, розмовляють;

Серце бьется любо,

И свить Божый, якъ вельккъ депь,

И люде якъ люде!

Чы дивчына, що мылого

Що-день выглядае,

Вьяне, сохне сыротою,

Де дитысь не знае,—

Пиде на шляхъ подывытсья,

Поплакаты въ лозы;

Защербече соловейко—

Сохнуть дрибни слёзы;

Послухае, усмихнется,

Пиде темнымъ гаемъ...

Нибы зъ мылымъ розмовляла.

А винь знай спивае,

Та дрибно, та ривно, якъ Бога благае—

Поки выйде злодй на шляхъ погулять

Зъ ножемъ у халяви—пиде луна гаемъ,

Пиде та й замовкне: на-що щebetать?

Запеклюю душу злодйя не спыныть,

Тилькы стратыть голосъ, добру не навчыть;

Нехай винь лютуе, поки самъ загыне,

Поки безголовья воронъ прокрычыть.

Засне долына,—на калыни

И соловейко задрима.

Повіе витерь по долини,
 Пишла дибровою луна,
 Луна гуляе—божа мова—
 Встануть сердегы працювать,
 Пійдуть коровы на дибровы,
 Выйдуть дивчата воду брать,
 Выгляне сонце. Рай та й годи!
 Верба сміється,—свято скризь!
 Злодій заплаче, дарма що злодій.

Такъ було першъ; теперь дывысь:
 Сонце гріе, витерь віе
 Зъ поля на долину;
 Надъ водою гне зъ вербою
 Червону калыну;
 На калыни одыноке
 Гниздечко гойдае.
 А де дився соловейко?—
 Не пытай, не знае!

Недавно, недавно у насъ въ Украини
 Старый Котляревський оттакъ щebetавъ;
 Замокъ, неборака, сыротама кынувъ
 И горы, и море, де перше витавъ,
 Де ватагу пройдысвита
 Водывъ за собою.
 Все осталось, все сумуе,
 Якъ руины Трои;
 Все сумуе, тилькы слава
 Сонцемъ засіяла:
 Не вмре кобзарь, бо на вины
 Ёго привитала.
 Будешъ, батьку, пануваты,

Поки жывуть люде;
 Поки сонце зъ неба сяе,
 Тебе не забудуть.

Праведная душе! прыймы жъ мою мову!
 Немудру та щыру, прыймы, привитай;
 Не кынь сыротою, якъ кынувъ дибровы,
 Прылыны до мене хочъ на одно слово,
 Та про Украину мени заспивай.
 Нехай усмихнется душа на чужыни,
 Хочъ разъ усмихнется, дывлючысь, якъ ты
 Всю славу козацьку за словомъ единымъ
 Перенись въ убогу хату сыроты.
 Прылынь, сызый орле, бо я одынокый
 Сырота на свити въ чужому краю;
 Дывлюся на море шыроке, глыбоке,
 Поплывъ бы на той бикъ—човна не дають!
 Згадаю Енея, згадаю родыну,
 Згадаю—заплачу, якъ тая дытына;
 А хвыли на той бикъ идуть та ревуть.
 А може я й темный, ничего не бачу,
 Може моя доля на тимъ боци плаче,
 Бо сыроту всюды люде осміють;
 Нехай бы сміялысь, та тамъ море грае,
 Тамъ мисяць, тамъ сонце яснійше сія,
 И зъ витромъ могла въ степу розмовляе,
 Тамъ неодынокый зъ нею бувъ бы я.
 Праведная душе! прыймы мою мову,
 Немудру та щыру, прыймы, привитай,
 Не кынь сыротою, якъ кынувъ дибровы,
 Прылыны до мене, хочъ на одно слово,
 Та про Украину мени заспивай.

ДУМКА.

Тече вода въ сыне море,
 Та не вытикае,
 Шука козакъ свою долю,
 А доли немає.
 Пишовъ козакъ свить—за-очы;
 Грае сыне море,
 Грае сонце козацькее,
 А думка говорыть:
 „Куды ты идешъ, не спытавшысь?
 На кого покынувъ
 Батька, неньку старенькую,
 Молоду дивчыну!
 На чужыни не ти люде,—
 Тяжко зъ ными жыты!
 Ни зъ кымъ буде поплакаты,
 Ни поговорыты“.
 Сыдыть козакъ на тимъ боци,—
 Грае сыне море.
 Думавъ, доля зостринется—
 Спиткалося горе.
 А журавли летять соби
 До-дому ключама.
 Плаче козакъ—шляхы быти
 Зарослы тернама.

Витре буйный, витре буйный!
 Ты зъ моремъ говоришь, —
 Збуды ёго, заграй ты зъ нымъ,
 Спытай сыне море:
 Воно знае, де мій мылый,
 Бо ёго носыло;
 Воно скаже, сыне море,
 Де ёго подило.
 Колы мылого втопыло,
 Розбый сыне море;
 Пиду шукать мыленького,
 Втоплю свое горе,
 Втоплю свою недоленьку...
 Найду ёго, прыгорнуся,
 На серци зомлію.
 Тогди, хвыле, несы зъ мылымъ,
 Куды витерь віе!
 Колы жъ мылый на тимъ боци, —
 Буйнесеный, знаешъ,
 Де винъ ходыть, що винъ робыть:
 Ты зъ нымъ розмовляешъ.
 Колы плаче, то й я плачу;
 Колы ни — спиваю;
 Колы жъ згынувъ чорнобрыый,
 То й я погыбаю.
 Тогди несы мою душу
 Туды, де мій мылый;
 Червоною калыною
 Поставъ на могыли.
 Буде легче въ чужимъ поли
 Сыроти лежаты:

Буде надъ нымъ ёго мыла
Квиткою стояты.

И квиткою й калыною
Цвисты надъ нымъ буду,
Щобъ не пекло чуже сонце,
Не топталы люде.

Я въ-вечери посумую,
А въ-ранци поплачу;
Зійде сонце—утру слёзы,
Нихто й не побачыты!

Витре буйный, витре буйный!
Ты зъ моремъ говоришь,—
Збуды ёго, заграй ты зъ нымъ,
Спытай сыне море...

На що мени чорни бровы,

На що кари очы,

На що лита молодыи,

Весели дивочи?

Лита мои молодыи

Марно пропадають,

Очы плачуть, чорни бровы

Одъ витру лыняють.

Серце вяне, нудыть свитомъ,

Якъ пташка безъ воли;

На що жъ мени краса моя,

Колы нема доли?

Тяжко мени сиротою

На симъ свити жыты:
 Свой люде— якъ чужьи,
 Ни зъ кымъ говорыты;
 Нема кому роспытаты,
 Чого плачуть очы;
 Нема кому розсказаты.
 Чого сердце хоче,
 Чого сердце, якъ голубка,
 День и ничъ воркуе;
 Нихто ёго не пытае,
 Не знае, не чуе.
 Чужи люде не спытають,
 Та й на-що пытаты?
 Нехай плаче сыротына,
 Нехай лита тратыты!
 Плачъ же, сердце, плачте, очы,
 Поки не заснулы,
 Голоснйше, жалибнйше,
 Щобъ витры почувулы,
 Щобъ понесли буйнесеньки
 За сынее море,
 Чорнявому зрадльвому
 На лютее горе!

Тяжко важко въ свити жыты
 Сыроты безъ роду:
 Нема куды прыхылытыся,
 Хочъ зъ горы та въ воду!
 Утопывся бъ молоденькый,

Щобъ не нудыть свитомъ;
Утопывся бь—тяжко жыты,

И нема де дитысь.

Въ того доля ходыть полемь—

Колоскы збирае;

А моя десь, ледащыця,

За моремъ блукае.

Добре тому багатому:

Ёго люде знаютъ;

А зо мною зостринутся—

Мовъ не добачають.

Багатого, губатого

Дивчына шануе;

Надо мною, сыротою,

Смиється, кепкуе.

„Чы я-жъ тоби не вродливый,

Чы не въ тебе вдався,

Чы не люблю тебе щиро,

Чы зъ тебе сміявся?

Любы жъ соби, мое серце,

Любы, кого знаешь,

Та не смійся надо мною,

Якъ колы згадаешь...

А я пиду на край свита...

На чужій сторонци

Найду кращу, або згыну,

Якъ той лысть на сонци.“

Пишовъ козакъ сумуючы—

Никого не кынувъ;

Шукавъ доли въ чужимъ поли,

Та тамъ и загынувъ.

Умираючы дывывся

Де сонечко сяв...
 Тяжко, важко умираты
 У чужому краю!

За думою дума роємъ вылитае.
 Одна давить сердце, друга роздырае,
 А третья тихо, тихесенько плаче
 У самому сердци—и ниhto не бачыць.

Кому жъ ии покажу я?
 И хто тую мову
 Прывитае, угадае
 Велькое слово?
 Все оглухлы, похылылысь
 Въ кайданахъ—байдуже..
 Ты смеішся; а я плачу,
 Велький мій друже.
 А що вродыць зъ того плачу?
 Болыголовъ, брате...

 Нехай, брате! а мы будемъ
 Сміятысь та плакать.

Чого мени тяжко? Чого мени нудно?
 Чого сердце плаче, рыдае, крычыць,
 Мовь дытя голодне?... Сердце мое трудне,
 Чого ты бажаешъ? що въ тебе болыть?
 Чы пыты, чы йсты, чы спатонькы хочешъ?
 Засны, мое сердце, на-вики засны,
 Невкрыте, голодне... а людъ нависный
 Нехай скаженіе... закрой, сердце, очы!...

Мынають дни, мынають ночи;
 Мынае лито; шелестыть
 Пожовкле лыстя... гаснуть очы;
 Заснулы думы, сердце спыть;
 И все заснуло,—и не знаю,
 Чы я живу, чы доживаю,
 Чы такъ по свиту волочусь,
 Бо вже й не плачу, не сміюсь...

Доле, де ты? доле, де ты?
 Нема ніякои!
 Коны доброй жаль, Боже,
 То дай злои, злои!
 Не дай спаты ходячому,
 Серцемъ замираты,
 И гнылою колодою
 По свиту валятысь;
 А дай жыты—серцемъ жыты

И тебе хвалыты,
И Твій свить нерукотворный
И людей любыты...

Страшно впасть у кайданы,
Умирать въ неволи;
А ще гирше—спаты, спаты,
И спаты на воли,
И заснуты на вискъ-вики,
И слиду не кынуть
Ніякого!... однаково—
Чы жывъ, чы загынувъ.

Доле, де ты? доле, де ты?
Нема ніякои!
Колы доброй жаль, Боже,
То дай злои, злои!...

Витерь въ гаи пагынае
Лозу и тополю,
Лама дуба, котыть полемъ
Перекотыполе...
Такъ и доля: того лама,
Того пагынае,—
Мене котыть—и де спыныть
И сама не знае!...

У якому краи мене заховають,
Де я прыхылюся—на-вики засну?

Колы нема доли, нема талану,
 То никого й кынуть... Нихто не згадае,
 Не скаже хоть на смихъ: „нехай спочывае,—
 Тилькы ёго й доли, що рано заснувь!...“

Не хочу я женытыся,
 Не хочу я братысь:
 Не хочу я у запичку
 Дитей годуваты.
 Не хочу я, моя маты,
 За плугомъ ходыты:
 Оксамытови жупаны
 На рилли носыты.
 А пиду я одружуся
 Зъ моимъ вирнымъ другомъ—
 Зъ славнымъ батькомъ запорожськымъ
 Та зъ великымъ Лугомъ.
 На Хортыци у матери
 Буду добре жыты,
 У оксамыти ходыты,
 Меды, вына пыты“.

Пишовъ козакъ нерозумный
 Славы добуваты...
 Осталася сыротою стеренькая маты.
 Ой згадала въ недиленьку,
 Сидаячы йисты:
 „Нема мого сына Йвана
 И немае висты!“

Не черезъ два, не тры лита,
 Не черезъ чотыри
 Вернувся нашъ запорожець,
 Якъ та хыря-хыря,
 Обидравый, облатапый,
 Калекою въ хату.
 Оце тобі Запорожжя
 И сердешна маты
 Нема кому привитаты,
 Ни зъ кымъ пожурытысь:
 Треба було-бъ молодому,
 Треба-бъ одружытысь.
 Мынулыся молоды,
 Веселы лита;
 Немае зъ кымъ остылого
 Серденька нагриты,
 Нема кому зостринуты,
 Затопыты хату,
 Нема кому воды тый
 Калици податы.

Не жепыся на багатій, бо выжене зъ хаты;
 Не женыся на убогій, бо не будешъ спаты;
 Ожевысь на вольній воли, на козацькій доли;
 Яка буде, така й буде,—чы гола, то й гола!—
 Та нихто не розважае, нихто не пытае:
 Чого болыть? и де болыть?—самъ про тее знаешъ.
 У-двохъ, кажуть, и плакаты мовъ легше неначе...
 Брешуть люде,—легше плакаты, якъ нихто не бачыть...

Не завьдуй багату: багаты не мае
 Ни прыязни, ни любви,—винь все те паймае;
 Не завьдуй могучому, бо той заставляе;
 Не завьдуй и славному: славны добре знае,
 Що не ёго люде люблять, а ту тяжку славу,
 Що винь кровью та слёзамы вылье на забаву.
 И молоди, якъ зйдутся, то любо та тыхо,
 Якъ у раю, а дывышся; ворунится лыхо...
 Не завьдуй же никому,—дывысь кругомъ себе:
 Нема раю на всимъ свити, хиба-що на неби?

У Вильни, городи преславнимъ,
 Оце случылося недавно,
 Ще бувъ тоди... (отъ якъ на те
 Но вбгаю въ виршу сёго слова)
 Тоди здоровый, прездоровый
 Зробылы зъ ёго лазареть,
 А бакаляривъ розигналы
 За те, що шанкы не ламалы
 У Острій Брами... дурня знать
 По пòходу. Отъ же назвать,
 Й-Богу, я ёго не вмю
 Того студента. Що жъ намъ диять?..
 То сынокъ бувъ лытовськои
 Гордои графыни:
 И хороше, и багате,
 И одна дытыца,
 И учылось не папычемъ

И шапку знимало
 Въ Острій Брами. Добре було,
 Та лыхо спиткало:
 Улюбылося сердешне
 (Було молодее)
 У жыдивку молодую,
 Та й думало зъ нею,
 Щобъ сѣго не знала маты,
 Звычайне побратысь,
 Бо не можно рады даты.
 Що то за проклята!
 Мовъ змалѣвана сыдила
 До самой ночи
 Передъ викномъ и втырала
 Заплакани очи:
 Бо й вона такы любила!
 И страхъ якъ любила!
 Та на бульваръ выходыла,
 И въ школу ходыла
 Усе зъ батькомъ, то й не можно
 Було рады даты;
 И банкыръ якыйсь изъ Любська
 Жыдивочку сватавъ.
 Що тутъ на свити робыты?
 Хочь иты топытысь
 До Закрету: не хочется
 Безъ жыдивки жыты
 Студентови. А жыдъ старый,—
 Нибы тее знае,
 Дочку свою одыноку
 Въ хати замыкае,
 Якъ иде до лавокъ въ-ранци,
 И пайма сторожу—

Стару Рухлю. Ни, небоже,
 Рухля не поможе!
 Уже де вона на свити
 Романъ сей читала
 Зъ шовковою драбынкою!
 И Рухля не знала,—
 Може сама догадалась;
 Тилько заходылась
 Та сплела й соби такую,
 И въ ночи спустилась
 До студента на улыцю.
 И де бь утикаты,
 А воны (звычайне, диты)
 Любо цилуватысь
 Коло ворить заходылысь.
 А жыдь изъ на-двору,
 Мовъ скаженный, выбига
 Зъ сокырою. Горе!
 Горе тобі, стара маты!
 Нема твого сына:
 На улыци валяется
 Убыта дытына,
 Убытая жыдовыномъ.
 Горе тобі, маты!
 Жыдивочка... (де та сыла
 Взялася въ дытаты?!)
 Выхватила ту сокыру
 И батькови въ груди
 Ажъ по обухъ вгородыла!

Оттаке-то чудо

У тимъ мисти преславному,
 У тій Вильни сталося.

Дывувалысь довго люде,
Де вопа сховалась,
Жыдивочка та гадюча,
Що батька убыла?
А вона въ ночи любенько
Въ Вилии втонылась,
Бо нашлы ии въ Закрети,
Тамъ и поховалы.
А графиня безъ дытпы
Сердешна осталась.
Пойихала у Рымъ, кажуть,
Та десь опынылась,
Та зъ маркызомъ якимсь голымъ,
Кажуть, одружылась.
Може й брешуть, бо, звычайве,
На те воны люде:
И вдовыцю не забудуть
И тую осудять.

— 26 —
1847.

(Перше пивроччя).

РУСАЛКА.

Породыла мене маты
Въ высокыхъ палатахъ,
Та й понесла середь-ночи
У Днипри скупаты,
Купаючи, розмовляла
Зо мною, малою:
— „Плывы, плывы, моя доню,
Днипромъ за водою,
Та выплывы русалкою
Завтра середь ночи;
А я выйду гуляты зъ нымъ,
А ты й залоскочешъ.
Залоскочы, мое сердце,
Нехай не сміється
Надо мною, молодую;
Нехай пье, упьється

Не моими кровъ-слёзамы
 Сынёю водою
 Днипровою. Нехай соби
 Гуляе зъ дочкою.
 Плывы жъ, моя едина!
 Хвыли мои, хвыли,
 Привитайте русалоньку!...." —

Та й заглосыла,
 Та й побигла. А я соби
 Плыла за водою,
 Поки сестры не зострилы,
 Не взяли зъ собою.
 Уже зъ тыждень, якъ расту я,
 Зъ сестрамы гуляю
 О-пивночи, та зъ будынку
 Батька выглядаю.
 А може, вже поєдналась
 Зъ паномъ у палатахъ;
 Може, знову роскошуе
 Моя гришна маты.
 Та й замовкла русалочка,
 Въ Днипро порынула,
 Мовъ плиточка, а лозына
 Тыхо похытнулась.

Выйшла маты погуляты —
 Не спытса въ палатахъ;
 Пана Яна нема дома,
 Ни зъ кымъ розмовляты.
 А якъ прыйшла до берега,
 То й дочку згадала,
 И згадала, якъ купала
 И якъ примовляла;
 Та й байдуже... Пишла соби

У палаты спаты;
 Та не дійшла: довелось
 Въ Днипри ночуваты.
 И не счулась, якъ зуспили
 Днипрови дивчата,
 Та до неї: ухопылы,
 Та й ну зъ нею гратысь.
 Радисиньки, що піймалы,—
 Гралысь, лоскоталы,
 Поки въ вершу не запхалы,
 Та й зареготалысь.
 Одна тилько русалонька
 Не зареготалась.

Л И Л Е Я.

За що мене, якъ росла я,
 Люде не любылы?
 За що мене, якъ выросла,
 Молодую вбылы?
 За що вони теперь мене
 Въ палатахъ витають,
 Царивною называють,
 Очей не спускають
 Зъ мого цвиту, дывуються,

Не знают, де диты?
 „Скажи мени, мій братику,
 Королевый цвите.“
 — „Я не знаю, моя сестро.“ —
 И цвить королевый
 Схылывъ свою головоньку
 Червоно-рожеву
 До билого поныклого
 Лыченька лилеи.
 И заплакала лилея
 Росю-слёзою,
 Заплакала и сказала:
 — „Брате мій! зъ тобою
 Мы давно вже кохаємось,
 А я й не сказала,
 Якъ була я людыною,
 Якъ я мордувалась.
 Моя маты... чого вона,
 Вона все журылась,¹
 И на мене, на дытыну,
 Дывылась, дывылась
 И плакала? Я не знаю,
 Мій брате едыный,
 Кто ий лыхо заподіавъ.
 Я була дытына:
 Я гралася, забавлялась;
 А вона все вяяла,
 Та нашого злого пана
 Кляла, прокльынала.
 Та й умерла. А мене панъ
 Взявъ догудуваты.
 Я выросла, выкохалась
 У билыхъ палатахъ;

Я не знала, що байстря я,
 Що ёго дытына.
 Панъ пойхавъ десь далеко,
 А мене покынувъ.
 И проклялы ёго люде,
 Будынокъ спалылы;
 А мене, не знаю за що,
 Убылы—не вбылы,
 Тилько мои довги косы
 Острыглы; накрылы
 Острыжену ганчиркою,
 Та ще й реготалысь;
 Жыды навить нечыстыи
 На мене плювали.
 Оттаке-то, мій братику,
 Було мени въ свити!
 Молодого, короткого
 Не дали дожыты
 Люде вику. Я умерла
 Зимою пидъ тыномъ,
 А весною процвила я
 Цвитомъ пры долини,
 Цвитомъ билымъ, якъ снигъ билымъ,
 Ажъ гай звеселыла.
 Зимою люде, Боже мій,
 Въ хату не пустылы;
 А весною, мовъ на дыво,
 На мене дывылысь.
 А дивчата заквитчалысь
 И почалы зваты
 Лилеею-снигодцвитомъ;
 И я процвитаты
 Стала въ гай, и въ теплыци,

И въ билыхъ палатахъ.
 Скажи жъ мени, мій братику,
 Королевый цвите:
 На-що мене Богъ поставьвъ
 Цвитомъ на симъ свити?
 Щобъ людей я веселыла,
 Тыхъ самыхъ, що вбылы
 Мене й матирь?... Мылосердныи!“ —
 Святыи, Боже мылыи!“ —
 И заплакала лилея...
 А цвить королевый
 Схылывъ свою головоньку
 Червоно-рожеву
 На билее поныкле
 Лыченько лилеи.

КАЛЫНА.

„Чого ты ходышь на могылу?“
 На-сылу маты говорыла:
 „Чого ты плачешъ идучы,
 Чого воркуешъ у-ночи,
 Моя голубка сызкрыла?“
 — „Такъ, мамо, такъ!“
 И зновъ ходыла,
 А маты плакала ждучы.

Не сонъ-трава на могыли
 Въ ночи процвитае:
 То дивчына заручена
 Калыну сажае,
 И слёзаны полывае,
 И Господа просыть:
 „Пошлы, Боже, дощи въ ночи
 И дрибны росы,
 Щобъ калына прыйнялася,
 Роспустыла виты:
 Може, пташкою прылыне
 Мылы зъ того свита.
 Зовью ёму кубелечко
 И сама прылыну,
 И будемо щебетаты
 Въ-купци на калыни.
 Будемъ плакать, щебетаты,
 Тыхо розмовляты,
 Будемъ въ купочци у-ранци
 На той свить литаты.“

И калына прыйнялася,
 Виты роспустыла,
 И тры лита на могылу
 Дивчына ходыла.
 На четверте—не сонъ-трава
 Въ ночи процвитае:
 То дивчына зъ калыною
 Плаче-розмовляе:

„Шырокая, высокая
 Калыно моя!
 Не водою до схидъ сонця

Поливая!

Широки слёзы-рики

Тебе полылы.

Ихъ славою лукавою

Люде понесли.

Зневажаютъ подруженьки

Подругу свою,

Зневажаютъ червоную

Калыну мою;

Повый мою головоньку,

Росою умый

И витамы широковы

Одъ сонця закрый.

Мене знайдуть—поховають,

Мене осміють,

Широки твои виты

Диты обирвуть.“

Въ-ранци рано на калыни

Пташка щebetала;

Пидъ калыною дивчына

Спала, не вставала:

Утомылось молодее,

На вики спочыло.

Вставало сонце зъ-за могылы,

Радилы люде встаючы;

А маты й спаты не лягала,

Вечерять доню дожыдала

И тяжко плакала ждучы.

ТРЫ ШЛЯХЫ.

Ой тры шляхы шырокіы
 До-купы зійшлыся;
 На чужыну зь Украіны
 Браты розійшлыся;
 Покынулы стару матирь;
 Той жинку покынувъ,
 А той сестру, а найменьшый—
 Молоду дивчыну.

Посадыла стара маты
 Тры ясени въ поли,
 А невестка посадыла
 Высоку тополю;
 Тры яворы посадыла
 Сестра пры долини,
 А дивчына заручена—
 Червону калыну.

Не прыйнялысь тры ясени,
 Тополя всыхала,
 Повсыхалы тры яворы,
 Калына зивьяла—
 Не вертаюся тры браты.
 Плаче стара маты,
 Плаче жинка зь диточкамы
 Въ петопленій хати;
 Сестра плаче—йде шукаты
 Бративъ на чужыну,
 А дивчыну заручену
 Кладуть въ домовыну...

Не вертаются тры браты,—
 По свиту блукають,
 И тры шляхы шырокия
 Терномъ заростають.

1847, Петербургъ.

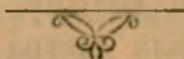
П У С Т К А.

Рано въ-ранци новобранци
 Выходылы изъ села,
 А за нымъ молодымы
 Одна дивчыва пишла.
 Подыбала стара маты
 Дочку зъ мылымъ розлучаты.
 Розлучыла та вмовляла,
 Покры въ землю закопала,
 А сама въ старци пишла.

Стоить село—не выросло,
 Не переминылось,
 Тилько пустка на край села
 На бикъ похылылась.
 Коло пусткы на мылыци
 Москаль шкандыбае,
 На садочокъ позырае,
 Въ викно заглядае.

Заглядае,—не выгляне
 Чорнобрыва зъ хаты,
 Не поклыче стара маты
 Вечеряты въ хату.
 А винъ колысь бувъ кльканый,
 Рушныкы вже ткалысь,
 И хустына мережалась,
 Шовкомъ вышивалась:
 Думавъ жыты, любытыся,
 Весь викъ веселытыся,
 А довелось, мій голубе,
 Слёзамы умытыся!
 Сыдыть москаль пидъ хатою,
 На двори смеркае,
 А въ викно, непаче баба,
 Сова выглядае.

1847, Петербургъ.

ХУСТЫНА.

Чы то на те Божа воля,
 Чы такая ии доля?...
 Росла въ наймахъ, выростала,
 Зъ сиротою покохалась.
 Неборакъ, якъ голубъ, зъ нею,
 Зъ безталанною своею,
 Одъ зиронькы до зиронькы

Сыдять соби у вдивонькы,
 Сыдять соби, розмовляють,
 Пречыстои дождають.
 Дождалися...

Зъ Чыгырыну
 По всій славній України
 Заревлы вельки дзвоны,
 Щобъ сидлалы хлопци кони,
 Щобъ мечи, шабли гострылы
 Та збиралысь на весилля,
 На веселе погуляння,
 На криваве замыцання...

У недилепьку та ранесенько
 Сурмы, трубы выйгравалы:
 Въ походъ у дорогу славни компанійци
 До схидъ сонечка рушалы.
 Выпровожала вдова свого сына,
 Ту єдиную дытыпу.
 Выпровожала сестра свого брата,
 А сирому—сиротына.
 Выпровожала, коня напувала
 До зирныци изъ крыныци;
 Выносила збрую: шаблю золотую
 И рушпыцю-такивныцю.
 Выпровожала три поля, три мыли,
 Прощалася пры долини,
 Дарувала шыту повкамы хустыпу,
 Щобъ згадувавъ на чужыни.

Ой хустыно, хустыночко,
 Мережана-шыта!

Тилько й славы козацької —
Сиделечко вкриты.

Вернулася, журылася,
На шляхъ бытый дывылася,
Квитчалася, прыбиралася,
Що-день Божый сподивалася,
А въ недиленьку ходыла
Выглядаты на могылу.

Мынае лито, мынае и друге,
А на треттє лынуть
Преславныи компанійци
Въ свою Украину.
Иде вѣско, иде й друге,
А за треттѣмъ стыха...
Не дывыся, безталанна,
Везуть тоби лыхо:
Везуть труну малѣвану,
Кытайкою крыту;
А за нею зъ старшиною
Иде, въ чорній свѣти,
Самъ полковныкъ компанійський,
Характерныкъ зъ Сичы.
За нимъ идуть есаулы,
Та плачуть идучы.
Несуть паны есаулы,
Козацькую зброю:
Лытый панцырь порубаный,
Шаблю золотую,
Тры рушныци-гакивынци
И тры самопалы;
А на зброи козацькая

Кровь позасыхала.
 Ведуть коня вороного—
 Розбыти копыта,
 А на ёму сиделечко,
 Хустыною вкрыте.

В Е Ч И Р Ъ.

(Аф. Ал. Лазаревскій).

Садокъ вышневый коло хаты;
 Хрущи надъ вышнями гудуть,
 Плугатаря зъ плугамы йдуть,
 Спивають идучы дивчата,
 А матери вечерять ждуть.

Семья вечера коло хаты;
 Вечирня зиронька встае;
 Дочка вечерять подае;
 А маты хоче научаты,—
 Такъ соловейко не дае.

Поклала маты коло хаты
 Маленькыхъ диточокъ своихъ,
 Сама заснула коло ихъ;
 Затыхло все... тилько дивчата
 Та соловейко не затыхъ.

За байракомъ байракъ,
 А тамъ степь та могола.
 Изъ моголы козакъ
 Встае сывий, похылый.
 Встае самъ у-ночи,
 Иде въ степь, а идучы
 Спива, сумно спивае:
 — „Наносылы земли,
 Та й до-дому пиплы,
 И ниhto не згадае. .
 Насъ тутъ трыста, якъ скло,
 Товарыства лягло,
 И земля не прыймае.
 Якъ запродавъ гетьманъ
 У ярмо хрыстіянъ,
 Насъ пославъ поганяты, —
 По свой по земли
 Свою кровь розлылы
 И заризалы брата;
 Крови брата епылысь,
 И оттуть поляглы
 У моголы заклятій.“ —
 Та й замовкѣ, зажурывсь
 И на спысь похылывсь,
 Ставъ на самій моголы.
 На Днипро pozyравъ;
 Тяжко плакавъ, рыдавъ;
 Сыни хвыли голосылы...
 Зъ-за Днипра, изъ села
 Луна гаемъ гула,
 Трети пивни спивалы.

Провалывся козакъ,
Стрепенувся байракъ,
А могыла застогнала.

Ой стричечка до стричечки,
Мережаю тры ничечки,
Мережаю, вышиваю,—
У недилю погуляю!

Ой плахотка-червчаточка,—
Дывуйтеся, дивчаточка,—
Дывуйтеся парубкы,
Запорозьскы козаки.

Ой дывуйтеся, лыцяйтеся,
А зъ иншымы винчайтеся:
Подавани рушныкы...
Оттаке-то, козаки!

Ой одна я, одна,
Якъ былинонька въ поли,
Та не давъ мени Богъ
А ни щастя, ни доли.

Тилькы давъ мени Богъ
 Красу, карыи очи. —
 Та й ти выплакала
 Въ самотыни дивочій.

А ни братика я,
 Ни сестрычки не знала,
 Мижъ чужымы зрсла...
 Та вже й вянуты стала...

Де жь дружна моя,
 Де вы, добрыи люде?!
 Ихъ нема, — я сама,
 А дружыны й nebude!...

„Не кыдай матери!“ казалы;
 А ты покынула, втекла.
 Шукала маты, не найшла,
 Та вже й шукаты перестала;
 Умерла плачучы. Давно
 Не чуть ничего, де ты гралась;
 Собака десь помандрувала,
 И въ хати выбите викно;
 Въ садочку темному ягнята
 У-день пасутся, а въ-ночи
 Вищуютъ совы та сычи
 И не дають сусидамъ спаты;
 И твій барвиночокъ хрещатый

Зарисъ богылоу, ждучы
 Тебе, неквитчану; и въ гай
 Ставочокъ чыстый высыхае,
 Де ты купалася колысь;
 И гай сумуе, похыливсь;
 У гай пташка не спивае—
 И ии зъ собою занесла;
 Въ яру крыныця завалылась,
 Верба усохла, похылылась,
 И стежечка, де ты ходыла,
 Колючымъ терномъ поросла.
 Куды полынула, де дилась,
 До кого ты перелетила?
 Въ чужій земли, въ чужій семьи
 Кого ты радуешь? до кого,
 До кого руки прирослы?
 Вищюе сердце, що въ палагахъ
 Ты роскошуешь, и не жаль
 Тоби покынутой хаты.
 Благаю Бога, щобъ печаль
 Тебе до вику не збудыла,
 Щобъ у палатахъ не найшла;
 Щобъ Бога ты не осудыла,
 И матери не прокляла.

По надъ полемъ иде,
 Не покосы кладе,
 Не покосы кладе—горы:
 Стогне земля, стогне море,
 Стогне та гуде.

Косаря у ночи
 Зостричаютъ сычи;
 Тне косарь, не спочывае;
 Ни на кого не вважае,—
 Хочь и не просы.

Не крычы й не просы;
 Не клепае косы;
 Чы то городъ, чы то поле,
 Якъ бритвою, старый голыть
 Усе, що дасы.

Мужыка й шынкаря,
 Сыроту кобзаря
 Прыспивуе старый, косыть;
 Кладе горама покосы,
 Не мыне й царя.

И мене не мыне,
 На чужыни зотне—
 За решеткою задавыть.
 И хреста ништо не поставыть
 И не помьяпе!

30 Мая, 1847.

1847

(Друге пивроччя).

Думы мои, думы мои!
Вы мои едѣни!
Не кыдайте хочъ вы мене
Пры лыхій годыни!
Прылѣтайте, сызокрыли
Мои голубьята,
Изъ-за Двипра шырокаго
У степъ погуляты
Зъ кыргызамы убогымы!
Воны вже убоги,
Уже голи... Та на воли
Ще молятыся Богу.
Прылѣтайте жъ, мои любѣ!
Тыхымы речамы
Прывѣтаю васъ, якъ дитокъ,
И заплачу зъ вамы.

МОИМЪ СОУЗНЫКАМЪ.

Згадайте, братія моя
 (Бодай те лыхо не верталось!),
 Якъ вы гарнесенько и я
 Изъ-за решотки вызырала
 И, певне, думалы: „колы—
 На раду тыху, на розмову—
 Колы мы зійдемося знову
 На сій зъубоженій землі?“
 Николы, братія, николы!...
 Зъ Днипра у-купи не пьемо,
 Розійдемося, рознесемо
 Въ степы, въ лисы свою недолю,
 Повируемъ ще трохы въ волю,
 А потимъ жыты почнемо
 Мижъ людьмы, якъ люде...

А погы те буде,
 Любитесь, браты мои,
 Украйну любите,
 И за неи безталанну
 Господа молитє.
 И ёго забудьте, другы,
 И не прокльнайте,
 И мене въ неволи лютій
 Инколы згадайте...

Въ неволи тяжко, хоча й воли —
 Сказать по-правди — не було;
 Та все-таки якось жылось —
 Хоть на чужому, та на поли...
 Теперь же злои ти доли,
 Якъ Бога, ждаты довелось.
 И жду ии, и выглядаю,
 Дурный свй розумъ прокльпаю,
 Що дався дурнямъ одурить,
 Въ калюжи волю утопыть.
 Холоне сердце, якъ згадаю,
 Що не въ Украйни поховають,
 Що не въ Украйни буду жыть,
 Людей и Господа хвалыть.

Не спалося; а ничь, якъ море, —
 Хоть діялось не въ-осены,
 Такъ у неволи. До стипы
 Не заговорышъ ни про горе,
 Ни про „младенческіе сны.“
 Верчуся, свиту дожыдаю;
 А за дверыма про свое
 Салдатськее нежытіе
 Два часовыи розмовляють.

Першый.

Така ухабиста собой,
 И меньше бѣлой не дарила;

А баринъ бѣдненькой такой.
 Меня-то, слышь, и подсмотрили;
 Свели въ Калугу и забрили.
 Такъ вотъ-тѣ случай-то какой!

Другой.

А я... ажъ страшно, якъ згадаю...
 Я самъ пишовъ у москали.
 Такы жъ у нашому сели
 Назнавъ я дивчыну. Вчащаю
 И матирь удову еднаю;
 Такъ панъ заклятый не дае.
 Мала, каже,—нехай диждуся.
 Я, знай, вчащаю до Ганнуси.
 На той рикъ знову за свое:
 Пишовъ я зъ матирью просыты.
 „Шкода,“ каже, „и не просы!
 Пятьсотъ,“ каже, „колы дасы,
 Беры хочъ заразь.“ Що робыты?
 Головка бидна! Позычать?
 Та хто таку позычыть сылу!
 Пишовъ я, брате, зароблять.
 И де вже ноги не носылы!...
 Покры ты грошы заробывъ,
 Я годивъ зо-два проходывъ
 По Черноморіи, по Дону;
 И подарункивъ накупывъ
 Найдорогійшихъ. Отъ, вертаюсь
 Въ село до дивчыны въ-ночи;
 Ажъ тилько маты на печи,
 Та й та сердешна умирае,
 А хата пустокою гные.

Я выкрасавъ огню; до неи—
 Одъ неи пахне вже землею,
 Уже й мене не пизнае.
 Я до попа та до сусиды:
 Прививъ попа, да не заставъ—
 Вона вже вмерла. Нема й слиду
 Моеи Ганпы. Я спытавъ
 Таки сусиду про Ганнусю.
 „Хиба ты й доси ще не знаешь?
 Ганнуса на Сыбирь пишла.
 До паныча, бачышь, ходыла,
 Покры дытну привела,
 Та у крыныци й затопыла.“
 Неначе згага запекла...
 Я ледве, ледве выйшовъ зъ хаты.
 Ще не свитало. Я въ палаты
 Пишовъ зъ пожемъ—не чувъ земли;
 Ажъ паныча вже одвезлы
 У школу въ Кывивъ. Отъ якъ, брате!
 Остались и батько, й маты,
 А я пишовъ у москали.
 И доси страшно, якъ згадаю:
 Хотивъ палаты запалыть,
 Або себе запапастыть.
 Та Богъ помылувавъ. А знаешь,
 Его до насъ перевелы
 Изъ арміи, чы що?

Першый.

Такъ-что-же?

Ну вотъ, теперь и приколи!

Другой.

Нехай соби... а Богъ поможе,
И такъ забудется колысь.

Воны ще довго говорылы;
Я ставъ передь-свитомъ дримать,
И панычы мени прыснылысь,
И не дали, погани, спать.

Одынъ у другого пытаемъ:
На що насъ маты привела—
Чы для добра, чы то для зла?
На що живемъ? Чого бажаемъ?
И не дознавшысь, умираемъ,
А покыдаемо дила.

Яки жъ мене, мій Боже мылий,
Дила осудять на земли?
Бодай ти диты не рослы,
Тебе святого не гнивылы,
Що у неволи народылысь
И стыдъ на тебе понесли.

Самому чудно. А де-жъ дитысь,
Що дїяты и що почать?
Людей и долю проклянуть—
Не вартъ, ій-Богу! Якъ же жыты

На чужыни, на самоти,
И що робыты взаперти?
Якъ-бы кайданы перегрызты,
То грызъ по троху бь... Такъ не ти,
Не ти ихъ ковали кувалы,
Не такъ зализо гартувалы,
Щобъ перегрызты. Горе намъ,
Невольныкамъ и сыротамъ,
Въ степу безкраимъ за Ураломъ!

Сонце заходыть; горы чорніють;
Пташечка тыхне; поле ниміе;
Радіють люде, що одпочынуть;
А я дывлюся и сердцемъ лыну
Въ темный садочокъ на Украйну;
Лыну я, лыну, думу гадаю,
И нибы сердце одпочывае.
Чорніе поле, и гай, и горы,
На сыне небо выходыть зоря.
Ой зоре, зоре!—и слёзы кануть—
Чы ты зійшла вже и на Украйни?
Чы очи кари тебе шукають
На неби сынимъ, чы забувають?
Колы забулы—бодай заснулы,
Про мою доленьку щобъ и не чулы.

Прывыкно, кажуть, собака за возомъ
бигты, то бижыть и за саньми.—

То такъ и я теперь пишу:
Папирь тилько, чорныло трачу.
А першъ (ій-Богу, не брешу!)
Згадаю що, чы що побачу,
То такъ утну, що ажъ заплачу;
И нибы самъ перелечу
Хочъ на годыну на Украину;
На неи гляну, подывлюсь,
И мовъ добро кому зроблю—
Такъ любо сердце одпочыне.
Якъ бы сказать, що не люблю,
Що я Украину забуваю,
Або лукавыхъ проклинаю
За те, що я теперь терплю.—
Ій-Богу, братія, прощаю
И Мылосердому молюсь,
Щобъ вы лыхымъ чымъ не згадалы;
Хочъ я вамъ кривды не робывъ,
Та все такы мижъ вами живъ,
То може де-що и осталось.—

Чы мы ще зійдемося знову,
Чы вже на-вики розійшлись,
И слово правды и любви
Въ стены, вертепы понесли?
Нехай и такъ!... Не наша маты,

А довелось поважаты.
 То—воля Господа!... Годить,
 Смыритесь, молитесь Богу
 И згадуйте одынь другого,
 Свою Украину любить;
 Любить її, бо время люте...
 Въ останню, тяжкую мынуту
 За неї Господа молити!

К Н Я Ж Н А.

Зоре моя вечирняя,
 Зійды надъ горою,
 Поговорымъ тихесенько
 Въ неволи зъ тобою.
 Розскажи, якъ за горою
 Сонечко сидае;
 Якъ у Днипра веселочка
 Воду позычае;
 Якъ широка сокорына
 Виты роспустила,
 А надъ самою водою
 Верба похылылась—
 Ажъ по води розистлала
 Зеленны виты,
 А па витахъ гойдаются
 Нехрещени диты;
 Якъ у поли на могыли

Вовкулакъ почуе,
 А сичъ въ лиси, та на стриси
 Недолю вищуе;
 Якъ сонъ-трава при долини
 Въ-ночи росцвитае...
 А про людей... та нехай имъ!
 Я ихъ, добрыхъ, знаю,
 Добре знаю!... Зоре моя,
 Мій друже єдиный!
 Ты не знаєшь, що діється
 Въ насъ на України,
 А я знаю и розкажу
 Тоби—й спати не ляжу,
 А ты завтра тихесенько
 Богови розкажешъ.

Село! и сердце одпочыпе.
 Село на нашій Україні—
 Неначе пысапка. Село
 Зеленымъ гаємъ поросло,
 Цвितуть сады; биліють хаты,
 А на гори стоять палаты
 Неначе диво; а кругомъ
 Широколыстыи тополи,
 А тамъ и лись, и лись, и поле,
 И сыни горы за Днипромъ...
 Самъ Богъ витае надъ селомъ!

Село! село! Весели хаты!
 Весели здалека палаты—
 Бодай вы терномъ порослы!

Щобъ люде й слиду не найшлы,
Щобъ и не знали, де й шукаты!

Въ тому господнѣму сели,
На нашій славній Украини,
Не знаю де воны взялысь,
Прыблуда князь, була й княгыня.
Ще молоди соби булы,
Жылы сами; булы багати:
Высоки на гори палаты,
Чы малый у яру ставокъ,
Зеленый на гори садокъ,
И вербы, и тополи,
И витрякы на поли,
И доломъ геть-соби село
По надъ водою простяглось.

Колысь тамъ весело бужо:
Бувало литомъ и зимою
Музыка тне; выно рикою
Гостей несытыхъ налива;
А князь ажъ сынїй похожае,
Та самъ несмилымъ наливае,
Та ще й покрыкуе „виваты!“
Гуляе князь, гуляють гости—
И покотылысь на помости...
А завтра знову ожива,
И знову пье, и зновъ гуляе...
И такъ за днямы день мынае...
Мужыцьки души ажъ пыцать;
Судовыкы благають Бога...
Пьяныци, знай соби, кричать:
— „И патріоты! и брать убогихъ!“

Нашъ славный князь! Вивать! Вивать!“
 А патріотъ, убогихъ братъ,
 Дочку й телычку однамае
 У мужыка...—

Княгыня взаперти сыдыть;
 Ии и въ сини не пускае
 Убогихъ братъ. А що-жь робыть?
 Сама втекла и повинчалась,
 И батько й маты не пускалы,
 Казалы: „въ гору не залазы!“
 Такъ ни—за князя! Огъ и князь!
 Отъ и пышайсь теперь, княгыне!
 Загынешь, серденько, загынешь,
 Мовъ рясть веспою у ночи;
 Засхнешь, не знатымешь ничого;
 Не знатымешь, якъ хваляты Бога,
 Якъ люде любляты живучы.
 А жыть такъ, Господы, хотилось!
 Хотилось любыты,
 Хоть годочокъ, хоть часочокъ,
 На свить подывытысь.
 Не довелось,—а все було,
 Всѣго понадбала
 Стара маты. Саму тебе
 Мовъ намалювала:
 Хочь молысь передъ тобою,
 Мовъ передъ святою.

Красо моя молодая,
 Горенько зъ тобою!
 Жыть бы, жыть, та славыть Бога
 И добро творыты,

Та Божою красотою
 Людей веселыты—
 Такъ-же ни! А молоды
 Та карыи очы,
 Щобъ марнили въ самотыни...
 Може, Богъ такъ хоче?
 Боже! Боже! даешъ волю
 И розумъ на свити,
 Красу даешъ, сердце чысте,
 Та не даешъ жыты...
 Не даешъ на рай веселый,
 На свить твѣй великый
 Надывытысь, намолытысь
 И заснуть на вики.

Не весело на свити жыть,
 Коны нема кого любыть;
 Оттакъ и йй, одній, едыній,
 Ще молодій мойй княгыни,
 Красу и сердце засушыть
 И марно згынуть въ самотыни—
 Ажъ страшно. А вона молылась
 И жыть у Господа прощялась,
 Бо буде вже кого любыть.
 Вона вже матирю ходыла,
 Уже пыпалась и любыла
 Свое дытя; и давъ дожыть
 Господь ий радости на свити—
 Узреть ёго, поцилувать
 Свое едынее дытя,
 И першый крыкъ ёго почуты...
 Охъ! диты! диты! диты!
 Велька Божа благодать!...

Слѣзы высохлы, пропалы,
 Сонце просіяло,
 И княгыця зъ дытыною
 Не тїєю стала:
 Нибы на свить народылась,
 Гралась, веселылась,
 И княжни свой маленькій
 Сорочечки шыла,
 И маленьки рукавчята
 Шовкомъ вышывала,
 И купала, й колыхала,
 Сама й годувала:
 Бо княгыни тильки вміють
 Привести дытыну,
 А годувать, та доглядать
 Не вміють княгыни;
 А потимъ оха: „забуває
 Мене мій Поль, або Филать.“
 За що-жъ воно тебе згадає—
 За те хыба, що привела?
 А моя свою дытыну
 Сама доглядала,
 А п'яного свого князя
 И не донускала.
 Мовъ яблучко у садочку,
 Кохалась дытына;
 И говорыть уже стала,
 И вчыла княгыня
 Тилько „мамо“ вымовляты,
 А „тато“ не вчыла..
 И книжечокъ зъ кунштыками
 Въ Ромни накупыла,
 Забавляла, розмовляла,

И Богу молытысь,
 И азбуку по кунштыкахъ
 Заходылась вчыты;
 И що Божый день купала,
 Рано спаты клала,
 И пылыночки на неи
 Впасты не давала;
 И всю ниченьку надъ нею
 Витала, не спала,
 Надывлялась, любовалась
 Княжною своею...
 И женыха ій еднала,
 И радила зъ пею,
 И плакала. Довги косы
 Уже расплитала
 И, лышенько, свого князя
 Пьяного згадала
 У мундыри, та й закрыла
 Заплакани очы.
 А дытыни нібы спытсы,
 Мовъ вымовыть хоче:
 — Не плачь, мамо, не росплитай
 Мои довги косы—
 Посичутся.. — Що день Божый
 Радости прыносять
 Свой матери щаслывій
 Дочка уродлыва:
 Мовъ тополя, вырастае
 Свитови на дыво;
 Вырастае... та недовго
 Буде веселыты
 Свою матирь: Богъ карае
 Княгыню на свити...

А за вищо? Чудно людямъ,
 Бо люде не знаютъ,
 Чому добре умирае,
 Злее оживае...
 Занедужала княгыня,
 И князь схаменувся—
 За бабамы-знахарками
 На селахъ метнувся.
 Найихалы; заходылысь,
 Личылы, личылы,
 Шоки ии безталанну
 Въ труну положиылы.

Не стало на сели княгыни.
 И гусла знову загулы,
 А сырота ии въ сели,
 Ии едныя дытына,
 Мовъ одирвалось отъ гялли:
 Ненагодовае и босе,
 Сорочечку до зносу носыть,
 Спеклося бидне на жару;
 Лопуцькы йисть, ставочкы гатыть
 Въ калюжахъ зъ дитьмы у яру.

Умыйся, серденько, бо маты
 Онъ дывытся й не пизнае
 Мижы дитьмы дытя свое
 И думае—тебе не стало.
 Умыйся, сердце, щобъ пизнала
 Тебе, еднную свою,
 И Господа бъ благословляла
 За долю добрую твою.
 Умылася; а добри люде
 Прибраылы, въ Кывивъ одвезлы

У институтъ... А тамъ що буде?
Побачымъ.

Гусла загулы...

Гуляе князь, гуляють гости,
Ревуть палаты на помости,
А голодъ стогне на сели.

И стогне винъ, стогне по всій України
Кара Господева. Тысячами гнуть
Голодныи люде... А скырты гныють,
А паны й полову жыдамъ продають,
Та голоду ради, та Бога благають,
Щобъ ще хочъ годочокъ хлибець не рожавъ:
Тоди бь и въ Парыжи и иному краю
Нашъ братъ хуторянынъ себе показавъ.

.....
Бо се було бь диво,
Щобъ чуты и бачыть и не покаратъ!
Або вже ажъ надто долготерпыливый...
Мынають лита. Люде гнуть;
Лютуе голодъ въ України,
Лютуе въ княжому сели.
Скырты вже княжи погнылы,
А винъ байдуже: нье, гуляе,
Та жыда зь гришмы выглядае.
Нема жыдка... Хлибы зійшлы;
Радіють люде, Бога просять;
Ажъ ось изъ Кыва привозять
Княжну. Мовъ сонечко зійшло
Надъ обикраденнымъ селомъ.

Чорнобрыва, кароока—
Вылытая маты!

Тилько смутна, невесела.
 Чого бь сумуваты?
 Або, може, вже такую
 Воно й уродылось?
 Або, може, молодее
 Чы не полюбыло
 Кого-небудь? Ни, никого.

Весела гуляла,
 Мовь ласочка зь кубелечка
 На свить выглядала
 Зь того Кыева; ажь по́кы
 Побачыла села
 Знивечени; сь того часу
 Стала невесела.

Мовь сызая голубонька
 Село облетила;
 У всіхь була, всіхь бачыла,
 Все повеселилы:
 Тамь словамы привитала,
 Тамь нагодувала;
 Що-день Божый обходила
 Село; помагала
 Усякому, а сироты
 До неї вь покой
 Прыходылы и матирью
 Своею святою
 Ги звалы, и все село
 За неї молылось.
 А тымь часомь жыды вь село
 Зь гришмы появились....
 Радіе князь, запродуе
 Зь половою жыто

И молотыть выганяе
 Людей недобытыхъ.
 Змолотылы, нивроку имъ,
 За одну году
 И зъ клуною провіялы.
 Кпязь и не спочынувъ:
 На могорычъ заклыкае,
 Та пье, та гулае
 Ажъ у гаи; бо въ покояхъ
 Дочка спочывае.

Гармыдерь, галась, гамъ у гаи;
 Срамотни спивы; ажъ лящыть
 Жиночый регить; завывае,
 Реве хазяинъ:— „Будемъ пыть,
 Ажъ помы наша допя спыть!“
 А допя взаперти сыдыть,
 Въ своему сумному покои,
 И дывытся, якъ надъ горою
 Червоный мисяць ажъ горыть,
 Зъ-за хмары тыхо выступае.
 И нобы горы оживають,
 Дубы зъ дибровы, мовъ дыва,
 У поле тыхо одхожають,
 И пугачъ пуга, и сова
 Зъ-пидь стрихы въ поле вылитае,
 А жабы крикають, гудуть.
 Дывитесь очы молодны,
 Якъ зори Божыи встають,
 Якъ сходыть мисяць, червоніе,
 Дывитесь, помы васъ гріе,
 А зори спаты не дають.
 Головою молодую

На руку схилылась,
 До-пивночы невесела
 На зори дывылась
 Княжна моя. Дывылася,
 Та й плакаты стала.
 Може, серце яке льхо
 Тыхо прошептало...
 Та байдуже: поплакала
 Трошки, усмихнулася,
 Помолылася, та й спать лягла,
 И тыхо заснула.

Въ гаю все покотомъ лежало—
 Пляшкы и гости: де що впало,
 Тамъ и осталось. Самъ не впавъ,
 Остатню каплю допывавъ;
 Та й ту допывъ. Встае, не пада!
 Иде въ покой.

Скверный гаде,
 Куды ты лизешъ? Схаменысь!
 Не схаменувся. Ключъ выймае,
 Прыйшовъ и двери одмыкае,
 И лизе до дочкы. Прокынься,
 Прокынься чыстая! Схопысь,
 Убий гадюку—покусае!
 Убий—и Богъ не покарае—
 Якъ тая Ченчио колысь
 Убыла батька кардынала...
 Ни, не прокынулася—спыть.
 А Богъ, хочъ бачыть, та мовчыть,
 Грихамъ великымъ потурае...
 Не чуть ничего. Часъ мынае,
 А потимъ крыкъ, а потимъ гвалтъ,

И плачь почулы изъ палатъ,
 Почулы совы; потимъ знову
 Не чуть ничего.

И въ той часъ

Скрыты и клуня зайнялись
 И зори зныклы. Хочь бы слово,
 Хочь бы де голосъ обизвався.
 Паны въ гаю не ворупылысь;
 А люде збиглысь, та дывылысь,
 Якъ дымъ до неба пидіймався.

Прокынулысь въ-ранци гости;

Ажъ бачать що лыхо—

Покынули свого князя,

Та любо, та тыхо.

Такъ и мы ёго покынемъ,

Такъ и Богъ покыне.

Тебе тилько не покыне

Лыхая година,

Княжно моя безталанна,

Знивеченый цвите.

Ты ще будешъ покутовать

Грихы на симъ свити,

Грихы батькови. О, доле,

Лукавая доле!

Покынь ии хочь на старисть,

Хочь на чужимъ поли,

На безлюдди. Не покынешь,

Поведешъ до краю,

До самой домовыны,

Сама й поховашь.

Въ сели не бачылы й не чулы,
 Де вона подилась.
 Думалы—на пожарыщи
 Небога сторила.

Стоить село. Невесело
 На гори палаты
 Почорнили. Князь хыріе,
 Нездужае встаты;
 А пидвесты нема кому—
 Нихто й не загляне
 До гришного боляцого
 Въ будышкы погани.
 Люде трохи очунялы;
 Господа благають,
 Щобъ княжна до ихъ вернулаь,
 А ии немае
 И не буде, вже, святой.
 Дежъ вона подилась?
 У Кыви пресвятому
 Въ черницѣ пострыглась.

Родылась на свить жыть, любыть,
 Сіять Господнею красою,
 Витать надъ гришнымы святою,
 И всякому добро творыть,—
 А сталоь ось якъ: у черныцяхъ
 Занапастылося добро.

Блукаючы по України,
 Прибывсь якось я въ Чыгырыль
 И въ манастырь отой дивочый,
 Що за пискамы, на болоти,

У лозахъ, самотный стоить.
 Отамъ мени розказала
 Стара черныця новыну,
 Що въ монастырь до ихъ зайшла
 Княжна якась изъ-за Днипра
 Позаторикъ. „Одпочывала,
 Та й Богу душу оддала.
 Вона була ще молодою
 И прехорошая собою;
 На сонци дуже занеклась,
 Та й занедужала. Лежала
 Недовго щось, седмици зъ тры,
 И все до крыхты розказала
 Мени и Ксеніи сестри,
 И вмерла въ насъ. И де ходыла,
 Въ якыхъ то праведныхъ мистахъ,
 А въ насъ сердешна опочыла...
 Оце ии свята могыла...
 Ще не поставылы хреста.“

И Р Ж А В Е Ц Ъ.

Наробылы колысь шведы
 Велыкой славы:
 Утикалы зъ Мазепою
 Въ Бендеры зъ Полтавы,
 А за нымы й Гордіенко.

.

Якъ мандрували день и ничь,
 Якъ покидали запорожци
 Великий Лугъ и матирь Сичь,
 Взялы зъ собою Матирь Божу,
 А бильшь ничего не взяли,
 И въ Крымъ до хана понесли
 На нове горе-Запорожже.

Заступыла чорна хмара
 Та билую хмару:
 Опанувавъ запорождемъ
 Поганый татарынъ.
 Хочь позволивъ ханъ на пскахъ
 Новымъ кошемъ статы,
 Та заказавъ запорожцямъ
 Церкву будуваты.
 У намети поставылы
 Образъ Пресвятой
 И крадькома молылся.

Боже мій зъ тобою,
 Мій краю прекрасный, роскошный, багатый!
 Хто тебе не мучывъ?!... Якъ розсказать
 Про якого небудь одного магната
 Исторію-правду, то перелякаты
 Саме бь пекло можно, а Данта старого
 Полупанкомъ нашимъ можно здыуваты.

.....

Розказали кобзари намъ
 Про войны и свары,
 Про тяжкее лыхолитте,
 Про лютыи кары,
 Що ляхы намъ завдавали,—
 Про все розказали

.....

..... И здалека
 Запорожци чулы,
 Якъ дзвонылы у Глухови,

.....

Зъ далекого Крыму

.....

.
 Чулы, чулы небожята,
 Чулы та мовчало,
 Бо й имъ добре на чужыни
 Мурзы завдавали.
 Мордувались сиромачы,
 Плакали, и зъ нымы
 Заплакала матиръ Божа
 Слѣзамы святымы;
 Заплакала мылосерда,
 Неначе за сыномъ.
 И Богъ згляпувъ на ти слѣзы
 И на Украину.

.

 Вернулись запорожци,
 Принесли зъ собою
 Въ Гетьманщину той чудовый
 Образъ Пресвятой,
 Поставылы у Иржавци
 Въ мурованимъ храми

.

А. О. КОЗАЧКОВСЬКОМУ.

Давно те діялось! Ще въ школи,
 Такы въ учителя дяка,
 Гарненько вкраду пятака,
 (Бо я було трохи не голе,

Таке убоге!) та й куплю
Паперу аркушъ, и зроблю
Маленьку книжечку; хрестамы
И везерункамы зъ квиткамы
Кругомъ листочки обведу,
Та й спысую Сквороду,
Або „Тры царіе со дары;“
Та самъ соби у бурьяни,
Щобъ не почувъ хто, не побачывъ,—
Выспивую було та плачу...

И довелось зновъ мени
На старість зъ виршамы ховатысь,
Мережать книжечкы, спиваты
И плакаты у бурьяни,
И тяжко плакаты!... и не знаю,
За що мене Господь карае...
У школи мучылось, росло,
У школи й сывить почало,
У школи дурня й поховають;
А все за того пятака,
Що вкравъ маленькымъ у дядка,
Мабуть, Господь мене карае...

Ось слухай же, мій голубе,
Мій орле-козаче!
Якъ канаю я въ неволи,
Якъ нужу я свитомъ.
Слухай, брате, та научай
Своихъ малыхъ дитокъ,
Научай ихъ, щобъ не вчылись
Змалку виршуваты;
Колыжъ яке поквапытся,
То ныщечкомъ, брате,
Нехай соби у куточку

И виршуе, й плаче
 Тыхесенько, щобъ Богъ не чувт,
 Щобъ и ты не бачывъ,
 Щобъ не довелося, брате,
 И ёму каратысь,
 Якъ я теиерь у неволи
 Караюся, брате...
 Неначе злодій, по за валамы
 Въ недилю крадуся я въ поле,
 Таламы выйду по-надъ Ураломъ
 На степь шырокий, мовъ на волю.

И болящее, побыте
 Серце стрепенется,
 Мовъ рыбонька надъ водою;
 Тыхо усмихнется
 И полыне голубкою
 По-надъ чужымъ полемъ.—
 И я нибы оживаю
 На поли, на воли...
 И на гору высокую
 Выхожу, дывлюся—
 И згадаю Украину—
 И згадать боюся...
 И тамъ степы, и тутъ степы,
 Та тутъ не такы—
 Руди, руди, ажъ червови,
 А тамъ голубы,
 Зеленны, мерезани
 Нывамы, ланамы,
 Высокымы могыламы,
 Темнымы лугамы...

А тутъ бурьянъ, пискы, талы,
 И хочъ бы на-смихъ де могыла

О давнимъ давни говорила:
 Неначе люде не жылы.
 Одъ споконъ-вику и до ныни
 Ховалась одъ людей пустыня,
 А мы такы іи знайшлы...
 Уже й твердыши поробылы,
 За того будуть и могылы —
 Всёго наробымо колысь!...

О моя доле! моя Краино!...

Чы я то вырвусь зъ ціи пустыни?...

Чы може (крый Боже!)

Туть и загыпу...

И почорніе червоне поле...

Айда въ казармы, айда въ неволю!
 Неначе крыкне хто надо мною, —
 И я прокынусь. По за горою
 Вертаюсь, крадуся, по-надъ Ураломъ,
 Неначе злодій той по за валамы.
 Оттакъ я, друже мій, святкую
 Оттуть недиленьку святую!
 А понеділокъ! Друже брате!
 Прыходыть ничъ въ смердячу хату,
 Осядуть думы; розибьють
 На сто кратъ сердце и надію,
 И те, що вымовыть не вмю —
 И все на свити проженуть,
 И спынять ничъ: часы — літамы,
 Викамы глухо истечуть...
 И я кровавымы слёзамы
 Не разъ постелю омочу.
 Переличу и дни, и літа,
 Кого я, де, колы любывъ;
 Кому яке добро зробывъ?

Никого въ свити, никому въ свити!
Неначе по лису ходывъ.

А малась воля, малась сыла!

Та сылу позычки зносылы,

А воля въ гостяхъ упылась,

Въ степу, небога, заблудыла

Та й упываться зареклась.

Не поможе, мылуй Боже!

Якъ то кажуть люде:

„Буде каюття на свити

Вороття не буде“...

Благаю Бога, щобъ свитало;

Мовъ воли, сонця, свиту жду...

Цвиркунъ замовкне, зорю быють—

Благаю Бога, щобъ смеркало!

Бо на позорыще ведуть

Старого дурня муштруваты,

Щобъ знавъ, якъ волю шануваты,

Щобъ знавъ, що дурня всюды быють...

Мынають лита молоды,

Мынула доля, а надія

Въ неволи знову за свое,

Зо мною знову лыхо діе

И серцю жалю завдае:

А може, ще добро побачу

А може лыхо переплачу,

Воды Днипровои напыюсь,

На тебе, друже, подывлюсь?

И, може, въ тихій твоій хати

Я буду знову розмовляты

Зъ тобою, друже мій... Боюсь!...

Боюся самъ себе спытаты,

Чы се колы сподіється?

Чы може вже зъ неба
 Подывлюсь на Украину,
 Подывлюсь на тебе...
 А иноди такъ буває,
 Що й слёзы не стане—
 И благовъ бы я о смерти—
 Такъ тая Украина
 И Днипро крутоберегий
 И ты, дружс-брате,
 Не даёте мени Бога
 О смерти благаты!

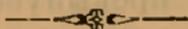
Мени однаково, чы буду
 Я жыть въ Украини, чы ни,
 Чы хто згадае, чы забуде
 Мене въ снигу, на чужыни—
 Однаковисенько мени.
 Въ неволи вырись мижъ чужымы,
 И, не оплаканный своимы,
 Въ неволи, плачучы, умру
 И все зъ собою заберу,
 Малого слиду не покыну
 На нашій славній Украини,
 На нашій не свойй земли.
 И не помьяне батько зъ сыпомъ,
 Не скаже сынови: „молысь...
 Молыся сыну! За Вкрайпу
 Ёго колысь.“
 Мени однаково, чы буде

Той сынъ мольтыся, чы ни...
 Та не однаково мени,
 Якъ Украину злыи люде
 Прысплять, лукави, и въ огни
 И окраденную збудять...
 Охъ, неоднаково мени!

Мени трынадцятый мынавъ.
 Я пасъ ягнята за селомъ.
 Чы то такъ сонечко сіяло,
 Чы такъ мени чого було—
 Мени такъ любо, любо стало,
 Неначе въ Бога
 Уже проклякалы до паю,
 А я соби у бурьяни
 Молюся Богу; и не знаю,
 Чого маленькому мени
 Тоди такъ прыязно молылось,
 Чого такъ весело було.
 Господне небо и село,
 Ягня, здається, веселылось,
 И сонце грило—не пекло.

Та недовго сонце грило.
 Недовго молылось:
 Запекло, почервонило
 И рай запалыло.
 Мовъ прокынувся! Дывлюся:
 Село почорнило,

Боже небо голубее
 И те помарнило.
 Поглянувъ я на ягнята--
 Не мои ягнята;
 Обернувся я па хаты—
 Нема въ мене хаты.
 Не давъ мени Богъ ничего!
 И хлынули слёзы,
 Тяжки слёзы.. А дивчына,
 Пры самій дорози,
 Недалеко коло мене,
 Плоскинь выбирала,
 Та й почувала, що я плачу.
 Прыйшла, прывitala,
 Утырала мои слёзы
 И поцилувала...
 Неначе сонце засіяло,
 Неначе все па свити стало
 Мое—лапы, гаи, сады...
 И мы, жартуючы, погналы
 Чужи ягнята до воды.
 Брыдня!.. а й доси, якъ згадаю,
 То сердце плаче, та болыть.
 Чому Господь не давъ дожыть
 Малого вику у тимъ раю!
 Умеръ бы, орючы на ныви,
 Ничого бь па свити не знавъ,
 Не бувъ бы въ свити юродывымъ,
 Людей бы не проклявъ.

С О Н Ъ.

Горы мои высокы!
 Не такъ и высоки,
 Якъ хороши, хороши,
 Блакытни здалека—
 Зъ Переяслова старого,
 Зъ *Выблои-могилы*,
 Ще старшой, мовъ ти хмарі,
 Що за Днипромъ силы.

Иду я тихою ходою,
 Дывлюсь—ажъ онъ передо мною,
 Неначе дыва, вырываютъ
 Обрывъ высскый, гай, байракъ;
 Хатки биленьки выглядють,
 Мовъ диты въ билыхъ сорочкахъ
 У пижмуркы въ яру гуляють;
 А доли сывый нашъ козакъ—
 Днипро зъ лугамы wygravae;
 А онъ-де, онъ-де, за Днипромъ,
 На прыгори, нибы каплычка,
 Козацька церква невеличка
 Стоять зъ похыленнымъ хрестомъ.
 Давно стоять: выглядаетъ
 Запорожця зъ Лугу;
 Зъ Днипромъ своимъ розмовляе,
 Розважае тугу.
 Оболонкамъ старымы,
 Мовъ мертвецъ очыма
 Зеленымы, позырае
 На свить зъ домовыны.

Може, чаешь оновлення?

Не жды ти славы:

Твои люде окрадени,

А панамъ лукавымъ

На що здалась козацькая

Велькая слава?...

И Трахтемыривъ геть горою

Неченурни свои хаткы

Роскыдавъ зъ долею лихою,

Мовъ пьяный старецъ торбынкы.

А онъ—старе Манастырыще,

Колысь козацькее село.

Чы те воно тоди було?

Та все пишло . . . на грывце:

И Запорожже, и село,

И манастыръ святыи, скарбыця—

Все, все несыти рознесли,

А вы, вы, горы, отдады...

Бодай никола не дывыться,

На васъ, проклятыи... Ни, ни!

Не вы прокляты, а гетьманы,

Усобныкы ляхы погани...

Простить, высокыи, мени,

Высокыи и голубыи,

Найкращи въ свити, найсвятыи!

Простить!.. Я Богу помолюсь...

Я такъ ии, я такъ люблю,

Мою Украину убогу...

.

За неи душу погублю!

Надъ Трахтемыровымъ високо

На кручи, пибы сырота

Прыйшла топытыся въ глыбокимъ

Въ Днипри широкому,—оттакъ
 Стоить однимъ-одна хатына.
 Зъ хатыны видно Украину
 И всю Гетьманщину кругомъ
 Пидь хатою дидусь сывенький
 Сыдыть; и сонечко нызенько
 Уже спустылось надъ Днипромъ.
 Сыдыть, и дывытсья, и дума,
 А слёзы капають... „Гай-гай!“
 Старый промовывъ: „недоумы!
 Запапастылы Божый рай!

Гетьманщина!“... И думнее

Чоло похмарнило:

Мабуть, щось тяжке, тяжкее

Вымовыть хотилось,

Та не вымовывъ...

.

.

.

.

.

.

.

.

.

.

.

.

.

.

.

.

.

.

.

.

.

.

.

Котылыся

И наши ковачи

Дурни головы за правду,

За виру Хрыстову;

Упывалыся й чужои,

И своєю крові;
 А получчали? Ба! де то,—
 Ще гиришмы стали!
 Безь ножа и авто-да-фе
 Людей закувалы,
 Та й мордують... Ой, ой паны,
 Паны-хрыстіяне.“
 Затыхъ мій сывий, бытый тугою,
 Поныкъ старою буй-головою.
 Вечерне сонечко гай золотыло,
 Днипро и поле золотомъ крыло;
 Соборъ Мазепынь сяс-биліе,
 Батька Богдана могыла мріе;
 Кывивськымъ шляхомъ вербы похыли
 Требратни давни могылы вкрылы;
 Зь Трубайломъ Альта мижь осокою
 Зійшлысь, зьєдналысь, мовъ братъ зь сестрою.
 И все те, все те радує очы,
 А сердце плаче—глянуть не хоче!

Попрощалось ясне сонце
 Зь чорною землею;
 Выступає круглый мисяць
 Зь сестрою зарею,
 Выступають изъ-за хмары,—
 Хмары звеселылы,
 А старый мій подывывся—
 Слѣзы покотылысь.
 „Молюсь Тоби, Боже мылый,
 Господы велькый,
 Що не давъ мени загнути,
 Небесный владыко!
 Що давъ мени добру силу

Пересылыть горе,
 И прывивъ мене, старого,
 На си святи горы,
 Одинокий викъ дожыты,
 Тебе восхвалыты,
 И Твоею красотою
 Серце веселыты,
 И поховать побытее
 Грихамы людськымы,
 На горахъ оцихъ высокыхъ,
 И витать надъ нымы".
 Утеръ слёзы нехолодни,
 Хочъ не молоды,
 И згадувавъ лита свои,
 Давнии благи:
 Де, якъ, колы и що робылось;
 Було що справди, а що слылось;
 Яки моря переплывавъ;
 И темный гаёкъ зелененький,
 И чорнобривка молоденька,
 И мисяць зъ зорямы сiявъ,
 И соловейко на калыни
 То затыхавъ, то щебетавъ,
 Святого Бога выхвалявъ.
 И все то, все то въ Украини!
 И усмихнувся слыый дидь:
 Бо, може,—нигде правды дить—
 Було таке, що й женихалысь,
 Та розiйшыся, не побралысь:
 Покынула самого жыть,
 Въ хатыни вику дожываты.
 Старый мiй знову важурывсь;
 Ходывъ довгенько коло хаты,

А потимъ Богу помолывсь,
 Пяшевъ у хату ночуваты,
 А мисяць хмарою повывсь.

Оттакый то на чужыни
 Сонъ мени прыснывся,—
 Нибы знову я на волю,
 На свить народывся.
 Дай-же, Боже, колы-небудь,
 Хочъ на старисть, статы
 На тыхъ горахъ окраденыхъ,
 У маленькй хати;
 Хоча сердце замучене,
 Поточене горемъ,
 Прынесы и положыты
 На Днипровыхъ горахъ.

Н. И. КОСТОМАРОВУ.

Веселе сонечко ховалось
 Въ веселыхъ хмарахъ весняныхъ;
 Гостей закованыхъ своихъ
 Сердешнымъ чаемъ напувалы
 И часовыхъ переменялы—
 Сынемундырныхъ часовыхъ...
 И до дверей, на ключъ замкнутыхъ,
 И до решоткы на викни
 Прывыкъ я трохы, и мени
 Не жаль було давно одбутыхъ,

Давно похованихъ, забутихъ,
 Моихъ тяжкихъ, кривавыхъ слёзъ;
 А ихъ чымало розлылось
 На марне поле. Хочь бы рута,
 А то ничего не зійшло!
 И я згадавъ свое село,
 Кого я тамъ, колы покынувь?
 И батько, й маты въ домовыни!
 И жалемъ сердце запеклось,
 Що никому мене згадаты!
 Дывлюсь... твоя, мій брате, мати
 Чорнійше чорной земли
 Иде, зъ хреста неначе знята...
 Молюся!... Господы, молюсь!
 Хвалыть тебе не перестану,
 Що я ни зъ кымъ не подилю
 Мою тюрму, мои кайданы!...

❖ 1848. ❖

А нумо знову виршувать,
Звычайне пышкомъ. Нумо знову,
Покры повынка на основи,
Старынку Божу лицювать,
А сиричь... якъ бы вамъ сказать,
Щобъ не збрехавшы... Нумо знову
Людей и долю прокляпать.
Людей за те, щобъ насъ зналы,
Та насъ шанувалы;
Долю за те, щобъ не спала,
Та насъ доглядала.
А то, бачъ, що наробыла:
Кынула малого
На распутти, та й байдуже,
А воно убоге,
Молсдее, сывоусе—
Звычайне дытына—
И подыбала тыхенько
По-нидъ чужымъ тыномъ

Ажъ за Уралъ... Опынилось
 Въ пустыни, въ неволи...
 Якъ же тебе не проклянуть,
 Лукавая доле?
 Не проклянужь тебе, доле,
 А буду ховатысь
 За валамы, та ныщечкомъ
 Буду виршуваты,
 Нудыть свитомъ, сподиватысь
 У-гости въ неволю
 Изъ-за Днипра широкого
 Тебе, моя доле!

Та не дай, Господы, никому,
 Якъ мени теперь старому,
 У неволи пропадаты,
 Марне лита коротаты.

Ой пиду я степомъ, лугомъ
 Та розважу свою тугу!
 — „Не йды, кажуть, зъ ции хаты!“
 Не пускають погуляты!

Огни горять, музыка грас,
 Музыка плаче, завывае!
 Алмазомъ добрымъ, дорогымъ
 Сіяють очы молодьи,
 Витае радисть и надія

Въ очахъ веселыхъ. Любо имъ,
 Очамъ негришнымъ, молодымъ!
 И вси регочутся, сміются,
 И вси танцюють. Тилько я,
 Непаче заклятый, дывлюся
 И вышкомъ плачу, плачу я.
 Чого жъ я плачу? Мабудь шкода,
 Що безъ прыгоды, мовъ негода,
 Мынула молодисть моя.

Не для людей и не для славы,
 Мережани та кучеряви
 Оци вирши виршую я—
 Для себе, братія моя.
 Мени легше въ неволи,
 Якъ я ихъ складаю:
 Зъ-за Днипра, мовъ, далекого
 Слова прылітають
 И стелються на папери,
 Плачучы, сміючысь,
 Мовъ ти диты, и радують
 Мою сиру душу,
 Убогую... Любо мени,
 Любо мени зъ нымы,
 Мовъ батькови багатому
 Зъ дитками малымы.
 И радый я, и веселый,
 И Бога благаю,
 Щобъ не прыспавъ моихъ дитокъ
 Въ далекому краю:

Нехай летять до домоньку
 Легенькыи диты,
 Та розкажуть—якъ то тяжко
 Було имъ на свити...
 И въ семьи веселій, тихій
 Дитей привитають,
 И сывою головою
 Батько покывае;
 Маты скаже: бодай тыи
 Диты не родылысь;
 А дивчына подумае:
 Я ихъ полюбыла.

Орская крепость.
 1848 г.

ВАРНАКЪ.

Тыняючысь на чужыни
 По надъ Элекомъ, стривъ я дида
 Вельмы старого. Нашъ землякъ
 И недомученый варнакъ
 Старый той бувъ. Та у недилю,
 Якось у поли мы зострилысь,
 Та й забалакалысь. Старый
 Згадавъ свою Волынь святую
 И волю—долю молодую,
 Свою бувальщину. И мы
 Въ травы за валомъ посадали
 И розмовлялы, сповидалысь
 Одынъ другому: „Довгый викъ!“

Старый промовывъ. „Все одъ Бога,
 Одъ Бога все! А самъ ничого
 Дурный не вдіе чоловикъ!
 Я самъ, якъ бачышъ, марно, всуе...
 Я самъ занивечывъ свій вѣкъ!
 И ни на кого не жалкую,
 И ни у кого не прошу я,
 Ничого не прошу. Оттакъ,
 Мій сыну, друже мій едыный,
 Такъ и загыну на чужыни,
 Въ неволи. И старый варпакъ
 Заплакавъ ныпкомъ.—Сывый брате!
 Покры жыве надія въ хати,
 Нехай жыве, не выганяй!

Нехай пустку петоплену

Иноди пагріе;

И потечуть зъ очей старыхъ

Слѣзы молоды;

И, умытее слѣзамы,

Серце одпочыне

И полыне изъ чужыны

На свою краину.

„Багато де чого не стало,“

Сказавъ старый: „Воды чымало

Изъ Иквы въ море утекло...

Надъ Иквою було село.

У тимъ сели на безталання

Та на погыбель вырись я...

Лыхая доленько моя!

У нашої старої пани

Малыи панычы булы,

Такы однолиткы зо мною.

Вона й бере мене въ покои
 Сынкамъ на выграшку. Рослы,
 Рослы панята, выросталы,
 Якъ ти щенята, покусалы
 Не одного мене, мали.
 Оттожъ и вчыты почалы
 Письму паняць. На безголове
 И я учуся. Слизьмы, кровью
 Письмо те полылося! Насъ,
 Дешевшихъ панської собаки,
 Письму учыты?
 Молытыся Богу
 Та за раломъ спотыкатысь,
 А бильше ничего
 Неповынешъ знать невольпыкъ,—
 Така ёго доля!
 Оттожъ и вывчився я, вырись,
 Прошу соби воли—
 Не дае, и въ москали,
 Проклята, не голыть!
 Що тутъ на свити робыты?
 Пишовъ я до рала,
 А панычивъ у гвардію
 Поопределялы...
 Годына тяжкая настала,
 Насталы тяжкыи лита!
 Оттожъ працію я за раломъ
 Я бувъ убогий сырота,
 А у сусиды выростала
 У наймахъ дивчына. И я...
 О, доле, доленько моя!
 О Боже мій! О мій едыный!
 Воно тоди було дытына,

Воно... Не намъ твои дила
 Судить, о Боже нашъ великый!
 Оттожь вона мени на лихо
 Та на погыбель пидросла.
 Не довелося й подывытысь..
 А я вже думавъ одружытысь,
 И веселытыся, и жыть,
 Людей и Господа хвалыть..
 А довелося...

Накупылы

И краму, й пыва наварылы—
 Не довелося тилько пыть.
 Старои пани бахуръ сывый
 Окравъ той крамъ, розлыбъ те пыво,
 Пустывъ покриткою... Дарма!
 Мынуло... годи!... Не до ладу
 Теперь и згадувать! Нема,
 Нема, мынулося, пропало..
 Покынувъ пыву я и рало,
 Покынувъ хату и городъ—
 Усе покынувъ. Чортъ нарадывъ,
 Пишовъ я въ нысари въ громаду.
 То сякъ, то такъ мынае годъ..
 Пышу соби, зъ людьмы братаюсь
 Та добрыхъ хлопцивъ добираю.
 Мынувъ и другый. Панычы
 На третте лито позъизжалысь,
 Уже засватани. Жылы,
 Въ двори гулялы, въ карты гралы,
 Та молодыхъ дивчатъ въ сели,
 Мовъ бугаи, перебиралы,—
 Звычайне панычы. Ждемо,
 И мы ждемо весилля.

Оттожь у клеччану ведилу
Ихъ и повинчано обохъ,
Таки въ домашнему костѣли,—
Воны ляхы булы. Николы
Ничого кращого самъ Богъ
Не бачывъ на земли великій,
Якъ молодіи ти булы...
Заграла весело музыка—
Ихъ изъ костѣлу повелы
Въ возобновленны покои...
А мы й зострилы ихъ и всихъ
Кляжать, паняць и молодыхъ—
Всихъ переризалы. Рудою
Весилля вмылося. Не втикъ
Ниже едныи католыкъ—
Вси поляглы, мовъ поросята
Въ багни смердячому. А мы,
Упоравшысь, пишы шукаты
Новои хаты; и найшлы
Зелену хату и кимнату
У гаи темному. Въ лугахъ,
Въ степахъ шырокихъ, въ байракахъ
Крутыхъ, глыбокихъ—всюды хата!
Було де въ хати погуляты
И одпочыты де було.
Мене господаромъ обралы,
Семья моя що-день росла
И вже до сотни доростала.
Мовъ поросяча, кровь лылася!
Я ризавъ все, що паномъ звалось,
Безъ мылосердія и зла,
А ризавъ такъ. И самъ не знаю,
Чого хотилося мени?

Ходывъ тры годы я зъ ножами,
 Неначе пьяный той ризникъ.
 До слёзъ, до крови, до пожару
 До всёго, всёго я привыкъ.
 Було, мовъ жабу ту на спыси,
 Спряжешъ дытну на огни,
 Або панянку билолыцю
 Розипнешъ голу на кони,
 Та й пустышъ въ степь!...
 Всёго, всёго тоди бувало—
 И все докучыло мени...

Одуривъ я, тяжело стало
 У вертепахъ жыты,
 Думавъ самъ себе заризать,
 Щобъ не нудыть свитомъ.
 И заризавъ-бы, та дыво,
 Дыво дывне сталось
 Надо мною недолюдомъ.
 Вже на свить займалось...
 Выйшовъ я зъ ножемъ въ халяви
 Зъ броварського лису,
 Щобъ заризаться. Дывлюся,
 Мовъ на неби высыть
 Святыи Кыви нашъ великый!
 Святымъ дывомъ сяють
 Храмы Божи, нибы зъ самымъ
 Богомъ розмовляють.
 Дывлюся я, а самъ млію.
 Тыхо задзвонили
 У Кыви, неначе на неби...
 О, Боже мій мылый!
 Якый дывный Ты! Я плакавъ,
 До полудня плакавъ...

Та такъ мени любо стало!
 И малого знаку
 Нудьгы тыи не осталось,
 Мовъ переродився...
 Подывывся кругомъ себе
 И, перехрестывшысь,
 Пишовъ соби тыхо въ Къивь
 Святымъ помолытысь,
 Та суда, суда людського
 У людей просыты.

ЧЕРНЕЦЬ.

(П. А. Кулишу)

У Къиви, на Подоли,
 Було колысь, и николы
 Не вернется, що діялось,
 Не вернется сподиване...
 Не вернется... А я, брате,
 Такы буду сподиватысь,
 Такы буду выглядаты,
 Серцю жалю завдаваты.

У Къиви, на Подоли,
 Братерська наша воля,
 Безъ холопа и безъ папа,
 Сама соби у жупани,

Розвернулася весела:
 Оксамытомъ шляхы стеле,
 И едвабомъ застылае,
 И нікому не звертае.

У Кыиви, на Подоли,
 Козаки гуляють:
 Якъ ту воду, відромъ-цебромъ
 Выно розливають;
 Лѣхы, шынкы зъ шынкаркамы,
 Зъ вынамы, медамы
 Закупылы Запорожци
 Та й тнуть корякамы!
 А музыка реве, грае,
 Людей звеселяе,
 А изъ Братства те бурсацтво
 Мовчки виглядае;
 Нема голій школи воли,
 А то бь догодыла!...
 Кого жь то тамъ зъ музыкамы
 Люде обступылы?

Въ червоныхъ штаяхъ оксамытнихъ
 Матнею улыцю мете —
 Иде козакъ... Охъ, лита, лита!
 Що вы творыте? На то те жь
 Старый ударывъ въ закаблуку,
 Ажъ встала курява. Оттакъ!
 Та ще й прыснивуе козакъ:
 „По дорози ракъ, ракъ,
 Нехай буде такъ, такъ!
 Якъ бы такы молодыци
 Посіяты макъ, макъ!

Дамъ лыха закаблукамъ,
 Закаблукамъ лыха дамъ,
 Достанется й передамъ!
 А вже жъ ты закаблукы
 Набралыся лыха, муки..
 Дамъ лыха закаблукамъ,
 Дамъ лыха закабламъ,
 Достанется й передамъ!“

Ажъ до Межыгорського Спаса
 Протанцювавъ сывый,
 А зъ нымъ и товариство
 И весь святой Къивъ.
 Дотанцювавъ ажъ до брамы,
 Крыкнувъ: „пугу, пугу!..
 Прывитайте, святи ченци,
 Товарища зъ Лугу!“

Свята брама одчынылась—
 Козака впустилы;
 И зновъ брама зачынылась,
 На викъ зачынылась
 Козакови.

Кто жъ це сывый
 Попрошався зъ свитомъ?
 Семень Палій запорожець,
 Лыхомъ недобытый.

Ой високо сонце сходыть,
 Низенько заходыть:
 Въ довгій ряси по келіи
 Старый чернець ходыть.
 Иде чернець у Вышгородъ
 На Къивъ дывытысь,

Та посыдить на прыгори,
 Та хочь пожурытысь;
 Иде чернець дзвонковую *)
 У ярь воду пыты,
 Та згадуе, якъ-то тяжко
 Було въ свити жыты;
 Иде чернець у келію
 Мижъ стины нимыи,
 Та згадуе лита свои—
 Лита молоды;
 Бере пысьмо святе въ руки,
 Голосно чытае,
 А думкою старый чернець
 Далеко литае...
 И тыхнуть Божьи слова...
 И въ келіи, непаче въ Сичи,
 Братерство славне ожива,
 А сывый гетьманъ, мовъ сова,
 Ченцеви зазырае въ вичи!
 Музыкы... танци... и Бердычивъ...
 Кайданы брязкають... Москва...
 Боры, снigy и... Енысей...
 И покотылысь изъ очей
 На рясу слёзы...
 „Бый поклони
 И плоть старечу усмырай,
 Святе пысаніе чытай!
 Чытай, чытай, та слухай дзвона,—
 А серцеви не потурай:
 Воно тебе въ Сибирь водыло,

*) Дзвонковою крыница прозывается недалеко одъ мо-
 настыря. Прим. автора.

Воно тебе ввесь вискъ дурыло,
 Прысны жъ ёго, и занехай
 Свою Борзну и Хвастовщину:
 Загыне все, ты самъ загынешъ,
 И не згадають—щобъ ты знавъ...“

И старецъ тяжко зарыдавъ,
 Чытать пысаніе покынувъ,
 Ходывъ по келіи, ходывъ,
 А потимъ сивъ и зажурывся:
 „Для чого жъ я на свить родывся,
 Свою Украину любывъ?“

До утрени завывъ зъ дзвинници
 Велыкый дзвинъ; чернецъ мій вставъ,
 Надивъ клобукъ, взявъ патырыцю,
 Перехрестывся, чоткы взявъ...
 И за Украину молытысь
 Палій-Чернецъ пошкандыбавъ.

1818. Орская крѣпость.

На батька бисового трачу
 И дни, и пера, и папиръ?
 А иноди—то ще й заплачу.
 Таки ажъ надто. Не на мыръ
 И на дила ёго дывывшысь,
 А такъ, мовъ иноди упывшысь,
 Дидусь сывесенькый рыда
 Того, бачте, що сырота.

Ой гляну я, подивлюся
 На той степь, на поле,
 Чы не дасть Богъ мылосердый,
 Хочь на старисть воли?
 Пишовъ бы я въ Украинну,
 Пишовъ бы до-дому—
 Тамъ бы мене привиталы,
 Зрадили бь старому,
 Тамъ бы я спочывъ хочь мало,
 Молывшыся Богу.
 Тамъ бы я... та шкода й гадкы:
 Не буде ничего!
 Якъ же его у неволи
 Жыты безъ надіи?
 Навчить мене, люде добри,
 А то одурію!

Буває, иноди старый
 Не знае самъ чого зрадіе,
 Неначе стане молодой
 И заспивае, якъ уміе.
 И стане ясно передь нымъ
 Надія ангеломъ святымъ,
 И зоря, молодисть ёго,
 Витае весело надъ нымъ.
 Що жъ се зробылося зъ старымъ?
 Чого зрадивъ оце? Того,
 Що, бачыте, старый подумавъ

Добро якесь комусь зробить.
 А що жь якъ зробыты! Добре жыть
 Тому, чья душа и дума
 Добро навчылася любыть:
 Не разъ такому любо стане,
 Не разъ барвинкомъ зацвите.
 Оттакъ, бувае, въ темну яму
 Святее сонечко загляне,
 И въ темній ями, якъ на те,
 Зелена травка поросте.

Чы то недоля та псволя,
 Чы то лига ти, летячы,
 Розбылы душу? Чы николы
 Й не жывъ я зъ нею? Жывучы
 Зъ людьмы въ паскуди, онаскудывъ
 И душу чыстую!... А люде
 (Звычайне люде), сміючысь,
 Зовуть ии и молодую,
 И непорочною, святою,
 И ще якоюсь... Ворогы!
 И люти, люти!... Вы жь украли,
 Въ багво погане заховали
 Алмазь мій чыстый, дорогой—
 Мою, колысь святую, душу;
 Та й сміетесь!... Нехрыстіяне!
 Чы не мижъ вами жь я, пагана,
 Такъ опаганывсь, що й не знать,
 Чы й бувъ я чыстымъ колы-небудь!

Бо вы мене зъ святого неба
 Взялы мижъ себе и пысать
 Погани вирши научылы.
 Вы тяжкый камипь положиылы
 Посередъ шляху и розбылы
 О ёго, Бога боячысь,
 Мое малее та убоге
 Те сэрце, праведне колысь...
 Теперь иду я безъ дороги,
 Безъ шляху бытого... А вы
 Дывуетесь, що спотыкаюсь,
 Що васъ и долю проклинаю,
 И плачу тяжко, и, якъ вы,
 Души убогой цураюсь—
 Своеи гришнои души.

Добро, у кого йе господа,
 А въ тій господи йе сестра,
 Чы маты добрая! Добра,
 Добра такого такы зъ роду
 У мене, правда, не було,
 А такъ соби якось жылось.

.
 И довелось колысь мени,
 Въ чужій далекій сторони
 Заплакать, що немає роду,
 Нема прыстаныща, господы...

.
 Мы довго въ мори пронадалы;
 Прыйшлы въ Дарью, на якорь стали;
 Зъ „Ватагы“ пысьма прынесли,

И вси тихенько зачыгали.
 А мы зъ.... ляглы,
 Та щось такее розмовлялы.
 Я думавъ: де-бъ того добра,
 Пысьмо чы матырь, взять на свити?
 А въ тебе есть? — „Жона и диты,
 И домъ, и маты, и сестра...
 А пысьма нема...“

.

Хыба самому напысать
 Такы посланіе до себе
 Та все до-чыста розказать
 Усе, що треба, що й не треба?
 А то не диждешся ёго,
 Того пысанія святого,
 Святой правды ни одъ кого.
 Та й ждаты не маю одъ кого,
 Бо вже бъ, здавалося, пора:
 Лыбонь уже десяте лито,
 Якъ людымъ давъ я „Кобзаря“,
 А имъ неначе ротъ зашыто:
 Нихто й не гавкне, не лайне,
 Неначе й не було мене!
 Не похвалы соби, громадо, —
 Безъ неи може обійдусь —
 А рады жду соби, порады;
 Та мабудь въ яму перейду
 Изъ москаливъ, а не диждусь...
 Мени було, ажъ сердце млило,
 Мій Боже мылий, якъ хотилось,

Щобъ хто-небудь мени сказавъ
 Хочъ слово мудре; щобъ я знавъ,
 Для кого я пишу, для чого,
 За-що я Украину люблю,
 Чы вартъ вона огня святого?
 Бо хочъ зчсторіюсь за-того,
 А ще не знаю, що роблю.
 Пишу собі, щобъ не миняты
 Часа святого такъ на такъ,
 Та иноди старый козакъ
 Верзется гришному,—усатый,
 За своєю волею мени
 На чорнимъ ворони-кони.
 А бильшъ ничего я не знаю,
 Хочъ я за це и пропадаю
 Теперь въ далекій сторони...
 Чы доля такъ оце зробыла,
 Чы маты Богу не молылась,
 Якъ понесла мене,—що я,
 Неначе лютая змія
 Ростоптана въ степу здыхае,
 Захода сонця дожыдае.
 Оттакъ-то я теперь терплю,
 Та смерть изъ степу выглядаю!...
 А за що?—ій Богу, не знаю!
 А все такы іи люблю,
 Мою Украину шыроку,
 Хочъ я по ій и одынокый,
 (Бо, бачте, пары не найшовъ),
 Ажъ до погыбели д'йшовъ.

Ничого, друже, не журыся:
 Въ дулевыну себе закуй,

Гарненько Богу помолыся,
 А на громаду хочь наплюй—
 Вона капуста головата.
 А въ тимь, якъ знаешь, панебрате:
 Не дурень—самъ соби миркуй.

И золотой, й дорогой
 Мени, щобъ знали вы, не жаль
 Моеи доли молодой.
 А иноди така печаль
 Оступить душу, ажъ заплачу!...
 А ще—до того, якъ побачу
 Малого хлопчыка въ сели:
 Мовъ одирвалось одъ гилли,
 Одно-однисеньке пидь тыномъ
 Сыдыть соби въ старій рядищи.
 Мени здається, що се я,
 Що це жь та молодисть моя.
 Мени здається, що никола
 Воно не бачытыме воли,
 Святой воленькы; що такъ
 Даремне, марне пролетять
 Его найкращыи лита;
 Що винь не знатыме, де дитысь
 На симъ шырокимъ вольнимъ свити,
 А пиде въ наймы; и колысь,
 Щобъ винь не плакавъ, не журывсь,
 Щобъ винь де-небудь прыхыливсь,
 То отдадутъ у москали.

И доси снытся: пидь горою,
 Мижь вербама, та надь водою,
 Биленька хаточка; сыдыть,
 Неначе й доси, сывый дидь
 Коло хатыночки и бавыть
 Хорошее та кучеряве,
 Свое маленькое внуця.
 И доси снытся: выйшла зь хаты
 Веселая сміючысь маты,
 Цилуе дида и дытя—
 Ажь трычи весело цилуе,
 Прыйма на руки и годуе,
 И спать несе; а дидь сыдыть
 И усмихається,—и стыха
 Промовыть нышкомъ: „де жь те лыхо?
 Печали тїи, ворогы?...“
 И ныщечкомъ старый чытае
 Перехрестывшысь „Оче-нашъ“.
 Крызь вербы сонечко сіе
 И тыхо гасне... День погась,—
 И все почыло... Сывый въ хату
 И самъ пишовъ опочываты.

Мы въ купочди колысь росли,
 Маленькымы соби любылысь;
 А матери на насъ дывылысь
 И говорылы, що колысь
 Одружымо ихъ. Не вгадалы.

Стари зараня повмиралы,
 А мы малымы розійшысь,
 Та вже й не сходылысь николы.
 Мене, по воли и неволи,
 Носыло всюды. Прынесло
 На старисть ледве и до-дому.
 Веселее колысь село
 Чому-сь теперь мени старому
 Здавалось темнымъ и пимымъ,
 Такимъ, якъ и теперь, старымъ;
 И бачытса, въ сели убогимъ—
 Мени такъ бачытса—ничого
 Не выросло и не згныло,
 Таке соби, якъ и було:
 И ярь, и поле, и тополя,
 И надъ крыныцею верба
 Нагнулася, якъ та журба
 Далеко въ самотній неволи;
 Ставокъ, гребелька и витрякъ
 Зъ-за гаю крыламы махае,
 И дубъ зеленый, мовъ козакъ
 Изъ гаю выйшовъ та й гуляе
 По-пидъ горою: по гори
 Садочокъ темный, а въ садочку
 Лежать соби у холодочку,
 Мовъ у раи, мои стари.
 Хресты дубови посхылялысь,
 Слова дощемъ позалывалысь...
 И не дощемъ, и не слова
 Гладесенько Сатурнь стырае...
 Нехай святымы спочывають
 Мои стары!.... „Чы жыва
 Отта Оксаночка?“ пытаю

У брата тыхо я.— „Яка?“
 „О та маленька, кучерява,
 Що зь намы гралася колысь“.
 — „Чого-жъ ты, брате, зажурывсь?“
 „Я не журюсь“.— Помандрувала
 Отта Оксаночка въ походъ
 За москалямы, та й пропала...
 Вернулась, правда, черезъ годъ,
 Та що зь того! Зь байстрямъ вернулась,
 Острыжена. Бувало, въ-ночи
 Сыдыть пидъ тыномъ, мовъ зузуля,
 Та кукае, або крычыть,
 Або тыхесенько спивае,
 Та нибы косы расплитае.
 А потимъ зновъ кудысь пишла,
 Нихто не знае, де подилась.
 Занапастылась, одурила...
 А що за дивчына була,
 Такъ-такъ що краля! И не вбога,
 Та талану Господь не давъ...
 А може й давъ, та хтось укравъ,

И станомъ гнучымъ, и красою,
 Пренепорочно молодою,
 Старши очы веселю.
 Дывлюся иноди, дывлюсь...
 И чудпо... мовъ передъ святою,
 Передъ тобою помолюсь.
 И жаль мени старому стане
 Твоеи божои красы.

Де зъ нею динешся сме?
 Кто коло тебе въ свити стане
 Святымъ хранителемъ твоимъ,
 И хто заступыть? Хто укрые
 Одъ зла людського въ часъ лыхый?
 Хто сердце чыстее нагріе
 Огнемъ любви, хто такый?
 Ты сырота—нема никого,
 Опроче праведного Бога.
 Молись же, сердце! Помолюсь
 И я зъ тобою.

Щось пророче

Мени вже зазирае въ очы—
 И я вже Богу не молюсь,
 Уже й на тебе не дивлюсь.
 Мени прыснылось—ты вже маты.
 Не въ оксамытахъ, на въ палатахъ
 Твое голоднее дытя...
 И вянешъ ты. А дни летять,
 Несуть все добре за собою,
 Уже й надію понесли,
 А ты осталась на земли
 Одна-однисенька. Зъ тобою
 Едынее добро було—
 Твое дытя—поки росло,
 Въ колодочки поки вбывалось.
 Оперылось, а ты осталась
 Стара и немощна. Людей,
 Людей непрязныхъ благаешъ
 И, Христа-рады, простягаешъ,
 Коло зачыннанныхъ дверей
 Старыи руки.

Оттакъ я иноди тобою,
 Тобою, сердце, молодою
 Старыи очы веселю.
 Дывлюся иноди, дывлюсь
 На станъ твій гнучый, и за тебе
 Тыхенько Богу помолюсь.
 Молыся й ты, щобъ и на тебе
 Зъ святого неба нызійшла
 Твоя и доля, и недоля.

Мы въ-осени такы похожи
 Хочъ капельку на образъ Божый,—
 Звычайне, що не вси, а такъ
 Хочъ де-яки.

Крутый байракъ,
 Неначе цыганъ чорный, голый,
 Въ диброви вбитый, або спыть;
 А по долини, по роздолли
 Изъ степу перекотыполе
 Рудымъ ягняточкомъ бижыть
 До ричечки соби напытысь.
 А ричечка ёго взяла
 Та въ Днипръ шырокий понесла,
 А Днипръ—у море; на край свита
 Былыну море покотыло,
 Та й кынуло на чужыни.

И жаль тоби ии стане
 Малои былыны.
 Пидешъ соби зажурывшысь

Гаемъ по долини...
Гай шепоче, гнутя лозы
Въ яру пры дорози...
И хочеться сповидатысь,
Серце росновыты!
И хочеться... Боже мылий!
Якъ хочеться жыты
И любыты твою правду,
И весь свить обняты!

Благо тобі, друже-брате,
Якъ йе въ тебе хата;
Благо тобі, якъ у хати
Йе съ кымъ розмовляты...
Хочъ дытына немовляца:
И воно вгадае
Твои думы веселы!—
Самъ Богъ розмовляе
Непорочнымы устами.

А тобі, мій одынокый,
Мій друже едыный,
Горе тобі на чужыни
Та на самотыни!
Хто зъ тобою заговорыть,
Прывитае, гляне?...
Кругомъ тебе простягнулась
Трупомъ бездыханнымъ
Помарнилая пустыня,
Кынутая Богомъ.

Готово! Парусъ роспустылы;
 Посунулы по сынїй хвыли,
 По-мижъ кугою, въ Сыръ-Дарью,
 Байдару та баркасъ чымалый.
 Прощай, убогый Косъ-Арале!
 Нудьгу заклятую мою
 Ты розважавъ такы два лита.
 Сказыби, друже! Похвалысь,
 Що люде и тебе знайшлы
 И знали, що зъ тебе зробить...
 Прощай же друже! Ни хвалы,
 А ни ганьбы я не сплитаю
 Твоїй пустыни; въ иншимъ краю,
 Не знаю, може й нагадаю
 Нудьгу колышнюю колысь...

У Бога за двермы лежала сокыра.
 А Богъ тоди зъ Петромъ ходывъ
 По свиту, та дыва творывъ.

А кайзакъ на хырю,
 Та на тяжке лыхо
 Любенько та тыхо
 И вкравъ ту сокыру;
 Та й потягъ по дрова
 Въ зелену диброву!

Древыну выбравшы, та й цюкы!
 Якъ вырвется сокыра зъ рукъ,—
 Пишла по лису косовыця!
 Ажъ страхъ, ажъ жаль було дывыться?

Дубы и всяки дерева
 Вельколитни, мовь трава,
 Въ покосы стелется; а зъ яру
 Встае пожарь и дыму хмара
 Святее сонце покрыва
 И стала тьма, и одь Уралу
 Та до Тынгыза, до Аралу ¹⁾
 Кыпила въ озерахъ вода!
 Палають села, города;
 Рыдають люде; выють звиры
 И за Тоболомъ у Сибири
 Въ снигахъ ховаются. Симъ литъ
 Сокрыра Божа лись стынала,
 И пожарыще не вгасало
 И меркъ за дымомъ Божый свить

.
 На восьме лито у недилю,
 Неначе ляля въ лёли билій
 Святее сонечко зійшло.
 Пустыня цыганомъ чорнила:
 Де городъ бувъ, або село—
 И головня уже не тлила,
 И понилъ витромъ рознесло,—
 Былыны навить не осталосьъ.
 Тилько однимъ одно хыталось
 Зелене дерево въ стену.
 Червоніе по пустыни
 Червона глына, та тычына,
 Бурьянъ колючый, та будякъ,
 Та инде тырса зъ осокою
 Въ яру чорніе пидь горюю.

¹⁾ Аральское море.

Та дыкый инколы кайзакъ
 Тыхенько выйде на гору
 На тимъ захылимъ верблюди.
 Непевне діется тоди:
 Мовъ степь до Бога заговорить,
 Верблюдь заплаче, и кайзакъ
 По урять голову и гяне
 На степь и на Кара-бутакъ ¹⁾.
 Сингичъ-агачъ ²⁾ кайзакъ вспомьяне,
 Ты енько спустытся зъ горы
 И згыне въ глыняній пустыни.
 Однимъ едыне пры долини.
 Въ степу край дороги,
 Стоитъ дерево високе,
 Покынуте Богомъ,
 Покынуте сокырою,
 Огнемъ непалыме,
 Шепочется зъ долиною
 О давній годыни.
 И кайзакы не мынаюгъ
 Деревя святого,
 На долину зайизжають,
 Дывуются зъ ёго,
 И молятся, и жертвамы
 Дерево благодають,
 Щобъ паросты роспустыло
 У ихъ биднимъ край.

¹⁾ Невелычка ричка.

²⁾ Одно дерево.

Не знаю, якъ теперъ ляхы жывуть
 Зъ своимы вольнымы братамы:
 А мы браталыся зъ ляхамы,
 Ажъ покъ третій Сыгызмондъ
 Зъ проклятымы ёго ксёндзамы
 Не розъедналы насъ. Оттакъ
 Те лихо діялося зъ нами.

Во имя Господа Хрыста
 И матери Ёго Святой,
 Ляхы прыйшылы на насъ войною.
 Святыи Божьи мста
 Ксёндзы скажени осквернылы.
 Земля козача зайнялась,
 И кровью, сыну, полылась,
 И за могилою могила,
 Непаче горы, порослы
 На пашій, сыночку, земли.
 Я жывъ на хутори,
 Я старъ бувъ, немощень. Пославъ
 Зъ табунъ я коней до обозу,
 Гармату, гакивищъ два возы,
 Пшона, пшеници, що прыдбавъ;
 Я всю мызерію оддавъ
 Моій Украини небози
 И трѣхъ сынивъ своихъ. Нехай,
 Я думавъ, гришний, передь Богомъ,
 Нехай хоть часточка убога
 За мене пиде, за нашъ край
 За церковь Божую, за люде

А я молытысь въ хати буду.
 Бо вже нездужавъ, сыну, встать,
 Руки на ворога пиднять.

Зо мною, слухай же, осталысь,
 Даныло, чура мій, та я,
 Та Прыся, донечка моя.
 Воно ще тилько выростало,
 Ще тилько, тилько наливалося,
 Мовъ та черешенька. За грихъ,
 За тяжкый, мабудь, грихъ великый
 Не давъ мени Святий Владыка
 Очей нарадувать старыхъ
 Моимъ дытяткомъ.

Не ходылы

Ксѣндзы по селахъ, а возылы
 На людяхъ ихъ зъ села въ село.
 Такее то у насъ було!
 Якось ихъ, клятыхъ, и до мене
 Въ-ночи на хутирь занесло;
 А зъ нымы челядь ихъ скажепа,
 Та ще драгуны. Дай мени
 Хочь колы-небудь, Боже мылый,
 На свить твій выглянуть зъ могылы—
 Спряжу всю шляхту на огни!
 Воны, воны—не бійся, сыну—
 Воны, ксѣндзы, мою дытыну
 Зъ собою въ хату завелы,
 Замкнулысь пьяныи, я бачывъ..
 А челядь пьяна полягала
 У клуни на соломи спать;
 Драгуны тежъ. А мы зъ Даныломъ

Соломы въ сины наносылы,
 А клуню просто запалылы.
 Не встануть, прокляти, опять
 Дитей козачыхъ мордувать!
 Уси до одного згорилы.
 И Прыся бидная моя
 Згорила зъ клятымы. А я
 На пожарыщи хрестъ зъ Даныломъ
 Поставылы, та помолылысь,
 Заплакалы, та й потяглы,
 На ковей сившы, до обозу.
 Сынивъ всихъ трехъ моихъ найшылы,
 Та въ добрый часъ и поляглы
 Оттуть у-кущи....

.
 А якъ мы былысь, умиралы!
 За що мы гол ы складалы
 Въ оци могылы? Будешъ жыть,
 То може й знатымешъ, небоже:
 Бо слава здорово крычыть
 За наши головы. А може,
 И про могылы, и про насъ
 Зъ старцями божымы по селахъ
 Правдыва дума невесела
 Мижь людьмы ходыть...

НА РИЗДВО.

(*Θ. М. Лазоревскому*).

Не до-дому въ-ночи йдучы
Зь кумыной хаты,
И не спаты лягаючы,
Згадай мене, брате,—
А якъ прыйде нудьга въ гости,
Та й на ничь засяде...
Отоди мене, мій друже,
Зовы на пораду!
Отоди згадай—въ пустыни,
Далеко, надъ моремъ,
Свого друга веселого,
Якъ винъ горе боре;
Якъ винъ, свои думы тми
И сердце убоге
Заховавши, ходыть соби
Та молытся Богу,
Та згадуе Украину
И тебе, мій друже,
Та иноди й пожурытся...
Звычайне—не дуже;
А такъ-тыльки... На-двори, бачъ,
Наступае свято...
Тяжко его, друже-брате,
Самому стричаты
У пустыни!.. Завтра рано
Заревуть дзвинныци
Въ Украини, завтра рано
До церкви молытысь

Пійдуть люде... Завтра жь рано
 Завые голодный
 Звирь въ пустыни, и повіе
 Ураганъ холодный,
 И занесе пискомъ, снігомъ
 Куринь—мою хату.
 Отакъ мени доведеться
 Свято зостричаты!..
 Що жь діяты?.. На те й лихо,
 Щобъ зь тымъ лыхомъ бытысь...
 А ты, друже мій єдиный,
 Якъ маешь журытысь,
 Прочытай оцю цидулу
 И знай, що на свити
 Тилькы й тяжко, що въ пустыни
 У неволи жыгы...
 Та й тамъ жывуть, хочъ погано...
 Що жь діяты маю!..
 Треба бь вмерты,—такъ надія,
 Брате, не вмирає!

Кось-Аралъ на Аралському мори, 24 Декабря 1848.

1849.

Неначе степомъ чумаки
У-осены верству проходятъ,—
Такъ и мене мынають годы;
А я й байдуже. Кшыжечкы
Мережаю, та начыняю
Такы виршамы,—розважаю
Дурную голову свою
Та кайданы соби кую..
Якъ ци добродіи дознають!..
Та вже жъ нехай хочъ розипнуть,
А я безъ вирши не улежу:
Уже два годы промережавъ
И третій въ добрый часъ почпу.

За сонцемъ хмаронька плыве,
Черволи полы розстылае,
И сонце спатонькы зове
У сыне море: покрывае

Рожевою пеленою,
 Мовъ маты дытѣту...
 Очамъ любо.. годыночку,
 Малую годыну
 Нибы сердце одпочыне,
 Зъ Богомъ заговорить...
 А туманъ—неначе ворогъ—
 Закрывае море
 И хмароньку рожевую;
 И тьму за собою
 Розстылао туманъ сывый,
 И тьмою нимою
 Оповые тоби душу,
 Й не знаешъ, де дитысь.
 И ждешъ ёго, того свиту,
 Мовъ матери диты...

И небо невмыте, и заспани хвыли,
 И по-надъ берегомъ геть-геть,
 Неначе пьяный, очереть
 Безъ витру гнется. Боже мылый!
 Чы довго буде ще мени
 Въ оцій незамкнутій тюрми,
 По-надъ оцимъ никчемнымъ моремъ,
 Нудыты свитомъ?.. Не говор ть—
 Мовчыть и гнется, мовъ жыва,
 Въ степу пожовкляя трава;
 Не хоче правдонькы сказать,
 А бильше ни въ кого спытать...

Мовъ за подушне, оступылы
 Оце мене на чужини
 Нудьга и осинь... Боже мылый!
 Де жъ заховатыся мени?
 Що діяты? Уже й гуляю
 По цимъ Аралу, и пышу,
 Виршую—ныщечкомъ грипу,
 Богъ-зна-колышніи случаи
 Въ души своїй перебираю
 Та спысую, щобъ та печаль
 Не перлася, якъ той москаль,
 Въ самотню душу... Лютый злодій
 Впырается такы та й годи...

И зновъ мени не привезла
 Ничго почта зъ Украины!
 За гришныи, мабудь, дила
 Караюсь я въ оцій пустыни
 Сердытымъ Богомъ. Не мени
 Про тее знать, за що караюсь;
 Та й знать не хочется мени...
 А сердце плаче, якъ згадаю
 Хочъ невеселыи случаи
 И невеселыи ти дни,
 Що пронеслися надо мною
 Въ мойй Украины колысь.
 Колысь божылысь та клялысь,
 Браталысь, сестрылысь зо мною,

Поки, мовъ хмара, розійшлись
 Безъ слёзъ—росы ти святои.
 И довелось зновъ мени
 Людей на старости... Ни, ни!
 Вони зъ холеры повмиралы—
 А то бь хочъ клаптыкъ переслалы
 Того паперу...

Ой изъ журбы та изъ жалю,
 Щобъ не бачыть, якъ чытають
 Лысты ты, —погуляю,
 Погуляю по-надъ моремъ,
 Та розважу свое горе,
 Та Украину згадаю,
 Та писеньку заспиваю.
 Люде скажуть, люде зрадыть,
 А вона мене порадыть,
 И порадыть и розважыть,
 И правдоньку мени скаже.

НА УКРАИНУ.

Немае гирше, якъ въ неволя
 Про волю згадувать. А я
 Про тебе, воленько моя,
 Оце нагадаю. Николя
 Ты не здавалася мени
 Такою свиче-молодою
 И прехорошою такою,

Якъ на далекій чужыни,
 Та ще й въ неволи. Доле! доле!
 Моя проспиванная воле!
 Хочь глянь на мене зъ-за Днипра,
 Хочь усмихныся зъ-за...

И ты, моя едина, я,
 Встаешъ изъ-за моря,
 Зъ-за туману, слухняная
 Рожевая зоре!
 И ты, моя едина,
 Ведешъ за собою
 Лита мои молоды,
 И передо мною,
 Нибы море, выступаютъ
 Широки села
 Зъ вышневыми садочками.
 И люде весели,
 И ти люде, и село те,
 Де колысь, мовъ брата,
 Прывиталы мене. Маты,
 Старесенька маты!
 Чы збираются ще й доси
 Веселы гости
 Погуляты у старои,
 Погуляты просто,
 По давнѣму, по старому—
 Одъ свиту до свиту?
 А вы, мои молоды,
 Чорнявы диты,
 Веселы дивчаточка,
 И доси въ старои
 Танцюете? А ты, доле,

А ты, мій покою!
Мое свято чорнобриве!
И доси мижъ ными
Тыхо, пышно похожашъ?
И тымы очыма,
Ажъ чорными голубымы,
И доси чаруешъ
Людськи души? Чы ще й доси
Дывуються всеу
На станъ гнучкый? Свято мое,
Едыпее свято!
Якъ оступлять тебе, доле,
Диточки-дивчата
Й защебечуть по своему
Доброму звычаю,
Може, й мене ненарокомъ
Диточки згадають;
Може, яка и про мене
Скаже яке лыхо.
Усмихныся, мое сердце,
Тыхесенько-тыхо,
Щобъ нихто и не побачывъ,
Та й бильше ничого.
А я, доленько, въ неволи
Помолюся Богу.

И широкую долину,
 И высокую могилу,
 И вечернюю годину,
 И що слылось, говорылось—

Не забуду я.

Та що зъ того?... не побралысь:—

Розійшлыся, мовъ не знались...

А тымъ часомъ дороги

Лита наши молоды

Марне пронеслись.

Помарнили мы обое,

Я—въ неволи, ты—вдовою.

Не живемъ, а тилькы ходымъ

Та згадуемъ тыи годы,

Якъ жылы колысь.

Якъ-бы вострилыся мы знову,

Чы ты злякалася бъ, чы ни?

Якее тыхее ты слово

Тоди бъ промовыла мени?

Ніякого! и не пизнала бъ!

А може бъ потимъ нагадала,

Сказавшы: слылося дурній...

А я зрадивъ бы, мое дыво,

Моя ты доле чорнобрыва,

Якъ бы побачывъ, нагадавъ

Веселее, та молодее

Колышне лышенько лыхее.

Я зарыдавъ бы, зарыдавъ
 И помолывсь, що не правдывымъ,
 А сномъ лукавымъ розійшлось,
 Слизьмы-водою розлылось,
 Колышпее святее дыво.

Якъ маю я журытыся—
 Докучаты людямъ:
 Пйду соби свить-за-очы!
 Що буде, те й буде!
 Найду долю—одружуся.
 Не найду—втоплюся,
 Та не продамсь я никому,
 Въ наймы не паймуся.

Пишовъ же я свить-за-очы...

Доля заховалась,
 А воленьку люде добри
 И не торгувалы,
 И безъ торгу закнулы
 Въ далеку неволю,
 Щобъ не росло таке зилля
 На нашому поли...

КОЗАЦЬКАЯ ДОЛЯ.

На що мени женытыся?
 На що мени братысь?
 Будуть зъ мене молодого
 Козаки сміятысь.
 „Оженывся“, вони скажуть.
 „Голодный и голый,
 Занапастывъ, нерозумный,
 Молодую волю“!
 Воно й правда. Що жъ діяты?
 Навчить мене, люде,
 Иты хыба до васъ въ наймы?
 Чы до ладу буде?
 Ни, не буду чужи волы
 Пасты, заганяты;
 Не буду я въ чужій хати
 Тещу поважаты;
 А буду я красуватысь
 Въ голубимъ жупани
 На коныку вороному
 Передъ козакамы.
 Найду соби чорнобрыву
 Въ степу пры долини—
 Высокую могылоньку
 На тій України.
 На весилля товариство
 Выйде погуляты,
 Та вынесе самопалы,
 Выкотыть гармату,
 Якъ понесуть товариша

Въ новую свитлицю,
 Загомонять самопалы,
 Гукнуть гакивныци.
 Якъ положить отамана
 Въ новій хати спаты—
 Загомонить, якъ та маты,
 Голосна гармата.
 Гукатыме, крычатыме
 Не одну годину,
 И рознесе твою славу
 По всій України.

1849 р. Надъ Араломъ.

Якъ бы тобі довелось
 Въ насъ попануваты,
 То знавъ бы ты, пане-брате,
 Якъ ихъ называты,
 Оттыхъ твоихъ безталанныхъ
 Дивчатокъ покрытыхъ;
 А то верзе бисы-зна-що,
 Та й думае: мы-то,
 Мы то людямъ покажемо
 Оцихъ безталаннихъ,
 Та навчимо шануватысь
 Панычивъ поганныхъ.
 Шкода й праці! Поки села,
 Поки паны въ селахъ—
 Будуть соби тынятыся

Покрыткы весели
 По шыночкахъ зъ москалямы,
 И не турбуйсь, брате!
 — Добре, кажу. А все такы
 Невелычку нате
 Оцю одну останнюю.
 Слушайте жъ, панята!

Дивчата на луди греблы,
 А парубкы копыци клалы,
 Та и знай на сонце позыралы,
 Та нисенитныцю верзлы,—
 Звычайне, хлопци; а дивчата,
 Мовъ ти сорокы цокоталы,
 Та до крыныци учащала—
 У ярь погуляты.

Найкращая зъ всѣго села
 Давненько вже у ярь пишла,
 Узявши глечыкъ, та й немає;
 А лановый и не шукае,
 Мовъ и не бачыть. Не новый
 Одей лукавый лановый—
 Стара собака, та ще й быта.
 У бальци стало щось крычать.
 Побиглы хлопци рятовать.
 А тамъ панычъ несамовытый,
 Недолитокъ таке творыть,
 Сердешну дивчыну мордуе;
 Сердешна дивчына крычыть...
 Прыбиглы хлопци, не рятують—
 Боятся пана. А одынь,
 Що наймолодшый, озырнувшысь,
 Та выламы пана
 И просадывъ, мовъ ту жабу..

Застогнавъ поганецъ
 Та й... Порадылысь,
 Дали въ городъ знаты.
 Судъ найихавъ; подывылысь,
 Понылысь завзято
 Судовыкы. Закувалы
 Хлопця молодого,
 Та въ тюрьму заквасувалы.
 Та й бильше ничего.

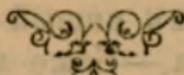
На верстовимъ шляху въ поли,
 Корчма пидъ вербою
 Стоить соби въ холодочку;
 А по-пидъ корчмою
 Сыдять въ путахъ арестанты.
 Трохы одпочыты
 Позволено бидолахамъ,
 Та воды напытысь.
 Сыдять соби, розмовляють,
 А де-кто й куняе.
 А зъ-за горы пойизжане
 На шляхъ выйизжають,
 Ажъ тры тройкы. И звычайне,
 Коло корчмы стали:
 Даты конямъ одпочыты,
 Та й дружкы прыстали,
 Спиваючы. Оттожь стали.
 Молодая встала,
 Взяла квартиру оковыты,
 Та й почаствовала
 Сердешного невольныка
 И ёго сторожу.....
 Колы дывытсья, погляне—
 Боже, мылый Боже!

Мижъ невольныкамы въ путахъ
 Той самый едннй,
 И местныкъ безталаннй,
 Несе зъ Украины
 Ажъ у Сибирь ланцюгъ, пута.
 А ты будешъ тута
 У роскоши и не будешъ
 Ни знаты, ни чуты
 Ёго плачу вседневногo.
 Не почаствовала
 Свогo местныка святого
 И не привитала;
 Тилько глянула на ёго—
 Та й бильше ничого.
 Попереду пойизжане
 Рушылы въ дорогу,
 А за нымы й невольныкы
 Побрязкалы путемъ
 По-надъ шляхомъ. И никого
 Не выдно, не чуты
 Коло корчмы; одна соби
 Поки-що осталась
 Зъ шинкаркою. Кругомъ неи
 Дымомъ розстылалась
 Въ поли курява.

И смерклося.

И викъ не великый,
 Не тилько день. На хутори
 Танци та музыкы
 Ажъ до иивночи. Прыдане
 Постиль пишы слаты
 У комору; а молода
 Выйшла мовчкы зъ хаты,

Та й пропала. Скризь шукалы,
 До свиту шукалы,
 Та й не найшлы. Де жъ подилась?
 Де? Помандрувала
 За невольныкомъ убогимъ
 У Сибирь... Та й годи.

МАТЫ ПОКРЫТКА.

У нашимъ рай, на земли,
 Ничого кращого немае,
 Якъ тая маты молодая
 Зъ своимъ дытяточкомъ малымъ.
 Бувае иноди дывлюся,
 Дывуюсь дывомъ—и печаль
 Охватить душу, стане жаль
 Мени и. . и зажурюся,
 И передъ нею помолюся,
 Мовъ передъ образомъ святымъ
 Тіеи матери святой
 Що въ миръ нашъ Бога принесла.

Теперь ій любо, любо жыты!
 Вона середъ noci встае,
 И стереже добро свое,
 И дожыдае того свиту,
 Щобъ зновъ на ёго подывытысь,—
 Наговорытысь... „Це мое,

Мое...“—и дывытся на ёго,
 И молытся за ёго Богу,
 И йде на улыцю гулять
 Гордише самой царыци,
 Щобъ людямъ, бачте, показать
 Свое добро... „А подывиться—
 Мое найкраще надъ всима“!
 И ненарокомъ иншый гляне,—
 Весела, рада,—Боже мій!
 Несе до дому свого Йвана,
 И ій здається—все село
 Весь день дывылося на ёго,
 Що тилькы й дыва тамъ було,
 А бильше не було ничего..
 Щаслывая!...

Лита мынають;
 По троху диты вырастають;
 И вырослы, и розійшлысь
 На заробиткы, въ москали...
 А ты осталася, небого,
 И не осталося никого
 Съ тобою дома... Наготы
 Старой ничымъ одягты
 И вытопыть зимою хату;
 А ты нездужаешъ и встаты,
 Щобъ хочъ огонь той розвесты...
 Въ холодпій молышся осели
 За ихъ, за диточокъ...

А ты,
 Велыкомученныце! села
 Мынаешъ, плачучы, въ-ночи;
 И полемъ, степомъ идучы,
 Свого ты сына закрываешъ,

Бо й пташка иноди признае
 И защебече: онъ—байстрия
 Несе покырка на базарь.—
 Безталанная! де дилась
 Краса твоя тая,
 Що вси люде дывовалысь?
 Пропала, немає!...
 Все забрала дытыночка...
 И выгнала зъ хаты,
 И выйшла ты за царыну,
 Зъ хреста вибы знята;
 Старци тебе цураются,
 Мовъ тми проказы;
 А воно таке маленьке—
 Воно ще й не лазыть.
 И колы то воно буде
 Гратысь—и промовыть
 Слово: „мамо“—велыкое,
 Найкращее слово!...
 Ты зрадіешъ—и розскажешъ
 Дытыни правдыво
 Про паныча лукавого,—
 И будешъ счаслыва...
 Та недовго: бо не дійде
 До-зросту дытына,—
 Пійде соби слипця водыть,
 А тебе покыне
 Каликою на распутти,
 Щобъ собакъ дражныла,
 Та ще й вылае... за те, бачъ,
 Що на свить родыла,
 И за те ще, що такъ тяжко
 Дытыну любила...

И любытмешъ, небого,
Поки не загынешъ
Межы псамы на морози,
Де-небудъ пидъ тыномъ...
Отъ-тымъ мени и жаль стане
Матери небогы,
Що вона ёго такъ любить,
Такъ гыне за ёго;
За те чадо поганее
Занапастыть въ свити
Найкращее добро свое—
Молодыи лита.
А воно,—бувае зъ ёго
Не выйде ничого,
Або выйде недолюдокъ,
Сатана безрога!
И никола изъ байстряты
Не матыме маты
Соби доброй дытны,
Хочъ вона й багата.
Добре оттимъ панамъ жыты—
Ничого не знаютъ!
И не знаютъ, якъ ихъ диты
У ихъ вырастаютъ!
Бо матери тамъ не маютъ,
А мамку наймаютъ.

Зацвила въ долини
 Червона калына,
 Нибы засміялась
 Дивчына-дытына.
 Любо-любо стало,—
 Пташечка зрадила
 И защебетала...
 Почула дивчына
 И, въ билій свытыни,
 Зъ биленькои хаты
 Выйшла погуляты
 У гай на долину.
 И выйшовъ до неі
 Зъ зеленого гаю
 Козакъ молоденькій.
 Цилуе, витае,—
 И йдутъ по долини,
 И йдучы спивають,
 Якъ диточокъ двое;
 Пидъ тую калыну
 Прыйшлы, посадалы,
 И поцилувалысь...
 Якого жъ мы раю
 У Бога благаемъ!

Не такъ тиі ворогы,
 Якъ добрыи люде—
 И окрадутъ жалкуючы,
 Плачучы осудять,

И попросять тебе въ хату,
 И будутъ витаты,
 И пытать тебе про тебе,
 Щобъ потимъ сміятысь,
 Щобъ зъ тебе сміятысь,
 Щобъ тебе добыты.

Безъ воровивъ можно въ свити
 Якъ-небудь прожыты;
 А си добри люде
 Найдуть тебе всюды,
 И на тимъ свити, добрягы,
 Тебе не забудуть.

П. С.

Не жаль на злого: коло ёго
 И слава сторожемъ стоять;
 А жаль на доброго такого,
 Що й славу вміе одурить.

И доси нудно, якъ згадаю:
 Готычеськый зъ часамы домъ,
 Село обидране кругомъ,
 И шапочку мужыкъ знимае,
 Якъ флагъ побачыть: значыть, панъ
 У себе зъ прычетомъ гуляють.
 Оцей годованый кабанъ,

Оце ледащо—щырый папъ,
 Потомокъ гетьмана дурного
 И презавзятый патріотъ,
 Та й хрыстіянынъ ще до того!
 У Кыивъ йидыть всякый годъ;
 У святи ходыть мижъ папаны
 И пье горилку зъ мужыкамы,
 И вольнодумствуе въ шынку.
 Отутъ винъ ввесь, хочъ надрукуй!
 Та ще въ сели своихъ дивчатокъ
 Перебирае; та сироста
 Таки своихъ байстрыхъ зъ десятокъ
 У годъ подержыть до хреста.
 Та й тилько-жь то...—Кругомъ паскуда!
 Чому жъ ёго не такъ зовуть?
 Чому на ёго не плюють?
 Чому не топчуть? Люде, люде!
 За шмать гнылой ковбасы
 У васъ хочъ матирь попросы,
 То оддасте... Не жаль на его,
 На пьяного Петра кривого,
 А жаль великый на людей,
 На тыхъ юродывыхъ дитей.

МАРЫНА.

Неначе цвяшокъ въ сердце вбытый,
 Одю „Марыну“ я ношу.
 Давно бь спысать несамовыту,
 Такъ що жъ? сказаны бь, що брешу;

Що на панивъ, бачышъ, сердытый,
 То все такее и пышу
 Про ихъ собачьи звычай;
 Сказалы бь просто: дурень лае
 За те, що самъ крипакъ,
 Неодукованый сирякъ.
 Не правда—йй Богу, не лаю!
 Мени не жаль, що я не панъ,
 А жаль мени, и жаль велькый,
 На просвищенныхъ хрыстіянь.
 И звирь того не зробить дыкый,
 Що вы, быючы поклоны,
 Зь братами діете, законы...
 пысани за васъ,
 То вамъ байдуже—въ добрый часъ!
 У Кыивъ йиздыте що-року
 Та сповидаетесь, нивроку,
 У схымныка,
 Та й те сказать,
 Чого я турбуюсь;
 А ни злого, ни доброго
 Я вже не почую.
 А якъ, кажу, хто не чуе,
 То тому й байдуже.
 Прилитай же зь Украины,
 Едыный мій друже,
 Моя дума пречыстая,
 Вирная дружыно!
 Та розкажы, моя зоре,
 Про тую Марыну:
 Якъ вона у пана злого
 И за що страдала;
 Та ныщечкомъ, щобъ не чулы,

Або не дозналысь;
 А то скажуть, що по шляхахъ
 Чынымо розбои,
 Та ще дальше заправторять;—
 Пропадемъ обое.

.

 Недавно се було.
 Черезъ село веселя йшло,
 А панъ зъ костёлу йихавъ,
 Чы управытель, а не панъ.
 За выхылясамы прыданъ,
 За зыкомъ, та за смихомъ,
 Нихто й не бачывъ, якъ пройихавъ
 Той управытель, ляхъ ледачый!
 А винъ такъ добре бачывъ,
 А надто молодую.
 За що пакъ мылуе Господь
 Лыхую тварь такую,
 Якъ сей правытель? Другый годъ,
 Якъ винъ зъ нимецькымы плугамы
 Забрався голый въ цей кутокъ,—
 А що тыхъ бидныхъ покытокъ
 Пустывъ по свиту съ байстриюкамы!
 Отъ-же й ничого! А жонатый,
 И мае двое диточокъ,
 Якъ янголяточокъ.
 Дывитесь—выйшла погуляты,
 Мовъ краля, пани молодая,
 Зъ двома маленькымы дитьмы.
 Изъ коча панъ мій вылизас
 И посыла за молодымъ,
 А потимъ диточокъ витае

И жинку, кралю молодую,
 Ажъ трычи бидную цилуе.
 И розмовляючы, пишлы
 Соби въ покои. Незабаромъ
 И молодого прывелы.
 На завтра въ городъ одвезлы,
 Та й заголылы въ москаля.
 Отакъ, по нашому звычайу,
 Не думавшы кончають!

А молада? Мабудъ, безъ пары
 Судылось Господомъ зносыть
 Красу и молодость. Мовъ чары,
 Розсыпалось та розлылось...
 И знову въ люде довелось
 Просытысь въ наймы? Ни, не знову,—
 Вона вже панна покоёва,
 Уже Марысею зовуть,
 А не Марыною. Найпаче
 Сердешній плакаты не дають;
 Вона жъ сховаеця, та й плаче,
 Дурна! Й шкода мужыка,
 Та жаль святого сиряка.—
 А глянь лышь гарно кругомъ себе
 И раю крацого не треба!
 Чого ты хочешъ—забажай,
 Всёго дадутъ, та ще й багато.
 Не треба, кажешъ, дайте хату!
 Сёго вже лучче й не благай,
 Бо це.. сама, здорова, знаешъ...
 Дывыся, огыремъ якымъ
 Самъ панъ кругъ тебе похожае,—
 Уже чы добрымъ, чы лыхымъ,

А будешъ панською риднею,
 Хыба повисышся... За нею
 Прыходыла маты
 У пана просыты;
 Звеливъ не пускаты,
 А якъ прыйде—быты.
 Що тутъ ій робыты?
 Пишла рыдаючы въ село,—
 Однимъ одно дытя було.
 Та й те пропало...

Неначе воронъ той, летячы,
 Про непогоду людямъ криче:
 Такъ я про слезы, та печаль,
 Та про байстрияты отыхъ ледачыхъ,
 Хоть и никому ихъ не жаль,
 Розказую, та плачу.
 Мени ихъ жаль!... Мій Боже мылий!
 Даруй словамъ святую сылу—
 Людськее сердце пробывать,
 Людскыи слезы пролывагы,—
 Щобъ мылость душу осиныла,
 Щобъ снала тихая печаль
 На очы ихъ, щобъ стало жаль
 Моихъ дивчатокъ, щобъ навчылысь
 Путямы добрымы ходыть,
 Святого Господа любыть
 И брата мыловать.

Насылу

Прыйшла до-дому. Подывылась—
 Цвиты за образомъ святымъ,
 И на викни стоять цвиты;
 На стинахъ хварбамы хресты,

Неначе добрая картына,
 Понамалёвани... Марына,
 И все Марына, все сама...
 Тилько Марыночки нема...
 И ледве, ледве выйшла зъ хаты.
 Пишла на гору—на прокляти
 Палаты глянуть; та й пишла
 Ажъ до палатъ. Пидъ тыномъ сила
 И ничъ цилисиньку сыдила
 Та плакала. Уже зъ села
 Ватажныкы ватагу гналы,
 А маты плакала, рыдала.
 Уже и сонечко зійшло,
 Уже й зайшло—смеркаты стало,
 Не йде, сердешная, въ село—
 Сыдыть пидъ тыномъ. Проганялы,
 Уже й собакамы цькувалы—
 Не йде, та й годи.

А Марына въ сукни билій,
 Неначе бильця,
 Богу молытса, та плаче,
 Замкнута въ свитлыци.

Опричь пана, у свитлыцю
 Нихто не вступае:
 Самъ и йисты ий прыносять,
 И просыть, благае,
 Щобъ на его подывылась,
 Щобъ утерла очы,—
 И дывытса не хоче,
 И йисты не хоче.
 Мордуется ляхъ поганый,—
 Не зна що й початы.

А Марына вяне, сохне
 У бильхъ палатахъ.
 Уже й лито мынулося,
 Зима вже на двори;
 А Марына сыдыть соби,
 Уже й не говорыть,
 И не плаче. Отакъ ии
 Доканавъ, небогу,
 Той правытель! А все такы
 Не вдіе ничого...
 Хочъ зарижъ ии та й годи!
 Така вже вродылась.

Разъ у-вечери зимою
 Марына дывылась
 На лись чорный! а зъ-за лису
 Червоный дижою
 Мисяць сходывъ. — „И я колысь
 Була молодую!.....“ —
 Прошентала, задумалась,
 Потимъ заспывала:

„Хата на помости!
 Найихалы гости.
 Росплиталы косы,
 Та стричкы знималы.
 А панъ просыть сала,
 А чортъ йисты просыть.
 Гусы, гусы били
 Въ врий полетилы,
 А сирин—на море.

Завылы псы на двори,
 Зареготалыся псари.

А панъ, червоный ажъ горыть,
Иде въ свитлицю до Марыны,
Якъ Кырыкъ пьяный..

Нибы въ хати,
На холоди сердешна маты
Пидъ тыномъ, знай соби, сыдыть.
Стара неначе одурила.
Морозъ лютуе, ажъ скрипыть,
Луна червона побилила,
И сторожъ боязно крычыть,
Щобъ злого пана не збудыть.
Ажъ глядь—палаты зайнялыся.
Пожаръ! пожаръ!... И де взялыся
Ти люде въ Бога! Мовъ зъ земли
Родылыся и тутъ рослы,
Неначе хвыли наплывалы,
Та на пожаръ той дывувалысь.
Та й дыво тамъ такы було!
Марына гола-на-голо
Передъ будынкомъ танцювала
У-пари зъ матирью, и—страхъ!—
Зъ ножемъ окровленнымъ въ рукахъ,
И прыспивувала:

„Чи не це-жъ та кумася,
Що пидтыкалася!...

Якъ була я пани

Въ новому жупани.—

Панычи лыцялысь,

Руку цилувалы“. (До матери)

— А вы до мене на висилля
Зъ того свиту прыйшлы?

Мени вже й косу росплелы,

Та пань прыйихавъ. Гыля! гыля!
 Чы то не гусы, то паны!
 Дывыся—въ ирй полетилы...
 Агу! гыля до сатаны,
 До чорта въ гости.... Чуешь, чуешь!
 У Кыиви вси дзвоны дзвонять.

Чы бачышъ—онъ огонь горыть,
 А пань лежыть соби, чытае
 И просыть пыты... А ты знаешь,
 Що я заризала его?...

Дывыся—онъ-де головнею
 Стоить на комины... Чого,
 Чого ты дывышся на ней?

Це маты, маты! не дывысы!
 А то зйисы. Ось на, дывысы!
 (Дае дули и сливае).

„Полюбыла москаля!

Та ще й зубы выскаля!

Москали, москали
 Запасокъ навезлы;

Панычи—
 Дукачивъ;

А поповычи зъ миста
 Навезлы намыста.

Бый, дзвоне, бый—
 Хмару розбый!

Нехай хмара
 На татары;

А сонечко на хрыстяне!
 Бый, дзвоне, бый!

М а т ы.

Марыночко! ходимо спать!

Марына.

Ходимо спать, бо завтра рано
 До церкви пидемо. Поганый—
 Дывыся—лизе цилувать.
 Ось тобі, на!

М а т ы.

Ходимо спать! (До людей).
 Хрыщени люде, помогите!

Марына.

Берить мене! берить вяжите,
 Ведить до пана у свитлицю!
 А ты чы пидешъ подывыться,
 Якою панною Марына
 У пана взаперти сыдыть
 И вяне, сохне, гыне, гыне
 Твоя едыная дытына,
 Твоя Марыночка. (Спивае).
 „Ой гыля, гыля, сирьи гусы,
 Гыля на Дунай!
 Завязала головоньку—
 Теперь сыды, та думай!“
 И пташкамъ воля въ чыстимъ поли,
 И пташкамъ весело литать...
 А я завьянула въ неволи... (Плаче).
 Хоча-бъ намысто було взять,—
 Оце бъ повисылась... отъ бачышь
 Теперь и шкода!.. Хочъ топысь!
 Чого жъ ты, мамо моя, плачешъ?
 Не плачь, голубочко, дывысь:
 Це я—Марыночка твоя.

Дывыся—чорная змія
 По снігу лизе... Утечу!
 У ирій знову полечу!
 Бо я возулею вже стала...
 Чы вишь у гости не прыходывь?
 Убылы мабудь, на войны...
 А знаешь—снылося мени:
 У-день неначе мисяць сходывь;
 А мы гуляемъ по-надъ моремъ
 У-двохъ соби. Дывлюся—зори
 Попадалы, неначе въ воду;
 Тилько осталася одна,
 Одна, однисенька на неби.
 А я, неначе нависна,
 Въ Дунаеви шукаю броду;
 Зь байстрамъ розхристана бреду
 Сміются люде надо мною,
 Зовуть покрыткою, дурною;
 И ты смієшся, а я плачу.
 Ба ни! не плачу—регочусь...
 Дывыся—якъ я полечу.
 Бо я—сова....“

Та й замахала

Неначе крыламы, рукамы
 И пострыбала черезъ двирь
 У поле, выючы, мовъ звирь.
 Пошкандыбала стара маты
 Свою Марыну доганяты.
 Паны до одного спеклысь,
 Неначе добри поросята;
 Згорилы билии палаты;
 А люде тихо розійшлысь.

Марыны й матеры не стало...
 Уже весною, якъ оралы,
 Два трупы на поли найшлы
 И на могыли поховалы.

СОТНЫКЪ.

У Оглави... Чы по знаку
 Кому цей Оглавъ билохатый?
 Троха лышь! Треба розказаты,
 Щобъ зъ жалю не зробыть смиху.

Одъ Борысполя недалеко,
 А буде такъ, якъ Борысполь,
 И доси ще стоить любенько
 Рядокъ на выгони тополь;
 Неначе зъ Оглава дивчата
 Ватагу выйшлы выглядаты,
 Та й стали.

Буде вже давно—
 Оттуть, бувало, изъ-за тыну
 Вылась квасоля по тычнни;
 И зъ оболонкамы викно
 Въ садочокъ литомъ одчннялось,
 И хата, бачыте, була
 За тыномъ—сотныкова хата.
 А сотныкъ бувъ соби багатый,

То въ ёго, знаете, росло
 На Божій харчи, за дытыну,
 Чіесь байстря. А може й такъ
 Узявъ соби старый козакъ
 Чію сыритку за дытыну,
 То й доглядае въ затышку,
 Якъ квиточку, чужу дочку.
 А сына—(Сотныкъ бувъ жонатый,
 Та жинка вмерла)—сына давъ
 У бурсу въ Кывь обучатысь.
 А самъ Настусю пиджыдавъ,
 Такы годованку, щобъ зъ нею
 Соби зробытыся риднею:
 Не сына зъ нею поеднать,
 А забандюрылось старому
 Самому въ дурняхъ побувать.
 А щобъ не знать було никому,
 То ще й не радывся ни зъ кымъ,
 А тилько самъ соби гадае;
 А жиночки... лыхый ихъ знае!
 Уже сміялыся надъ нымъ,—
 Вони цю страву носомъ чують.

Сыдыть сотныкъ—

Та думу гадае:

А Настуся по садочку

Пташкою литае.

То посыдыть коло ёго,

Руку поцилуе;

То усамы страшенными

Сывыми пустуе.

Ну—звычайне, якъ дытына—

Пестуе старого.
 А старому не до того:
 Иншого якогось,
 Гриховного пестування
 Старе тило просить
 И пальцямы старый сотныкъ
 Настусыны косы,
 Мовъ дви гадыны вельки
 До-купы сплитае;
 То расплете, то кругъ шы
 Трычи обмотае.
 А вона, моя голубка,
 Ничого не знае;
 Мовъ кошени на прыпичку
 Зъ старымъ котомъ грае.

Сотныкъ.

Та одчепысь, божевильна!
 Дывысь лышень—косы,
 Мовъ русалка, розтрипала.
 А чому ты й доси
 Николы не вплетешъ кисныкы,—
 Отти що титка привезла?

Настя.

Якъ-бы пустылы на музыкы,
 То я бь кисныкы заплела,
 Надила бь жовти черевыкы,
 Червону бь юбку одягла,
 Заквитчала бь барвинкомъ косы,

Сотныкъ.

Стривай, стривай, простоволоса!
Дурненька: де бѣ же ты взяла
Того барвинку заквитчатись?

Настя.

А коло тыну. Тамъ такой
Порись зеленый, хрещатый,
Та сынй, сыне-голубый,
Зацвивъ. . . .

Сотныкъ.

Не будешъ дивуваты!

Настя.

А що жъ умру хиба?

Сотныкъ.

Ба ни!

А слылось въ-осены мени,
Тоди якъ щепы мы щепылы,
Якъ прыймутся... мени прыснылось....
Якъ прыймутся, то въ-осены
Ты выйдешъ замижъ.

Настя.

Схаменысь!
И щепы ваши поламаю.

Сотныкъ.

И якъ барвинокъ зацвите...

Настя.

То я й барвинокъ позрываю.

Сотныкъ.

А одъ весилля не втечешь!

Настя.

Ба ни, втечу, та ще й заплачу. (Плаче).

Сотныкъ.

Дурна ты, Насте, якъ я бачу,—

И посміяться не дасы!

Хиба не бачышь, я жартую.

Пиды лышь скрыпку прынесы:

Та зъ лыха гарно потанцюешъ,

А я заграю.

Настя.

Добре, тату!

(И веселенька шастъ у хату).

Сотныкъ.

Ни, трохы треба пидождать.

Воно-бъ то такъ, та отъ що, брате:

Лита не ждуть, лита летять;

А думка проклята марою

До серця такъ и прыросла.

— А ты вже й скрыпку прынесла!

Яку жъ мы вчыстымо зъ тобою?

Настя.

Е, ни, стривайте, цуръ не граты!

А то не буду й танцювать,

Поки барвинку не нарву,
Та не уквитчаюсь. Я заразы!

(Иде недалечко, рве барвинокъ, квитчається и спиває. Сотныкъ налагожує скрыпку).

Сотныкъ.

Отъ же одна вже й увирвалась;
Стривай, и другу увирву.

Настя.

(Вертається ваквитчана, спиваюча).

Якъ-бы мени крыла
Соколыны,
Полетила бь я за мылымъ
За дружиною,
Полетила бь у диброву,
У зеленый гай,
Полетила бь черноброва
За тихый Дунай!

(Тымъ часомъ, якъ вона спиває, у садочокъ входять молодой хлопець въ соломяному брыли, въ короткому синему жупанку, въ зеленыхъ шароварахъ, въ торбыною за плечыма и въ нагаемъ).

Петро.

Зь тымъ днемъ, що сегодня,
Боже, помагай!

Настя.

Тату? тату! Петро, Петро
Изъ Кыива прыйшовъ!

Сотныкъ.

А, выдомъ выдаты, слыхомъ слыхаты! Чы по воли, чы по неволи?

Петро.

По воли, тату, ще й богословомъ.

Сотныкъ.

Овъ!

Настя.

Богословомъ! Ажъ страшно!

Сотныкъ.

Дурна, чого ты боишся! (Пидходить до сына, хрестыть ёго п цилуе). Боже тебе благословы, моя дытшно. Настусю, поведы ёго въ покои, та нагодуй: бо вишь ще, може, й не обидавъ.

Петро.

Та такы й такъ. (Йде въ свитлыцю въ Настю).

Сотныкъ (Самъ).

И дарувавъ же мени Богъ
 Таке дытя, такого сына!
 И богословъ уже... прычына,
 Прычына мудрая (Задумуется) Чого,
 Чого я думаю? Въ попы!
 А якъ не схоче, то на Сичь—
 И тамъ не згыне, вражий хлопецъ.
 Итты лышь въ хату. Отъ ще ричь:

Заставыть треба богослова,
 Щобъ дома байдыкивъ не бывъ,
 Щобъ винъ гуляючы навчывъ
 Настусю заповидь. Щобъ знову
 Не довелось дяка наймать,
 Якъ для покойной. А знаю,
 Безъ сѣго вже не повинчае
 Отець Хома... Питты сказать,
 А то забуду. (Йде въ хату.)

Жыть бы, жыть, хвалыты Бога,
 Кохатыся въ дитяхъ;
 Такъ же ни, самому треба
 Себе одурыты.
 Оженытыся старому
 На такій дытны!
 Схаменыся, не женыся:
 И вона загыне,
 И самъ сывымъ посмишыщемъ
 Будешъ въ свой хати.
 Будешъ самъ отте весилля
 По-викъ прокlynаты;
 Будешъ плакать, и никому
 Ти слѣзы старечи
 Буде втерты. Не женыся,
 И гычъ не до речи!
 Дывыся—рай кругомъ тебе
 И диты, якъ квиты.
 За що жъ ты ихъ, молоденькихъ,
 Думаешъ убыты?
 Ни! старый мій чепурится,
 Ажъ брыдко дывытыся.

А Настуея зъ богословомъ
 Заповиди вчытсь.
 Онъ дывиться: у садочокъ
 Выйшлы погуляты,
 У-двохъ соби похожають,
 Мовъ ти голубьята.
 А старого нема дома,
 То имъ своя воля
 Награтыся. Дывитесь—
 Тамъ коло тополи
 Сталы соби, та й дывлятсь
 Одно на другого.
 Оттакъ ангелы святыи
 Дывлятсь на Бога,
 Якъ вони одно на друге.
 И Петрусь пытае:

Петро.

Чомъ же ты оце, Настусю,
 Справди не чытаешъ?

Настя.

А хйба я школяръ, чы що? Не хочу та й годи!

Петро.

Хочъ одну невеличку заповидь сёгодня вивчы, хоть пъяту.

Настя.

И пъятой, и шостой, нйкои не хочу.

Петро.

То пипъ и не винчатые никола, якъ не
вмитынешъ.

Настя.

Байдуже, нехай соби не винчае.

Петро.

А зо мною?

Настя.

И зъ тобою нехай соби... Е, ни, нехай по-
винчае!

Петро.

Та чытай же, а то...

Настя.

А то що ты зробишъ?

Петро.

Подилую. Ось побачышы!

Настя.

Хочъ якъ хочешъ, цилуй соби, а я такы не
чытатыму.

Петро. (Цилуе ии и промовляе).

Оце тоби разъ, оце тоби два.

(А сотныкъ выглядае зъ-за тыну и входить въ хату, не давши
знаку).

Настя (Пручается)

Годи бо вже, годи! Незабаромъ батько прыйде: треба справди чытать.

Петро.

А, теперь и чытать.

Сотныкъ. (Выходять въ хаты).

Диты! годи вже вамъ учыться. Чы не часъ обидать?

(Петро и Настя мовчки идуть у хату).

Сотныкъ. (Самъ).

Навчылась, ничего сказать!
 Оце дытына! Ни, Настусю,
 Я коло тебе захожуся
 Теперь, лебедонько, не такъ!
 Покры сто разъ не поцилуе,
 Й чытать не хоче. А бурсакъ!
 Собачый сыну, знаешъ смакъ!
 Ось я тебе попомуштрую
 Не такъ, якъ въ бурси. Помеломт!
 Щобъ духу въ хати не було.
 Велькый свитъ нашъ—не загынешь!
 Дывыся, пся ёго лычына,
 Оце-то такъ, що богословъ—
 У батька краде. Добре, свате!...
 Яки то стали люде зли!...
 А що то діється у хати?
 Тамъ знову, ввать, мои мали
 Чытають... Треба розигнаты.

Оттаки батькы на свити,
 На що вони дитямъ?
 На наругу передь Богомъ!
 А шануйте, чтите,
 Поважайте ёго, диты.
 Бо то батько сывый,
 Батько мудрый. Добре оттымъ
 Сыротамъ щаслывымъ,
 Що не мають оттыхъ батькивъ,
 То й не согришають.

Настя. (Выбигае заплакана зъ хаты).

Не дае и пообидать—
 Въ Кывьъ проганяе.
 А, Боже мій мылостывый!
 Що мени робыты?
 Помандрую..... (Дывытся въ хату; замчра вся).
 Ухъ, який сердытый!
 Та не вдарыть... А я такы
 У Кывьъ зъ Петрусемъ
 Помандрую, хочъ що хочешъ...
 Я не побоюся,
 Середъ нocy помандрую!...
 А видьма злякае!...
 Ни, не зляка. (Загляда внову).

Сердешненький!

Кныжечкы складае
 У торбыну и брыль бере.
 Прощай, мое любе,
 Мое сердце!... У-вечери?
 За цырыну? Буду,

Раньше буду!... Ось на, лоры!
 (Кыдае черевъ тынъ цвитокъ).
 Чуешь! дождайся! (Выходять сотныкъ).

Настя. (Спивае).

„Не ходы, не нуды, не залыцяйся —
 Не сватай, не пиду, не сподивайся!“

Сотныкъ.

А ій байдуже, мовъ не знае!
 Неначе та сорока скаче.
 Настусю! чомъ же ты не плачешъ?
 Аджэ-жъ Петруся вже немае.

Настя.

Дывитесь, яка печаль!
 То й плачте, колы жаль.

Сотныкъ.

Мени байдуже.

Настя.

А мени
 Ще байдужійше—винъ не мій.
 А я вже заповиди знаю
 Уси до одной.

Сотныкъ.

Уси?

Настя.

Нехай хочъ заразь сповидае
 Отець Хома вашъ голосный.

Сотныкъ.

А повипчаемось въ недилю?

Настя.

А вже-жь! Такъ мы ще не говилы!
Якъ одговіемось—тоди.

Сотныкъ. (Цилуе іи).

Моя голубко сызкрыла,
Моя ты ягидко! (Танцюе и прыговорюе).

„У горохъ

Въ чотырѣхъ

У-ночы ходыла;

У-ночы,

Ходячы,

Намысто згубыла“.

Настя.

Та годи вже вамъ зъ тымъ намыстомъ! Ишлы бѣ
швыдче до отця Хома, та порадылыся. Отъ що!

Сотныкъ.

Правда, правда, моя квиточко! Побижу жъ я
швыденько, а ты тутъ, моя любко, погуляй соби
тыхенько. Та заквитчайся! Та не жды мене: бо
буты мае, що я осталуся и на вечерню.

(Цилуе іи и ѣде).

Настя.

Добре, добре! Не ждатыму.

Не ждатыму, не ждатыму,

У свытыну вдягатымусь,

У намысто уберуса—
Догонятому Петруся.

Обнимемось, поцилуемось, поберемося за рученьки, та й пидемъ у-двохъ соби ажъ у Кывивъ. Треба заквитчатся, може въ останній разъ, бо винъ казавъ, що у Броваряхъ и повинчаемося

(Квитчатся и спивае).

„Ой пиду я не берегомъ—лугомъ,
Зостринуся зъ несуженымъ другомъ.
Здоровъ, здоровъ, несуженый друже!
Любылыся мы зъ тобою дуже;
Любылыся, та не побралыся,
Тилько жалою серцю набралыся“.

Оце нагадала яку! Цуръ їй, яка погана. Побижу лышь швыдче. Оставляйтеся здорови, мои высокыи тополи и хрещатый мій барвиночку! (Выходять).

Иде до-дому у-ночы
Пьявенькій сотныкъ, а йдучы
Соби веселый розмовляе:
—Нехай и нашихъ люде знаютъ!
Нехай и сывый, и горбатый!
А мы... хе! хе! а мы жонати!
А мы...—Насылу влизъ у хату,
Та й лигъ соби тыхенько снаты,
Щобъ Настю, бачте, не збудыть,
Та сорому не наробыть.
Уже й „достоино“ одзвонили,

Уже до-дому люде йдуть,—
 Не йде Настусенька, не чуть.
 Насылу сотныка збудылы,
 Та розказалы— „такъ и такъ!“
 Перехрестывся неборакъ;
 Коня найкращого сидлае
 И скаче въ Кывь. Въ Броворяхъ,
 Уже повинчана, гуляе
 Ёго Настуся молода.
 Вернувся сотныкъ мій до-дому,
 Тры дни, тры почы не встававъ,
 Никому й слова не сказавъ
 И не пожалувавсь никому.

• • • • •
 Турбуется, заробляе,
 А того не знае,
 Що на старисть одуріе
 И все занехае.
 Оттакъ теперь и зъ сотныкомъ,
 Зъ дурнымъ моимъ, сталося:
 Розигнавъ дитей по свиту,
 А добро осталося,—
 Немае зъ кымъ подилыты.
 Довелось самому
 Роскыдаты, росточыты,
 И добра никому
 Не зробыты ни на шелягъ,
 И притчею статы
 Добрымъ людамъ; и охаты

— У холодній хати
 Пидь кожухомъ; и никому
 Хату затопыты
 И выместы; по смитныку
 Ходыты, нудыты,—
 Покры пугачъ надъ стрихою
 Въ викно не завые,
 А наймычка холодного
 Трупы не накрые
 Кожушыною старою,
 А ключъ одъ коморы
 Изъ-за пояса украде.
 Оттаке-то горе
 И зъ сотныкомъ оце сталось:
 Не мынуло году,
 Якъ Настусенькы не стало,
 А вже на городи
 Не осталось ничего,—
 Свыни та телята
 Уже бродять. А барвинокъ,
 Барвинокъ хрещатый,
 Прытоптаный коло тыну,
 Засыхае, вяне.
 А самъ сотныкъ у кожуси,
 Одутый, поганый
 Коло клуши похожае:
 И стоги некрыты,
 И покои немазани,
 И сволокъ немыйтый,
 И челяди нема дома,
 Й худобы немае...
 А наймычка задрипана,
 Та й та помыкае

Старымъ паномъ. Такъ и треба:
 Не розганяй дитокъ,
 Сывый дурню! Недовго жывъ
 На свій заробитокъ
 Пьяный сотныкъ. Ще минуло
 Лито коло свита,
 А въ-осены на улыци
 Сотныка убыто;
 А може, вмеръ геборака,
 Одъ шынкаркы йдучы.
 Байдуже кому пытаты!
 Забралы й онучи
 Добри люде, а самого
 Гарно поховалы
 У левади и хрестыка
 Надъ нымъ не вкопалы.
 Ажъ жаль ёго: бувъ багатый,
 И ридня, и диты
 Есть у ёго, а пикому
 Хрестъ постановыты!
 Умеръ сотныкъ, и покои
 Згнылы, повалялысь;
 Все пропало, погинуло;
 Тилько и осталысь—
 Що тополи на выгони
 Стоять, мовъ дивчата
 Выйшлы зъ Оглава ватагу
 Зъ поля выгядаты.

Мижъ скалами, неначе злодїй,
 По-надъ Днистромъ иде въ-ночы
 Козакъ, и дывытся йдучи
 На каламутну темну воду,
 Неначе ворогови въ очи,
 Неначе вымовыты хоче:

— „Днистре, водо каламутна!
 Вынесы на волю,
 Або втопы,
 Колы така доля!“

Та й роздигся на камени,
 У воду кынувся; плыве.
 Ажъ хвыля сыняя реве,

И ревучы, на той берегъ
 Козака выносить.

Стрепенувся сирромаха:

И голый, и босый,

Та на воли; й бильшь ничого
 У Бога не просыть.

Постривай лышь: може, брате,

На чужому поли

Талану того попросышь,

Та тыеи доли...

Пишовъ соби темнымъ яромъ,
 Та спивае йдучы:

„Ой зъ-пидь горы, та зъ-пидь кручи

Ишлы мажи рыпучи;

А за нымы йде та чорнявая

Та плаче, рыда йдучы.“

Уже якъ хочете: хочъ лайте,
 Хочъ и не лайте, й не чытайте.

Про мене... и не прошу..
 Для себе, братикы, спышу,
 Ще разъ те оливо потрачу,
 А може, дасть Богъ, и заплачу,
 То й буде зъ мене...

Нумо зновъ!

Покынувъ матиръ и господу,
 Покынувъ жинку; жаль та й годи!
 На Бесарабію пишовъ
 Оцей козакъ. Погнало горе
 До моря пыты. Хочъ говорить:
 Абы оранда въ рукахъ була,
 А хлопа, якъ того вола,
 У плугъ голодного впряжешъ.
 Троха лышень, чи такъ?
 Ще зъ малку зъ матирью старою
 Ходывъ зъ торбама сей козакъ.
 Оттакъ и вырись сыротою
 У наймахъ. Сказано шарпакъ—
 То й одружився соби такъ:
 Узявъ хорошу, та убогу,—
 Звычайне наймычку. А панъ...
 (И неталанъ нашъ и таланъ,
 Якъ кажуть люде,—все одъ Бога)
 Нагледивъ, клятый. Панськи очи!—
 Та й ну гостынци засылать.
 Такъ и гостындивъ братъ не хоче.
 Не хоче й пана закохать.
 Що тутъ робыть? За чоловіка—
 Укоротывшы ёму вика...
 А жинку можно привитать.
 Трохы не сталося оттакъ:

До нытки звився мій козакъ,
 Усе на панщыни проклятій,
 А бувъ хозяинъ.
 А жиночку свою любовь —
 И, Господы едынній! —
 Якъ те паня, якъ ту дытыну,
 У намыстахъ водывъ!
 Та знемигся неборака —
 Хочъ продавай хату
 Та йды въ наймы. Оттакъ ёго
 Оттой панъ проклятый
 Допикъ добре! А жиночка,
 Мовъ сёго не знае,
 У доброму намыстечку
 Въ садочку гуляе,
 Якъ та краля! — „Що тутъ робыть?“
 Сердега миркуе:
 „Покыну ихъ та утечу...
 Кто жъ ихъ нагодуетъ,
 Кто догляне? одна — стара,
 Нездужае встаты;
 А другая молодая,
 Дума погуляты.
 Якъ же ёго?... Що діяты?
 Горе мое, горе!...
 Та й нишовъ, торбыну взявшы,
 За сынее море
 Шукать доли... Думавъ прыйты,
 Та хочъ жинку взяты —
 Стара маты и тутъ буде
 Вику доживаты
 На господи...

Такъ оттакъ-то
 Трапляется въ свити!
 Думавъ жыты, поживаты,
 Та Бога хвалыты;
 А довелось на чужыни
 Тилько слёзы лыты,
 Бильшь ничого. Нудно ёму
 На чужому поли.
 Всёго надбавъ, роботяга,
 Та не придбавъ доли,
 Талану того святого.
 Свить Божый немый—
 Нудно ёму на чужыни,
 И добро остыло.
 Хочется хочъ подывыться
 На свій край на мылый,
 На высокыи могылы,
 На степы шыроки,
 На садочокъ, на жипочку,
 Ъралю карооку.
 Та й поплывъ Днистромъ на сей бикъ,
 Покынувшы волю,
 Бродягою. О, Боже мій!
 Якее ты, поле,
 Свое поле! яке-то ты
 Шыроке, шыроке,
 Якъ та воля!...

Прышовъ до-дому у-ночы,
 Стогнала маты на печи,
 А жинка у комори спала
 (Бо панъ нездужа). Жинка встала
 Неначе пъявка та выпылась

И, мовъ водою, залылась
 Дрибными, якъ горохъ, слёзамы.
 И се трапляется мижъ нами,
 Що нижъ на сердце наставля,
 А самъ цилуе! Ожыла
 Моя сердешна молодыця:
 И де ти въ Господа взялыся
 Усяки штучныя йиства!

Сама жъ, неначе нежыва,
 На плечи пада. Напоила
 И нагодувала,
 И спать ёго, веселого,
 Въ комори поклала.
 Лежить соби неборака,
 Думае, гадае,
 Якъ то будемъ мандруваты,
 И тихо дримае.

А жиночка молодая
 Кынулась до пана:
 Розказала: „оттакъ и такъ!“
 Любо та кохано
 Прыйшлы, взяли сиромашу,
 Та й повезлы зъ дому
 Пройдысвита, волоцюгу,
 Прямо до прыёму.

И тамъ доля не кынула.
 Дослужывсь до чыну,
 Та й вернувся въ село свое,—
 И служить покынувь.

Уже матирь поховалы
 Громадою люде,
 И панъ умеръ. А жиночка
 Московкою всюды

Хыляется—и по жыдахъ,
 И по панахъ... боса.
 Найшовъ ии, подывывся
 И, сывоволосый,
 Пиднявъ руки каличени
 До святого Бога,
 Зарыдавъ, якъ та дытына,
 И—простывъ небогу.
 Оттакъ, люде, научайтесь
 Ворогамъ прощаты,
 Якъ сей неукъ!..
 Де жъ намъ гришнымъ
 Добра сѣго взяты?

Зарослы шляхы тернамы
 На тую краину.
 Мабуть я ии на вики,
 На-вики покынувъ...
 Мабуть мени не вернутысь
 Николы до дому;
 Мабуть мени доведется
 Чытаты самому
 Оци думы... Боже мылый,
 Тяжко мени жыты!
 Маю серце шырокее—
 Ни зъ кымъ подилыты.
 Не давъ есы мени доли,
 Молодой доли;
 Не давъ есы пиколы,
 Николы, николы!

Не давъ сердца молодого
 Зъ тымъ сердцемъ дивочымъ
 Поеднаты. Мынулыся
 Мои дни и ночи
 Безъ радости, молодія,
 Такъ соби мынули
 На чужыни. Не найшлося
 Зъ кымъ сердцемъ дилытсы;
 А теперь не маю навить
 Зъ кымъ поговорыты.
 Тяжко мени, Боже мыйый,
 Носыты самому
 Оци думы и не дилыть
 Ни зъ кымъ, и никому
 Не сказать святого слова,
 И душу убогу
 Не радовать, и не корыть
 Чоловика злого,
 И умерты... О, Господы!
 Дай мени хочъ глянуть
 На народъ отой убытый,
 На тую Украину.

И вырись я на чужыни,
 И сывію въ чужому краи;
 То одынокому мени,
 Здається, кращого немае
 Ничого въ Бога, якъ Днипро,
 Та наша славная краина.
 Ажъ бачу—тамъ тилько добро,

Де насъ нема. Въ лыху году,ну,
 Якось недавно довелось
 Мени зайхать въ Украину,
 У те найкращее село,
 У те, де маты повывала
 Мене малого и въ-ночи
 На свичку Богу заробляла,
 Поклоны тяжкыи бьючы;
 Пречыстїй ставыла, молыла,
 Щобъ доля добрая любыла
 И дытыну.. Добре мамо...

.

... Ажъ страхъ погапо

У тимъ хорошому сели:
 Чорнише чорной земли,
 Блукають люде; повсыхали
 Сады зелени; погнылы
 Биленькы хаты, повалялысь;
 Ставы бурьяномъ порослы.
 Непаче люде подурилы,—
 Ними на панщыну идуть
 И диточокъ своихъ ведуть...
 И я, заплакавшы, назадъ
 Пойихавъ знову на чужыну.
 И не въ одномъ оттимъ сели,
 А скрызъ на славній Украини
 Людей у ярма запряглы
 Паны лукави... Гынуть, гынуть
 У ярмахъ лыцарськы сыны...
 А препоганы паны
 Жыдамъ, братамъ своимъ хорошимъ,
 Остатни продають штаны...

Погаго дуже, страхъ погаго
 Въ оцій пустынѣ пропадать;
 А ще поганше на Украинѣ
 Дывытысь, плакати и мовчати.
 А якъ не бачышь того лыха,
 То скрызъ здається любо, тихо
 И на Украинѣ добро.

Мижъ горами старый Днипро,
 Неначе въ молоци дытына,
 Красується, любиться

На всю Украину;
 А по-надъ нимъ зеленіють
 Широкия села;

А у селахъ у веселыхъ
 И люде весели.

Воно бь може такъ и сталося...

.

Ой чого ты почорнило,
 Зеленеє поле?

— Почорнило я видъ крови
 За вольную волю.

Кругъ мистечка Берестечка,
 На чотыри мыли,

Мене славни Запорожци
 Своимъ трупомъ вкрылы.

Та ще мене гайвороны
 Укрылы зъ пивночы...

Клюють очы козацькы;

А трупу—не хочуть.
 Почорнило я, зелене,
 Та за вашу волю...
 Я зновъ буду зелениты,
 А вы вже николы
 Не вернетесь на волю...
 Будете ораты
 Мене стыха, та орючы
 Долю прокlynаты...

У недиленьку у святую,
 У досвітнюю годину,
 У славному, преславному
 Мисти, въ Чыгырыни,
 Задзвоннылы въ уси дзвоны,
 Зъ гарматы стрелялы,—
 Превелебную громаду
 До-купы склыкалы.

— Зъ святымы корогвамы,
 Та зъ пречестнымы образами
 Народъ зъ попами
 Зъ усихъ церковь на гору йде,
 Мовъ та Божа бжола гуде.
 Зъ монастыря святого
 У золоти, ажъ сяе,
 Самъ архымандрыть выхожае,

Акахвѣсть чытае,
Поклоны покладае.

Поважно та тыхо,
У раннюю пору,
На високу гору
Сходылысь полковныкы.
И вѣйсько, якъ море,
Зъ знаменамы, зъ бунчукамы,
Зъ лугу выступало,
Та на трубахъ выгравало,
И на гори разомъ стало.

Замовкы гарматы,
Онимылы дзвоны,
И громада покладае
Земны поклоны.
Молебствіе архимандрить
Самъ на гори правыть,
Святого Бога просыть, хвалыть,
Щобъ давъ имъ мудрости дознаты—
Гетьмана доброго обрата.
И одногласне, одностайне
Громада выбрала гетьмана—
Преславного Лободу Йвана,
Лыцаря старого,
Брата вѣйськового.

У трубы затрубылы,
У дзвоны задзвоннылы,
Вдарылы въ гарматы,
Знаменамы, бунчукамы
Гетьмана уккрылы.

Гетьманъ старый рыдае,
 До Бога руки здймае,
 Тры поклоны покладае
 Велькій громади
 И, мовъ дзвономъ дзвонить,
 Говорить:

— „Спасыби вамъ, панове-молодци,
 Преславныи Запорожци,
 За честь, за славу, за повагу,
 Що вы мени учынылы!
 А ще бь краще вы зробылы,
 Якъ-бы, замисць старого,
 Та обралы молодого
 Завзятого молодця,
 Преславного запорожця,
 Павла Кравченка-Налывайка:
 Я старь чоловикъ, нездужаю встаты.
 Буду ёму пораду даваты,
 По-батькивськы научаты,
 Якъ на ляха статы.
 Теперь прелютая годына
 На вашій славній України:
 Не мени вась, братця,
 На ляха водыты;
 Не мени теперь, старому,
 Булаву носыты.
 Нехай носыть Налывайко
 Козакамъ на славу,
 Щобъ лякалысь вражи ляхи
 У своій Варшави!“

Громада чмелемъ загула,
 У дзвонны задзвонылы;

Гармата заревла,
 И бунчукамы вкрылы
 Преславного запорожця
 Павла Кравченка-Налывайка.

Ш В А Ч К А.

Ой не пьется горилочка,
 Не пьются й меды;
 Не будете шынкуваты,
 Прокляти жыды!
 Ой не пьется тее пиво,
 А я буду пыть;
 Не дамъ же я вражымъ ляхамъ
 Въ Украины жыть.
 Ходимъ, батькы-отаманы,
 У Хвастовъ въ недилю,
 Та надинемъ вражымъ ляхамъ
 Кошуленьку билу;
 Ни, не билу, а червону...
 Ходимъ—погуляемъ,
 Та въ прыгоди свого батька
 Старого згадаемъ,
 Полковныка Хвастовського,
 Славнаго Семена.
 Ходимъ, браты: не згынете,
 Хлопци, коло мене.“

Въ Переп'яти гайдамакъ
 Нышкомъ ночувалы;
 До схиць сонця у Хвастови
 Хлоп'ята гулялы.
 Прийды зъ того Межыгорья,
 Нашъ славный Палію,—
 Подывыся, що той Швачка
 У Хвастови діе.
 Добре діе!... У Хвастови,
 У славному мисти,
 Покотылось ляхивъ, жыдивъ
 Не сто и не двисти,
 А тысячы; а майданы
 Кровью червонилы;
 А оранды съ костёламы,
 Мовъ свичкы, зг'рилы.
 Въ самимъ замку невеличку
 Церковку святую
 Не спалено. Оттамъ Швачка
 Спива: „аллылуйя,
 Хвалыть Господа, веселый,
 И каже сидлаты
 Коня свого вороного:
 Мае погуляты
 У Быхови, славнимъ мисти,
 Зъ Левченкомъ у-купи,—
 Потоптаты жыдивського
 Й шляхетського трупу.

СЫЧЫ.

На ныву въ жыто у-ночы,
 На поли, на роздолли
 Злиталыся по воли
 Сычы—
 Пожартувать,
 Помиркувать,
 Щобъ бидне птаство заступыть,
 Орлыне царство затопыть
 И геть спалыть;
 Орла жъ повисыть на тычыни
 И, пры такій годыни,
 Республыку зробыть.
 И все бъ здавалося? А ни!
 Щобъ не толочылы пашни—
 Воно було бъ не дыво,
 Якъ-бы хто иншый на тій ныви
 Сильце поставывъ, а то зыркъ—
 Такы голисинькый мужыкъ
 Поставывъ любо, та й пишовъ
 Въ копыци спать соби. А рано,
 Не вмывшыся, зайшовъ
 Гостей довидать. Та й погани—
 Уси до одного сычы!
 Оце тоби вары й пачы!
 Щобъ не несты до-дому
 Таке добро, то повбывавъ;
 А иншыхъ гратыся оддавъ
 Прыборканныхъ воронамъ,
 И не сказавъ никому.

Ч У М А.

Чума зъ лопатою ходыла
 Та гробовыща рыла, рыла,
 Та трупомъ, трупомъ начынила,
 И „со святымы“ не спивала,
 Чы городомъ, чы то селомъ
 Мете соби, якъ помеломъ.

Весна. Садочки зацвилы,
 Неначе полотномъ укрыти,
 Росою Божою умыти,
 Биліють. Весело земли.
 Цвите, красуется цвитами,
 Садамы темнымы, лугама;
 А люде бидны въ сели,
 Неначе злякани ягнята,
 Позамыкалыся у хатахъ
 Та й мруть.. По улицыхъ воли
 Ревуть голодни; на городи
 Пасутся кони: не выходыть
 Нихто загнать, пагодувать,
 Неначе люде ты сплять.
 Заснулы, добре, знать, заснулы,—
 Святу недиленьку забулы,
 Бо дзвона вже давпо не чугъ;
 Сумують комины безъ дыму,
 А за городамы, за тыномъ
 Могылы чорны ростуть.
 Пидъ хатамы, по-мижъ садамы,
 Запыти въ шкуру и въ смоли.

Гробокопатели въ сели
 Волочать трупы ланцюгамы
 За царыну... и засыпають
 Безъ домовыны. Дни мынають,
 Мынають мисяци... Село
 На вискъ замовкло—онимило
 И крапивою поросло.
 Гробокопатели ходылы,
 Та й ти пидъ хатамы лягли.
 Нихто не выйшовъ въ-ранци зъ хаты
 Щобъ ихъ, сердешныхъ, поховаты,—
 Пидъ хатамы и погнылы.

Мовъ оазысь въ чыстимъ поли,
 Село зеленіе.
 Нихто въ ёго не заходыть;
 Тилько витерь віе,
 Та розносить жовте лыстя
 По жовтому полю.
 Довго воно зеленило,—
 Покры люде зъ поля
 Пожарыще не пустылы,
 Та не запалылы
 Села того зеленого.
 Згорило, зотлило,
 Попилъ витромъ розмахало,
 И слиду не стало.
 Оттаке-то людямъ горе
 Чума выробляма!

У тыеи Катерины
 Хата на помости;
 Изъ славного Запорожжя
 Найихалы гости:
 Одынъ—Семенъ Босый,
 Другый—Иванъ Голый,
 Третій—славный вдовыченко
 Иванъ Ярошенко.
 Зъийздылы мы Польщу
 И всю Украину,
 А не бачылы такой,
 Якъ се Катерины.—
 Одынъ каже: „Брате!
 Якъ бы я багатый,
 То отдавъ бы все золото
 Оцій Катерины
 За одну году.“
 Другый каже: „Друже!
 Якъ бы я бувъ дужый,
 То отдавъ бы я всю сылу
 За одну году
 Оцій Катерины.“
 Третій каже: „Диты!
 Нема того въ свити,
 Чого бь мени не зробыты
 Для сіеи Катерины
 За одну году.“

Катерины задумалась

И третёму каже:
 „Есть у мене братъ единый,

У неволи вражій —
 У Крыму десь пропадае.
 Хто ёго дастане,
 То той мени, запорожци,
 Дружною стане.“
 Разомъ повставалы,
 Коней посидлалы,
 Пойихалы вызволяты
 Катрыного брата.
 Одынь утопився
 У Днипровимъ гырли;
 Другого въ Козлови
 На киль посадылы;
 Третій — Иванъ Ярошенко,
 Славный вдовыченко, —
 Зъ лютой неволи,
 Изъ Бакчысараю,
 Брата вызволяе.
 Заскрыпили рано двери
 У велькій хати.
 „Вставай, вставай, Катрыно,
 Брата зостричаты!“
 Катерына подывылась,
 Та й заголосыла;
 — Се не братъ мій, се мій мыллы,
 Я тебе дурыла. —
 „Одурыла!“ и Катерына
 До-дому скотылася
 Головонька... „Ходимъ, брате,
 Зъ поганой хаты!“
 Пойихалы запорожци
 Витерь доганяты.
 Катерыну чернобрыву

Въ поли поховалы;
 А славныи запорожци
 Въ степу побраталысь.

У Д О В Ы Ц Я .

Ой крикнулы сири гусы
 Въ яру на ставу;
 Стала на все село слава
 Про тую вдову.
 Не такъ слава, не такъ слава,
 Якъ той поговирь,
 Що зайиздывъ козакъ зъ Сичи
 До вдовы на двирь;
 Вечерялы у свитлыци,
 Медь-выно пылы,
 И въ кимнати на кровати
 Спochыты ляглы...

Не мынула слава тая—
 Не марно пишла:
 Удовыця у мясныци
 Сына привела...
 Выгодувала малого,
 До школы оддала,
 А изъ школы ёго взявшы,
 Коня купыла;
 А коня ему купывши,
 Сидельце сама

Самымъ повкомъ вышивала,
 Злотомъ окула;
 Одягла ёго въ червоный
 Въ жупанъ дорогой,
 Посадила на конька:
 „Гляньте ворогы!
 Подывитесь!“—Та й повела
 Коня вдовжъ села,
 Та й привела до обозу—
 Въ вйсько оддала...
 А сама на прощу въ Кывивъ
 Въ черныци пишла...

По улыци витерь вие
 Та снигъ замитае.
 По улыци, по-пидъ тынню
 Вдова шкандыбае—
 Пидъ дзвиньцю, сердешная,
 Руки простягаты
 До тыхъ самыхъ, до багатыхъ.
 Що сына въ салдаты
 Позаторикъ заголылы...
 А думала жыты,—
 Хочь на старисть у невесткы
 Въ добри одпочыты...
 Не довелось! Выблагала
 Тую копйчыну...
 Та Пречыстй поставыла
 Свичечку за сына.

На велькдень, на соломи
 Проты сонця диты
 Гралысь соби крашанкамы,
 Та й стали хвалытысь
 Обновами. Тому кь святкамь
 Зь лыштвою пошылы
 Сорочечку, а тій стёжку,
 Тій стричку купылы;
 Кому шапочку смушеву,
 Чобиткы шкапови,
 Кому свытку... Одна тилькы
 Сыдыть безь обновы
 Сыриточка, рученята
 Сховавшы вь рукава.
 —Мени маты купувала,
 Мени батько сиравывь.
 —А мени хрещена маты
 Лыштву вышивала.
 „А я вь попа обидала“!
 Сыритка сказала...

Ой умерь старый батько
 И старенькая маты;
 Та нема кому щырои
 Тыи радошыкы даты...
 Що мени на свити
 Сыроти робыты:
 Чы йты вь люде жыты,
 Чы дома журытысь?

Ой піду я въ гай зелений
 Посажу я руту:
 Якъ що зійде моя рута,
 Остануся тута,—
 Прыйде мылий въ мою хату
 Хазяиуваты;
 А якъ же ни—то я піду
 Доленькы шукаты...
 Посходыла тая рута,
 Въ гай зеленіе...
 А дивчына-сыротына
 У наймахъ марніе!

Закувала возуленька
 Въ зеленому гаи:
 Заплакала дивчынонька—
 Дружны немае.
 А дивочи молоды
 Веселы лита,
 Якъ квіточкы за водою,
 Плывуть зъ сёго свита.

Не тополю высокую
 Витеръ нагынае:
 Дивчынонька одынока
 Долю зневажае:

— Бодай тобі, доле,
 У мори втопытысь,
 Що не даешть мени й доси
 Ни зь кымъ полюбытысь.
 Якъ дивчата цилуются,
 Якъ ихъ обнимають
 И що тоди имъ діється,—
 Я й доси не знаю...
 И не знатому... Ой, мамо!
 Страшно дивуваты,
 Увесь викъ свій дивуваты,
 Ни зь кымъ не кохатысь.—

На улыци невесело,
 Въ хати батько лае,
 А до вдовы на досвиткы
 Маты не пускае.
 Щожъ мени робыты,
 Де мени подитысь,—
 Чы то зь инымъ полюбытысь,
 Чы то утопытысь?
 Ой надину я сережки
 И добре намысто,
 Та пиду я на ярмарокъ
 Въ недилію на мисто.
 Скажу ёму: „Сватай мене,
 Або одчепыся,—
 Бо якъ мени у матери,
 То лучче втопытысь“.

Якъ бы мени, мамо, намысто,
 То пишла бь я завтра на мисто;
 А на мисти, мамо, на мисти—
 Грае, мамо, музыка троиста.

А дивчата зь парубкамы
 Лыцяются... Мамо! мамо!

Безталанна я!

Ой пйду я Богу помолюся,
 Та пйду я у наймы наймуся,
 Та куплю я, мамо, черевыкы,
 Та найму я троисти музыки:

Нехай люде не здывують,

Якъ я, мамо, потанцюю...

Доленько моя!

Не дай мени вискь дивуваты,
 Косы мои плесты, заплитаты,
 Бровенята дома зносыты,
 Въ самотыни вику дожыты...

А покы я заробляю—

Чорни бровы полняють...

Безталанна я!

Якъ-бы мени черевыкы,
 То пишла бь я на музыки...

Горенько мое!

Черевыкивь немає!

А музыка грае, грае,

Жалю завдае!

Ой пиду я боса полемъ,
 Пошукаю свою долю:
 Доленько моя!
 Глянь на мене чорнобрыву,
 Моя доле неправдыва,
 Безталанна я!
 Дивчаточка на музыкахъ
 У червоныхъ черевыкахъ—
 Я свитомъ пужу...
 Безъ роскоши, безъ любви,
 Зношу свои чорни брови—
 У наймахъ зношу!...

И багата я,
 И вродлива я,
 Та не маю соби пары.
 Безталанна я!
 Тяжко, важко въ свити жыть
 И никого не любитьъ,
 Оксамытови жупаны
 Одыпокій носыть!
 Полюбылась бы я,
 Одружылась бы я
 Зь чорнобрывымъ сыротою,
 Та не воля моя!
 Батько, маты не сплять,
 На сторожи стоять:
 Не пускають саму мене
 У садочокъ гулять!

А хочь пустять, то зь нымъ,
 Зь препоганымъ старымъ,
 Зь мамъ нелюбомъ багатымъ,
 Зь моимъ ворогомъ злымъ!

Породыла мене маты
 У высокыхъ у палатахъ,—
 Шовкомъ повыла
 У золоти, въ оксамыти,
 Мовь та квиточка уккрыта,
 Росла я, росла.
 И выросла я на дыво
 Кароока, чернобрыва,
 Билолыцяя.
 Убогого полюбыла,—
 Маты замижъ не пустыла:
 Осталася я
 У высокыхъ у палатахъ
 Увесь викъ свій дивуваты...
 Недоля моя!
 Якъ былына пры долини,
 Въ одынокій самотыни
 Старіюся я;
 Насвить Божій не дывлюся,
 Ни до кого не горнуся.
 А матирь стару...
 Просты мене, моя маты!
 Буду тебе прокльнаты,
 Покры не умру...

Ой сяду я пидь хатою,
 На улыцю гляну,
 Якъ то ты дивчаточка
 Безъ своеи Ганны,
 Безъ моеи Ганнусеньки,
 У хрещыка грають!
 И граются невесело,
 И не такъ спивають
 Дивчаточка... А моеи
 Голубкы немає:
 У свекрухы десь воркуе
 Мене выглядае.

На городи коло броду
 Барвинокъ не сходять;
 Чомусь дивчына до броду
 По воду не ходять.

На городи коло тыну
 Сохне на тычыни
 Хмиль зеленый; не выходять
 Дивчына зъ хатыны.

На городи коло броду
 Верба похылылась;
 Зажурылась чернобрыва,
 Тяжко зажурылась.

Плаче, плаче та рыдає,
 Якъ рыбонька бьется...
 А надъ нею, молодою,
 Поганецъ сміється.

Не вернувся изъ походу
 Гусарынь-москаль.
 Чого жъ мени ёго шкода,
 Чого ёго жаль?
 Що на ёму жупанъ куцый,
 Що гусарынь чорноусый,
 Що Машою знавъ?
 Ни, не того мени шкода;
 А марніе моя врода,
 Люде не беруть;
 А на улыци дивчата
 Насмихаються, прокляти,—
 Гусаркою звать!...

Полюбылася я,
 Одружылася я
 Зъ безталаннымъ сиротою—
 Така доля моя!

Люде гордыи, зли
 Розризнылы, взяли
 Та повезлы до прыёму—
 Оддали въ москали!

И московкою я,
 Одынокою я
 Старіюся въ чужій хати—
 Така доля моя!

Було роблю що, чы гуляю,
 Чы Богу молюся,—
 Усе думаю про ёго
 И чогось боюся.
 Дурна була, молодая—
 Я все выглядала,
 Чы не шле за рупныкамы.
 И не сподивалась,
 Що винъ мене, дурну, дурить.
 А сердце болило,
 Нибы знало, що такъ буде,—
 Сказаты не вмило.
 А якъ-бы було сказало,
 То я бъ не любила;
 Може була бъ до крыпыци
 У гай не ходыла.
 А то въ-ранци и въ-вечери
 Ходыла, гуляла;
 Доходылась—осталася,
 На вики осталась
 Дивуваты. Тяжко мени
 У матери въ хати
 Старитыся; а своеи
 Вже хаты не маты.

А ще й доси, чы роблю що,
 Чы то такъ гуляю,
 Усе думаю про ёго,
 И сама не знаю,
 Чого думаю, чого я
 У той гай ходыла,
 И за що его такъ довго,
 Такъ тяжко любила.

Ой люли, люли, моя дытны,
 Въ день и въ-ночи..
 Пійдешъ, мій сыну, по Украйни,
 Насъ клепучы.
 Сыну мій, сыну! не клены тата,
 Не помьяны.
 Мене, прокляту, я—твоя маты,—
 Мене клены..
 Мене не стане,—не йды мижъ люде,
 Иды ты въ гай:
 Гай не спытае й бачыть не буде...
 Тамъ и гуляй.
 Найдешъ у гай тую калыну,
 То прыгорнысь..
 Бо я любила, моя дытны,
 Ии колысь.
 Якъ пійдешъ въ села, у тьи хаты,
 То не журысь,
 А якъ побачышь зъ диткамы матеръ,
 То—не дывысь!

Ой не пьются пыва, меду,
 Не пьется вода, —
 Прилучылась зъ чумаченькомъ
 У степу беда:
 Заболела головонька,
 Заболивъ жывить, —
 Упавъ чумаць коло возу,
 Упавъ та й лежить.
 Изъ Одессы преславної
 Завезлы чуму;
 Покынули товарыша,
 Горенько ёму!
 Волю ёго коло возу
 Понуро стоять:
 А изъ степу гайвороны
 До ёго летять.
 „Ой не клюйте, гайвороны,
 Чумацького трупу:
 Наклювавшысь, подохнете
 Коло мене вь-купи.
 Ой полетить, гайвороны,
 Мои сызокрыли,
 До батечка, та скажите,
 Що службу служылы,
 Та за мою гришну душу
 Псалтырь прочыталы,
 А дивчыни молоденькй
 Скажить, щобъ не ждала“

У недиленьку та ранесенько,
Ще сонечко не зиходыло,
А я, молоденька,
На шляхъ, на дорогу
Невеселая выходыла.
Я выходыла за гай, на долину,
Щобъ не бачыла маты,
Мого молодого
Чумака зъ дороги
Зостричаты.
Ой зострилась я
Зъ тыми лозама:
Та зъ чумацькымы возама
Идутъ ёго волю,
Волю половыи,
Идутъ, ремыкгають;
А чумаченька мого молодого
Коло волюкывъ немае.
Ой копалы ёму въ степу пры дорози
Та прытыкамы яму;
Завернули ёго у тую рогожу,
Та и спустылы Йвана
У ту яму глыбокую
На высокій могыли.
Ой, Боже мылый, мылосердый!
А я такъ ёго любыла..

Ой пишла я у яръ за водою,
 Ажъ тамъ мылый гуляе зъ другою.
 А другая тая,
 Розлучныця злая,—
 Багатая сусидонька,
 Вдова молодая.
 А я вчора зъ нею,
 Зъ сією змією,
 Въ поли плоскинъ выбирала,
 Та все й розказала,—
 Що якъ мене любыть,
 Женытыся буде,
 И до себе злую суку
 Просыла въ прыдане.
 Йване мій, Иване,
 Друже мій коханий!
 Побый тебе сыла Божа
 На наглий дорози!

Коло гаю, въ чыстимъ поли,
 На самій могыли,
 Дви тополи высокы;
 Одна одну хылыть,
 И безъ витру гойдаются,
 Мовъ борются въ поли...
 Отто сестры чаривныци
 Отты тополи.
 Закохалыся обыдви
 Въ одного Ивана;

А Иванъ—козакъ звычайный—
 Обохъ ихъ не ганывъ,
 И лыцявся то зъ тiею,
 То зъ другою любо.—
 Покры въ яру, у-вечери,
 Идъ зеленымъ дубомъ
 Не зійшыся уси трое..
 — Оттакъ то ты, кате,
 Згнущается надъ сестрамы?..

И пишы шукаты
 Труты-зилля, щобъ Ивана
 Завтра отруиты.
 Найшы зилля, накопины,
 И стали варыты.
 Заплакалы, зарыдалы,
 Та нема де дитысь—
 Треба варыты..

Наварылы;

Ивана струилы,
 И поховалы коло гаю
 Въ поли на могылы.

И байдуже?.. Ни, не дуже!
 Бо сестры ходылы
 Що-день Божый въ-рапци рано
 Плакать надъ Иваномъ,
 Покры й самы потруились
 Тымъ зиллямъ поганымъ.

А Богъ людямъ на науку
 Поставывъ ихъ въ поли,
 На могылы тополямы,—

И ты тополи
 Надъ Ивановъ на могыли,
 Коло того гаю,
 И безъ витру гойдаются,
 И витерь гойдае.—

Ой я свого чоловіка
 Въ дорогу послала;
 А одъ шынку та до шынку
 Стежечку топтала.
 Та до кумы заходила
 И шона позычаты---
 Оттыхъ дитей годоваты
 Въ нетопленій хати.

И нагодувала,
 И спаты поклала,
 Сама пишла до дяка
 Добуваты пятака,
 Та й заночувала.

А изъ Крыму чоловікъ
 Ледве ноги доволикъ:
 Волю поздыхалы,
 Возы поламалысь,—
 Зъ батижкамы чумаченькы
 До-дому верталысь.
 Увійшовъ у хату,
 Ударывсь объ полы,—

Лазять диты у запичку,
Голодни и голи.

„А де ваша, диты, маты?“
Сердешный пытае,
— „Тату! тату! наша маты
У шынку гуляе“.

Утоптала стежечку
Черезъ яръ,
Черезъ гору, серденько,
На базаръ.
Продавала бублыки
Козакамъ,
Вторговала, серденько,
Пьятака.
Я два шагы, два шагы
Пропыла,
За копійку дудныка
Найняла.
Заграй мени, дудныку,
На дуду,
Нехай свое лышенько
Забуду.
Оттака я дивчына,
Така я!
Сватай мене, серденько,—
Выйду я!

У перетыку ходыла
По горихы.
Мирошныка полюбыла
Для потихы.
Мельныкъ меле, шеретуе,
Обернется, поцилуе—
Для потихы.
У перетыку ходыла
По опенькы,
Лымаренка полюбыла
Молоденька.
Лымарь кычку зашывае,
Мене горне, обнимае—
Молоденьку.
У перетыку ходыла
Я по дрова,
Та бондаря полюбыла
Чорноброва.
Бондарь видра пабывае,
Мене горне, прыгортае—
Чорноброву.
Колы хочешь добре знаты,
Моя маты,
Кого будешь по-переду
Зятемъ зваты—
Усихъ, усихъ, моя мамо,
У недиленьку затымы
Будешь зваты.

Туманъ, туманъ долиною—
 Добре жыты зъ родыною;
 А ще лучче за горою
 Зъ дружыною молодою.
 Ой пійду я темнымъ гаємъ—
 Дружынонькы пошукаю.
 „Де ты? де ты? озовыся!
 Прыйды, серце, прыгорныся!
 Нумо, серце, лыцятыся
 Та пойидемъ винчатыся,
 Щобъ не знали батько й маты,
 Де мы будемъ почуваты“.
 Одружылысь, заховалысь...
 Бодай булы не кохалысь!
 Легше було бъ самій жыты,
 Якъ зъ тобою въ свити бытысь.

Неначе праведныхъ дитей,
 Господь, любя своихъ людей,
 Пославъ на землю имъ пророка—
 Свою любовь благовистыть,
 Святому розуму учыть.
 Неначе нашъ Днипро шырокий,
 Слова ёго лылысь, теклы
 И въ серце падалы глыбоко,
 И, нибы тымъ огнемъ, пеклы
 Холодни души. Полюбылы
 Пророка люде и молылысь

Ему, и слезы знай лылы.
 А почимъ... люде, родъ лукавыѣ,
 Господнюю святую славу
 Ростлилы и чужнымъ богамъ
 Пежерлы жертвы, омерзылысь
 И мужа свята—горе вамъ!—
 На стогнахъ каменемъ побылы,
 И заходылыся гулять,
 Святою кровью шынкувать.
 И праведно Господь великый
 На васъ на лютыхъ, ва васъ дыкыхъ
 Кайданы повеливъ кувать,
 Глыбоки тюрмы муровать.

.

Изъ-за гаю сонце сходить,
 За гай и заходыть.
 По долины у-вечери
 Козакъ смутный ходыть.
 Ходыть винъ годуны,
 Ходыть винъ и другу,—
 Не выходыть чернобрыва
 Изъ темного лугу.
 Не выходыть зрадливая...
 А зъ яру та лису,
 Зъ собакамы та псарямы,
 Иде панъ-гульвиса.
 Цькують его собакамы,

Крутятъ назадъ руки,
 И завдають козакови
 Смертельныи муки.
 У лѣхъ его, молодого,
 Той панъ замыкае,
 А дивчыну покрыткою
 По свиту пускае.

Ой выгострю товарища,
 Засупу въ халяву;
 Та пиду шукаты правды
 И тїеп славы.
 Ой пиду я не лугамы
 И не берегамы,
 А пиду я не шляхамы,
 А по-надъ шляхамы.
 Та спытаю въ жыдовина,
 Въ багатаго пана,
 У шляхтыча поганого
 Въ поганимъ жупани,
 И у ченця, якъ трапытсья,
 Нехай не гуляе,
 А святе пысьмо чытае,
 Людей поучае:
 Щобъ братъ брата не ризалы,
 Та не окрадалы,
 Та въ москали вдовыченка
 Щобъ не отдавалы.

— ❦ — 1850. — ❦ —

Личу въ неволи дни и ночи,
И ликъ забуваю!
О, Господы! якъ то тяжело
Тѣи дни мынаютъ!
А лита плывуть за пымы,
Плывуть соби съ-тыха,
Забирають за собою
И добро, и лыхо;
Забирають, не вертають
Никола ничого...
И не благай, бо пропаде
Молытва...

Каламутнымы болотамы
Мижъ бурьянамы, за годамы
Тры годы сумно протеклы;
Багато де-чого взялы
Зъ моеи темной коморы
И въ море нышкомъ однеслы;
И нышкомъ проковтнуло море
Мое не злато-серебро—

Мои лета—мое добро,
 Мою нудьгу, мои печали—
 Ты незрими скривали,
 Незрими пи сани перомъ...
 Нехай гнылымы болотамы
 Течуть соби мижъ бурьянамы
 Лита невольнычи! А я...
 (Такая заповидь моя)
 Посыжу, трошки погуляю,
 На степь, на море подывлюсь,
 Згадаю дѣ-що, заспиваю,
 Та й звовъ мерезать захожусь
 Дрибненьку кныжечку... Рушаю!

Заступыла чорна хмара
 Та билую хмару:
 Выступылы зъ-за Лыману
 Зъ туркамы татары;
 Изъ Полиссия шляхта лизе,
 А гетьманъ-поповычъ
 Изъ-за Днипра папирасе,
 Дурный Самойловычъ
 Зъ Ромоданомъ; мовъ та галычъ,
 Вкрылы Украину
 Та й клюють, емыко-мога.
 А ты, Чигырыне!
 А ты, старый Дорошенку,
 Запорозьскый брате!
 Нездужаешь чы боишься
 На ворога статы?

„Не боюсь я, отаманы,
Та жаль Украины!“

И заплакавъ Дорошенко,
Якъ тая дытына:

„Не розсыплемъ вражу силу,
Не встану я знову!

Возьмить мои гетьманськки
Клейноды, панове,

Та однести москалеви:
Нехай Москва знае,

Що гетьмана Дорошенка
На свити немає.

А я, браты запорожци,
Возьму соби рясу

Та пиду поклоны быты
Въ Межыгоръ до Спаса.“

Задзвонили въ уси дзвоны,
Гармата гримала;

У дви лавы заднипрянци
Зъ москалямы стали,

Ажъ на мылю. Мижъ лавамы
Понесли клейноды.

—Годи тобі, Петре, пыты
Изъ Тясмына воду!

Положылы ти клейноды
Попенкови въ ноги;

—Иды, Петре, въ Межыгорье
Молютыся Богу!

Не пустылы Дорошенка,
У ряси пизналы,

Закували у кайданы,
Въ Сосныцю послали;

А зъ Сосныци въ Ярополче *)
 Вику доживаты.
 Оттакъ тоби довелося,
 Запорозьскый брате!
 Выглянуло надъ Чыгрыномъ
 Сонце изъ-за хмары:
 Потяглы въ свои улусы
 Зъ туркамы татары.
 А ляхы зъ своимъ Чарнецькымъ,
 Зъ поганымъ Степаномъ,
 Запалылы церкву Божу,
 И кости Богдана,
 Й Тymoшеви въ Суботови
 Гарненько спалылы,
 Та й пишлы соби у Польшу,
 Мовъ добре зробылы.
 А москали зъ Ромоданомъ
 Въ недиленьку рано
 Пишлы соби зъ поповычемъ
 Шляхомъ Ромоданомъ.
 Мовъ орель той прыборканый,
 Безъ крыль та безъ воли,
 Знемигъ славный Дорошенко,
 Сыдячы въ неволи,
 Та й умеръ зъ нудыгы. Остыло
 Волочыть кайданы!
 И забулы въ Украини
 Славного гетьмана.

*) Село коло Москвы.

Тилько ты, святой Ростовськый,
 Згадавъ у темныци
 Свого друга великого,
 И звеливъ каплицю
 Надъ гетьманомъ змуруваты
 И Богу молытысь,
 За гетьмана папахыду,
 За Петра службыты.
 И доси ще, що рикъ Божый,
 Якъ день той настане.
 Идуть правыть папахыду
 Надъ нашимъ гетьманомъ.

Якъ бы вы знали, панычи,
 Де люде плачуть жывучы,
 То вы-бъ идилій не творылы,
 То марне Бога бъ не хвалылы,
 На наши слёзы сміючысь.
 За що, не знаю, называють
 Хатыну въ гай тыхымъ раемъ?
 Я въ хати мучывся колысь,
 Мои тамъ слёзы пролылысь,—
 Найперши слёзы! Я не знаю,
 Чы есть у Бога люте зло,
 Щобъ у тій хати не жыло?
 А хату раемъ называють!
 Не называю ии раемъ,
 Тии хатыночки у гай,
 Надъ чыстымъ ставомъ край села.
 Мене тамъ маты повила

И повываючы спивала,
 Свою нудьгу перелывала
 Въ свою дытну; въ тимъ гаю,
 У тій хатыни—у раю,
 Я бачывъ пекло... Тамъ неволя,
 Робота тяжкая; никола
 И помолытысь не дають.
 Тамъ матирь добрую мою,
 Ще молодую, у могылу
 Нужда та праця положила;
 Тамъ батько, плачучы зъ дитьмы,
 (А мы мали булы и голи)
 Не вытерпивъ лыхой доли,—
 Умеръ на панщыни!... а мы
 Розлизлыся межи людьмы,
 Мовъ мышенята. Я до школы—
 Носыты воду школярамъ,
 Браты на панщыну ходылы,
 Покры лобы имъ поголылы.
 А сестры!... сестры! Горе вамъ,
 Мои голубкы молоды!
 Для кого въ свити живете?
 Вы въ наймахъ вырослы, чужыи,
 У наймахъ косы побиліють,
 У паймахъ, сестры, й умрете!
 Мени ажъ страшно, якъ згадаю
 Отту хатыну край села:
 Такія, Боже нашъ, дила
 Мы творымо у нашимъ раи!
 На праведній Твоій землі
 Мы въ раи пекло розвелы,
 А въ тебе другого благаемъ.
 Зъ братамы тыхо живемо,

Ланы братамы оремо
И ихъ слёзамы полываемъ...

.....

ТЫТАРИВНА.

Давно се діялось колысь:
Ще якъ борци у насъ ходылы
По селахъ, та дивчатъ дурьлы,
Зъ громады кшылы, хлопцивъ былы,
Та верховодылы въ сели,
Якъ ти гусары на постои,
Ще за гетьманщыны святои—
Давно се діялось колысь.

У недилю на сели,
У оранди, на столи
Сидылы лирныкы, та гралы
По шелягу за танецъ.
Кругомъ ажъ курява вставала—
Дивчата тапцювалы
И парубкы — „Уже й кинець!
А нуте иншу!“ — „Та й се добра!“
И знову лиры заревлы,
И зновъ дивчата, мовъ сорокы,
А парубкы, узявшысь въ боки,
Навпрысядки пишлы...

Найкрашый парубокъ Мыкыта
 Стоить на лави въ сирій святи.
 Найкрашый хлопецъ, та байстриукъ.
 Байстриукъ соби, та ще й убогий,
 Такъ и никому не до ёго.
 Стоить соби. Якъ той..
 Плечыма стелю пидпирае
 Та дывытса и замирае
 На тытаривну. А та въ квітахъ,
 Мовъ намалёвана, стоить
 Сама соби, и на Мыкыту
 Неначе глянула. Горыть,
 Горыть Мыкыта въ сирій святи!

Шеляга вымае,
 И за того остатнёго
 Музыку наймае,
 И перивню тытаривну
 У танецъ витае...
 — „Одченыся, пройдысвитс!“ —
 И зареготалась
 Тытаривна: „хиба тоби
 Наймычокъ не стало?“
 Насміялась Тытаривна
 Зъ бидного Мыкыты,
 Насміялася пры людяхъ,
 Що винъ въ сирій святи.
 Буде тоби, тытаривно!
 Заплачешъ, небого,
 За ти смихы!

Де жъ Мыкыта?
 Въ далеку дорогу
 Пишовъ соби... Зъ того часу

Не чуть ёго стало...
 Зъ того часу тытаривни
 Щось такее сталось...

До-дому плачучы прыйшла,
 И спаты плачучы лягла,
 И не вечеряла, не спала,—
 Яка лягла, така и встала,
 Мовь одурила. Що робыть,—
 Сама не знае. А Мыкыта,
 Неначе сычъ, у сирій святи
 Передъ очыма все стоить:
 Мара та й годи! Тытаривно,
 Въ недобрый часъ зъ того неривни
 Ты насміялась. Стало жаль
 Тоби ёго... Нудьга, печаль
 И соромъ душу оступылы,
 И ты заплакала. Чого?
 Того, що тяжко полюбыла
 Мыкыту бидного того!

Дыво дывнее на свити
 Зъ тымъ серцемъ буває:
 У-вечери цурається,
 Въ ранци забажае,
 Та такъ тяжко забажае,
 Що хочъ на край свита
 Шукать пиде. Оттакъ теперь
 Не знае, де дитысь
 Тытаривна... Хочъ у воду,
 Абы до Мыкыты!
 Стережитесь, дивчаточка,
 Сміятысь зъ неривни,

Щобъ не було и вамъ того,
Що тій тытаривни.

Якъ та былына засыхала;
А батько, маты турбувалысь;
На прощу въ Кывъ повезлы,
Святымы травами поилы,—
И все-таки не помѣгли.
Втоптала стежку на могылу,—
Все выгядать ёго ходыла.
И стежка стала заростать,
Бо вже нездужае и встать.
Такъ отъ що смихы паробылы!
А винъ канувъ, провалывся;
Его вже й забулы,
Чы й бувъ колы. Годъ за годомъ
Тры годы мынулы.
На четвертый годъ въ недилю,
У оранди на сели,
На шырокому стоаи
Сляпи лирныкы сыдилы;
По шелягу бралы
И ту саму гралы,
Що и позаторикъ. Дивчата
Такъ само дрибно танцювалы,
Якъ и позаторикъ.
Завзятый,
У сынй шапци, у жупани,
Въ червоныхъ, якъ калына, штаняхъ
Навпрысядки влита козакъ,
Та ще прыспивуе оттакъ:

„Та спасыби батькови,
 Та спасыби матери,
 Що насъ добулы!
 Якъ насъ добувалы,
 Жыто розсыпалы
 Въ-ночи на печи!“

— „Горилкы! меду! Де отамань,
 Громада, сотський? Препогане,
 Мерзене, мерзле парубоцтво!
 Ходите бытсья, чи боротсья!
 Бо я борець“.

Не недилю,
 Не дви, не тры й не чотыри,
 Якъ тій болячци, якъ тій хыри,
 Громадою годылы
 Тому борцеви. Вередуе,
 Якъ той панычъ.. и де взялось
 Таке хыренне! Все село
 Проклятого не нагодуе;
 А винъ соби гуляе, нье,
 Та хлопцямъ жалю завдае
 Тымы дивчатамы. Дивчата
 Ажъ понедужалы за нымъ:
 Такой хорошый та багатый!
 Уже й не борется ни зъ кымъ,
 А такъ соби гуляе,
 Та вечорами у садочокъ
 До тытаря вчащае.
 А тытаривна зостричае,
 Прыспивуе, прымовляе:
 „Чы, не той це Мыкыта,
 Що зъ вылётамы свыта?“

Той це, той, що на сели
 Ты насміялася колысь;
 А теперъ сама до ёго
 У садокъ ходышьъ,
 Сама ёму, байстрюкови,
 Якъ панови годышь.
 Не день, не два татаривна
 Въ садочокъ ходыла:
 Не день, не два, якъ панови
 Мыкыти годыла.
 Догодылась татаривна
 До самого краю
 И не счулась...

Дни мынули,
 Мысяци мынають;
 Мына лито, мына осиць:
 Мына сёмый мисяць, осьмый,
 Уже й девятый настае,—
 Настае горенько твое!

У тытаря у садочку,
 У яру, крышця
 Пидъ вербою. До крыныци
 Не воды напыться
 Ледве ходыть татаривна,—
 Трохы пожураться,
 Поплакаты, погадаты,
 Якъ їй дивуваты,
 Де їй дитысь одъ сорому,
 Де їй заховатысь.
 Разъ у-вечери, зимою
 У одній свытны,
 Иде боса тытаривна

И несе дытыну,
 То пидійде до крыныци,
 То зновъ одступае,
 А зъ калыны, мовъ гадына,
 Байстриюкъ выгледае

Положыла на цямрыну
 Татаривна сына,
 Та й побигла... А Мыкыта
 Вылизъ изъ калыны,
 Та й укынувъ у крыныцю
 Неначе щеня те.
 А самъ пійшовъ, сливаючи,
 Соцькому сказаты,—
 Та щобъ ишовъ зъ громадою
 Дытыну шукаты.

У недиленьку раненько
 Збиралася громадонька!
 Та крыныцю выльвали,
 Та дытя тее шукалы.

Найшлы, найшлы твого сына,
 Татаривно, въ баговинни!
 Ой узялы безталанну,
 Закувалы у кайданы,
 Сповидалы, прычащали,
 Батька, матиръ нарикалы,
 Громадою осудылы,
 И живу положылы
 Въ домовыну, й сына зъ нею,
 Та й засыпалы землею.
 Стовиъ высокій муровалы.

Щобъ про неи люде знали, —
 Дитей своихъ научалы;
 Щобъ навчались дивчата,
 Колы не вчыть батько, маты.
 Борця того въ сели не стало.
 А люде въ Польщи востричали
 Якогось паныча; пытавъ:
 — „Чи жыва, каже, тытаривна,
 Чы насмихається зъ перивни?“
 Отто винъ самый. Покаравъ
 Его Господь за грихъ великый —
 Не смертію: винъ буде жыть,
 И сатаною-чоловикомъ
 Винъ буде по-свиту ходыть,
 И вась, дивчаточка, дурыть
 Во вику.

Мы заспывалы, розійшлысь
 Безъ слёзъ и безъ розмовы.
 Чы зійдемося жъ знову,
 Чы заспываемо колы?
 А може й те... та де? Якымы?
 И заспываемо яку?
 Не тутъ и, певне, не такымы,
 И заспываемъ не таку!
 И тутъ не весело спывалы,
 Бо й тутъ невесело було,
 Та все-таки якость жылось —
 Прынаймни, въ-купи сумовалы,
 Згадавши той веселый край

И Днипръ той дужый, крутогорый,
 И молодее тее горе,
 И молодой той гришний рай,

Х А Т Ы Н А.

Не моылася за мене,
 Поклоны не клала
 Моя маты; а такъ соби
 Мене повывала,
 Спиваючы: „нехай росте
 Та здорове буде!“
 И вырисъ я, хвалыть Бога,
 Та не вылизъ въ люде.
 Лучче бъ було не родыты,
 Або утопыты,
 Якъ мавъ бы я у педоли
 Господа гнивыты.

А я такъ мало, небагато,
 Благавъ у Бога,—тільки хату,
 Одну хатыночку въ гаю,
 Та дви тополи коло неи,
 Та безталанную мою...
 Мою Оксаночку, щобъ зъ нею
 У-двохъ дывытыся зъ горы
 На Днипръ шырокий, на яры
 Та на ланы золотополи,
 Та на высокыи могылы,—

Дывытысь, думаты, гадать:
 Колы то ихъ понасыпалы?
 Кого тамъ люде поховалы?
 И въ-двохъ тыхенько заспивать
 Ту думу сумную, днедавну,
 Про лыцаря того гетьмана,
 Що на огни ляхы спеклы.
 А потимъ бы зъ горы зійшлы,
 По надъ Днипромъ у темнимъ гаю
 Гулялы бь, покы не смеркае,
 Покы мыръ Божый не засне;
 Покы зъ вечернёю зарёю
 Не зійде мисяць надъ горою,
 Туманъ на лапъ не прожене,—
 Мы бь подывылысь, помолылысь,
 И розмовляючы пишлы бь
 Вечеряты въ свою хатыну.

.

Я тилько хаточку въ тимъ раи
 Благовъ, и доси ще благаю,
 Щобъ хочъ умерты на Днипри,
 Хочъ на малесенькій гори.

1850 р. Надъ Каспиемъ.

П Е Т Р У С Ь.

Булы на хутори паны—
 И пань, и пани небагати,
 И дочечка у йихъ росла,
 Уже чымала пиднялась;
 И генераль ии посватавъ,
 Бо страхъ хорошая була;
 А генераль бувъ страхъ багатый.
 Отъ и таланъ Господь пославъ
 На вбогый хуторь... ублагалы
 Царя небесного!.. Взялы—
 И гарненько одяглы,
 Та у недилю й повинчалы,
 И генеральшою назвалы,
 И цугомъ въ Кыевъ повезлы.

Було на хутори погане
 Мале байстря—свыней пасло,
 Петрусемъ звалось; на прыдано
 Вою за панною пипло
 У генеральское село
 Свыней же пасты, безталанне.

За баломъ балъ у генерала
 За генеральшою чымала
 Орда панивъ и паньчивъ;
 А генеральша у ночи
 Уже тыхенько й плакать стала.
 — „Занапастыла мене маты...
 Зовьяне марне у палатахъ

Краса и молодость моя.—

„Ты, душко, плачешъ?“ — „Хто се? я?“

„Ни, я не плачу...“ — „Знаешъ, Маню?“

У городи теперь армяне:

Купы соби, Машуню, шаль.“

— „Мени не треба тиі шали...“ —

„Не задавай же серцю жало!“

Купы, голубко. Не печаль

Мого ты сердца!... А весною

Въ Парыжъ поидемо зъ тобою,—

Або поидемо въ село...“

Якъ схочешъ, сердце...“

Тыхо, тыхо

Зима мынала; кралось лыхо

Та въ самимъ серци й уляглось

У генеральши молодой.

Пойихалы въ село весною;

Въ сели банкеты загулы;

А генеральша плаче, плаче,

А генераль того не бачыть;

А вси вже бачылы въ сели.

Зъ нудьгы изъ двору погуляты

Якось задумавшысь пишла,

Та ажъ за царьну зайшла.

Та й бачыть, що пасе ягнята

Мале хлопьяточко въ стерни.

— „Ой, горе, горенько мени

Що я робытому на свити?“

— „Се ты, Петрусю?—“ „Аже жъ я...“

— „Ходимъ до мене; будемъ жыты,

Якъ тамъ на хутори колысь

Жылы, жылы...". Та й похылылась,
 Очей не зводячы, дывылась
 На Петруся. „Однымъ одна
 И выростала, й дивувала,
 И за старого генерала
 Занастылы—продалы,
 И въ куни гроши пропылы...“
 И тяжко, тяжко зарыдала.
 — „Ходимо сердце погуляты!
 Ходимъ, Петрусю, въ садъ, въ палаты“.
 „А хтожъ тутъ буде доглядать,
 Кто понасе мои ягнята“?
 — „Нехай хто хоче!“ Й повела
 Его въ палаты. А въ палатахъ
 Причепурыла, одягла,
 А потимъ въ школу оддала..
 И любо їй.. Нехай радіе,
 Поки надію сердце гріе,
 Поки росте съ того зерна
 Або кукиль, або пшениця..
 Бо мы не знаємъ, що творытця
 У ёго тамъ. А винъ хочъ зна,
 То намъ не скаже... Якъ бы знала
 Матуся горенько твое,
 Чы оддала бъ за генерала
 Дытя едынее свое?
 Не оддала бъ.. А въ тимъ,—не знаю,
 Бо всяки матери бувають...

Мынають дни соби на воли:
 Петрусь до школы да изъ школы
 Зъ кныжкамы ходыть, та росте;
 Сама ажъ нібы молодіе,

А генераль соби радіе,
 Що дило, бачыте, святе
 У-двохъ такы воны зробылы.

Петра на волю одпустилы;
 Зимою въ Кыевъ одвезлы,
 И тамъ у школу оддалы,
 И тамъ чи мало поповчылы.
 Вернувся зъ Кыева Петрусь
 Уже Петромъ и панычемъ,
 И кучери ажъ по плече,
 И высынався чорный усь
 И ще... Та се ще не втече:
 Розскажемъ иноди колысь
 Про те, що снылося Петрови.
 А генеральши чорнобровій
 Що снытся?..

Передъ Пречыстою
 Горыть лампада у-ночи.
 Поклоны тяжкы быючы,
 Рыдала, былася.. нечыстую,
 Огненную слёзу лыла.
 Вона благала Пресвятую,
 Щобъ та ій... щобы та спасла,
 Щобъ одурить ій не дала,
 Пренепорочная... И всуе,
 Молытва ій не помогла:
 Вона, сердешна, одурила,—
 Вона, небога, полюбыла
 Свого Петра!.. И тяжко ій.
 Души негришній молодій!
 Та що жъ робыть? Не стало слыы!
 Сердега разомъ одурила.
 Та й якъ ёго одній святів

Прожыты літа молодый?
 Вони жъ не вернутся!.. Якъ хочъ:
 А лихо, кажуть, перескочь,
 А то задавить. Генеральша
 Не перескочыла,—бо їй
 Хотилось жыты, молодій!
 Хотилося бѣ... Густенька каша,
 Та каша, бачте, то не паша;
 А нашъ несоленый кулишъ—
 Якъ знаешъ, такъ ёго и йижъ!
 — Петрусю! Друже мій єдиный!
 Мое ты сердце! Мій ты сыну!
 Рятуй мене, рятуй! рятуй!
 О, Матирь Божая! Роскуй
 Мою ты душу!—И рыдала,
 И батька, й матирь проклянала,
 И все на свити. А Петрусь—
 Їя єдыная дытына—
 Гулявъ соби пренеповыпный
 Въ саду, та арію якусь
 Мугыкавъ стыха. Бильшъ ничого
 Петрусь не бачывъ. А небога
 Сама не знае, що робыть
 И що їй дїяты зъ собою?
 — Пойиду въ Кыевъ, помолюся:
 Молытва може прожене
 Дїавола... О мій Петрусю!
 Молытва не спасе мене—
 Я у Днипрови утоплюся!—

Молите, Господа, дивчата,
 Молите Господа, щобъ маты
 И васъ оттакъ не завдавала

За генерала, за палаты
 И васъ оттакъ не продала.
 Любитесь, диточки, весною...
 На свити йе кого любить
 И безъ корысти; молодою,
 Пренепорочною, святою,
 Въ малій хатыни буде жыть
 Любовь та чыстая, и буде
 Святый покой вашъ стерегты
 И въ домовыни.

Шожъ то буде
 За превосходительною? Що ты
 Теперь робытымешъ зъ собою,
 Зъ своею божою красою?
 Хто стерегтыме твѣй покой,
 Украденый твоимъ Петрусемъ?
 Нихто
 Не встереже теперь! Боюся,
 И вымовыть боюся теперь
 Твое грядущее...

У Кывивъ йиздыла, молылась,
 Ажъ у Почаеви була—
 Чудовная не помогла,
 Не помогла святая сыла.
 А ты ажъ плакала—молылась,
 Та й занехаяла. Везла
 Назадъ гадюку въ серци люту,
 Та трошки въ пляшечди отруты.

Не йила тры дни й не пыла,
 Вернувшысь съ прощы, и тры ночи
 Не спала; вналы кари очы;
 Засохлы губы; и въ ночи

Щось ходя шепче сміючысь..
 Ажъ тыждень такъ соби нудыла.
 А потимъ труты розвела
 И генерала напоила,
 Та й спать упоравшысь лягла.
 — Теперь старого поховаю,
 А молодого прывитаю,
 Та й буду жыть соби, та й жыть,
 Петруся—серденька любыть...—
 Подумала, чы то сказала,
 Хотила спать, але не спала;
 И ждала свиту—и дожыть
 До свиту Божого боялась.

И задзвоннылы въ-ранци рапо
 По генераловій души;
 Заговорылы щось погане,
 До генерала идучы
 Прощатысь, люде. Ажъ гуде,
 Зь усихъ усюдь народу йде:
 Та щось шепочуть про отруту
 И судовыхъ неначе ждуть.
 И разомъ стыхлы на мынуту—
 Прыйихалы. Ножи берутъ,
 И генерала росчыняють,
 И ядъ находятъ въ животи.
 Громада глухо прысягае,
 Запрысягла. Пытае судъ:
 — Теперь скажите, хрыстіяне,
 Хто отруивъ ёго?—Гудуть,
 Мовъ стыха дзвоны: „Пани, пани!“
 Громада зычно загула
 Тоди на кранокъ выхожае
 И до громады промовляе

Петрусь и каже:—Я зробывъ,
 Я генерала отруивъ,
 А вы не знаете ничего!
 Взялы Петруся молодого,
 Та въ городъ въ путахъ одвезлы;
 Его не довго мордувалы
 Въ тюрьми, въ суди; а въ добрый часъ
 Въ кайданы добре закувалы,
 Переголылы про запасъ;
 Перехрестывсь, отакъ убрапый,
 И поволикъ Петрусь кайданы
 Ажъ у Сибирь.

Буває, въ неволи иноди згадаю
 Свое стародавне—шукаю, шукаю,
 Щобъ чымъ похвалытысь, що й я такы жывъ,
 Що й я такы Бога колысь-то хвалывъ;
 Шукаю, шукаю... Господы бь, хотилось
 Згадать хоть що-небуды! То оце й наткнувсь
 На таке погаве, що такъ и заснувъ,
 Богу не молившысь. Отъ мени прыспылось
 (Свынею заснувшы, звычайне такый
 И сонъ прыверзется), нибы край могылы
 Пасу я ягнята—а я ще малый.
 Дывлюся: могыла нибы розвернулася,
 А зъ неи выходить неначе козакъ,
 Уже й сывоусый соби, неборакъ,
 Та и йде до мене... Я соби звернулось,
 Щеня мовъ пидъ тыномъ —звычайно мале,

То й перелякалось. Отъ мене бере
 Неначе на руки, та несе въ могылу;
 А чорна могыла ще гирше розкрылась.
 Дивлюся—въ могыли усє козаки:
 Який безголовый, який безъ руки,
 А хто по колина неначе одтятый;
 Лежать соби хлопци, мовъ у теплій хати.

— „Дывыся, дытыно—оце козаки!“ --
 Нибы мени каже: „На всій Украини
 Высоки могылы; дывыся, дытыно,
 Уси ти могылы—уси оттаки:
 Начыненни нашымъ благороднымъ трупомъ.
 Начыненни туго... Оце воля спыть.
 Лягла вона славно, лягла вона въ-купи
 Зъ нами козакамы. Бачышь, якъ лежыты!
 Неначе сповыта... Тутъ пана немає:
 Уси мы однако на воли жылы;
 Уси мы однако за волю ляглы;
 Уси мы и встанемъ; та Богъ ёго знає,
 Коны то те буде. Дывыся жъ, дытыно,
 Да добре дывыся! А я розкажу,
 За що Украина наша стала гынуть,
 За що й я мижъ ными въ могыли лежу.
 Ты жъ людямъ розкажешъ, якъ виростешъ, сыну,
 Слухай же, дытыно...“

А потимъ ягнята

Прыснылысь у жыти; лановый бижыть,
 Та бье мене добре и нибы, проклятый,
 Свытыну здырає... И доси болыть,
 Якъ сонъ той згадаю! А якъ нагадаю

Козака въ могыли,—то й доси не знаю,
 Чы то було справди, чы то було такъ—
 Мара яка-небудь. Мени той козакъ
 Розказувавъ ось що.....

Мени здається—я не знаю,
 А люде справди не змирають,
 А перелизе ще живе
 Въ свыню, або що, та й живе,
 Купается соби въ калюжи,
 Мовъ першъ купалося въ грихахъ.
 И справди такъ! Мени байдуже
 За простыхъ сирыхъ сиромыхъ—
 Воны и Господомъ забути—
 Такъ щожъ мени тутъ...
 А де отти? Не вже въ сажахъ
 Годуе хамъ соби на сало?
 А може й такъ!.. Добра чымало
 Воны творылы на земли:
 Рикамы слёзы розлылы,
 А кровь морямы... Люде знаютъ,
 Кого годують, доглядають.
 И що жъ вы скажете—за славу.
 Лылы воны моря кровави,
 Або за себе? Ни! за насъ,
 За насъ сердешныхъ мыръ палылы,
 Покры ихъ въ сажъ не засадылы.
 Якъ бы не те, то певне бь пасъ
 Свынаръ въ толоци. Кляти! Кляти

Дежъ слава ваша? На словахъ!
 Де ваше золото, палаты,
 Де власть великая? Въ склепахъ,
 Въ склепахъ, поваплѣныхъ катамы,
 Такымы жъ самымы, якъ вы!
 Жылы вы лютымы звирмы,
 А въ свыни перейшлы...

Де жъ ты,
 Велькомученыче святой,
 Пророче Божый! Ты мижъ намы;
 Ты, присносущый, всюды зъ намы
 Витаешъ ангеломъ святымъ.
 Ты, любый друже, заговоришь
 Тыхенько-тихо про любовь,
 Про безталанную, про горе,
 Або про Бога, та про море,
 Або про марне лыту кровь
 Зъ людей великымы катамы;
 Заплачешъ тяжко передъ намы—
 И мы заплачемо... Жыва
 Душа поетова святая,
 Жыва въ святыхъ своихъ речахъ;
 И мы чытая, оживаемъ
 И чуюмъ Бога въ небесахъ.

Спасыби, друже мій убогий,—
 Ты, знаю, лепту роздильвъ
 Свою едыну. Передъ Богомъ
 Багато, брате, заробывъ.
 Ты переславъ мени въ неволю
 Поета нашего; на волю
 Мени ты двери одчынивъ.
 Спасыби, друже! Прочытаю

Соби, хоть мало оживу,
 Надію въ серци привитаю.
 Тыхенько—тихо заспиваю
 И Бога Богомъ назову.

Ну що бь, здавалося, слова...
 Слова та голось, бильшь ничего.
 А серце бьется, оживая,
 Якъ ихъ почуе... Знать одь Бога
 И голось той, и ти слова
 Идутъ мижь люде.

Помолывшысь,
 Не те щобь дуже зажурывшысь,
 А такъ на палуби стоявъ
 И сторчъ на море поглядавъ,
 Мовъ на Іуду. Изъ туману,
 Якъ кажутъ, стала выглядать
 Червонолыця Діана.
 Я вже думавъ спать лягать,
 Та й ставъ, щобь трохи подывытись
 На круглollyцю молодыцю,
 Чы тее—дивчыну. Матрось,
 Такы землякъ нашъ зь Островной *),
 На вахти стоя,
 Журывся самъ соби чогось.
 Та й заснивавъ, звычайно тихо,
 Щобь капитаць не чувъ: бо зь лыха
 Якыйсь лыхый, хочъ и землякъ.
 Спива матрось, якъ той козакъ,

*) Оренбургской губ.

Що въ наймахъ вырись сиротою,
Иде службыты въ москали.

Давно, давно колысь
Я чувъ, якъ стоя пидъ вербою,
Тыхенько дивчына спивала,
И жаль мени, малому, стало
Того сирому сыроту,
„Що винъ утомывся,
На тынь похылывся;
Люде кажуть и говорятъ!
Мабуть винъ унывся.“
И я заплакавъ: жаль малому
Було сиромы сыроты.

Чого жъ теперь заплакавъ ты,
Чого теперь тоби старому
У сій неволи стало жаль,
Що свить завязанный, закрытый,
Що самъ есы теперь москаль,
Що сердце порване, побыте,
И що хороше: дороге,
Було въ ему, то розлылося,
Що ось якъ жыты довелосся?
Чы такъ, лебедыку?... — Еге!...

1857.

Въ неволи, въ самоти немае,
Нема зъ кымъ сердце поеднать,
То самъ соби оце шукаю
Когось-то, зъ нымъ щобъ розмовлять...
Шукаю Бога, а нахожу
Таке, що цуръ ему й казать.
Отъ що зробылы зъ мене годы
Та безталанне. Та ще й те,
Що литечко мое святе
Мынуло хмарно, що немае
Ниже едного случаю,
Щобъ доладу було згадать...
А душу треба розважать,
Бо їй такъ хочеться, такъ просить
Хочъ слова тыхого.. Не чутъ!
И моръ у поли снигъ заносить
Неохолонувшый ще трупъ.

МОСКАЛЕВА КРЫНЫЦЯ.

Я. Г. Кухаренкови.

(На пам'яць 7 Мая 1857 року).

Не на Украини, а далеко—
 Ажъ за Ураломъ, за Елекомъ,
 Старый недобытокъ—варнакъ
 Мени розказувавъ оттакъ
 Про сю Крыныцю Москалеву;
 А я, сумуючы спысавъ,
 Та рыѣму ныщечкомъ додавъ,—
 Та невелычку и дашеву
 (Звычайне, крадене!) зобгавъ
 Тоби поему на спомыны,
 Мій друже щырый, мій едыный!

I.

Писля велькой зимы,
 За Катерыны за царыци,
 Москаль ту выкопавъ крыныцю,
 А якъ винъ выкопавъ, то мы
 Оде й розкажемо въ прыгоди
 А вы запысуйте; не шкодыть
 Такую ричъ и запысать,
 Бо се не казка, а былыця,
 Або бувальщына, сказаць.
 Оттакъ пышить: Була крыныця...

Ии, не крыныця, а село—
 Пышитъ—давно колысь було
 Межы садамы, пры долини,
 Такы у насъ, на Украини,
 Було те Божее село.

Въ сели тому вдова жыла,

А у вдовы дочка росла

И сынъ малолитокъ.

Добре маты дитокъ

Багатому: хвалыть Бога

Въ роскошахъ; а вбогій

Вдови не до того:

(Бо залылы за шкуру сала--

Трохы не пропала)—

Думала иты въ черныци,

Або утопытысь,

Такъ жаль маленькихъ дитокъ стало

(Звычайне, маты!—що й казать!)

Та, може, ждався такы й зять,

Бо вже Катруся пидростала

(Катрусейо вдовивна звалась),—

Чы викъ же ий продивувать,

Зпосыты бривонькы ни за що?

Хиба за те, що сырота?

А красота-то, красота!...

Мій Боже мылий! А трудяще,

А ченурне, та роботяще,

Та тыхе... бачъ и сырота,

А всимъ була на-вдывовыжу;

Бувало, выгляне изъ хыжи,

Якъ тая квиточка зъ росы,

Якъ тее сонечко зъ-за хмары;

Весь похолону, неживый
Стою, бывало...

А ни кара,
Ни муки, кайданы,
Ниже лита, сыну,
Ти сылы не втомылы..
Оттакъ и загыну,—
Такъ и згыну,—бо дывыся:
Смерти сподиваюся,
А рыдаю, мовъ дытына,
Якъ я нагадаю
Катерыну... Слухай, сыну,
Мій друже едыный!
Слухай добре, та запысуй,—
Та на Украини
Якъ Богъ тебе допровадыть,
То розкажы, сыну,
Що ты бачывъ дїавола
Своими очыма!...

II.

Такъ, бачышь, дивонька отта
Росла соби; и роботящий
(Бо всюды сырты—ледацо)
У наймахъ вырись сырота,
Неначе батькова дытына.
Отто жъ, той самый сыртына
У наймахъ, сякъ соби, то такъ,
Прыдбавъ сиррома грошеняць.
Одежу справывъ, жупаныну,

Та не видсиль и не видтиль
 Купывъ садочокъ и хатыну,
 Подякувавъ за хлибъ, за силъ
 И за науку добрымъ людямъ,
 Та до вдовивны навпростецъ
 Шелестъ за рушныкамы!...
 Не торгувались зъ старостамы,
 Якъ те бува зъ багатырямы,
 Не торгувавсь и панъ отецъ
 (На диво людямъ та на чудо!):
 За тры копы звинчавъ у буддень,
 Безъ пыхы, такъ, якъ довелось...
 Оттуть-то, голубе мій сызый,
 Оттуть-то й лыхо почалось.

III.

Уже, лыбонь, після Покровы
 Вертався зъ Дону я, та знову—
 (Бо я вже двичи пославъ
 До дивчыны за рушныкамы)—
 Послатъ и въ третте миркувавъ,—
 Та зъ чумакамы, та зъ воламы,
 Якъ-разъ въ недилю на весилля
 До удовивны причвалавъ.
 Пропало, все добро пропало,
 А ни щытынкы не зосталось!...
 Пропавъ и я,—та не въ шывку,
 А на кобыли... На вику
 Все люде бачать лыхо, сыну;
 Але такого, мій едныый,

Такого лютого—нихто,
 Нихто и здалека не бачывъ,
 Якъ я, лукавый! А тымъ часомъ
 Просохлы очи у вдовы;
 Неначе въ Бога за дверыма,
 У зятя та въ сына
 Стара соби спочывае,
 А на Катерыну,
 На дятя свое едыне,
 Тилькы поглядае.
 А я въ шынку зъ пьяныцями
 Душу пропываю,—
 Та й преспывъ! Запродавъ душу,—
 И душу, и тило:

Тило катови. а душу...
 О, Боже мій мылый!
 Хотилося бъ жыть на свити,
 Та-ба! треба вчытысь,
 Якъ на свити жыты,
 А то бытымуть, та й дуже!...
 Не знаю, мій друже,
 Чы сатана лыхо коивъ,
 Чы я занедужавъ,
 Чы то мене злая доля
 Привела до того!...
 Такы й доси ще не знаю,
 Не знаю ничего...
 Знаю тилькы, що тверезый,
 (Бо вже а ни вына,
 Ни меды, ни оковыта
 Не пылся, сыну)!...
 Оттаке-то сподіялось!
 Вмеръ батько и маты,

Чужи лыде поховалы,
 А я, мовъ проклятый
 Той Іуда, одрынутый
 И людьмы и Богомъ,
 Тыняюся, ховаюся—
 И дійшло до того,
 Що я, въ-ночи підкравшыся,
 Максому хату
 (Бо ёго Максимомъ звали —
 Вдового зятя)
 Запалывъ! Згорила хата...
 А душа проклята
 Не згорила... моя душа,
 Мій друже, мій брате,
 Не згорила, а зосталась—
 Тліє, й доси тліє...
 И колы вона зотліє,
 Колы одпочыне,—
 Святый знає...

 IV.

Зъ переляку
 Вмерла Катерына;
 А Максимъ на пожарыщю
 Та на пепелыщю
 Подывывся... нема рады!..
 Тилькы витерь свыще
 У дымари та въ комини...
 Що тутъ въ свити діять,
 И що теперь ёму початы?

Подумавшы, перехрестывсь
 Та й зновъ пишовъ у наймыты
 Голодни злыдни годуваты;
 Вдова осталась не сама,
 А зъ сыномъ парубкомъ; женыты
 Ёго збиралась въ-осены,
 Ажъ гулькы!.. одъ матушкы-царыци;
 Таки изъ самой столыци,
 Прыйшовъ указъ—лобы голыть.
 Се въ першый разъ такой указъ
 Прыйшовъ зъ Московщыны до насъ,
 Бо на Вкраини въ насъ бывало
 У козаки охочи йшли,
 А въ пикынеры вербувалы—
 Та тежъ охочыхъ... На сели
 Зибралася громада радыть—
 Кого голыть у москали.

Порадылы громадою—
 И вдовыченка ледащыцю
 Забылы въ скрепыцю,
 Та й повезлы до прыёму!
 Онъ-яке творытся
 На симъ свити! яка правда
 У людей, мій сыну!...
 Така й доси, я думаю,
 Въ насъ на Украини;
 Та другой и не буде
 Въ невольныкахъ-людяхъ.

V.

„Ни вже“, каже, „добри люде,
 Не такъ воно, буде,
 Оттакъ хиба!“ Максимъ каже:
 „Яки зъ мене люде
 У наймытахъ! Иду служитъ;
 Нехай,“ каже, „вдовинъ сынъ
 Та не стане пидъ аршынъ,
 А я стану“.

Изъ прѣму

Вернувся до дому,
 До матери вдовыченко;
 А Максимъ зъ прѣму
 Пишовъ соби у москали,
 Помолывшысь Богу.
 Мени полегшало,— а зъ чого,
 Зъ чого полегшало мени?
 Зъ того, що ворога не стало...
 Якого жъ ворога, мій Боже!
 Моя пекельная душа
 Кого боялася? Максима!
 Ни, не Максима, а когось,
 Когось боялася, проклята:
 Людыперови служыла
 Та ёго й страшылась!..

VI.

Черезъ годъ отто, й велькз
 Зима наступыла;
 До зеленои недили

Въ байракахъ билилы
 Свигы били,—тоди жъ отго
 И Очаковъ бралы
 Москали; а Запорожжя
 Перше зруйнувалы.
 Розбрелоя товариство
 (А що то за люде
 Булы тыи запорожци—
 Не було й не буде
 Такихъ людей!.)

Пидъ Очаковъ

Погналы й Максима:
 Тамъ-то ёго скаличено,
 Та й на Украину
 Повернено зъ одставкою.
 Бачышь, праву ногу,
 Чы то ливу, пидстрелено...
 Мени не до того
 Було тоди: знову люта
 Гадына выплася
 Въ саме сердце; кругомъ его
 Трычи обвылася,
 Якъ той Иродъ... Що тутъ робить?
 Не дамъ соби рады;
 А Максимови кривому
 Ничого не вадыть:
 Шкандыбае на мыльци
 И гадкы не мае;
 А въ недиленьку святую
 Мундырь надивае,
 И медаль, и хрестъ прычепыть
 И заплете косу,

Та ще й борошномъ посыпле...
 (Я не знаю й доси,
 На-що воно москали ти
 Косы заплиталы,
 Мовъ дивчата, та святее
 Борошно псувалы?..
 На играшку, я думаю—
 Такъ соби, абы-то!)
 Отто жъ було, мовъ генераль,
 Максимъ сановито
 Приберется у недилю
 Та й пошкандыбае
 У храмъ Божый: на крыласи
 Стане та й спивае
 Зъ дякомъ такы, а то возьме
 Та ще й прочытае
 Апостола середъ церкви
 (Вывчився чытаты
 У москаляхъ). Непевный, бувъ
 Максимъ оттой, брате,—
 Та трудящый, роботящый,
 Та тихый до-того,
 Та ласкавый... Було тоди
 Ниже а никого
 Не зачепыть, ниже диломъ,
 Ниже якимъ словомъ.
 „И таланъ, и безталання—
 Все,“ каже, „видъ Бога,
 Вседержителя святого,
 А бильшь ни видъ кого...“
 Преблагый бувъ мужъ на свити
 Максимъ оттой, сыну;
 А я! а я!.. не мовлю,

Моя ты дытыно!...
 Я... вбывъ его!... Постривай лышь,
 Трохы одпочыну,
 Та тоди вже...

 VII.

Такъ ты кажешъ,
 Що бачывъ Крыныцю
 Москалеву, що ще й доси
 Беруть зъ неи воду?
 И хрестъ, кажешъ, коло шляху
 И доси Господній
 Стоить соби на роздолли;
 А не розказалы
 Тоби люде тамъ ничего?
 Вже повымиралы
 Тыи люде, мои свидкы,
 Праведныи люде;
 А я й доси караюся
 И каратысь буду
 Й на тимъ свити...
 Ось послухай,
 Доводыть до чого
 Сатана той душу нашу:
 Якъ не схаменется
 Та до Бога не вернетя,
 То такъ и ввишьетя
 Пазурамы въ саме сердце...
 Ось слухай же, сыну,
 Про Максима праведного!

Було не спочыне
 Николы винь, а въ недилѣ,
 Або въ яке свято,
 Бере святой псалтырь въ руки
 Та й иде чытаты
 У садочокъ (у садочку
 Тамъ, у холодочку,
 Катерину поховалы...)
 Отто жъ у садочку
 За упокой души ии
 Псалтырь прочытае.
 Потимъ соби тыхесенько,
 Тыхо заспивае
 „Со святыми,“ та й заплаче,
 А потимъ помьяне
 „О здравіи“ теңцу зъ сыномъ,—
 И веселый стане:
 „Все отъ Бога,“ скаже соби:
 „Треба виѣжь дожыты!“
 Оттакій-то мужъ праведный
 Бувъ винь на симъ свити;
 А у булдень,—то винь тоби
 Не лосыдыть въ хати—
 Все нышпорыть по надвирью;
 „Треба работаты,“
 Було скаже по-московськы,
 „А то, лежа въ хати,
 Ще опухнешь“ Та взявъ якость
 Заступъ и лопату,
 Та й пишовъ соби у поле
 Крыныцю копаты.
 „Некай,“ каже, „колысь люде
 Будуть воду пыты

Та за мою гришну душу
 Господа молыты.“
 Выйшовъ въ поле, геть одъ шляху
 У балку спустывся,
 Та й выкопавъ пры долини
 Глыбоку крыныцю.
 (Не самъ одынь: толокою
 Ёму помагаты
 Й добри люде прыходылы
 Крыныцю копаты).
 И выложывъ цямрыною,
 И надъ шляхомъ въ поли
 Высоченный хрестъ поставывъ:
 Зо всёго роздолля
 Широкого було выдно;
 Се, бачышь, для того,
 Щобъ знать було, що крыныця
 Есть коло дороги,
 Щобъ заходылы зъ крыныци
 Люде воду пыты,
 Та за того, що выкопавъ.
 Богу помолытысь.

 VIII.

Ажъ теперь уже,—онъ бачышь,
 Доходыть до чого!
 Що я стратыть намиряюсь
 Максима святого...
 Оттаке-то!... А за вищо?
 За те, за що Каинъ
 Убывъ брата праведного

У свитлому раю.
 Чы то було у неділю,
 Чы въ якое свято,
 (Слухай, сыну, якъ навчае
 Сатана проклятый!)
 „Ходимъ,“ кажу, „Уласовычъ,
 На твою крыницю
 Подывытысь.“ — „Добре,“ каже,
 „Ходимо“ напытысь
 Воды зъ неї погожої“.
 Та й пішли обое,
 И видерце и вижечкы
 Понесли зъ собою.
 Отъ, прыходымъ до крыници;
 Я першъ подывывся —
 Чы глыбоко. „Власовычу!“
 Кажу, „потрудыся
 Воды достать; я не вмю.“
 Винъ и нахмылывся,
 Опускаючы видерце;
 А я... я за ногы
 Вхопывъ ёго, та й укынувъ
 Максыма святого
 У крыницю...

Оттаке-то

Сотворывъ я, сыну!...
 Такого ще не творылось
 Въ насъ на Украйни,
 Та й николы не створытся
 На всимъ свити, брате!...
 Всюды люде, а я одывъ —
 Дяволъ проклятый!...

IX.

Черезъ тыждень вже вытягли
Максыма зъ крыныци
Та у балци й поховалы;
Чымалу каплицю
Поставалы громадою,
А ёго крыныцю
Москалевою назвали...
Отъ тоби й былыця
Про ту крыныцю москалеву,
Нелюдська былыця.
А я... пишовъ у гайдамакы
Та на Сибири й опынвсь,
(Бо тутъ Сибирь була колысь)..
И пропадаю, мовъ собака,
Мовъ той Іуда... Помолысь
За мене Богу, мій ты сыну,
На тій преславній України,
На тій веселій сторони..
Чы не полегшае мени?..

1957. Повонетровское укрѣпленіе.

НЕОФИТЫ ¹⁾.

Сія глаголетъ Господь: сотворите судъ
и сохраните правду, приближе бо ся
спасеніе мое прійти, и милость моя
открыется.

М. С. Шепкину.

(На пам'ять 24 Декабря 1857 року).

Возлюбленныку музъ и грацій!
Ждучы тебе, я тыхо плачу
И думу скорбную мою
Твоій души передаю.

Прывитай же благодушне
Мою сиротыну;
Нашъ велькый чудотворче,
Мій друже еднынй!
Прывитаешъ: убогая,
Сирая, зъ тобою
Переплыве вона Лету,—
И огнемъ слизою
Упаде колысь на землю
И прычтою стане
Роспынателямъ народнымъ,
Грядущымъ тыранамъ.

¹⁾ У листи до М. М. Лазаревського, отъ 24 Января 1858 року (Основа 3 я книжка 1862 р. листъ XII) Т. Гр. Шевченко писавъ, що „Неофиты не выкончени“. После того винъ не приймався за ихъ: такъ вопы й zostались несконченными. (Прим. ред. „Основа“).

ПРОЛОГЪ.

Давно вже я сыжу въ неволи
 Неначе злодѣй взаперти,
 На шляхъ дывлюся та на поле,
 Та на ворону на хрести
 На кладовыщи; бильшь ничего
 Зъ тюрьмы не выдно; слава Богу
 И за те, що бачу, що живутъ,
 И Богу молятся, и мрутъ,
 Хрещени люде.

Хрестъ высокій

На кладовыщи, трохы зъ-боку,
 Златомалеваный стоить.
 Не вбогый, мабудъ, тутъ лежыть!..
 И намалёвано: роспьятый
 За насъ Сынъ Божый на хрести.
 Спасыби сыротамъ багатымъ,
 Що хрестъ поставылы; и я—
 Такая доленька моя!—
 Сыжу та все дывлюся
 На хрестъ высокій изъ тюрьмы...
 Дывлюсь, дывлюся, помолюся,
 И горе, горенько мое,
 Мовъ нагодована дытына,
 Затыхне трохы.. и тюрьма
 Неначе шыршае; спивае
 И плаче сердце, оживае
 И въ тебе, Боже, и въ святыхъ
 Та праведныхъ твоихъ пытае:
 Що вишь зробывъ имъ той святой,
 Той Назорей, той сынъ единый,

Богомъ избранной Маріи—

Що винь зробивъ имъ? И за що

Ёго святого мордували,

Во узы ковалы

И главу его честную

Терномъ увинчали;

И вивели зъ злодіямы

На Голгофу, гору,

И повислы мижъ нымъ?

За що?

Благословенная въ женахъ,

Святая праведная Маты

Святого Сына на земли!

Не дай въ неволи пропадаты,

Летучи лита марне тратыть,

Скорбящихъ радосте! Пошли—

Пошли мени святее слово—

Святой правды голосъ новий,

И слово розумомъ святымъ

И оживы, и просвиту!

И розкажу я людямъ горе,

Якъ тая маты рикы, море

Слѣзы кровавой лыла,

Та якъ и ты,—прійняла

Въ живуую душу свить незримий

Твоёго распятого сына!...

Ты, маты Бога на земли,

Ты слѣзы матери до-краю,

До-капли вылыла!... Рыдаю,

Молю, рыдаючи: пошли—

Подай души убогий сылу,

Щобъ огненно заговорила,
 Щобъ слово пламенемъ взялось,
 Щобъ людямъ сердце ростопыло
 И на Украину понеслось
 Те слово—Божее кадыло—
 Кадыло истыны... Аминь.

I.

Не въ нашемъ краю, Богу мылимъ,
 Не за гетьманивъ и царивъ,
 А въ рымскій идольскій земли
 Се беззаконіе творылось—
 Лыбонь за Деція царя,
 Чы за Нерона сподаря—
 Сказать запевне не зумію.
 Нехай за Нерона..

Россіи

Тоди й на свити не було,
 Якъ у Италіи росло
 Мале дивчя; и красотою,
 Святою, чыстою красою,
 Якъ тая лылія, цвило.
 Дывылася на неи маты
 И молодила, и дивчати
 Людей шукала, и знайшла;
 Та помолывшысь Гименсю
 Въ своимъ веселимъ гинекеи,
 Въ чужый веселый одвела.
 Незабаромъ зробылася маты
 Изъ доброго того дивчаты—

Дытыну-сына прывела.
 Молылася своимъ пенатамъ
 И въ Капитолій прынесла
 Немали жертвы; ублагала
 Капитолійскый той сынклиць,
 Щобъ первенця ии виталы
 Святіи идолы. Горыть
 И день, и ничъ передъ печатомъ
 Святый огонь. Радіе маты:
 Въ Алкыда сынъ ии росте,
 Росте... лыцяются гетеры,
 И передъ образомъ Венеры
 Лампаду свитять.

 II.

Тоди вже сходыла зоря
 Надъ Выхлсеомомъ: правды слово—
 Святой правды и любви—
 Зоря всесвітняя зійшла
 И мырь и радость прынесла
 На землю людямъ. Фарысеи
 И вся мерзена Іудея
 Заворушылась, заревла,
 Неначе гадына въ болоти,
 И Сына Божого во плоти
 На тій Голгофи распьяла
 Межы злодіямы;—и спалы,
 Упывшысь кровію, каты,—
 Твоею кровію!.. а ты
 Возставъ одъ гробу. Слово встало—

И слово правды понесли
Твои апостолы святыи.

III.

Тоди жъ ото, ии Алкыдъ,
Та ще гетеры молодіи
Та козлоногый пьяный дидъ
Надъ самымъ Аппіевымъ шляхомъ
У гай гарно роздяглись,
И ще гарнише попылысь,
Та й поклонылыся Ірїану...
Ажъ гулькь! иде святой Петро,
Та йдучы въ Римъ благовистыты,
Зайшовъ у гай воды напытысь
И одночыты.— „Благо вамъ!“—
Сказавъ апостоль утомленный,
И оргію благословывъ.
И тыхымъ, кроткымъ, добрымъ словомъ
Благовистывъ имъ слово нове,
Любовь, и правду, и добро—
Добро найкращее на свити—
То—братолюбіе. И сытый,
И пьяный, й голый фавнъ огой,—
И сынъ Алкидъ твій, и гетеры—
Вси, вси упали до земли
Передъ святымъ, и повелы
До себе въ термы на вечерю.

IV.

И въ теремахъ оргія: горять
 Чертогы пурпуромъ и златомъ,
 Курять амфоры; дивчата
 Трохы не голіи стоять
 Передъ Киридою, и въ ладъ
 Спиваютъ гимнъ. Прыготованъ
 Веселый пырь, и полягли
 На ложахъ гости... регить, гоминь!...
 Гетеры гостя привелы
 Сывобородого,—и слово
 Изъ усть апостола святого
 Драгимъ елеемъ потекло,—
 И стыхла оргія... А жрыця
 Киприды—оргіи царыця,
 Поныкла радоснымъ челомъ
 Передъ апостоломъ—и встала
 И вси за нею повставалы
 И за апостоломъ пишлы
 У катакомбы. И едынны
 Твій сынъ Алкыдъ пишовъ за нымы
 И за апостоломъ святымъ—
 За тымъ учителемъ своимъ!...
 А ты весела выйшла зъ хаты
 На шляхъ изъ гаю выглядаты
 Свого Алкыда. Ни, нема!...
 Уже й не буде!... Ты сама
 Помолышся своимъ пенатамъ,
 Сама вечерять сядешъ въ хати...
 Ни, не вечерять, а рыдаты,
 Рыдаты и долю прокляныты,
 И сывить кленучы. И, горе!

Умрешъ есы на самоти,
Мовъ прокаженна!

V.

На хрести

Стремглавъ повисылы святого
Того апостола Петра,
А неофывивъ *) въ Сыракузы
Въ кайданахъ одвезлы. И сынъ,
Твій сынъ Алкыдъ, твоя дытына,
Едыная твоя родына,
Любовъ едыная твоя,
Гные въ неволи у кайданахъ;
А ты, прескорбная, не знаешь,
Де винъ канае, пропадае!...
Идешъ шукать ёго въ Сибирь,
Чы тее... въ Скыёю... И ты...
И чы одна ты?... Божа маты,
И заступы васъ и укрий!...
Нема семьи, немае хаты,
Немае брата, ни сестры,
Щобъ пезаплакани ходылы,
Не катувалыся въ тюрьми,
Або въ далекій сторони,
Въ британськыхъ, гальскихъ легиопахъ
Не муштрувалысы!... О, Нероне,
Нероне лютый! Божый судъ
Правдывый, наглый, середъ шляху

*) Новохрещенцивъ.

Тебе осудить: прыплывуть
 И прылетять го всёго свиту
 Святїи мученыкы—диты
 Святой воли; кругъ одра
 Кругъ смертного твого постануть
 Въ кайданахъ,—и... тебе простять:
 Вопы браты и хрыстіяне,
 А ты собака, людойидъ,
 Деспоть скаженный...

 VI.

Ажъ кышыть
 Невольныка у Сыракузахъ
 Въ лёхахъ и тюрмахъ: а Медуза
 Въ шыку зъ старцями пьяна спыть...
 Отъ-отъ прокынется и пѣтомъ
 И кровью вапою, деспоты,
 Похмилля справыть.

Скризь шукала
 Дытыну маты; не знайшла—
 И въ Сыракузы поплыла,
 Та тамъ уже ёго въ кайданахъ
 Найшла, сердешная, въ тюрми.
 Не допустылы й подывытысь.

И мусыла вопа сыдиты
 Коло острогу—ждать и ждять,
 Якъ Бога зъ неба, выглядать
 Своёго сына, ажъ покы-то
 Ёго въ кайданахъ поженуть
 Бульваръ мesty.—

А въ Рыми свято,
 Вельке свято! Тыскъ народу,
 Зо всего царства воеводы,
 Преторіяне и сенатъ;
 Жреци и ликторы стоятъ
 Кругъ Капитолія—и хоромъ
 Спиваютъ гимнъ и курятъ дымъ
 Зъ кадиль и амфоръ. И зъ соборомъ
 Иде самъ кесарь; передъ нымъ
 Изъ бронзы лютую статую
 Самого кесаря несутъ.

VII.

Непевне выдумалы свято
 Патрыціи арыстократы
 И мудрый кесаривъ сенатъ!
 Воны, бачъ, кесаря хвалылы
 На вси лады, що ажъ остыло
 Ёго самымъ имъ выхвалять,—
 Та заразомъ, щобъ доканать,
 Воны на ради й прысудылы,
 Щобъ просто кесаря назватъ
 Самымъ Юпытеромъ—та й годи!...
 И напысалы воеводамъ
 По всему царству: такъ и такъ...
 Що кесарь—богъ, ще бильшь одъ бога,
 И майстрови дали ковать
 Изъ брондзы кесаря; до того,
 Такъ нота-бене додалы,
 Що брондзовый той кесарь буде

И мыловать... Сердешни люде,
 Неначе въ ирій, потягли
 У Римъ на прощу. Приплыла
 Изъ Сыракузь и та небога
 Благаты кесаря и бога.
 И чы вона одна? мій Боже!
 Прийшло ихъ тысяча въ слёзахъ,
 Прийшло здалека!...

Горе зъ вами!

Кого благаты вы прийшли?
 Кому вы слёзы принесли?
 Кому вы принесли зъ слёзамы
 Свою надію?... Горе зъ вами!
 Кого благаєте, благи,
 Рабы незрячыи, сліпіі!
 Чы катъ помылуе кого?
 Молитесь Богови одному,
 Молитесь правди на земли,—
 А бильше на земли никому,
 Не поклонитесь. Все брехня!...

VIII.

Передъ Нерономъ,
 Передъ Юпытеромъ повымъ,
 Молылысь вчора сенаторы
 И вси патрыціи,—и вчора
 Лылася божа благодать:

• • • • •
 Преторіяне помолылысь—
 Преторіянамъ давъ указъ,

Щобъ все, що хочуть, те й робылы,
 А мы помылуемо васъ;
 И вы, плебеи-гречкосіи,
 И вы молылыся,—та васъ
 Нихто не мылуе? не вміють
 Васъ и помылувать гараздъ...

IX.

На третій день уже пустылы
 Молытыся за хрыстіянъ,
 И ты прыходыла, молылась,—
 И мылосердый истуканъ
 Звеливъ везты изъ Сыракузъ
 У Рымъ въ кайданахъ хрыстіянъ
 И рада ты, и весела!
 Кумырови знову
 Помолылась... а кумыръ той,
 Юнытеръ той цовый,
 Ось побачъ, якее свято
 Буде завдаваты
 Въ Колызен.
 А тымъ часомъ
 Иды зостричаты
 Свого сына, та не дуже
 Радій лышъ, небого:
 Ще не знаешъ ты нового
 Лукавого бога.

X.

А погы що, зъ матерямы
 Алкыдова маты
 Пишла его зостричаты,—
 Святыхъ привитаты
 На бѣрези. Пишла есы,
 Трохы не спиваешъ,
 Та кесаря—Юпитера
 Хвалышъ, выхваляешъ...

.
 И ныщечкомъ помолылась
 Кесареви—богу,
 Та й пишла по-надъ болотомъ,—
 На Тыбрь поглядае...
 А по Тыбру изъ-за гаю,
 Байдакъ выплывае,
 Чы галера. На галери
 Везуть твого сына
 Зъ неофитамы въ кайданахъ.
 А твоя дытына
 Ще й до щоглы прыкована:—
 Не неофитъ новый,
 А апостолъ великого
 Хрыстового слова.
 Оттакый-то винь!... Чы чуешъ?
 У путахъ спивае
 Твій мученыкъ:
 „Псаломъ новый Господеви
 И новую славу
 Воспоемъ чеснымъ соборомъ,
 Серцемъ нелукавымъ;
 Во псалтыри и тимпапи

Воспоемъ благая,
 Яко Богъ кара неправыхъ,
 Правымъ помагае;
 Преподобныи во слави
 И на тыхыхъ ложахъ
 Радуются, славословять,
 Хвалять имья Боже;
 И мечи въ рукахъ ихъ добри,
 Гостри обоюду,
 На отмщеніе языкамъ
 И въ науку людямъ.
 Окують царей несытыхъ
 Въ зализныи пута,
 И ихъ славныхъ оковами
 Ручныи окрутять;
 И осудятъ неправедныхъ
 Судомъ своимъ правымъ,
 И во вѣки стане слава—
 Преподобнымъ слава!“

 XI.

А ты на бѣрези стояла,
 Неначе темная скала,
 Не слухала и не рыдала,
 А „аллылуя“ подала
 За матерямы хрыстіянамъ.
 Мовъ дзвоны загулы кайданы
 На неофитахъ; а твій сынъ,
 Едыный твій, апостоль новый,

Перехрестывшись, возгласивъ:
 — „Молитесь, братія, молитесь
 За ката лютого! Ёго
 Въ своихъ молитвахъ помьяните;
 Передъ гордынею жъ ёго,
 Браты мои, не поклонитесь!
 Молитва—Богови! А винъ
 Нехай лютуе на земли,
 Нехай пророкивъ побывае,
 Нехай усихъ насъ роспынае...
 Уже внучата зачалысь
 И выростуть воны колысь:
 Не местныкы внучата тыи—
 Хрыстови воины святіи,
 И безъ огня, и безъ ножа
 Стратегы божіи воспрянуть—
 И тмы, и тысячи поганыхъ
 Передъ святымы побижать!
 Молитесь, братія!“

Молылысь,

Молылыся передъ хрестомъ
 Закути въ пута неофиты,
 Молылысь радосно!.. хвала,
 Хвала вамъ, души молодіи,
 Хвала вамъ, лыцари святіи,
 Во викы-викы похвала!...

XII.

И въ Рымъ галера прыплыла.
 Мынае тыждень. Пьяный кесарь.

Пострыгши самъ себе въ Зевесы,
 Завдавъ Зевесу юбилей.
 Лыкуе Римъ. Передъ кумыра
 Везуть возамы ладонъ, мырро,
 Женуть гуртамы хрыстіянъ
 У Колизей, мовъ у ризныци.
 Кровъ потекла. Лыкуе Римъ...
 И гладіаторъ, и патрыцій—
 Обыдва пьяни: кровъ и дымъ
 Ихъ упоивъ; руину славы
 Римъ пропывае; трызну правыть
 По Сципіонахъ. Лютый, лютый,
 Мерзепый старче! роскошуй
 Въ своихъ гаремахъ! Изъ-за моря
 Уже встаетъ святая зоря;
 Не громомъ праведнымъ святымъ.
 Тебе убьютъ: ножемъ тупымъ
 Тебе варижутъ, мовъ собаку.

XIII.

Другой день
 Реве арена; на арени
 Лыдійський золотый писокъ
 Покрывся пурпуромъ червоннымъ—
 Въ болото крови замисывсь;
 А Сыракузськихъ назареивъ
 Ще не було у Колизей.
 На третій день и ихъ въ кайдапахъ
 Сторожа въ голымы мечамы
 Гуртомъ въ ризныцю привела.

Арена звиремъ заревла;
 А сынъ твоѣй гордо на арену,
 Псаломъ спиваючи, ступывъ,—
 И пьяный кесарь, мовъ скаженный
 Зареготавсь. И леопардъ
 Изъ леху выскочывъ на сцену...
 Ступывъ, зырнувъ—и полылась
 Святая кровь. По Колизеи
 Ревучымъ громомъ пронеслась
 И стихла буря... Дежъ була,
 Де ты сховалась? Чомъ на ёго
 На кесаря свого святого,
 Не кынулась?—Бо стерегли,—
 Кругомъ въ тры лавы обступылы
 Зевеса лыкторы; за нымъ,
 Твоимъ Юпитеромъ святымъ,
 Зализну браму зачынылы;
 А ты осталася одна,
 Одна однисенька на двори...
 И що ты зможешъ?—„Горе горе!
 О, горе лютее мое!
 Моя ты доленько! Безъ ёго
 Що я робытому? До кого
 Я прыхылюся?...“ И небога
 Кругомъ зырнула,—и о муръ,
 О муръ старою головою
 Ударылась, и трупомъ пала
 Пидъ саму браму.

 XIV.

Зъ позорыща у вечери
 У термы сховався

Святый кесарь зъ лыкторамы;
 Колизей остався
 Безъ кесаря и безъ рымлянъ
 И нибы заплакавъ
 Одынокый; мовъ гора та
 На поли, чорніе
 Колизей той середь Рыму.
 Тыхо, тыхо віе
 Изъ-за Тыбру, изъ Альбана
 Витерь по-надъ Рымомъ,
 А надъ чорнымъ Колизеемъ
 Нибы изъ-за дыму
 Плыве мисяць круглолыцый, —
 И мырь перевозданный
 Одпочывъ на лони ноци;
 Тилькы мы, Адаме,
 Твои чада преступныи,
 Не одпочываемъ
 До самой домовыны
 У проспаннымъ раи;
 Грыземося, мовъ собаки,
 За маслакъ смердячый
 Та тебе ще зневажаемъ,
 Праоче...

 XV.

Трохы одпочыла
 Стара маты недобыта,
 Жывущую сылу
 Сыла ноци оживыла:

Встала походила
 Коло замкнутой брамы
 Та щось шепотала:
 Чы не кесаря святого
 Нышкомъ проклянала?
 А може й такъ... Тыхесенько
 До брамы пидкралась,
 Послухала, усмихнулась,
 И щось прошептала—
 Якесь слово... И ныщечкомъ
 Коло брамы сила
 Й зажурылась. Незабаромъ
 Брама одчынылась,
 И на возахъ, на колесныцяхъ
 Изъ Колизея, изъ ризныци,
 Святїи вывезлы тїла
 И повезлы на Тыбрь: тїлами
 Святыхъ убытыхъ годувалы
 Для царського такы стола
 У Тыбри рыбу. Встала маты,
 Кругомъ оглянулась, взялась
 За быту голову руками
 И тихо, мовчки за возамы
 Марою чорною пишла
 На Тыбрь. А скыоны сирооки,
 Цогоннычи, рабивъ рабы,
 Подумалы: сестра Морока
 Изъ пекла выйшла провожать
 У пекло рымлянъ. Поскыдалы
 У воду трупы, та й назадъ
 Зъ возамы скыоны поверталы.—
 А ты осталася одна
 На бѣрези, и ты дывылась,

Якъ розстилалыся, стелылысь
 Кругы широкіи надъ нымъ,
 Надъ сыномъ праведнымъ твоимъ...
 Дывылась, помы не осталось
 Жывого слиду на води,—
 И усмихнулася тоди
 И тяжко, страшно зарыдала,
 И помолылася, въ першый разъ,
 За насъ Респьятому,—и спасъ
 Тебе респьятый сынъ Маріи,
 И ты слова его живыи
 Въ живую душу прыйняла,
 И на торжыща и въ чертогы
 Жывого истинного Бога
 Ты слово правды понесла.

Нижній Новгородъ, 8 декабря 1857 года.

1858.

Д О Л Я.

Ты не лукавила зо мною,
Ты другомъ, братомъ и сестрою
Сиромѣ стала. Ты взяла
Мене, маленького, за руку
И въ школу, хлопця, одвела
До пьяного дѣка въ науку:
„Учыся, серденько! колысь
Зъ насъ будутъ люде,“ ты сказала
А я й послухавъ, и учывсь,
И вывчывсь. А ты збрехала:
Яки зъ насъ люде?... Та дарма!
Мы не лукавылы зъ тобою,
Мы просто йшлы; у насъ нема
Зерна неправды за собою...

Ходимо жъ, доленько моя,
Мій друже вбогый, нелукавый!
Ходимо дальше, дальше слава,
А слава—заповидь моя.

МУЗА.

А ты пречыстая, святая,
 Ты, сестро Феба молодая!
 Мене ты въ пелену взяла
 И геть у поле однесла;
 И на могыли середь поля,
 Якъ тую волю на роздолли,
 Туманомъ сывымъ сповыла,
 И колыхала, й сповывала,
 И чары діяла... И я...
 О, чаривныченько моя!
 Мени ты всюды помагала
 Мене ты всюды доглядала.
 Въ степу, безлюдному степу,
 Въ далекій неволи
 Ты сіяла, пышалася,
 Якъ квичка въ поли!
 Изъ казармы нечыстои
 Чыстою, святою
 Пташечкою вылетила
 И по-надо мною
 Полынула, заспывала,
 Ты, золотокрыла,
 Мовъ жывуцою водою
 Душу окропыла.
 И я живу, и надо мною
 Зъ своею Божою красок
 Горышь ты, зоренько моя.
 Моя порадонько святая!
 Моя ты доле молодая!

Не покыдай мене. Въ-почи,
 И въ день, и въ-вечери, и рано
 Витай зо мною и учи,
 Учы не ложнымы устамы
 Сказаты правду. Поможы
 Молытву дѣяты до краю,
 А якъ умру, моя святая,
 Моя ты мамо! Положы
 Свого ты сына въ домовыну,
 И хочъ едыную слѣзыну
 Въ очахъ безсмертныхъ покажы.

В И Д Ъ М А.

Молюся, знову уповаю,
 И знову слѣзы выливаю,
 И думу тяжкую мою
 Нимымъ стинамъ передаю.
 Озовитесь жъ, заплачте,
 Ними зо мною
 Надъ неправдою людскою,
 Надъ долею злою.
 Озовитесь! А за вами
 Може озовется
 Безталання невсыпуще,
 И намъ усмихнется;
 Поеднае зъ недолею
 И зъ людьмы, и скаже

Спасыби намъ; помолытся,
 И тыхо спать ляже.
 И прымыренному прыснятся
 И люды добри, и любовь,
 И все добро, и встане въ-ранци
 Веселый, и забуде зновъ
 Свою недолю, и въ неволи
 Познае рай, познае волю
 И всетворящую любовь.

Коло осиннёго Мыколы,
 Обидрани, трохи не голи,
 Бендерськымъ шляхомъ у-ночи
 Ишли цыгане; а йдучы---
 Звычайне вольныи—спивалы.
 Ишли, ишли, а потимъ стали,
 Шатро край шляху распьялы,
 Огонь чымалый розвели
 И кругомъ его посадалы.
 Хто зъ шашлыкомъ, а хто и такъ...
 За те винъ вольный, якъ козакъ
 Колысь то бувъ. Сыдять, куняють,
 А за шатромъ въ степу спивае,
 Неначе пьяна, зъ приданокъ
 До дому йдучы, молодыця:
 „Ой у новій хати
 Поляглы спаты:
 Молодїй прыснылось,
 Що маты сказылась,
 Свекоръ оженився,
 Батько утоцывся...
 П... гу.....“

Цыгане слухають, сміються:
 „И де ти люде тутъ возьмутся?
 Оце мабутъ изъ-за Днипра,
 Бо тутъ все степь... Марал марал!“
 Цыгане крыкнулы, схопылысь,
 А передъ нмы опынылось
 Те, що спивало. Жаль и страхъ!
 Въ свытыни латаній дрожала
 Якась людына. На ногахъ
 И на рукахъ повыступала
 Одъ стужи кровь, ажъ струпомъ стала,
 И довги косы въ репьяхахъ
 О полы былысь въ ковтунахъ.
 Постояла, а потимъ сила
 Коло огню и руки грила
 На самимъ поломби... „Ну такъ!
 Оженывся неборакъ!“
 Сама соби вона шептала
 И тяжко, страшно усмихалась.
 Що-жь се таке? Се не мара.
 Моя се маты и сестра,
 Моя се видьма, щобъ вы знали.

Цыгане.

А видкиля ты, молодыце?

Видьма.

Хто я? (Спивае)

„Якъ була я молодыця,
 Цилювали мене въ лыце,
 А якъ стала стара баба,
 Цилювали-бъ, була-бъ рада“.

Цыгане.

Спивуча, ничего сказать!
 Якъ бы соби таку достать,
 Та ще й зъ медведемъ...

Видьма.

Я спиваю,
 Чы то сыжу, чы то гуляю..
 Все спиваю, все спиваю,
 Уже й забула говорыть,
 А перше добре говорыла.

Цыгане.

Дежь ты була, що заблудыла?

Видьма.

Хто, я?.. Чы ты? (Шепче)
 Цыть лышень... цыть!
 Онъ бачъ зо мною панъ лежыть!
 Огонь погасъ, а мисяць сходыть,
 Въ яру пасется вовкулакъ... (Усмикнувшисъ)
 Я въ прыданкахъ була, выплася
 И, молода, не предалася...
 А все то прокляти папы
 Зъ дивчатамы такее діють..
 Ще треба другу одружыть.
 Пиду, безъ мене не зуміють
 И въ домовыну положить.

Цыгане.

Не йды, небого! Будь ты зъ памы,
 У насъ, ій-Богу, добре жыть!

Видьма.

А диты есть у васъ?

Цыгане.

Немае.

Видьма.

Кого-жь годуете есте,
Кого вы спаты кладете,
Кого колышете въ-ночи,
Лягаючы и встаючы,
За кого молитесь? Охъ диты!
И все диты, и все диты!
Не знаю, де одъ ихъ подитысь...
Де не пиду—й воны за мною!
Воны зъидяты мене колысь.

Цыгане.

Не плачь, небого, не журысь,
У васъ дитей нема й заводу.

Видьма.

Хочъ зъ горы та въ воду.
И видьма тяжко зарыдала
Цыгане мовчкы дывувалысь,
Поки поснулы, де хто впавъ.
Вона жъ не спала, не журылась,
Сыдила, ноги устромила
Въ горячый попилъ. Выступавъ
Щербатый мисяць зъ-за могылы
И на шатро мовъ позыравъ,
Ажъ поки хмары заступылы.

Чомъ не спытса багатому,
 Сывому, гладкому?
 Чомъ не спытса убогому,
 Сыроти старому?
 Одынъ дума, якъ бы ёго
 Достроить палаты;
 Другый дума, якъ бы ёго
 На подзвинъ прыдбаты;
 Одынъ старый одпочыне
 Въ пышній домовыни!
 Другый старый и такъ соби
 Да небудь пидъ тыномъ.
 И обыдва спочывають
 И гадкы не мають!
 Убогого не згадають,
 А того ще й лають.

Коло огню старый цыганъ
 Зъ люлькою куняе
 Позырае на прыблуду
 И на подзвинъ не дбае.

Цыганъ.

Чому не ляжешъ, не спочынешъ?
 Зирныця сходыть, подывысь!

Видьма.

Дывлюся я, вже ты дывысь.

Цыганъ.

Мы рано рушымо, покынемъ,
 Якъ не проспыхся.

Видьма.

Не просплюсь,
 Я вже никола не просплюсь.
 Оттакъ де-небудь и загыну
 У бурьяни... (Спивае тыко)
 „Гаю, гаю, темный гаю,
 Тыхенькый Дунаю!
 Ой у гаи погуляю,
 Въ Дунаи скупаюсь,
 Въ зеленому баговинни
 Трохы одпочыну...
 Та може ще, хоть калику,
 Прыведу дытну“
 Дарма, абы соби ходыло,
 Та вмило матирь проклянуть!
 А онъ, чы бачышь—на могыли
 Очыма лупа кошеня?
 Иды до мене! Кыцю, кыцю...
 Не йде, прокляте бисеня!
 А то дала бь тоби напытыся
 Зь моеи чыстои крыныци... (Прыспивуе)

„Стоить кутя на покути,
 А въ запичку диты;
 Наплодыла, наводыла,
 Та нема де диты;
 Чы то потопыты?
 Чы то подушыты?
 Чы жыдови на кровъ продать,
 А гроши пропыты?“

Що, добре наши завдають?
 Сидай лышь близзенько, оттутъ.

Отто-то й то. А ты не знаешъ,
 Що я въ Волощыни була?
 Я розкажу, якъ нагадаю.
 Близнятъ въ Бендерахъ привела,
 У билыхъ Яссахъ колыхала,
 У Дунаеви купала
 Въ Туреччыни словывала,
 Та до дому однесла
 Ажъ у Кыевъ. Та вже дома
 Безъ кадыла, безъ кропыла,
 За тры шагы охрестыла,
 А тры шагы пропыла...
 Упылася! Упылася!
 И доси пьяна!...
 И вже николы не просилюся.
 Бо я вже Бога не боюся
 И не соромлюся людей.
 Колыбъ мени отыхъ дитей
 Найты де-небудь! Ты не знаешъ.
 Чы йе въ Туреччыни война?

Цыганъ.

Була колысь, теперь нема—
 Умеръ найстаршый старшына.

Видьма.

А я думала, що й доси,
 Ажъ уже немае.
 Слухай, лышень, скажу тобі,
 Кого я шукаю.
 Я шукаю Наталочку
 Та сына Ивана...

Дочку свою Наталоньку,
 Та шукаю пана,
 Того Ирода, що знаешь?...
 Стривай, нагадала...
 Якъ була я молодою,
 И гадки не мала,
 По садочку похожала,
 Квитчалась, пышалась,
 А винь мене и набачывь,
 Иродѣ! И не snyлось,
 Що я була крепачкою,
 А то бь утопылась...
 Було бь легче. Отъ набачывь
 Та й бере въ покои,
 И стрыже, неначе хлопця,
 И въ походъ зь собою
 Бере мене. У Бендеры
 Прыйшли мы; стоялы
 Зь москалями на кватерахъ,
 А москали за Дунаемъ
 Турка воювалы.
 Тутъ давъ Богъ мени близнята,
 Якъ разъ проты Спаса.
 А винь мене и покынувъ.
 Не вступывъ и въ хату,
 На дитей своихъ не глянувъ,
 Люцыперъ проклятый!
 Пишовъ соби зь москалями,
 А я зь байстрюкамы
 Повертала въ Украину
 Степамы, терпамы,
 Острыжена, та й байдуже!
 У селахъ пытала

Шляхъ у Кыевъ. И що зъ мене
 Люде насміялись!
 Трохи була не втопылась,
 Та жаль було кшнуть
 Блызняточокъ. То сякъ, то такъ
 На свою краину
 Прыдыбала. Одпочыла,
 Вечора дождалась
 Та й у село. Хотилось, бачъ,
 Щобъ люде не знали.
 Отъ я крадусь по пидтынню
 До своєї хаты.
 Въ хати темно. Нема дома.
 Або вже лигъ спаты
 Мій батечко одынокый.
 Я ледве ступаю...
 Вхожу въ хату, ажъ щось стогне,
 Нибы умирає.
 То мій батько. И никому
 Ни перехрестыты,
 Ни рукъ скласты. О, прокляти,
 Лукавіи диты!
 Що вы дієте на свити!...
 Я перелякалась...
 Хата пусткою смердила.
 Отъ я заховала
 Блызнять своїхъ у комори...
 Вбигаю въ хату,—
 А винъ уже ледве дыше...
 Я до ёго: тату!
 Мій таточку! Це я прыйшла!
 За руки хватаю...
 Це я, кажу. А винъ мени

Шепче: „я прощаю,
Я прощаю!“ Тилькы й чула...
Здається я впала
И заснула... Якъ бы була
До вику проспала!...
О пивъ-ночи прокынулась—
Якъ у ями въ хати,
А за руку батько давить...
Тату, кричу, тату!
А винъ уже такъ якъ крыга.
Насылу я руку
Выпручала. Що, цыгане,
Якъ бы таку суку
Тоби дочку? Що зробывъ-бы?

Цыганъ.

Ий Богу, не знаю.

Видьма.

Та мовчы вже, забуду,
Погимъ не згадаю.
Дитей, бачця, годувала,
Та въ засикъ ховала.
Та очипокъ—се вже въ-ранци—
Ключчямъ вымощала.
Щобъ не знать було, що стрыга;
Прыбралась, ходыла,
Покы люде домовыну
На-двори робылы.
Доробылы, положиылы,
Понесли, сховалы...
И одпа я, якъ былына

На поли, осталась
 На симъ свити... Булы диты—
 И тыхъ не осталось.

„Черезъ яръ ходыла!
 Та воду носыла,
 Коровай сама бгала—
 Дочку оддавала,
 Сына оженыла...
 И..... гу....“

Цыганъ.

Не скиглы, бо ты всихъ побудышь.

Видьма.

Хиба я скиглю, нависный!

Цыгане.

Та добре, добре! Що дальшь буде,
 Розказуй дальше.

Видьма.

Що дасы?

Наварышь завтра мамалыгы?..

Я кукурузы прынесу.

Нагадала, нагадала,

Зь дочкою лигъ спаты,

Завдавъ сына у лакеи...

Громадою зь хаты

Выганялы. Нагадала...

Я собакъ дражныла

По-пидъ викнамы зь старцями,

И байстрять носыла
 За плечыма, щобъ привчалысь...
 Ажъ и самъ прыйхавъ...

Я до ёго кынулася,
 Забудучы лыхо.

Прывитавъ мене, люцыперъ,
 Благословывъ дитокъ,
 Та й забравъ ихъ у покси.
 Ростуть мои квиты,
 Та й вырослы. Сына Йвана
 Оддавъ якійсь пани
 У лакеи, а Наталю...

Чы твои цыгане
 Все послулы?

Цыганъ.

Все послулы.

Видьма.

Бо щобъ не почулы
 Мого слова Страшно буде...
 И ты, старый друже,
 Злякаешся, якъ вымовлю...
 Чы тоби байдуже?
 Наталочку... дытя свое...
 Занапастывъ! А до того
 Посылае въ Кывивъ
 Мене, бачышъ, молытыся.
 Я, дурна, й ходыла,
 И молылася... Ни, цыгане,
 Я марне молылася!
 Вертаюся изъ Кывива.—

Замкнути покои...
 Випъ узявъ ии зъ собою,
 Та й пойихавъ зъ нею,
 Зъ Наталею!... Чы чуешь ты?
 И острыгъ, проклятый,
 Дытя свое. Полетила
 Я ёго шукаты
 Въ Волощину. Та й шукаю,
 Совою летаю
 Надъ байракамы, та дитокъ,
 Диточокъ шукаю,
 Наталоньку!.. Ни, ни, ни, ни!
 Я, шукаю пана!
 Розирву!.. Возьмить до себе
 И мене, цыгане,
 Я медведя водытому,
 А якъ найду ката,
 То й спущу ёго на ёго!
 Отоди, проклятый!...
 Ни, не спущу!... Сама ёго
 Загрызу!... Чы чуешь?
 Одружымось, мое сердце,
 Я й доси дивую:
 Я сына вже оженыла,
 А дочка й такъ буде;
 Лазытyme по-пидтынию,
 Шокы найдуть люде
 Нежывою. Чы ты бачывъ?
 Тамъ такой хороший
 Мій сынъ Иваць!.. Ухъ, холодно!..
 Позычь мени грошей!
 Намыста доброго куплю,
 Та й тебе повишу,

А сама пиду до дому...
 Дывысь, мыша, мыша...
 Несе у Кывь мышеняты!
 Не донесешъ, утопышь десь,
 Або панъ одниме!
 Чы я найду моихъ дитокъ,
 Чы такъ и загыну?

Та й замовкла, мовъ заспула.
 Цыгане вставалы,
 Розбирали шатро свое,
 Бъ дорогу рушалы—
 Та й рушылы. Пишылы степомъ.
 А вона, небога
 Безталанна, встала мовчки,
 И нибы то Богу
 Нышкомъ соби помолылась,
 Та й пошкандыбала
 За цыганамы. И тыхо,
 Тыхенько спивала:

„Кажуть люде, що судъ буде,
 А суду не буде,
 Бо вже мене осудылы
 На симъ свити люде“.

Изъ-за Днистра пишылы цыгане
 И на Волынь, и на Украйну.
 За селомъ село мыналы,
 Въ городаы ходылы,
 И марою за собою
 Прыблуду водылы.

И спивала й танцювала,
 Не пыла й не йила,
 Неначе смерть зь цыганами
 По селахъ ходыла.
 Потимъ разомъ схаменулась,
 Стала йисты й пыты,
 И ховатысь за шатрамы,
 И Богу молытысь.
 Щось таке їй поробыла
 Стара Маріула,
 Якымсь зиллямъ наповала—
 То воно й мынулось.
 Потимъ їи стала вчыты
 И ликаруваты:
 Яки травы, що одь чого
 И де ихъ шукаты,
 Якъ сушыты, якъ варыты—
 Всѣму, всѣму вчыла
 Маріула. А та вчылась
 Та Богу молылась.

Мынуло лито, уже й друге
 И трете настало,
 Уже прыйшла въ Украину...
 Жаль їй чогось стало.
 Поклонылась Маріули
 За науку въ ноги,
 Попрощалась зь цыганами,
 Помолылась Богу,
 Та й пишла соби, небога,
 Въ свою Украину.
 Вернусь, каже, хочъ погляну
 На дочку, на сына.
 Не довелось. Пань вернувся,

Покинувъ Наталю
 Въ Московщину. А ты ии
 За Днистромъ шукала!
 Сына Йвана молодого
 Оддалы въ салдаты
 За те, що ты не навчыла
 Папивъ шануваты.
 До кого жъ ты прыхылышся?
 Никого немае!
 До людей хылысь, небого,
 Люде привитають.
 Панъ вернувшысь запедужавъ,
 Стогне, пропадае,
 А вона набрала зилля,
 Та й пишла въ палаты
 Личыть ёго, помагаты,
 А не прокльнаты.
 Не помогла болящому,
 Бо не допустылы.
 А якъ умеръ, то за ёго
 Богу помолылась.
 И жыла соби святою,
 Дивчатъ научала,
 Щобъ зъ панамы не кохалысь,
 Людей не цуралысь—
 А то Богъ васъ покарае,
 А ще гирше люде.
 Люде горди, неправедни,
 Своимъ судомъ судять...
 Оттакъ вона поучала,
 Болящихъ личыла,
 Зъ убогими останнёю
 Крыхтою дилылась.

Люде добри и розумни
 Добре ии знали,
 А все такы покриткою
 И видьмою звали!—

Л Я Х А М Ъ.

(Бр. Залеському).

Ще якъ булы мы козакамы,
 А уніи не чуть було,
 Оттамъ-то весело жылось:
 Браталысь зъ вольнымы ляхамы,
 Пышалысь вольнымы степами;
 Въ садахъ кохалыся, цвилы,
 Неначе лыліи, дивчата;
 Пышалася сынамы маты,
 Сынамы вольнымы. Рослы,
 Рослы сыны и веселылы
 Старіи скорбніи лита,—
 Ажъ покы именемъ Хрыста
 Прыйшлы ксёндзы и запалылы
 Нашъ тыхый рай, и розлылы
 Шыроке море слизь и крови;
 А сырить именемъ Хрыстовымъ
 Замордувалы, роспьялы
 Поныклы головы козачи,
 Неначе стоптана трава;

Украина плаче, стогне-плаче;
 За головою голова
 До долу пада. Катъ лютуе,
 А ксѣндзъ скаженимъ языкомъ
 Крычить: „Te Deum! Allelujah!“
 Оттакъ-то, ляше, друже, брате!
 Несыты ксѣндзы, магнаты
 Насъ поризнылы, розвелы,
 А мы бѣ и доси такъ жылы!
 Подай же руку козакови,
 И сердце чистее подай,
 И знову именемъ Хрыстовымъ
 Возобновымъ нашъ тихый рай!

С Л А В А.

А ты, задрипанко, шынкарко,
 Перекупко пьяна!
 Де ты въ ката забарылась
 Зъ своимы лучамы?
 У Версали надъ злодіемъ
 Наборъ распустыла,
 Чы зъ кымъ иншимъ мизкаешся
 Зъ нудыгы та зъ похмилля?
 Горнысь лышень ты до мене,
 Та вытнемо зъ лыха;
 Гарнесенько обіймемось,
 Та любо, та тихо
 Пожартуемъ, чмокнемось,

Та й поберемося,
 Моя крале малевана,
 Бо я такы й доси
 За тобою чымчыкую.
 Ты хоча й пышалась
 И зъ пьянымы кесарямы
 По шынкахъ хылялась...

 Та мени про те байдуже!
 Мени, моя доле,
 Дай на себе подывытысь,
 Дай и прыгорнужысь
 Пидь крыломъ твоимъ любенькс,
 Въ холодку заснуты.

С О Н Ъ.

(*М. А. Марковыци*).

На панщыни пшеницю жала;
 Втомылася; не спочывать
 Пишла въ снопы,—пошкандыбала
 Ивана сына годувать:
 Воно сповытее крычало
 У холодочку за снопомъ;
 Росповыла, нагодувала,
 Попестыла,—и нибы сномъ,
 Надъ сыномъ сыдя, задримала.
 И сытсы ій: той сынъ Иванъ—

И уродливый, и багатый,
 Не одынокый, а жонатый
 На вольный, бачытся, бо й самъ
 Уже не панськый, а на воли
 Та на своимъ веселимъ поли
 У-двохъ соби пшевыцю жвуть.
 А диточки обидь несуть...
 Та й усмихнулася небога..
 Прокынулась—нема ничего!
 На Йвана глянула; взяла
 Ёго, гарненько сповыла,
 Та, щобъ дожать до ланового,
 Ще копу дожыпать пишла..
 Остатню, може; Богъ поможе,
 Той сонъ твій справдытса...

13 Іюля 1858.

—❖❖❖❖❖❖❖❖— 1759. —❖❖❖❖❖❖❖❖—

МАРІУ ВОВЧКУ.

(На пам'ять 24 Генваря 1859 року).

Недавно я по-за Ураломъ
 Блукавъ и Господа благовъ,
 Щобъ наша правда не пропала,
 Щобъ наше слово не вмирало—
 И выблагавъ! Господь пославъ
 Тебе намъ, кроткого пророка
 И облычителя жестокихъ,
 Людей насытыхъ. Свите мій,
 Моя ты зоренько святая!
 Моя ты сыло молодая!
 Свиты на мене, и огрій,
 И оживы мое побыте,
 Убоге серце, неукрыте,
 Голоднее!—И оживу,
 И думу вольную на волю
 Изъ домовны воззову!
 И думу вольннюю... О, доле!
 Пророче нашъ! Моя ты доле!
 Твоею думу назову.

Мій Боже мый! якъ то мало
 Святыхъ людей на свити стало!
 Одынъ на другого кують
 Кайданы въ серци... а словамы,
 Медоточывыми устами
 Цилуються, и часу ждуть,
 Чы швыдко брата въ домовыни
 Зъ гостей на цвынтарь повезуть?...
 А ты, о Господы едыный,
 Скуешъ лукавыи уста,
 Языкъ оттой велеричывый,
 Мовлявший: „мы—не суета!
 И возвелычимо на дыво—
 И розумъ нашъ, и нашъ языкъ...
 Та й де той панъ, що намъ закаже
 И думать такъ, и говорыть?“
 „Воскресну я!“ той панъ вамъ скаже.
 „Воскресну ныни, рады ихъ
 Людей закованыхъ моихъ—
 Убогихъ ныщыхъ... Возвелычу
 Малыхъ оттыхъ рабивъ пимыхъ!
 Я на сгорожи коло ихъ
 Поставлю слово“.

И поныче,
 Неначе стоптана трава,
 И думка ваша и слова,—
 Неначе срибло куте, быте
 И семыкраты перелыте
 Огнемъ въ горныли,—слова
 Твои, о Господы такыи.

Роскынь же ихъ, гвои святыи,
 По всій земли!.. И чудесамъ
 Твоимъ увирують на свити
 Твои мали убоги диты!

15 Феврала 1859 року.

Радуйся, ныво непопытая!
 Радуйся, земле, неповытая
 Квитчастымъ злакомъ! Роспустысь,
 Рожевымъ крыномъ процвиты!...
 И процвитешъ, позеленіешъ,
 Мовъ Іордановы святыи
 Лугы, зелени берегы!
 И честь Кармылова, и слава
 Лыванова, а не лукава
 Тебе укрые дорогымъ
 Золототканымъ, хытро шытымъ,
 Добромъ та волею пидбитымъ,
 Святымъ омофоромъ своимъ,—
 И люде темныи незрячи
 Дыва Господніи побачать!

И спочынуть невольнычи
 Утомлены руки,
 И коліна одпочынуть,
 Кайданамы кути!
 Радуйтеся, вбогодухи,
 Не лякайтесь дыва:
 Се Богъ судыть, вызволяе

Довготорщелывыхъ —
 Васъ убогихъ — и воздае
 Злодіямъ за злая!

Тоди, якъ, Господы, святая
 На землю правда прылетыть
 Хочь на годыпочку спочыть —
 Незрячи прозрять, и кривыи,
 Мовъ сарна зъ гаю, помайнують,
 Нимымъ отверзутся уста,
 Прорвется слово, якъ вода,
 И дебръ-пустыня неполыта,
 Сцилющою водою вмыта,
 Прокынется; и потечуть
 Весели рики, а озера
 Кругомъ гаямы поростуть,
 Веселымъ птаствомъ оживуть.
 Оживуть степы, озера,
 И не верстовыи,
 А вольныи, шыроковыи,
 Скризь шляхы святыи
 Простелются; и не найдуть
 Шляхивъ тыхъ владыкы,
 А рабы тымы шляхамы,
 Безъ квалту и крыку,
 Позиходятся до-купы,
 Ради та весели,
 И пустыню опанують
 Веселыи села.

25 Марта 1859 року.

П И С Н Я.

Ф. И. Черненкоу.

(На память 22 Сентября 1859).

Ой по гори ромень цвите,
 Дольною козакъ иде
 Та у журбы пытається:
 Де та доля пышається?

Чы то въ пынкахъ зъ богачамы,
 Чы то въ степахъ зъ чумакамы,
 Чы то въ поли на роздолли
 Зъ витромъ вѣтся по воли?

Не тамъ, не тамъ, друже, брате!
 У дивчыны, въ чужій хати,
 У рушныку та въ хустыни
 Захована въ новій скрыни.

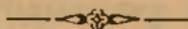
7 Юня, 1859 р.

Ой маю, маю я оченята—
 Никого, маты, та оглядаты!
 Никого, серденько, та оглядаты!

Ой маю, маю я рученята—
 Никого, матипко, та обниматы,
 Никого, серденько, та обниматы!

Ой маю, маю и поженята,—
 Та ни зъ кымъ, матинко, потанцюваты,
 Та ни зъ кымъ, серденько, потанцюваты!

10 Июня 1859 р. Г. Пыратынь.

С Е С Т Р И.

Мынаючы убоги села
 Понаддніпряньскы невесели,
 Я думавъ: де жъ я прыхылюсь
 И де подинуся на свити?
 И снытся сонъ мени: дивлюсь,
 Въ садочку, квітамы повыта,
 На прыгори соби стоить,
 Неначе дивчына, хатына.

Дніпро геть-геть соби розкынувсь,
 Сіае, батько, та горыты!
 Дивлюсь: у темному садочку,
 Пидъ вышнею, у холодочку
 Моя едыная сестра,
 Многострадальная, святая,
 Неначе въ рай спочывае,
 Та зъ-за шырокаго Дніпра
 Мене, небога, выглядае.
 И ій здається, вырынае
 Зъ-за хвыли човень, доплыва
 И въ хвыли човень порыва...
 — „Мій братику! Моя ты доле!“
 И мы прокынулыся: ты—
 На панщыни, а я—въ неволи!..

Отъ такъ намъ довелось йты
 Ще зъ малечку колючу пиву!
 Молюся, сестро! Будемъ живи,
 То Богъ поможе перейты.

20 Июля 1859 р. Г. Черкассы.

Колысь дурною головою
 Я думавъ: горенько зо мною!
 Якъ доведеться въ свити жыть,
 Людей и Госнода хвалыть?
 Въ багни колодою гнылою
 Валятысь, старитыся, гныть,
 Умерты—й слиду не покынуть
 На (обезславленній) земли!...
 О горе, горенько мени!
 И де я въ свити заховаюсь?
 Що-день Пылаты розпыпають,
 Морозять, шкваряють на огни!..

24 Июля 1859 р. Г. Черкассы.

Якъ бы то ты, Богдане пьяный,
 Теперь на Переясловъ глянувъ,
 Та на замчыще подывывсь—
 Упывся бь, здорово упывсь!

.

19 Августа 1859 р. Переяславъ.

Во Іудеи, во дни оны,
 Во время Ирода царя,
 Кругомъ Сіона й на Сіони
 Романські п'яни легіоны
 Паскудылысь. А у царя,
 У Ирода такы самого,
 И у порогу, й за порогомъ
 Стоялы лыкторы. А царь
 Лызавъ у лыктора халяву,
 Щобъ той ёму на те, на се,
 Хочъ пивъ-динарія позычывъ.
 А той кышенею трясе,
 Выймае гроши и не личыть,
 Неначе старцеви дае...
 И п'яный Иродъ знову п'е!
 Якъ ось не въ самимъ Назарети,
 А въ Выолеемському вѣртени
 Марія сына родыла
 И въ Выолеемъ зъ малымъ пишла...
 Бижыть почтарь изъ Выолеема
 И каже: „Царю! Такъ и такъ!
 Зиновать, кукиль, и будякъ
 Росте въ пшеници. Кляте племя
 Давыдове у насъ зійшло.
 Зотны, покы не пиднялось!“
 — „Такъ що-жъ?“ промовывъ Иродъ п'яный,
 „По всѣму царству постынать
 Малыхъ дитей; а то погани
 Намъ не дадутъ доцарювать“.
 Почтарь—невроку—бувъ пидпыллий,
 Одавъ Анатови прыказъ,

Щобъ тилько въ Вышелеми были
Малыхъ дитей.

Спасы ты насъ,
Младенче праведный, великый!

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

24 Октября 1895 г. С.-Петербургъ.

АНТОНІЮ СОВИ.

(Подражаніе польскому постоли.)

Посажу коло хатыны,
На спомынь дружыни,
И яблуньку, и грушечку
На спомынь едній!

Богъ дасть, выростуть. Дружына
Иидь древамы тымъ
Сяде соби въ холодочку
Зь диткамы малымы.
А я буду групи рваты,

Диткамъ подаваты...
Зъ дружною едыною
Тыхо розмовляты.

— Тоди, сердце, якъ бралыся,
Си древа садывъ я...
Щаслывы я!— „И я, друже,
Зъ тобою щаслыва!“

19 Ноября 1859 г., Петербургъ.

— ❖ — 1866. — ❖ —

Дивчя любе, чернобрыве
Несло зъ лёху пиво,
А я глянувъ, подывывся—
Та ажъ похылывся...
Кому воно пиво носыть?
Чому босе ходыть?
Боже сыльный? Твоя сыла
Та тоби жъ и шкодыть.

Ой диброво, темный гаю!
Тебе одягае
Трычи на рикъ... Багатого
Соби батька маешъ.
Разъ укрене тебе рясно
Зеленымъ покровомъ,—
Ажъ самъ соби дывуется
На свою диброву...
Надывывшысь на донешку
Любу, молодую,

Визьме ии та й огорпе
 Въ рызу золотую
 И сповые дорогою
 Билою габою
 Та й спать ляже, втомывшыся
 Турбою такою.

15 Стычня 1860 р. С.-Петербургь.

ПОДРАЖАНІЕ СЕРБСЬКОМУ.

Найихалы старосты,
 Й молодыкъ за нимы;
 Вони соби пишли въ хату
 Зъ батькомъ розмовляты;
 А я въ ёго, молодого,
 Въ того чорнобрывця,
 Беру коня, та й ничего...
 Веду до крынцы.
 Кинь утомлений, копыта
 Роскути, розбыти,
 Сиделечко мережане
 Зопсуйте, невкрыте.
 — Скажы, коню, до кого це
 Вы такъ нагло гналысь?—
 „До якоись чорнобрывкы
 Всю ничь майнувалы“.
 Чы ты коню жь, буденъ пыты

Зъ нашої крыныци?
 Чы буде та чорнобрывка
 Сей рикъ молодыця?

4 Мая 1860 р. С.-Петербургъ.

Л Ы К Е Р И.

(На память 5 Августа 1860 р.)

Моя ты любо! мій ты друже!
 Не ймутъ намъ виры безъ хреста,
 Не ймутъ намъ виры безъ пона!
 Рабы, невольныкы недужи!
 Збрешуть люде—
 Одурять! Не одурить Богъ:
 Карать и мыловать не буде;
 Мы не рабы ёго, мы—люде...
 Моя ты любо! усмихнись,
 И вольную святую душу
 И руку вольную, мій друже,
 Подай мени... то перейты
 И винъ поможе намъ калюжу,
 Поможетъ й лыхо донесты
 И поховать лыхе, дебеле,
 Въ хатыни тихій и веселій.

5 Августа 1860. Стрѣльня.

Надъ Днипровою сагою
 Стоить явирь мижь лозою,
 Мижь лозою зь ялыною,
 Зь червною калыною.

Днипро берегъ рые, рые,
 Яворови коринь мые;
 Стоить старый, похылвся,
 Мовъ козакъ той зажурывся,--

Що безъ доли, безъ родыны
 Та безъ вирной дружыны,
 Безъ дружыны и надіи
 Въ самотыни посывіе!

Явирь каже: „похылюся,
 Та въ Днипрови скупаюся.“
 Козакъ каже: „погуляю,
 Та люблюю пошукаю“.

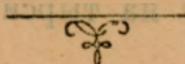
А калына зь ялыною
 Та гнучкою лозыною,
 Мовъ дивчаточка изъ гаю
 Выхожаючы спивають.—

Повбырани, заквитчани
 Та зь таланомъ заручени,
 Думкы, гадонькы не мають--
 Вьются, гнутся та спивають...

Рослы у-купочки; зрослы;
 Смятысь, гратысь пересталы..
 Неваче справди розійшлысь..
 Зійшлысь незабаромъ; побралмысь;
 И тихо, весело пройшлы,
 Душею, сердцемъ неповышны,
 Ажъ до самой домовыны..
 А мижъ людмы воны жылы!

Подай же й намъ, всещедрый Боже,
 Оттакъ цвисты, оттакъ росты,
 Такъ одружытыся и йты,—
 Не сварячысь въ тяжкій дорози
 На той свить тихый перейты.

5 Июня 1860. Петербургъ.

ПЛАЧЬ ЯРОСЛАВЦЫ

Въ Путывли гради въ-ранци рано
 Спивае-плаче Ярославна,
 Яка така зозуленька куде,
 Словамы жало додае.
 „Полечу, каже, зыгыцею,
 Тією чайкою-вдовыцею,
 Та по-надъ Дономъ полечу,
 Рукавъ бобровый омочу

Въ рици Каяли; и на тили,
 На княжимъ билимъ помарнилимъ
 Омью кровь суху,—отру
 Глыбокы, тяжкы рапы..“

И квылыть-плаче Ярославна
 Въ Путывли рано на валу:
 „Витрыло, витре мій едыный,
 Легкый, крылатый господине!
 На що на дужому крыли,
 На вои любви мои,
 На князя, ладо мое мыле,
 Ты хановы метаешъ стрилы?
 Не мало неба и земли
 И моря сынёго! На мори
 Гойдай насады-корабли!
 А ты, прелютый... горе, горе!
 Мое веселіе укравъ,
 Въ степу на тырси розибгавъ!“

Сумуе, квылыть-плаче рано
 Въ Путывли гради Ярославна,
 И каже: „Дужый и старый,
 Широкий Днепре, не малый!
 Пробывъ есы высоки скалы,
 Текучы въ землю Половчана;
 Носывъ-есы на байдакахъ,
 На Половчанъ, на Кобягъ
 Дружину тую Святославлю!
 О, мій словутыцю преславный!
 Мое ты ладо прынесы,
 Щобъ я постиль весела стлала,

У море слёзь не посылала—
 Слёзамы моря не долыть!“

И плаче, плаче Ярославна
 Въ Путывли на валу, на брами—
 Святее сонечко зійшло—
 И каже: „Сонце пресвятее!
 На землю радисть прынесло
 И людямъ, и земли,—моеи
 Тугы-мудьгы не розвело.
 Святой, огненный господине!
 Спалывъ-есы лугы, степы,
 Спалывъ и князя, и дружину,—
 Спалы мене на самоти!
 Або не грій и не свиты...
 Загынувъ—ладо я загыну!“

1 Гюня 1860 р. С.-Петербургъ.

Зъ передь-свита до вечора,
 А зъ вечора та до свита
 Летять стрилы каленыи,
 Брязчать шаблы о шеломы,
 Трещать спысы гартовани
 Въ степу, въ незнаемому поли
 Середы земли Половецькой.
 Земля чорна копытамы
 Поорана, порытая;
 Кистьмы земля засіяпа,
 А кровію полытая.

И журба-туга па тимъ поли
 Зійшла для руськой земли.

Що гомонить оттамъ, зычуть
 У досвита? То повертае
 Той Игорьъ вѣйсько на прыгоду
 Тому буй-туру Всеволоду.
 И былысь день,
 И другый былыся;
 Та коло полудня на третій
 Понькы Игоревы стязи.

Оттакъ на берези Каялы
 Браты ризнылысь, бо не стало
 Крови-выпа! Допырувалы
 Хоробри русычи той пырь—
 Свативъ упойилы
 И сами простяглыся
 За землю руськую. Хылылась
 И стлалась плачучы трава,
 Высоки гвулысь дерева,
 До-долу гнулыся, журылысь.

6 Юля 1860 р. С.-Петербургъ.

Въ Путывли гради вѣ-ранци рано
 Сумуе, плаче Ярославна:
 „Полечу, рече, зозулею
 По-надъ Дунаемъ, полечу!
 Рукавъ бебряный омочу
 Въ рици Каяли, и омыю

На княжому дебелимъ тили
Глыбокы на ладо раны“.—

И плаче, плаче Ярославна
Въ Шутывли городи, й рече:

„Витрыло-витре, господине!
На-що ты віешы, несешъ
На легкому крыли своему
Хаповськи стрилы?“

14 Сентября 1860 р. С.-Петербургъ.

.....
.....
Въ ночи и ожеледь, и мряка,
И снигъ, и холодъ... И Нева
Тыхесенько кудысь несла
Тоненьку крыгу по-пидъ мостомъ.
А я, ото-жь-такы въ ночи
Иду та кашляю йдучы.
Дывлюсь, неначе ти ягпята,
Идутъ задрипани дивчата,
А дидъ (сердешный инвалидъ)
За нымы гнется, шкандыбае,
Мовъ у кошару заганяе
Чужу худобу... Де-жь той свить!..
И де та правда?... Горѣ! горѣ!
Ненагѣдованныхъ и голыхъ
Дивчаточокъ, якъ ту отару,
Женуть!
Чы буде судъ и кара

Усимъ неправдамъ на земли?
 Чы буде правда мижъ людьмы?...
 Повынна быть!.. бо сонце стане
 И оскверненну землю спалыть.

• • • • •
 • • • • •
 • • • • •
 • • • • •

3 Нолбря 1860 р. Петербургъ.

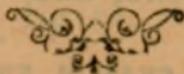

И. Я. МАКАРОВУ.

(На память 14 Сентября).

Барвинокъ цвивъ и зеленивъ,
 Стлався, розстылався,—
 Та недосвить передъ свитомъ
 Въ садочокъ украся.
 Потоптавъ весели квити,
 Побывъ, поморозывъ...
 Шкода того барвиночка
 Й недосвита шкода!

14 Сентября 1860. Петербургъ.

Л.

Поставлю хату и кимнату,
Садокъ-раёчокъ насажу;
Посыжу я и похожу
Въ свой маленькій благодати,
Та въ одыни-самотыни
Въ садочку буду спочываты...
Прыснутя диточки мени,
Веселая прыснутя маты,
Давне-колышній та ясный
Прыснутя сонъ мени... и ты!...
Ни, я не буду спочываты,
Бо й ты прыснышся! У малый
Раёчокъ мій, зъ пидтыха-тыха,
Пидкрадешся, наробышь лыха,—
Запалышь рай мій самотный.

24 Сечтября 1860 р. Петербургъ.

Не нарикаю я на Бога,
Не нарикаю ни на кого:
Я самъ себе, дурный, дурю.
Та ще й спиваючы... Орю
Свій перелигъ—убогу ныву,
Та сію слово: добри жишва
Колысь-то будуть!... И дурю
Себе такы, себе самого,
А бильше, бачытся, никого

Орыся жъ ты, моя ныво,
 Доломъ та горою,
 Та засійся, чорна ныво,
 Волею ясною!
 Орыся жъ ты, розверныся,
 Полемъ розстелыся,
 Та посійся добрымъ жытомъ,
 Долею полыйся!
 Розверныся жъ на вси боки,
 Ныво-десятыно!
 Та посійся не словамы,
 А розумомъ, ныво,
 Выйдуть люде жыто жаты...
 Веселыи жныва!..
 Розверныся-жъ, розстелыся-жъ,
 Убогая ныво!

Чы не дурю себе я знову
 Своимъ хымернымъ добрымъ словомъ?..
 Дурю! Бо лучше одурыть
 Себе такы, себе самого,
 Нижъ зъ ворогомъ по правди жыть
 И всеу парикать на Бога!

5 Октября 1860 Петербургъ.

Мынули лита молодми...
 Холоднымъ витромъ одъ надіи
 Уже повіяло... Зима!..
 Сыды одынь въ холодшій хати...
 Нема зъ кымъ тыхо розмовляты,

А ни порадытысь... Нема:
 А никогисинько нема!
 Сыды жъ одынъ, покы надія
 Одурить дурня, осміе...
 Морозомъ очи окуе,
 А думы гордіи розвіе,
 Якъ ту снижыну по степену...
 Сыды жъ одынъ-соби въ кутку,
 Не жды весны—святои доли!
 Вона не зійде вже николи
 Садочокъ твій позеленить,
 Твою надію оповыть
 И думу вольную на волно
 Не прыйде выпустыть... Сыды—
 И ничогисинько не жды!...

15 Октября 1860 р. Петербургъ.

Тытаривна-Немеривна
 Галтуе хустыну,
 Та колыше московщыня—
 Малую дытыну.
 Тытаривна-Немеривна
 Людмы гордувала...
 А москаля-пройдисвита
 Ныщечкомъ витала!
 Тытаривна-Немеривна
 Почестного роду...
 Выглядае пройдысвига
 Москаля зъ походу.

19 Октября 1860 р. С.-Петербургъ

И тутъ, и всюды—скризь пагано!...
 Душа убога встала рано,
 Напряла мало, та й лягла
 Одпочывать соби, небога.
 А воля душу стерегла...
 „Прокинься“, каже: „плачь, убога!
 Не зійде сонце!... тьма и тьма!
 И правды на земли нема!
 Ледача воля одурыла
 Маленьку душу: сонце йде
 И за собою день веде.

30 Октября 1860 р. Петербургъ.

Якъ бы зъ кымъ систы, хлиба зъисты,
 Промовыть слово,—то воно бъ,
 Хочъ и якъ небудь, на симъ свити,
 А все бъ такы якосъ жылось.
 Та—ба!.. нема зъ кымъ! Свить шырокий,
 Людей чымало на земли...
 А доведется одынокымъ
 Въ холодній хати кривобокій,
 Або пидъ тыномъ простягтысь!...
 Або... ни!.. Треба одружытысь,
 Хоча бъ на чортовій сестри!
 Бо доведется одуриты
 Въ самотыни... Пшениця, жыто
 На добримъ сіялось лану,

А люде такъ соби пожнуть
 И скажуть:— „десъ ёго убыто,
 Сердешного, на чужыни...“
 О горе, горенько мени!

4 Ноября 1860 р. Петербургъ.

И день иде, и ничь иде...
 И, голову схонывшы въ руки,
 Дывуешся—чому не йде
 Апостоль правды и науки?

5 Нюября 1860 р. Петербургъ.

Зійшлысь, побралысь, поєдналысь,
 Помолодили, пидрослы,
 Гаёкъ, садочокъ розвели
 Кругомъ хатыны, и пышалысь,
 Неначе князи. Диты гралысь,
 Рослы соби та выросталысь..
 Дивчатокъ москали украли,
 А хлопцивъ въ москали забрали,
 А мы пеначе розійшлысь,
 Неначе бралысь—не еднались.

5 Декабря 1860 р. Петербургъ.

Колысь то ще, во время оно,
 Помпылій Нума, римський царь
 Тыхенькый, кроткый государь,
 Втомывшысь, пышучы законы,
 Пишовъ любенько погулять
 И одпочыть, та спочывавшы,
 Додумать, якъ бы то скувать
 Кайданы на рымлянь. И взявши
 Гпучкый однолитокъ лозы,
 Каблучку заходывсь плесты,
 На шыю бь то. Колы погляне—
 У холодочку пидь платаномъ
 Дивчя заквитчане спыть...
 Друидамъ ничого робыть
 Передь такую красотою,
 Передь богынею такою!
 Сама Егеря въ гаю,
 Кленучы доленьку свою,
 Повисылась. А мудрый Нума
 И на дивчя, и на цвиты
 Дывуется соби и дума,
 Якый бы ретязь ще силесты?

Тече вода зь-пидь явора
 Яромъ на долину,
 Пышается надь водою
 Червона калына.
 Пышается калынонька,
 Яворъ молодіе,

А кругомъ ихъ верболозы
 И лозы зелениють.

Тече вода изъ-за гаю
 Та по-пидь горою,
 Хлюпошутся качаточки
 По-мижъ осокою.
 А качечка выплывае
 Зъ качуромъ за ными—
 Ловлять ряску, розмовляють
 Зъ дятками своими.

Тече вода край города,—
 Вода ставомъ стала
 Пришло дивчя воду браты:
 Брало, заспывало.
 Выйшли зъ хаты батько й мати
 Въ садокъ погуляты,
 Порадытысь, кого бь то имъ
 Своимъ зятемъ зваты.

Не журюся я, не спытсся
 Часомъ до пивночи—
 Усе свитять ти блыскучи
 Твои чорни очы.
 Мовъ говорятъ тыхесенько:
 „Хочь, небоже, раю?
 Винь у мене, туть, у серци“.
 А серця немае,
 И не було ёго николы,

Тильки шматокъ мьяса...
На що жъ хброще и нышно
Такъ ты розцвилася?
Не журюся, а не спытсся
Часомъ и до свита—
Усе думка пробывае,
Якъ бы такъ прожыты
Щобъ николы таки очы
Серця не вразылы.

(Воспом. Чужбинскаю, 1861. С.-ПБ.).

1861.

Чы не покынуть намъ, небого,
Моя сусидонько убога,
Вирши никчемни виршувать,
Та заходьтсья рештувать
Возы въ далекую дорогу?
На той свить, друже мій, до Бога
Почымчыкуемъ спочывать...
Втомылыся такы и пидтопталысь
И розуму такы набралысь,—
То й буде зъ насъ!—ходимо спать,
Ходимо въ хату спочывать...
Весела хата, щобъ ты знала!..

Ой не йдимо, не ходимо,
Рано, друже, рано;
Походимо, посыдымо—
На сей свить поглянемъ!
Поглянемо, моя доле..
Бачъ, який шырокий,
И шырокий та веселый,
Ясный та глыбокий!..

Походимо жъ, моя зоре!
 Зйдемо на гору—
 Спочынемо... А тымъ часомъ
 Твои сестры—зори
 Безвичныи, по-пидь небомъ
 Поплывуть, засяють...
 Пидождимо жъ, моя сестро,
 Дружно святая!
 Та нескверными устами
 Помолымось Богу,
 Та й рушымо тыхесецько
 Въ далеку дорогу...
 Надъ Летою бездонною
 Та каламутною
 Благословы мене, друже,
 Славою святою!.

А покы те, да се, да оне,
 Ходимо просто—навпростецъ
 До Ескулапа на ралець--
 Чы не одурить винъ Харона
 И Парку-прялку?.. И тоди,
 Покы бь хымерывъ мудрый дидь,
 Творылы бь скрызъ по-надъ землею—
 На все бь гекзаметры плелы,
 Та на горыще бь одпеслы
 Мышамъ на снаданя... А потимъ
 Спивалы бь прозу—та на нотахъ,
 А не якъ-небудь...

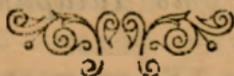
Друже мій,
 О, мій сопутныче святий!
 Покы огонь не захоловувъ,
 Ходимо лучче до Харона—

Черезъ Лету бездонную
 Та каламутную
 Переплывемъ, перенесемъ
 И славу святую,
 Безвичную, молодую...
 Або—цурь їй, друже!
 И безъ неи обїдуся—
 Та якъ буду здужать,
 То надъ самымъ Флегетопомъ,
 Або надъ Стыксомъ у раю,
 Неначе надъ Днипромъ шырокимъ,
 Въ гаю, предвичному гаю,
 Поставлю хаточку, садочокъ
 Кругомъ хатыны пасажу;
 Прылынешъ ты у холодочокъ,
 Тебе, мовъ кралю, посажу:
 Днипро, Украину згадаемъ,
 Весели селыща въ гаяхъ,
 Могылы-горы на степахъ—
 И веселенько заспиваемъ...

14—26 Февраля 1861 р. С.-Петербургъ

Стихы оци (мабуть—до Музы), здається, останнє поетичне слово нашого вичнопам'ятного Тараса. На подлиннику пидъ первую ёго половиною (писля стиха: Славою святою) стоить „14 Февраля;“ пидъ другою половиною дня не означено.

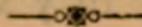
Прымич. ред. „Основы“.

НАЗАРЪ СТОДОЛЯ.

МАЛОРОССИЙСКАЯ ДІЯ.

(Невидомою року).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Хома Кычатый, сотникъ.

Галя, дочь его.

Стеха, молодая клюшница у Кычатаго.

Назаръ Стодоля, другъ его.

Гнать Карый, другъ его.

Хозяйка на вечерницахъ.

*Смѣлой кобзарь, жиды-музыканты, молодые козаки,
дѣвушки и сваты отъ Чигиринскаго полковника.*

Дѣйствіе происходитъ въ XVII-мъ столѣтіи, близь Чигирина, въ
козацкой слободѣ, въ ночь на Рождество Христово.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Вечерь. Внутренность свѣглицы, богато убранной коврами и бархатомъ. Въ сторонѣ столъ, покрытый дорогимъ ковромъ; кругомъ скамья подъ бархатомъ, окаймленная золотомъ. На столѣ стоятъ флаги, кубки и разныя кушанья; горятъ восковыя свѣчи. Стеха убираетъ столъ.

СТЕХА (*отходитъ отъ стола*). Усе! Здається, що все. Стривай лишень, чы не забула чого? Рыба, м'ясо, баранына, свыннына, ковбаса, вышивка, слыв'янка, медъ, венгерськее — усе, усе! Тутъ и йистывне и выпыты. Колю б' лишень гости. Та що вони такъ довго барятся? И надоумило жъ сидуосого у таке свято, колю добри люде тилькы колядують, сподиваться гостей, та й ще якихъ гостей! старостивъ одъ такого жъ старого дурня, якъ и самъ. Побачымо, що-то зъ того буде? Негрите зализо не зогнешь! А якъ-бы не крився та пораявся б' зо мною оттакъ тыжнивъ за два до святъ, то дзена уже була б' ричъ; а то схаменуся на самисипькый святъ-вечиръ, та й ластытся: „и сяка, й така, и добра, и розумна ты, Стехо, поможи! Я вже тоби и се, и те, и трете и десяте“. Побачымо, побачымо. якъ попадется нашому теляти вовка пійматы. (*Помолавъ*). Не сказавшы ни слова дочци, за кого и якъ хоче виддаты, думае що наша сестра — коза: поженешъ, куды схочешъ. Е ни! стривай лишень, голубчыку! „Ублагай ия“, каже. Та и що такы той поганый хорунжий? А полковныкъ, хочъ старый—нехай ёму добре снятся—такъ же пань! Оце б' то вона й стямылася! Иштому дзусь, а я— такъ визьмусь. Дивци дивку не довго збыть зъ пантелыку, а ще таку, якъ моя

панночка—и-и! Та вже жъ, якъ кажуть, піймавъ, не піймавъ, а погнаться можна. Тоди, якъ тее—то вже жъ и погуляю!.. А вона поплаче, посумуе, а дали й ничогисинько. Та й Назаръ такы не разъ спасыби скаже. (*Изъ боковыхъ дверей выходитъ Галя*).

Стеха. А що? якъ прыбрано?.. Тымъ бо й ба?

Галя. Що це ты, Стехо, робышь? Хиба у насъ сёгодня гости, чы що?

Стеха. Та ще й яки гости, якъ бы вы знали!

Галя. Яки жъ тамъ гости и видкиля?

Стеха. Угадайте.

Галя. Чы не зъ Чыгырына?.. Такъ?

Стеха. Изъ Чыгырына, та хто такый?

Галя. Яки-небудь старшыны?

Стеха. То-то бо й йе, що не старшыны, м...

Галя. Та хто жъ такый? Можс... та ни! сёгодня не такый день. А мени батиюшка учора и говорывъ щось таке.

Стеха. Говорывъ, та не дгговорывъ. А я знаю,—тыльки не скажу.

Галя (*обнимаю Стеху*). Стехо, голубочко, ластивко моя! скажы, не мучь мене.

Стеха. А що дасте? скажу...

Галя. Ще сережки, або перстень, або що хочешъ подарую, тыльки скажы.

Стеха. Ничого не треба; дайте тыльки свій байбаракъ надиты сёгодня на вечорныци.

Галя. Добре, надивай, та такъ, щобъ батиюшка часомъ не побачывъ.

Стеха. Оце ще! хиба жъ я справди дурна? Слухайте жъ. (*Въ полосу*). Сёгодня прыйдуть старосты.

Галя (*въ восторгъ*). Видь Назара! видь Назара!

Стеха. Та тамъ вже побачыте, видь кого.

Галя. Хиба жъ не видь Назара, Стехо? Що жъ де мене и справди лякаешъ?

Стеха. Я васъ не лякаю, я тильки такъ кажу.

Галя. Ни, ты щось знаешъ, та не хочешъ сказати.

Стеха (*лукаво*). Я ничего не знаю. Де мени, клюшныци, видаты про панськи дила?

Галя. Ты смієпся зъ мене! Я заплачу, їй-Богу, заплачу, и батюшци скажу.

Стеха. Що жъ вы скажете?

Галя. Що ты мене перелякала... Теперечкы я дамъ байбарака. А що, поживылась?

Стеха. Оце, яки бо вы боязьки! й повирылы!

Галя. Ну, що жъ? видь Назара?

Стеха. Та видь кого жъ бильшь? вже пакъ не видь старого Молочая, нашого полковныка.

Галя. Цуръ ёму, якый пехорошый! Якъ прийдє до насъ, то я заразъ изъ хаты втикаю. Мени навдывовыжу, якъ ще ёго козаки слухають. Тилько у ёго, паскудного, и мовы, що про налывку та про вареникы.

Стеха. А хиба жъ се й не добре?

Галя. Звисно! козаку, та ще й полковныку! Ось мій Назаръ, мій чорнобрывый, усе про вѣйну та про походы, про Налывайка, Острияницю, та про сыне море, про Татаръ, та про Турецьку землю. Страшно, страшно, а хороше, такъ що слуха-

ла бѣ не паслухалась ёго, та все дывылась бы въ ёго кари очи. Мало дня, мало ночи.

Стеха. Наслухаетесь, ще й налюбуетесь. Описля, може, и обрыдне.

Галля. О, крый Боже! До самой смерти, поки вмру, все дывылась бы та слухала ёго. Скажи мени, Стехо, чы ты любыла колы, чы обнимала колы козацькый станъ высокый, що... дрижать руки, мліс сердце? А колы цилуешь... що тоди? Якъ се, мабуть, любо! якъ се весело! (*Въ восторгъ поетъ и пляшетъ*).

Гой, гоя, гол!
Що зо мною, що л?
Полубыла козака—
Не маю покоя.

Я ёго боялась...
Що жъ описля сталося!
На вулицы повстричалась
Та й поцилувалась.

А маты узрила...
Яке тоби дило!
Виддавайте замижъ,
Колы надойила!

Стеха. Гарно, гарно! А одъ гого це вивчылись?

Галля. Та одъ тебе жъ. Хиба ты забула, якъ на вулицы, на тій недилы, танцювала? Тоди ще батюшкы не було дома... згадала?

С т е х а. Колы се? Оце ще выдумалы! (*Стучатся въ дверь*).

Г а л я (*торопливо*). Охъ, лышечко! хтось иде! (*убыиаеъ*).

С т е х а. Кто тамъ?

Х о м а (*за дверью*). Я, я! видчыйнай мерщій. (*Стеха отворяетъ дверь. Входитъ Хома, отряхиваясь*).

Х о м а. Що? не було? Оце жъ яка хуртовина!

С т е х а. Кого не було?

Х о м а. Кого? гостей!

С т е х а. Якихъ гостей? отъ пол...

Х о м а. Цсь!... еге жъ.

С т е х а. Ни, не було.

Х о м а. Гляды жъ, а ни телень!.. Отець Даныло, спасыби, розришывъ. Не забудь тилькы завтра въ-ранци послать ёму вышшивкы,—знаешъ?—тыеи, що недавно дольвалы. Нехай соби пье на здоровья. Та що се ихъ нема такъ довго? Чы не вякалысь, бува, заверюхы? А витерь, неначе, стыха.

С т е х а. Злякаются воны! дежъ пакъ! И въ горобыну ничъ прыйдутъ для такой панночки, якъ наша.

Х о м а. Звычайно, звычайно.

С т е х а. Ище пакъ такый старый...а панночка..

Х о м а. Сама ты стара сороко безхвоста!

С т е х а. Дывись! заразъ и розсердылысь. Хыба я на васъ?

Х о м а. Такъ що жъ що не па мене? Такъ на мого... пу... полковныка.

С т е х а. Е, бачъ що! А панночка? чы вы жъ зъ нею говорылы? що вона?

Х о м а. А що вона? ии дило такє: що звелять, те й робы. Воно ще молоде, дурне; а твое дило навчыть ии, врозумыть, що любовь и все такє прочее—дурныця, никчемне. Ты вже, думаю, розумиешъ?

С т е х а. Та се розумію, та зъ якого кинця початы, не знаю. Вона, бачыте, полюбыла Назара такъ, що й сказаты не можна. Ось и сёгодня мени говорыла. Молю, каже, Стехо, Бога, щобъ швидче я выйшла замижъ за Назара,—половину добра свого виддамъ!

Х о м а. А ты й повирыла!

С т е х а. А чому жъ и ни? вона така добренька.

Х о м а. Дурна ты, дурна! А якъ же я самъ тобі все добро виддамъ, тоди що буде? га? Що ты думасшь? (*Ласкаетъ ее*). То-то бо йе, дурочка ты, безсережна!

С т е х а. Що мени робыть, колы я дурочка?

Х о м а. А то, що велять. Чуешъ? усе, що въ мене йе—твое.

С т е х а. Не треба мени вашого добра; я и безъ него була бъ щаслыва, якъ бы вы не забулы бидной Стехы и тоди, колы зробытесь велькымъ паномъ. Я васъ такъ вирно люблю, такъ вбываюсь за вами, а вы... (*притворно груститъ*).

Х о м а. Отъ же и нагадалы кози смерти! Зновъ свое. Сказавъ, такъ и зроблю.

С т е х а. Чы мало що люде обицають, колы имъ прыпаде нужда.

Х о м а. Годи не знать що базикать. Ииды лышень до Гали та поговоры зъ нею хорошенько по своему, и колы тее... то завтра и мижъ нами онее.

С т е х а. Казавъ панъ кожухъ дамъ, та й слово ёго тепле И я тилькы грихъ на душу визьму.

Х о м а. Який тутъ грихъ? Дурныця все те!

С т е х а. Забожиться, що женытесь, тоди ій-Богу все зроблю! А безъ мене, кажу вамъ, ничего не буде, ій-Богу!

Х о м а. Отъ же ій-Богу, далеби!

С т е х а. Женытесь?

Х о м а. Еге!

С т е х а. На мени?

Х о м а. Якъ коржа, такъ коржа!—Якъ спечемо, такъ и дамо. Уже ты мени въ печинкахъ сыдышь зъ своими вытребеньками.

С т е х а. Яки тутъ вытребеньки?

Х о м а. Ну, добре, добре! тилькы слухай. Треба дило скомпонуваты такъ, щобъ вона не знала, видь кого старосты; а то—чого доброго—усе пиде шкереберть.

С т е х а. Та вже мени не вчытсья, якъ диломъ повернуть. Наговорю такого дыва мой панночци, що твій кобзарь. Старый, скажу, чоловикъ, якъ подумаешъ, усимъ, усимъ лучше видь молодого. Молодой.. та що й казаты? никуды не годытсья, а до того ще докучлывыи та ревнывыи, а старый тыхый, тихый и покирныи.

Х о м а. Такъ, такъ! О, ты дивка розумна! Иды жъ до Гали, да гляды, гарненько побалакай зъ нею.

С т е х а. А потимъ, чы можно мени буде пыты на вечорныци? Я вже зовсимъ упоралась. Пустить, будьте ласкави, хочъ въ послидній разочокъ.

Х о м а. У тебе тилькы й на думцы, ще вечерницы. О, вже мени та Мотовылыха!

С т е х а. Мотовылыха? Чы не казала вамъ вона, стара паялюга, чого? Що жъ, що я зъ козакамы танцюю? А якъ вы жартуете зъ молодыцями, такъ я й ничего!

Х о м а. Иды жъ, иды, та покличъ мени Галю, а затымъ сама полагодь рушныкы.

С т е х а. Та вже усе на поготови. *(Уходитъ)*.

Х о м а. Злыгався я зъ дїяволомъ. *(Оглядывается)*. Що жъ? не можно безъ цѣго. У такому дили якъ не верты, треба або чорта, або жинкы. *(Немного помолчавъ)*. Чого доброго! ще, може, й мене обдурить, тоди и остався на выкы вични въ дурняхъ. Та ни, лыха матери! Абы бъ тилькы ты мени своимы хытроцамы помогла породныться зъ полковныкомъ, а тамъ уже що буде—побачымо. Ишь ты, мужычка! куды кырцу гие! Стривай! *(Продолжительное молчаніе)*. Думай соби, голубко, да гадай, що... а воно зовсимъ не такъ буде. Закынь тилькы удочку, сама рыбка пиде. Шуткы:—тесть полковныка!.. А ще дали—се наше дило. Абы бъ черезъ поригъ, то мы й за поригъ глянемъ. У якихъ-небудь Черкасахъ, а може у самому Чыгырыни, гулай соби зъ полковнычою булавою! и слава, и почоть, и червинци до себе гарбай: все твое. А пуще всёго червинцы. Ихъ люде по духу чують; хочъ не показуй, все кланятымутся... Ха-ха-ха! отъ тоби й сотныкъ! Ще въ Братськимъ сердце мое чуло, що зъ мене буде великый панъ. Було говорю одно, а роблю друге; за се называлы мене двулычнымъ. Дурни, дурни! Хыба жъ якъ говорымъ про

огонь, такъ и лизты въ огонь? або якъ про чорнобрыву сыроту, такъ и женыться на й? Брехня! видь огня подальшъ. Женысь не на чорныхъ бровахъ, не на карыхъ очахъ, а на хуторахъ и млынахъ, такъ и будешь чоловікомъ, а не дурнемъ. (*Входитъ Галя*).

Г а л я (*весело*). Добры-вечиръ, батюшка! Де це вы такъ довго барылись? Вы мене кыкалы, чы що?

Х о м а. Та кыкавъ, кыкавъ. (*Осматриваетъ ее*). Ще ты не вси стричкы почипляла? Та нехай! покы буде й сихъ. Послухай. Мени треба поговори ты зъ тобою объ важнимъ дили. Ты знаешь, мы сёгодня старостивъ сподиваемось?

Г а л я. Сёгодня! на первый день празника, — на самисиньке Риздво?

Х о м а. Такъ що жъ? Отець Даныло, спасыби, розришывъ. Гляды жъ, не пиднесы гарбуза.

Г а л я. Якъ се можна! Хиба винъ дуже старый, чы що? Ось послушайте, якои нисенитныци наговорыла мени Стеха. Смихъ та й годи!

Х о м а. А що вона тоби наговорила?

Г а л я. Каже, будимъ-то стари... та ни, не скажу, длеои, не скажу, бо ка-зда-що! Вона й сама не знае, що говорить.

Х о м а. Хиба жъ не правда? Старый чоловікъ краще молодого.

Г а л я. Та й вона те жъ казала.

Х о м а. А тоби якъ здагесья?

Г а л я. Якъ такы можна? то старый, а то молодой!

Х о м а. Такъ по твоему молодой краще?

Г а л я. Ото жъ пакъ!

Х о м а. Помиркуй лишень гарненько, такъ и побачышь, що батькова правда, а не твоя. Ну що, молодой? Хиба те, що чорни усы? та й тильки жъ. Не викъ тобі нымъ любоваться: прыйде пора— треба подуматы объ чимъ и другимъ. Може, колы захочется почоту, поваження, поклонивъ. Кому жъ се звычайнйше? полковници... се я такъ примиромъ говорю... а не якій-небудь жинци хорунжого; бо у ёго тильки й худобы, тильки й добра, що чорный усъ. Повирь мени, дочко, на тебе ниhto и дывыться не захоче.

Г а л я. Та я й не хочу, щобъ на мене други дывылысь.

Х о м а. Не знать що верзешъ ты! Хиба ты думаешъ, що не обрыдне цилисинькый викъ дывыться на тебе одну? Хиба ты одна на Божимъ свити? Йе й кращи тебе. Того и гляды, що розлюбыть.

Г а л я. Назарь? мене? О ни! ни, николы на свити!

Х о м а. Я й не кажу, що воно справди такъ буде, а такъ, напрыкладъ,—щобъ ты тямла, що мы вси на одынъ штальт шыти.

Г а л я. О, ни! не вси! винъ не такый, винъ не розлюбыть.

Х о м а. А що жъ? хиба винъ тобі побожывся?

Г а л я. А то жъ?

Х о м а. А ты й повирыла!

Г а л я. Я и безъ божбы повирыла бъ.

Х о м а. Дурне ты, дурне! Чы знаешъ же ты, що хто багацько обищае, той ничого не дае? Ой, схаменысь, та послухай батьковського совиту. До-

бре, що я вже такый—що обіщавъ, те й зроблю. Ну, не дай я тобі приданого,—що тоди, га? Пожалуй, винъ и такъ тебе визьме: мало якихъ дурнивъ нема на свити! та що жъ въ тимъ? Подумай, що тоди ты робытимешъ?

Г а л я. Те, що и вси роблять—заробляла бь.

Х о м а. А що лучче: чы самій робыты, чы дивытыся, якъ други на тебе роблять?

Г а л я. Якъ кому.

Х о м а. То-то и горе, що ты ще дурне. Я тобі бь и багацько де-чого сказавъ, та николи: того й гляды, що старосты на поригъ. А чы есть у тебе рушныкы?

Г а л я (*весело*). Йе, йе! Якъ я рада! въ мене серце не на мисти! Чы й вамъ такъ весело?

Х о м а. Весело, дуже весело. Иды жъ та не забудь сказаты, що колы прыйдуть колядуваты, такъ щобъ гнали ихъ у потылицю.

Г а л я. За що жъ? Се жъ дило законне! та вопо жъ и разъ тилькы въ году!

Х о м а. А старосты разъ на вику.

Г а л я. Справди, щобъ не помишались.. Ще й законной речи не дадутъ сновныть. Такъ побижу жъ я и скажу, щобъ заперлы ворота и хвиртку. (*Уходить*).

Х о м а. (*ходить задумавшись*). Здається, дило добре йде. Вона думатыме, що Назарь свата, зь дуру и согласытся; старосты не промовлятыся; весилля можна одкынуты ажъ геть до того тыжня; а черезъ таку годыну и нашого брата, мужыка, угомонышь, щобъ не брыкався, не то що дивку. Колы бь тилькы якый гаспыдъ не прынись того

горобця безперого! тоди пышы пропало. Наробить бешкету! *(сз важностію)*. А подумашъ и те: яке ёму дило до Гали? Се жъ моя дытыпа, мое добро, слидовательно моя власть, моя и сила падъ нею. Я отецъ, я царь іц. Та цуръ ёму, цекъ! Се дило ще не таке, щобъ объ ёму довго думаты. Не дуже треба плошаты, бо бережепого Богъ береже, або— якъ тамъ ще кажуть—ривнійшъ згладышъ, тиснійшъ ляжешъ.

Г а л я *(вбѣгаетъ въ восторгъ)*. Прийихалы, прийихалы!

Х о м а *(вздогнувъ)*. Оце жъ, якъ ты мене злякала! Пиды у свою кимпату та прийдешъ, якъ клыкву.

Г а л я. Чого у кимпату? Я тутъ останусь, никто не побачыть.

Х о м а. Незвычайно: законъ не вельть.

Г а л я. Ну, такъ я пиду. *(Уходитъ)*.

(Хома сз важностію садится за столъ. За дверью стучатъ три раза. Входятъ два свата сз хлѣбомъ и, низко кланяясь хозяину, кладутъ хлѣбъ на столъ).

С в а т ы. Дай, Боже, вечеръ добрый, вельможный пане!

Х о м а. Добры-вечиръ и вамъ. *(Даетъ знакъ свату. Тотъ кланяется. Хома шепчетъ ему на ухо и потомъ продолжаетъ)*. Добры-вечиръ, люде добри! Просымо сидаты; будьте гостямы. А видкыля се васъ Богъ несе? Чы здалека, чы зблызка? Може, вы охотныки яки? може рыбалкы, або, може, вольныи козаки?

С в а т ь (тихо покашливаетъ). И рыбалки, и вольныи козаки. Мы люде нѣмецкыи, идемо зъ земли турецкой. Разъ дома у нашій земли выпала пороша. Я й кажу товаришу: „Що намъ дывыться на погоду? ходимъ лышень шукаты звірыного слиду“. Отъ и пишылы. Ходылы, ходылы, ничего не знайшылы. Ажъ гулькь—назустрічь намъ иде князь, пиднима у-гору плечы и говорыть намъ такыи речы: „Ей вы, охотныкы, ловци, молодци! будьте ласкави, покажить дружбу. Трапылась мени куныця—красна дывыця: не йимъ, не пью и не сплю видъ того часу, а все думаю, якъ бы їи достаты. Поможить мени їи пійматы; тоди чого душа ваша забажа, усе просите, усе дамъ: хочъ десять городивъ, або трыдевять кладивъ, або чого хочете“. Ну, намъ того й треба. Пишылы мы по слидамъ по всимъ городамъ, по усихъ усюдахъ и у Нѣмецыну, и у Турецыну; вси царства й государства пройшылы, а все куныци не знайшылы. Отъ мы и кажемо князю: „Що за дыво та звірюка? хѣба де кращои нема? Ходимъ другой шукаты“. Такъ де тоби! Нашъ князь и слухаты не хоче. „Де вже“, каже, „я не зъиздывъ, въ якыхъ государствахъ не бувавъ, а такой куныци, сирьчъ красной дывыци, не выдавъ“. Пишылы мы впъять по слиду, и якъ разъ у се село зайшылы, якъ ёго дражняты, не знаемо. Тутъ впъять выпала пороша. Мы, ловци-молодци, ну слидыть, ну ходыть; сёгодня въ-ранци встали и такы на слидъ напали. Певно, що звірь нашъ пишовъ у двиръ вашъ, а зъ двору въ хату та й сивъ у кимнату; тутъ и мусымо пійматы, тутъ застряла наша куныця, въ вашій хати красная дывыця. Оце жъ

нашому слову кинецъ, а вы дайте дилу винецъ. Проби, отдайте нашему князю куныцю, вашу красну дивыцю. Кажить же дипломъ, чы оддасте, чы нехай ще пидросте?

Х о м а (*притворно съ сердцемъ*). Що за напастъ така! Видкиля се вы биду таку наклыкаете? Галю? чы чуетшь? Галю! порай же, будь ласкава, що мени робыты зъ оцимы ловцями-молодцями.

(Гая выходитъ на средину свѣтлицы, останавливается и, стыдливо потупивъ глаза, перебираетъ пальцами передникъ).

Х о м а. Бачыте вы, ловци-молодци, чого вы натворылы: мене старого зъ дочкою прыстыдылы!.. Гай-гай! такъ ось же що мы зробымо: хлѣбъ свѣтый прыймаемо, доброго слова не цураемся, а за те щобъ вы насъ не лякалы, будимъ мы передержуемо куныцю, або красну дивыцю, васъ повязежемо. Прыйшовъ и нашъ чередъ до ладу слово прыкладать. Ну, годн жъ тоби, дочко, посупывшысь стояты; чы нема въ тебе чымъ сихъ ловцивъ-молодцивъ повязаты? чуетшь бо, Галю? А, може, рушныкивъ нема? може, ничого не прыдбала! Не вмила прѣсты, не вмила шыты—въязы жъ чымъ знаешъ,—хочъ мотузкомъ, колы ще й винъ йе.

(Гая уходитъ въ свою свѣтлицу и немедленно возвращается, неся на серебряномъ блюдѣ два вышитыя полотенца, и кладетъ на хлѣбъ, принесенный сватами: потомъ подходитъ къ отцу и низко кланяется и цѣлуетъ руку; потомъ беретъ блюдо съ полотенцами и подноситъ сватамъ—сперва одному, потомъ другому. Сваты, взявши полотенца, кланяются Хомъ).

С в а т ь. Спасыби жъ батькови, що свою дытну рано будывъ и усякому добру учывъ. Спасыби й тоби, дивко, що рано вставала, тонку пряжу прила, прыдане прыдбала.

(Гая беретъ полотенца и перевязываетъ черезъ плечо одному и другому, потомъ отходитъ и робко поглядываетъ на двери).

Х о м а (къ Галю). Догадався, догадався! Ты хочешъ и князя завъязаты. Нехай завтра обое его завъяжемо. Бачъ, мабуть, злякався, що не показався. Стривай, попадешся, не втечешъ!

С в а т ь. Винъ и самъ прылетыть, якъ зачуетъ що такъ похваляється.

Х о м а. Ну, покы вже долетыть, вамъ ничого ждаты. Просымо сидаты. Що тамъ йе, пойймо; що дадутъ, пошьемо та побалакаемъ де-що. А тимъ часомъ, ты, Гая, не гуляй, въ корци меду нальвай та гостямъ пиднесы хлиба-солы, просы зъ прыветомъ и зъ ласкою.

(Сваты чинно садятся за столъ. Гая принимаетъ отъ отца чару и флягу и подноситъ старшему свату. Сватъ не принимаетъ).

С в а т ь. Мы вамъ такои халешы натворылы, що боимося, щобъ вы насъ не потруиы... Прызвольтесь самы. *(Кланяется).*

(Гая, посматривая на отца робко и стыдливо, подноситъ къ губамъ и подаетъ свату).

С в а т ь *(поднявъ чару).* Тепера такъ! Пошлы жъ, Боже, нашимъ молодымъ щастя и багачества, и доброго здоровья, щобъ и внукамъ жепыты и правнукивъ диждаты...

(Свата прерываетъ хоръ колядниковъ подъ окномъ. Всѣ слушаютъ со вниманіемъ. Хома съ досадою покручиваетъ усы; Галя весело поглядываетъ на окно. Свата, въ продолженіе колядки, повторяетъ).
 „Гарно колядуютъ наши козаки!“

КОЛЯДКА.

Бачыть же Богъ, бачыть Творецъ,
 Що мырѣ погыбае,
 Архангола Гаврыила
 Въ Назаретъ посилае!
 Благовистывъ въ Назарети—
 Стала слава у вертепи.
 О, прекрасный Выхлеме!
 Огверзы врата Едема.

Хома къ Галь, съ сердцемъ). Я жъ гоби наказувавъ, щобъ никого не пускалы! Задумалась, забула!

(Входитъ Назаръ съ молодыми козаками).

НАЗАРЪ. Дай, Боже, вечиръ добрый! помагай-би вамъ на все добре!

Всѣ козаки повторяютъ тоже. Назаръ, не снимая шапки, въ ужасъ останавливается; поглядываетъ то на гостей, то на Галю. Всѣ молчатъ).

ХОМА *(смѣшавшись)* Спасыби, спасыби.. Мылосты просымо. Просымо сидаты.

(Молчаніе продолжается. Галя, улыбаясь, украдкой поглядываетъ на Назара).

НАЗАРЪ. Сядемо, сядемо, абы було де: мы гости непрохани. Може, помишалы; дакъ мы и

пидемо, видкиля прыйшли. (*Смотритъ на сватовъ*). Такъ бачь, черезъ що полковникъ пославъ мене зъ граматамы въ Гуляй-Поле! (*Глядя на Галю*). Весело, весело! наливай швидче горилкы, и я выпью за твое здоровья! Не лякайся, не лякайся, наливай.

(*Галя въ ужасъ ронлетъ подносъ и флгу*).

Хома (*въ бѣшенствѣ*). Кто сміе згнуцаться надъ моею дочкою?

Назарь. Я! хиба не бачышь? Я, Назарь Стодоля! той самый, за кого ты вчора обещавъ выдать дочку свою, той самый, якого ты знавъ ще зъ твоей поры, якъ винъ тебе вырвавъ изъ-пидъ ножа гайдамакы! Згадай и ще: я той самый, хто й самому гетьману не дасть себе на посмихъ! Пизнавъ?

Хома. Пизнавъ. (*Равнодушно*). Що дальшь?

Галя. Хиба жъ не ты прыславъ?

Хома. Мовчы! геть соби!

Назарь (*останавливаетъ Галю*). Стривай, стій тутъ! И тебе обманюють?

Хома. Не обманюю, а такъ, якъ батько, велю. Вона просватана за чыгырынскаго полковника.

Назарь (*съ прѣзрѣніемъ*). Полковника! Учора була моя, сѣгодня полковника, а завтра чья буде? Чуешь, Галю?

Галя (*падая на руки Назара*). Чую! О, чомъ мени не позакладало!

Сватъ. Осмилююсь доложить...

Назарь. Мовчы, поганецъ, шпютынныку!

Хома. Виддай мени дочку мою. (*Робко подходитъ къ Назару*).

Назарь. Геть, Юда!

Х о м а (*въ ужасъ*). Прохоръ, Максимъ, Иванъ, Стехо! Гей, хто тамъ йе? Возьмитъ ёго, харцызяку—винъ убье мене!

Н а з а р ь. Нехай Богъ тебе побье, дитопродавецъ! (*Къ Галю*). Галю! сердце мое! промовъ мени хоть одно слово: ты не знала—за кого? Скажы: не знала?

Г а л я (*приходитъ въ себя*). Не знала, й-Богу, не знала!

Н а з а р ь (*къ Хомъ*). Чы чуешъ ты?

Х о м а. Не чую; я оглухъ!

Н а з а р ь (*къ гостямъ*). Люде добри! колы вы не оглухлы, такъ послушайте. Винъ мене называвъ своимъ сыномъ, а я ёго своимъ батькомъ, и винъ се чувъ тоди, а сёгодня оглухъ. Де жъ ёго правда? Чы чесный же винъ чоловікъ? правдывый, га?

(*Гости молчатъ*).

Г н а т ь (*подходитъ къ Назару*). Винъ не чоловікъ. Кынь ёго; таке ледащо не стоить путнёго слова! (*Беретъ его за руку*).

Н а з а р ь. Стривай! ни, винъ чоловікъ, винъ называвъ мене сыномъ. (*Къ Хомъ*). Правда?

Х о м а. Не тоби вчыты, якъ мени кого называты. Я ии батько, а не твій: такъ у мойй воли оддать ии, за кого схочу.

Н а з а р ь. А якъ же вона не захоче, тоди що?

Х о м а. Я заставляю.

Н а з а р ь. Чы можна жъ кого заставитьъ утопыться або повисыться? Хыба ты Богъ, що маешъ силу чудеса творыть? Хыба ты дїяволь, колы ты не маешъ жалю до ридной своей дытныны? Чы бачышь, у неи йе сердце, и ты замистъ ёго кладешъ

каминюку. Слухай: и ты жъ колысь бувъ молодымъ, и ты жъ мавъ колы-небудь радисть и горе. Скажи, що чуло, що казало твое сердце, колы тобою кепкували?

Х о м а. Го-во-ры!..

Н а з а р ь (*въ изступленіи*). Такъ ты глузуешь надо мною! Хыба я не стоичу тебе, якъ жабу? Брехунь! (*Быстро подходитъ къ нему и хватаетъ его за горло*).

Г а л я (*схвативъ руку Назара*). Що ты робышь? Убий мене, на, рижь!

(*Назаръ молча опускаетъ руки*).

Х о м а (*подбѣгаетъ къ сватамъ*). Вы бачылы? хотивъ мене задушыты!

(*Сваты молчатъ*).

Г н а т ь (*къ Назару*). Мы не такъ расплатымся, инымъ часомъ. Ходимъ зъ сѣго базару.

Н а з а р ь. Не пиду! мене видсиль ноги не вынесуть.

Г н а т ь. Ну, такъ торгуйсь. Може, дешевше уступлять.

Г а л я. Боже мій, Боже мій, вопы згнуцаютс. надо мною!

Х о м а. Не згнуцаются, а торгуются.

Г н а т ь. Годи, брате; ходимъ: мы опизнылись.

Н а з а р ь. Стривай, не опизнылись. (*Подходитъ къ Хомъ*). Просты мене, я сгарячу забувся. Ты добрый чоловікъ. Просты, або зарижь мене, тилькы не кажы, що вона не моя, не кажы! Дывысь: я гетьману николы не кланявсь. (*Падаетъ на колѣни*). Для спасенія своеи души, колы у тебо у

серци йе Богъ, для угоды всихъ святыхъ, колы ты вируешь у кого, для спасенія твоеи дытны, колы вона тоби мыла, зглянься на мене! Нехай старосты зъ своимъ хлибомъ йдутъ до-дому. Хрыстомъ Богомъ молю, не занасты ии, биднои! Кращои ии нема; за що ты хочешъ ии убыты? На голову мою! Возьмы ии, розбый обухомъ, — не треба мени ии: тилькы дай дочди свой ще пожыты на свити, не зайидай ии вику, вона не выновата!

(Хома дрожа поспатриваетъ на гостей).

Гнатъ *(быстро подбѣгаетъ къ Назару)*. Кого ты просышь? кому кланяешся? передъ кымъ падаешъ? Я на тебе писля сѣго й дывыться не хочу; прощай!.. Кланяется дѣволу! Винъ тебе кипѣячою смолою напоить! *(Хочетъ идти)*.

(Назаръ удерживаетъ его).

Галя *(обнимая ноги отца)*. Вы покойнѣй матери, якъ вона умирала, билия домовыны обѣщали мене выдать за Назара. Що жъ вы робыте? чимъ я васъ прогнивила? за що мене хочете убыть? Хыба жъ я не дочка ваша? *(Заливается слезами)*.

Назаръ. Каминь! зализо! ты огню хочешъ! Буде огонь, буде! для тебе все пекло вызову... ты жды мене. *(Галь)* Бидна, бидна! въ тебе нема батька, въ тебе кать есть, а не батько! Бидненко, серденько мое, пташечко моя безпрютна! *(Цѣлуетъ ее)*. А я ще биднѣйшый тебе: у мене й ката нема, никому и заризаты! Прощай, мое сердце, прощай! не забарымось побачыться, *(Галя безмолвно падаетъ на руки Назара. Онъ цѣлуетъ; Хома силится вырвать ее. Назаръ отталкиваетъ его и снова цѣлуетъ Галю)*.

Назаръ (къ сватамъ). Розскажить полковнику, що бачылы и що чулы. Скажить, що ёго молодз пры вашыхъ очахъ цилувалась зо мною. (*Галля обнимаеъ его и цълуетъ*). Бачыте, бачыте! Прощай же, мое сердце, моя голубочко! (*цълуетъ ее*). Я знаю, що мени робыть. Я знайду правду. Прощай! вернусь, сподивайся!

(*Галля падаеъ безъ чувствъ. Назаръ, закрывъ лицо руками, удаляеъся. Гнатъ и козаки за нимъ Хома и сваты подбѣгаютъ къ Галль*).

АКТЪ ВТОРОЙ.

Внутренность простой хаты, опратно убранной. На столѣ горять свѣчи. Хозяйка прибираеъ около печки.

Х о з я й к а. Господы, Господы! якъ подумаешъ колы ще мы дивувалы, зачуетъ де-небудъ вечерницы, такъ ажъ тыны трещать; а теперь... отъ скоро и трети пивни заспивають, а вечерницы ще й не зачыналысь. Нехай воно хочъ и свято, зви-сно—колядують, а все-таки часъ бы. Ни, що не кажы, а свить переминывся. Хоть бы и Запорожци... ну, яки вони Запорожци? Тьфу на ихъ хысть та й годи! Чы таки булы по-переду? Якъ валетять було зъ своей Сичи, такъ що твои орлы-соколы! Було якъ схопыть тебе котрый, такъ до земли не допустыть, такъ и носыть... Ой-ой-ой! куды то все дивалось?..

(Покачавши грустно головою, поетъ)

Зоря зъ мисяцемъ надъ долиною
 Повстричалася;
 Дождыдалася до билои зори,
 Не диждалася;
 Я до-дому прыйшла, гирко плакала,
 Не молылася,—
 Нерозумная, неутишная
 Положылася,
 Ой не спала жъ я, все верзлась мени
 Ничка темная,
 И вышневы садъ, очи карыи,
 Бровы чорныи.
 На зори, зори я прочнулася
 И сказала такъ:
 За Дунай-рику чорнобрывый твій
 На гнидимъ кони
 Полетивъ орломъ!.. Я все плакала,
 Все сміялася.
 И до-дому козаки зъ-за Дунай рики
 Заверталыся.
 Не вернувся мій... молоди лита
 За що трачу я?
 Зоря зъ мисяцемъ повстричалася—
 И заплачу я.

Точнисиныко моя доля! Неначе сю писню про мене зложылы. Де мои молоди лита? и слиду вема, мовъ поверхъ воды поплылы. (*Помомавъ*). Що жъ се справди никто не йде? А вже мени ся навижена Стеха! пишла за дивкамы, та десь и застряла зъ

козаками. Извела жъ ихъ нечыста маты до-купы! Нехай бы сей Кычатый бувъ парубокъ, а то жъ уже старый чоловикъ... Ну, взявъ бы винъ соби въ клюшныци не молоду, а розумну, вирну, дотепну до всякого дила та стареньку! а то.. якъ та дзы-кга, такъ и снуе. Якъ-то винъ дочку свою ще пры-строить? Бачъ, у полковныци лизе! Чы довго жъ то вона буде любоватыся ёго лысыною замість ясного місяця? Охъ, охъ! стари, стари! сыдять бы вамъ тилько на печи та жувать калачи; такъ ни, давай имъ жинку, та ще молоду. Якъ же бакъ, чы не такъ!.. Отъ Стодоля—молодець! я ёго знаю, виць протопче стежку черезъ полковнычый садокъ. Та й дурный бы бувъ, колыбъ не протоптавъ. Про себе скажу, що... тее... хтось иде!.. Заразь, заразь? На-сылу! (*Отворяетъ дверь*).

(Входятъ Назаръ и Гнатъ).

Хозяйка. Святъ, святъ, святъ! Видкиля се, якою дорогою, якимъ витромъ, якимъ шляхомъ занесло васъ у мою хату?

Гнатъ. Не пытайся, голубко, стара будешъ, хочъ се, признаться, и не прыстало твой щци. Чого же ты такъ насунулась?

Хозяйка. Сидайте, будьте ласкави, сидайте!

Гнатъ. Ну, годи жъ, не сердься. Мало чого зъ языка не сплыве! Не все треба переймать, що поверхъ воды плыве. У тебе сёгодня вечорныци?

Хозяйка. Хыба жъ наши вечорныци для васъ? Вы такъ тилько прыйшлы—посміяться.

Гнатъ. Такъ-такы и посміємося, колы буде весело.

Хозяйка (глядя на Назара). Буде весело та не всимъ.

Гнатъ. Ну, се вже описля побачымо. А колы—ке намъ чого-небудь такого, для чого чарки роблять, та й зубамъ пошукай работы. Проклятый скряга и повечеряты не давъ. Ну, чого жъ ты ротъ роззявила? Мерщій!

Хозяйка. Заразъ. (Отходя). Бидненькый Назаръ! (Достаеъ съ полки флягу съ виномъ и закуску и ставитъ на столъ).

(Назаръ печально смотритъ на Гната).

Гнатъ (къ хозяйкѣ). Теперъ же знаешъ що? визьмы митлу та мети, выясны хорошенько мисляць: бачъ якъ насупыло! А мы тымъ часомъ побалакаемъ, що треба.

Хозяйка. Що се, Богъ зъ вами! хыба я видьма?

Гнатъ. Я такъ, навманя сказавъ. Заткны пальци въ уха. Чы второпала?

Хозяйка. А!.. вы хочете нышкомъ побалакаты. Добре, я пиду по Стеху. (Надъваетъ свиту и уходитъ).

Гнатъ (посмотрѣвъ ей въ слѣдъ). Пишла. Ну що жъ дывышся на мене, мовъ не пизнаешъ?

Назаръ. Теперъ бы й ридного батька не пизнавъ.

Гнатъ. Розумни люде усе такъ роблять: и въ хоромахъ, якъ у хати мужыкъ. (Наливаеъ рюмку и подноситъ). Не хочешъ? якъ хочешъ! А я совитувавъ бы чарочку-другу адамовыхъ слизокъ, якъ казавъ було отець економъ. Не забудь Братський монастырь?

Н а з а р ь. Ни, скажи лучше, на-що ты мене повивь сюды?

Г н а т ь. На те, щобь побалакаты зь тобою, якъ зь козакомъ, а не зь бабою. За козацьку волю и розумь! (*Выпиваетъ*).

Н а з а р ь. Щасливый ты чоловікъ!

Г н а т ь. Ты щасливійший мене.

Н а з а р ь. О, якъ бы ты посыдивь у мой шкури! Ходимъ, Гнате! мени тутъ душно.

Г н а т ь. Стривай, ще рано. Подывимся, якъ люде добри веселятся, та посовитуемся, куды йты.

Н а з а р ь. Мени одно, куды не поведешь.

Г н а т ь. Ты випьять баба. Чы присталы жь козаку таки речи?

Н а з а р ь. Гирко мени, Гнате! ты смієшься, а въ мене печинки верне. Хыба жь мое горе смиштыть тебе?

Г н а т ь. Смиштыть.

Н а з а р ь. А я думавъ,—ты добрый чоловікъ.

Г н а т ь. А я думавъ—ты козакъ, а ты, бачу, баба. Ну, скажи мени, чого ты дурієшь? де твій розумь? Чы стоить же жинка, хочь-бы вона була дочка немецкого цесаря, чы стоить вона такого дорогого добра, якъ чоловічий розумь?

Н а з а р ь. Стоить.

Г н а т ь. Брехня! Ты знаєшь, въ яку цину поставывь царь Соломопъ золотый плугъ? Винь каже, що при нужди шматокъ хлиба дорожче золота. А я скажу: чарка горилкы козаку мылійша усихъ жинокъ на свити.

Н а з а р ь. Ты мене, Гнате, морочышь, а мени теперь треба щырого друга.

Г н а т ь. Добре. Я винъ и есть, бо кажу правду. А колы хочешъ, то и брехать почну для тебе. Все, що хочешъ.

Н а з а р ь. Не смійся, а диломъ кажи, що робить мени. Тоби можно и говорыть, и думать.

Г н а т ь. Ось-що. Першъ усёго, выный горилкы. Вона и безъ мене наведе тебе на розумъ. (*Наливаеъ рюмку*). Чы не забувъ ще ты, якъ розумно розсужда латынський виршныкъ... якъ пакъ ёго... ну той, за якого мене въ Братстви выпарылы ризкамы, якъ отець ректоръ піймавъ у мене за халявою ёго мудри вирши. Виць каже: «Дурныця все, опричь горилки, а иноди и жинка пидь руку». Оце такъ! (*Выпиваеъ*).

Н а з а р ь (*презрительно*). Бидный ты сердешный чоловікъ! Я думавъ, що въ тебе хочъ крыхта йе добра, а въ тебе нема й того, що мае й скотына. О, якъ-бы ты змигъ заглянуть сюды (*указываетъ на сердце*), куды самъ Богъ не загляда! Та ни! може, ты тилькы такъ кажешъ... Другъ ты мій добрый, вирный мій, ты жъ такы плакавъ колы-побудь: плачь зо мною теперь; хочъ прыкылся та плачь. Не мучь мене! Въ мене видъ горя сердце рвется! Нехай вже ти сміются, що жывуть у пекли: имъ любо; а ты жъ такы чоловікъ. (*Съ участіемъ смотритъ на него*).

Г н а т ь. Такъ, я чоловікъ; а ты й справди баба, ще разъ тоби скажу: ка-зна за чымъ вбываешся.

Н а з а р ь. Нема у тебе сердца, каминь ты!

Г н а т ь. Якъ хочешъ, такъ и думай, а я несчастнійшый одъ тебе, несчастнійшый одъ твоеи со-

баки; вона лащытса до тебе, а ты їи кохаешъ; а я?.. И я, дурный, колысь любывъ и къ гадынамъ жинкамъ ласкався, рыдавъ горячымы слёзэмы, радъ бувъ и жызнъ оддать за ныхъ... и що изъ того чы хочешъ знаты?

Назаръ. Не треба, не хочу, не говоры! у тебе нема Бога въ серци.

Гнатъ. А бувъ колысь, та мохомъ сердце обросло, якъ той гнылый никчемный пенъ дубовый. Прийде и твоя пора, все згадаешъ. (*Ласково*). Годи жъ тоби, годи! не дывысь такъ хмарно: далеби, не полегша. Дурныця все: и товариство, и любовь,—цуръ имъ! нема ихъ на свити. Одни дурни и диты вирять латынськымъ виршамъ. А лучче поговорымъ о дили, а тымъ часомъ налетятъ сорокы чорноброви, выпьемъ, пожартуемъ. и вирь мени—вся дурь изъ головы вылетыть. Я се знаю: мене лыхо навчыло.

Назаръ (*вставая изъ-за стола*). Та и я извидавъ горе, та ничому не навчывся; тебе жъ не хочу слухать: ты злйшый дйавола. (*Хочетъ идти*).

Гнатъ. Куды жъ ты?

Назаръ. Зъ тобою холодно, пиду у пекло погриться.

Гнатъ. Стривай, ты самъ не знайдешъ. Я шляхъ тоби покажу.

Назаръ. Найду й самъ.

Гнатъ (*удерживаетъ его*). Ты й справди хочешъ иты? Скаженный, ты зъ глузду збйхавъ!

Назаръ. Я никому не дамъ себе въ обыду, и дурного совиту не послухаю. Пусты мене.

Г н а т ь. Насылу прочунявся. Та куды жь ты, навижонный?

Н а з а р ь (*вспыльчиво*). Мовчы, а то туть тоби и аминь.

Г н а т ь (*не выпуская руки Назара*). Такъ и я злумію, та що потимь? Зь холоднымъ мертвецемъ у домовыцу?

Н а з а р ь. Хочь до чорта у пекло! Пусты мене, я пиду у Чыгырынъ до полковныка.

Г н а т ь. Чого?

Н а з а р ь. Убью ёго!

Г н а т ь. А якъ не вбьешь, тоди що? чы не мусышь ублагать ёго видкнуться видъ Гали? га?

Н а з а р ь. Такъ, чы не такъ, а я пиду.

Г н а т ь. До дьявола въ гости! Чы не лучше-жь, замисть пузатого полковныка, обняты тонкый та гнучкый станъ Гали? Не хмурся та послухай, та робы такъ, якъ я тоби скажу, бо ты сёгодня ничего путнёго не выдумаешь.

Н а з а р ь. Що дальше?

Г н а т ь (*осматриваясь*). Чы глухи туть стипы? (*Въ пополоса*). Украдьмо Галю, отъ и все. Чы добре?

Н а з а р ь (*немного помолчавъ, жметъ руку Гната*). Просты мене...

Г н а т ь. Ну, що ще?

Н а з а р ь. Ты певный другъ!

Г н а т ь. Ну, объ сёму послы. Кажы, такъ, чы не такъ?

Н а з а р ь. Такъ! Я ввесь твій: говоры, прыказуй.

Г н а т ь. Слухай же. Вона, звісно, выходила до тебе колы-небудь пизно вечоромъ у садокъ. хоть, може, й не одна?

Н а з а р ь. Зъ клюшныцею.

Г н а т ь. Суца коханка! Чы не завалявсь у тебе въ кышени який червинець?

Н а з а р ь. Два.

Г н а т ь. Ще лучше. Се жъ буде клюшныци на сережки, а плахту на словахъ обищай. Тилькы домовся зъ нею такъ, щобъ вона про мене не знала, бо жинкы наголо вси цокотухы: не для ихъ выгадано слово „мовчаты“; до того ще й дорожче запросить.

Н а з а р ь. Ничого не пожалую, усе виддамъ, що въ мене йе. Де тилько клюшныцю побачу?

Г н а т ь. Вона буде тутъ. Адже ты чувъ, якъ ласка хазяйка Стеху за те, що довго барытсья? Гляды жъ, зробишь тутъ усе, якъ треба, а я дождьдатыму васъ крїй старои корчмы зъ тройкою добрыхъ воронныхъ. Знаешъ, за садкомъ, на старій дорози!

Н а з а р ь. Знаю.

Г н а т ь. Сю корчму и днемъ люде хрыстючысь обходять, а въ ночи нихто не посміе; такъ кращого мисця ничого й шукаты; тилькы порайтєсь моторнійшъ.

Н а з а р ь. А якъ вона не захоче,—що тоди?

Г н а т ь. Хто? клюшныця, чы...

Н а з а р ь. Та й та, та й друга.

Г н а т ь. Захочуть обыдви, тилько ты зъумій согласыты. Клюшныця за червинця пиде колядувать хоть до самого сатаны; а Галя въ одній со-

рочди пиде за тобою хоть на край свита; а якъ се дуже далеко, такъ ты спровадь іи на Запорожжя, а тамъ и самъ гетьманъ не бильшый одъ чабана. Адже ты не выпысувавсь изъ запорозцивъ?

Н а з а р ь. Ни.

Г н а т ь. Такъ якого жъ злыдня ще хотить? А хто пакъ у тебе куриннымъ отаманомъ?

Н а з а р ь. Сокорына.

Г н а т ь. Знаю! о, голинный, завзятый чоловікъ! въ кирци воды діявола утопыть, не то-що въ Днипри. А! здається, хтось иде.

Н а з а р ь. О, якъ бы твое, брате, слово, та Богу въ уха!

Г н а т ь. Нема на свити ничого легше: тилькы повеселій, будь козакомъ. Мовчы. (*Громко*). Ну, выпьемъ жъ чарочку за шынкарочку. (*Пьютъ*).

Х о з я й к а. Якъ же я утомылась, насылу найшла іи, прокляту Стеху!

Г н а т ь. А що, змахнула пылъ зъ мисяця?

Х о з я й к а. Смійтесь, а воно и справди погода утыхомырылась.

Г н а т ь. Оце жъ тобі за труды. (*Подаетъ чарку*).

Х о з я й к а. Цуръ ёму; якъ я втомылась!.. Ни, спасыби! не пидь сылу!.. Хыба вже для васъ. (*Пробуетъ понемножку. Гнатъ знаками проситъ. Она, въ притворствѣ усилій и кривляній, выпиваетъ, а остальные капли хлещетъ въ потолокъ*). Щобъ ворогы мовчалы й сусиде не знали! (*Отдаетъ чарку*).

Г н а т ь (*подноситъ Назару; тотъ отказывается знакомъ*). Не хочешъ—якъ хочешъ. А мени

здається, що и на свити нема такого горя, якого бь пе можна було утопыть въ чарци горилкы. Чарка, друга и—чорта у воду. Такь, Катерино?

Хозяйка. Якъ кому ипшому, то й кварта не поможе.

Гнатъ (Назару). А ты справди не будешь пыть?

Назаръ. Не буду.

Гнатъ. Вольшому воля, а спасенному рай. За твое жь здоровья! (Выпиваетъ). Праведно спивается въ тій писни, що каже, колы бь мужыку не жинка, не знавъ бы винь скукы, колыбь пе горилка, де дивать бы муки? Такь у горилку ии прокляту, у горилку! Розумный чоловікъ тебе выдумавъ, такь! (Къ Назару). Та на тебе брыдко дывиться. Ну, ще жь одну та й годи вже. (Напиваетъ). Чы втямки тоби, якъ мы втикалы зь Братського на Запорожжя та на дорози зустрілы одну чорнобрывеньку, и ты чуть-чуть бувъ пе проминявъ запорозьскои воли на ии чорни бровы? Бачь, ты за бувь! а я такь все запрошедше знаю, та й що буде одгадаю.

Стеха (вбѣгаетъ въ торопяхъ). Охъ, моя матинко, якъ утомылась! Шуточки! оббигала уси усюды! (Осматриваясь). Охъ, Боже мій! я и не бачу. Добры-вечирь вамъ! Отъ вже й не думала, й не гадала! Спасыби, спасыби! пе погнушалысь нашихъ слобидськихъ вечерныць. Такь уже й ле здывуйте: у насъ усе абы-якъ; пе те, що у васъ у Чыгырыни.

Гнатъ. Та у васъ ще краще.

Стеха. Годи бо вамъ сміяться.

Хозяйка. Чы прыйде жъ хто?

Стеха. Якъ же? уси прыйдутъ.

(Гнатъ беретъ за руку хозяйку и отводитъ въ сторону. Назаръ встаетъ изъ-за стола и подходитъ къ Стехѣ).

Гнатъ (къ хозяйкѣ). У мене щось голова розболілася; пиду подывліссь, який мисяць. Чуешъ? а про кобзаря, мабуть и забулы. Збигаи лышень. Безъ ёго и гульня не гульня.

Хозяйка. Стехо! ты звала Кырыка?

Стеха. Моя матиночко, и забула. Я заразъ збигаю.

Гнатъ. Вп'язать де-небудь застрянешъ... Збигаи лучше сама.

Хозяйка. Добре. (Хозяйка и Гнатъ уходятъ).

Назаръ (беретъ за руку Стеху). У мене йе прозьба до тебе, Стехо.

Стеха, Знаю, знаю, яка прозьба! — сказать панночци, щобъ выйшла до васъ, якъ панъ засне; та теперъ тилькы не те вже, що перше було. Адже вы сами знаете, що незабаромъ зробылось.

Назаръ. Се не помишае; мени тилькы одно словечко сказаты. (Даетъ ей червонецъ). На тоби; ще й плахта буде, колы услужышь.

Стеха (принимаетъ червонецъ). Не прыдумаю, якъ бы се зробыты. Лыха година те, що старый цилисиньку ничъ очей не заплющыть. Сердешна панночка! а якъ я плакала, якъ просыла! ни, такы по своему поставывъ старый сатана.

Назаръ. Такъ ты зробышь? дождыдаты?

Стеха. Зроблю, зроблю, тилькы...

Назаръ. Не бійсь! бильшь копы лыха не буде. А колы хочешъ, то и ты зъ нами. Ну-лышень, чкурнемъ.

Стеха. Куды зъ вами?

Назаръ. Туды, де лучше жыты, де будешъ ты панією, а не клюшныцею; чы второпала?

Стеха. Глядять, чы не дурите вы мене? И справди думаютъ, що якъ воны багаты, такъ усе и ихъ.

Гнатъ (за сценою). Катре, Катре! а погляды, що се на мисяци?

Голсь хозяйки. Хыба не знаете? братъ брата на выла пиднявъ.

Гнатъ. Якъ же се? Далеби, я не чувъ.

Хозяйка. Нехай у хати розкажу, я змерзла.

(Впродолженіе этого разговора Назаръ объясняется со Стехой знаками и шопотомъ Стеха дѣлаетъ утвердительный знакъ и отходитъ. Входятъ Гнатъ и хозяйка).

Стеха. А хыба жъ вы сѣго не знаете?

Гнатъ. Або забувъ, або и зовсимъ не знавъ; не згадаю.

Стеха. Такъ ось бачыте, якъ воно. Якъ Хрыста дочыталысь, старшый братъ на Велькъ-день, колы ще добри люде на утрени стоялы, цшовъ пидкынуть воламъ сина, та замистъ сина проткнувъ выламы свого меншого брата: такъ ихъ Богъ такъ и поставывъ у-купци на мисяци, на выдъ усѣму хрещеному миру, щобъ бачылы, що и скотыни грихъ йисти у такый велькый празникъ, покы пасокъ не посвятятъ, а не то що людямъ.

Хозяйка (*насмѣливо*). Ачь, якъ мудро прочитала!

Гнатъ. Чудо не дивка! розумна и красыва. (*Обнимаеъ Стеху*).

Стеха (*притворно*). Що се, яки справди безстыдни оци городськи козаки! усе бь имь згнуцаться надь нами та й тильки. (*Гнатъ цѣлуеъ ее*). Ну! оть ище выдумалы що! Неначе се звычайно! Пустить! далеби, закрычу.

(*Съ шумомъ входятъ козаки и дьвушки*)

Въ толпѣ. Ай да Стеха! Отъ моторна: и тутъ успила! А старый Кычатый?..

Стеха (*вырываясь*). Ну, що? поживылысь? Не бійсь, такы не довелось поцилуваты. Хто тамъ горло дере, що успила? Вони тильки такъ, ничего не зробылы.

Гнатъ (*къ козакамъ*). Ну, хто у вась отаманъ? Чы есть музыкы?

Голоса. И кобзарь, и музыкы.

Гнатъ. А останне; выпить и закусыты?

Голоса. Якъ безъ сѣго? Усе йе.

Гнатъ. А, та й бравы жь молодци! що твои чыгырыпци. (*Къ дьвушкамъ*). Котора жь изъ вась пиде зо мною танцюваты?

Голоса. Пропустить, пропустить — музыкы йдутъ.

(*Входятъ музыканты-жиды. Впереди слѣпой старикъ съ кобзою. Дьвушки и козаки въ безпорядкѣ разступаются. Впродолженіе суматохи Назаръ разо-вариваетъ съ Гнатомъ*).

Гнатъ. Будь бо веселійшый, не показуй выду. Стеха зьуміе одкараскаться одь ныхъ, тильки

намъ зъ тобою треба попереду утикаты. Я, пожалуй, хочъ и заразы пиду, а ты зостанься тутъ помы,—такъ для выду. Та чуешь; не дуже довго женихайся, а мерщій въ корчму; я тамъ буду.

Назарь Добре, тилькы и ты проворнійше.

Гнатъ. За мене не бійсь. Дывысь, старый знакомый! Кузьма, якимъ се побытомъ тутъ опынылысь?

Одынъ зъ козакывъ. Зъ хуторивъ до церкви, а вечорныци по духу чуемо.

Гнатъ. Молодци! А вы, жыдова, якъ сюды зайшлы?

Жыдъ. А такъ, сляхомъ. У Цыгырыни нема заробитку, а мы процулы, сцо у пана Кыцатого весилля буде, такъ и прыйслы сюды.

Гнатъ (*въ сторону*), Жыдивське ухо! (*Громко*). А нуте жь! учыстыте запорозьского козачка. (*Къ козакамъ*). А зъ васъ хто бойчійшый? ударь, я подывлюсь, чы такъ, якъ у насъ бувало на Запорожжи. (*Тихо Назару*). Годи, не дурій. Я жь кажу, усе буде добре.

Назарь. Чы буде, чы ни, тилькы здилай мылость, не бався тутъ, иды швыдче.

Гнатъ. Поспіемо ще зъ козамы на торгъ. Не показуйся, будь ласкавъ, такимъ сумнымъ: все зопсуешь. Подывмыся козачка та й годи.

(*Удаляются въ глубину и разговариваютъ между собою. Музыканты заиграли. Одинъ козакъ высккиваетъ изъ толпы и пляшетъ козачекъ. Гнатъ и Назарь любятся*).

Гнатъ. Ай да молодець! отъ жвавый! що твій запорожець! (*Танецъ кончается*). Ну, веселитесь жь,

люде добри, гуляйте, хлопци, а намъ уже годи, пора йхать: до Чыгырына не близько, а до свиту треба быть тамъ. Прощайте, козаки! прощайте, дивчата! прощай, хозяйко! А де жъ та... Кычатого? *(Стеха прячется между козаками. Гнатъ, поймавъ ее, цѣлуетъ)*. Прощай, сердечко мое, моя розумыця, моя красавыця! прощай!

СТЕХА *(вырываясь)*. Ай-ай-ай! закрычу, йй же то Богу, закрычу.

(Назаръ и Гнатъ уходятъ. Хозяйка провожаетъ ихъ).

СТЕХА *(охорашиваясь)*. Що за народъ такой си козаки! усе бь цилуваться. Неначе й помоглось. *(Къ хозяйкѣ)*. Титко, титко! а нумо мы зь тобою. *(Пляшетъ и поетъ)*.

Черезъ гору пиду,
Скрыюсь за горою...

На биду,
Де пиду,
Козаки за мною.

Той почне говорити,
Той сержкы сулить.
Кого знаю,
Прывитаю,
Хто сержкы дарить.

Ой сержкы мои,
Мои золоты!
Сердитесь,
Дьвитесь,
Ворогы лыхыи!

Хозяйка (*вырываясь*). Охъ, мой возуленьки! по старости литъ мени бѣ и не подобало.

(*Стеха между тѣмъ шалитъ съ козакми, хватая за руку молодого козака и вертясь, приплясываетъ*).

Хозяйка. Оце, яка жартовлива! Та перестанешъ ты, чы пи?

СТЕХА (*пляшетъ и поетъ*).

Тра-ла-ла, тра-ла-ла!
 На базари була,
 Черевычки купыла,
 Тры червинци дала,
 А четвертый пропыла
 И музыку найняла.

Що жъ вы, родымець бы васъ вбывъ! тилькы дурно гроши берете? Кусокъ бы вамъ сала, а не грошей. (*Въ толпѣ хохотъ*). А де жъ нашъ Кырыкъ? сюды ёго! винъ одынъ лучше усихъ цихъ голодранцивъ. (*Выходитъ кобзарь*). Ось винъ, мій голубчыкъ. Ну, лышень, яку-небудь писеньку зъ приговоркамы, або казочку страховыночку, щобъ цилу ничъ не заснулось.

Кобзарь. Добре, добре. Хочешъ — казочку, хочешъ — писеньку, що любышь.

Голоса. Казку, казку!

Другіе. Ни, писню, та таку, щобъ жыжки затрусылись. Мы ще не танцювали.

Первые голоса (*и съ ними Стеха паче всѣхъ*). Натанцюетесь ище, помы до третихъ.

Стеха. До пивнивь ще не трохы. Казку! (*Къ хозяйкѣ*). Казку, титко?

Хозяйка. Звисно, казку, покы ще не такъ пизно; а описля и слухать страшно буде.

Кобзарь. Колю казку, такъ казку, мени все одно.

Въ толпѣ. Перещебетала-такы, цокотуха.

Другой голосъ. Ачъ яка!

Стеха. А що, га! такы перещебетала!

(Кобзарь садится на скамейку. Кругомъ него съ шумомъ и хохотомъ толпятся въ безпорядкѣ козаки и двушки).

Стеха *(подноситъ кобзарю рюмку вина)*. Выпный, дидусю, для смилости.

Кобзарь *(выпивши)*. Спасыби тобі, дивко! *(Прокашлявшись)*. Слухать—що йисты, въ горшку не бовтаты, усивъ не мараты, словъ не пропускать, другимъ не мишати.

(Общій легкій шопотъ и смѣхъ).

Стеха. Послухаю, послухаю, чы есть же така страховына, щобъ я злякалась.

Голосъ. Чуешъ ты? колы не будешъ мовчати, такъ геть соби.

Другой. А то выжынемъ.

Стеха. А хтобъ посмивъ! Сотныкъ васъ усихъ перевипае.

Голосъ. Дзусь ёму, мурому! Гляды, щобъ на одній осычынн не повисылы тебе зъ сотныкомъ.

Хозяйка. Та замовчати же Бога рады! *(къ кобзарю)*. Кажы, дидусю, кажы; ихъ не переслухасишь.

Кобзарь *(прокашлявшись)*. У венгерській стороны, у цесарцивъ, га шляхецькою землею, стоить гора висока; а въ тій гори нора глубока; въ

нори сыдыть не звирь, не птыця—турецька царыця. Сыдыть вона сто тысячъ лить, не молодіе, не старіе, а тилько де-дали зліе; йисть вона одъ схиць до захидь сонця—не хлибъ печеный, не курей и не яку-небудь людську страву, а трошчыть маленькыхъ дитей, за те, що, колы ще вона була у Турещыни важкою, такъ їй сказавъ арменський знахарь, що вона родыть дочку и дочка та буде, якъ пидросте, въ тысячу разъ краще їи. Отъ вона, справди якъ родыла дочку, такъ зараць и зъила їи, то зъ того часу сыдыть у нори и невгаваючы усе йисть дитей; не розбира, хоть хрещени воны, а хоть нехрещени, йисть усихъ, йисть тоби всихъ та й годи,—и дивчатокъ, и хлопчыкивь...

Стеха (*быстро*). И хлопчыкивь! ахъ, вона трыклята баба! Щастя їи, що я не знаю твоеи горы.

Голосъ. А що бь ты зробыла?

Стеха. Що? задушыла бь.

Голосъ. Куды тоби, погане!

Другой. Ты й за двери сама боишься выйты.

Стеха. Кто, я?

Въ толпъ. Та не мишай же слухать. Не хто жь бильшь, ты!

Стеха. Я боюсь? Хочешъ зараць пиду на гробовыще? а колы хочете, такъ у стару корчму, що на старому шляху.

Въ толпъ. Прудка дуже! за поригъ не выйдешъ, умрешъ.

Стеха. Я вмру! що ставышь?

Въ толпъ. Мои музыканты на всю; а ты?

Стеха. Пивъ-видра сльвьянки, три куски сала и паляныця.

Въ толпѣ. Добре! тильки щобъ, знаешь, сльвьянка була зъ панського лёху.

Стеха. Та вже де не возьму, до сѣго вамъ дила нема, а поставлю. Де мій байбаракъ? (*Надѣваетъ верхнее платье*). Гляды жъ, не цурайся слова. (*Кобзарю*). Якъ я вернусь, такъ тоди докажешъ, дидусю; а то я и не хочу. (*Уходитъ*).

Ковзарь. Добре.

Въ толпѣ. А щобъ повирылы, такъ прыне сы цеглынку, або кахлю зъ грубы, або що хочешъ, тилько зъ корчмы.

Стеха (*за сценою*). Добре, добре.

Голоса. Отъ дивка голинна, такъ-такъ!

Другой. Чупрыну ій та усы, тоди хочъ у пекло.

Третій. Такъ подумаютъ, що козакъ.

Хозяйка. Вже козырь-дивка, не вамъ ривня. Отъ же й пиде; тоди платы.

Голосъ. Або сльвьянку пый, а саломъ и паляныцею закусуй.

Хозяйка. Побачымъ, побачымъ, чія визьме Чого сыдиты? щобъ не даромъ музикамъ платыть, ву лышень, потанцюемъ лучче. А ну, вдарьте, та не пожыдивськи а по нашому.

(*Толпа въ безпорядкѣ разступается. Козакъ съ дѣвушкою выходитъ танцовать. Музыканты заиграли, и пляска началась. Занавѣсъ тихо опускается*).

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Внутренность развалинь корчмы. Стѣны безъ потолка и нѣсколько уцѣлѣвшихъ стропиль. Все занесено снѣгомъ и освѣщено луною. Нѣсколько минутъ молчавія. Вдали слышна пѣсня; потомъ ближе, ближе, и является Стеха, робко принимая: „Охъ, сержки!“ Она останавливается у развалившейся печи и съ робостію осматривается кругомъ.

С т е х а. Якъ страшно! Де жъ воны? И коней тожъ не видно. Чы не махнули воны соби? То-то буде добре! За два червинци продать свое щастя... (*Осматриваетъ слѣды*). Ни, oprичъ моихъ, ничыихъ не выдко слидивъ. Що, якъ воны обманулы, та другимъ шляхомъ?.. отъ тоби й сотнычка! Побижу мерщій до-дому, чы не подіялось чого тамъ. Розкажуть, що я помогла, — тоди усе пропало. (*Постыпно возвращаетъ*).

(*На встрѣчу ей Назаръ несетъ на рукахъ Галю*).

С т е х а. Се вы? А тутъ такъ страшно... Чы не случилось чого?

Н а з а р ь (*Опустивъ Галю*). Ничого, не бійсь. А кони тутъ?

С т е х а. Ни, я не бачыла.

Н а з а р ь. Збигай, подывысь, и якъ нема, то бижы мерщій у слободу, чы не зустрипешъ на дорози.

Г а л я. Стехо! чому жъ ты не йдешъ? Бижы жъ скоришь; батюшка прокынется! бижы бо!

С т е п а. Заразь, моя панночко; для васъ на край свита полечу. (*Постыпно сламываетъ изъ печи изразецъ*).

Г а л я. Що ты робышь?

С т е х а. Заразъ. Се одъ вовкивъ. (*Быстро удаляется*).

Г а л я. Ходимъ на дорогу; мени тутъ страшно.

Н а з а р ь. Не можна, мое серденько: гамъ побачять, а сюды нихто не ввійде.

Г а л я (*грустно*). Ну, робы якъ знаешъ, а я... я все зробыла... Боже! на зори прокынется батюшка... Охъ, Назаре, Назаре! що я паробыла!

Н а з а р ь. Лучче ничего не можна було збыть.

Г а л я. Батюшка мене проклене.

Н а з а р ь. Себе нехай проклинае... Ты змерзла, моя кришечко? Визьмы мою кырею (*Снимаетъ плащъ и разстилаетъ по снѣгу*). Спочынь, мое серденько; поклады свои неженъки у мою шапку (*Галя садится на плащъ. Назаръ вкладываетъ ея ноги въ свою шапку*) Отъ-такъ теплѣйшъ (*цѣлуетъ ее*), теплѣйшъ, мое серденьтко.

Г а л я. О, мій голубчыку, мій сокиль ясный! якъ мени тепло, якъ мени весело!... Тилькы я боюсь: батюшка мій такый сердытый.

Н а з а р ь. Не бійсь, моя пташечко, ничего, покы я зъ тобою. Не бійсь, тилькы любви мене. Я подумавъ тоди... колы...

Г а л я. Колы? Що подумавъ? може. недобре?

Н а з а р ь. Не то, що недобре, та не теперъ згадувать объ чимъ. небудь недобримъ, колы на серци така радистъ. А завтра... що завтра зо мною буде? Я вмру, мене задушыть мое щастя, моя доля (*Кладетъ ей на колѣни свою голову. Галя перебираетъ его волосы. Назаръ, поднявъ голову, съ нѣжностью смотритъ ей въ очи*). О, мои очы, мои ка-

ри! Поглядить на мене, мои зори ясни! (*Немногу помолдавъ*). Серце мое, ты не казала батюшци, що пидешъ замижъ за полковника? не казала?

Г а л я. Опять! Який же ты, справи!.. Я заплачу. Адже жъ винъ ничого мени не говорывъ и полковныкови, такъ якъ же бь я ёму сказала?

Н а з а р ь. Бидненька! винъ продававъ тебе, а ты ничого й не знала. Прости ёго. Нехай Богъ милосердный на тимъ свити за се ёго осудить и покарае.

Г а л я. Я мольтымусь за ёго грихы. Може Богъ ёму простить.

Н а з а р ь. Молись за кого хочешъ, тилькы не розлюбы мене, моя галочко... Я вмру тоди.

Г а л я. Який ты чудный! Ты думаешъ, що я тилькы такъ тебе люблю. Ни, Назаре, я не люблю, я й сама не знаю, що роблю... Якъ-бы тоби розсказать? Ажъ страшно! Знаешъ що? Коли я дывлюсь на тебе, такъ мени здається, що ты—такъ се я, а я—такъ се ты. Такъ чудно; не знаю, одъ чого воно се такъ. Коли остапусь одна на самоти, то все про тебе думаю, думаю, и мени представится, що ты въ Чыгырнии передъ гетьманськыми хоромамы на воропому кони гарцуешъ, а уси гетьманши, полковныци ни на кого бильшь и не дывлятся, опричь тебе... У мене въ очахъ такъ и погемніе... Я заплачу, заплачу, такъ важко на серци стане. Одъ чого воно такъ, Назаре, ты не знаешъ?

Н а з а р ь. Знаю, мое серденько, знаю! Якъ люблю, якъ мени ты говорышь! Промовъ ще разъ, обіймы мене. (*Обнимаются, цлуются*). Ще, ще

одынъ останній разъ. (*Въ изнеможеніи кладеть ей голову на колѣни*).

Галя. Якъ мени весело зъ тобою! Чы воно усе такъ буде весело? скажы мени, Назаре.

Назаръ (*не поднимая головы*). Увесь виць!

Галя. Куды жъ мы пойдємо?

Назаръ. У рай.

Галя. Я се знаю; та де жъ виць?

Назаръ. (*поднявъ голову*). Не пытай мене теперъ; я ничого не знаю. Мы пойдємо туды, де нема и не буде ни полковника, ни батька твого, де тилькы одна воля! одна воля та щастя! О, якъ мы будемо гарно жыты! Збудую тобі хату свитлу, свитлу та високу; розмалую іи усякымы красками—и чорнымы, и блакытнымы, и зеленымы—усякымы, усякымы! наряжу тебе у шовкъ та въ золото, посажу тебе на золотимъ крисли, мовъ кралю, и довго, довго, покы вмру, все любоватымусь тобою. Та чы вмру жъ я колы-небудь? Ни, я николы не вмру! Колы ты будешъ зо мною, то смерть не посміе и въ хату нашу заглянуть.

Галя (*грустно*). Охъ, пи, Назаре, не кажы такъ! Мени страшно стало, и серце такъ защемило, такъ заболело, неначе чые не добру годуны, або яке горе.

Назаръ. Яке горе? де воно? Для насъ нема ёго на цилимъ свити.

Галя. Не знаю, Назаре; тилькы мени щось на серци такъ важко, такъ гирко... Я все думала про батюшку.

Назаръ. На - що жъ ты объ ёму думаешъ? Не думай, и весело буде. Знаешъ, якъ прийдємо

мы у Кодакъ... Се запорожсьый городь... Отъ, якъ прыйдемо, мерщій у церкву, повинчаемось; тоди и самъ гетьманъ насъ не розлучыть, и будемо довго, довго тамъ весело жыты. Ты будешъ писни спиваты и танцювать, а я буду гратъ на бандури и ровсказувать тоби про славни дила козацьки, про Саву Чалого, про Свирговського, про всіхъ, про всіхъ жвавыхъ козакивъ нашихъ. Дали, мени выгодуешъ сына, молодця чорнобрового, пошлемо ёго въ Сичь; тамъ поставлю ёго передъ козацькою громадою и скажу: «Любуйгесья, дывитесья—се мій сынъ. Мени ёго выгодувала, выкохала моя Галя, такого молодця!» Що, весело?

Галя. Весело, мій Назаре, мій мыленькый, а сердце все-таки болыть. Мени здається, що батюшка вже прокынувся и мене шукае.

Назаръ. Богъ-зна объ чимъ думаешъ ты! Ось заразъ будутъ кони, и воны насъ не найдуть, хогъ нехай усю землю перевернуть. Не журысь же, моя ластивко.

Галя. Знаешъ що? ходимъ до дому, розбудымъ ёго, станемъ передъ нимъ на коліна... винъ насъ простыть; винъ мене любить.

Назаръ. Хыба жъ я ёго не просывъ, хыба жъ не стававъ передъ нимъ на коліна! Адже ты бачыла.

Галя. Бачыла, ты просывъ... Назаре, винъ мій батько.

Назаръ. Лучче бъ не знать такого батька!

Галя. Ты сердышся, Назаре! Не сердься, мій мылий, мій чорнобрывый! Подывысь, я весела, и не жалкую, що покынула... Поцилуй же мене,

мій соколе ясний, орле мій сизокрилий. (*Обнимаются и целуются*).

Назарь. О, моя радисть, мій сонь чаривный! Не журись, серденько. Скоро мы полетимо такъ, що не дожене насъ и витерь. А ничь - то, ничь! непаче празныкуе наше щастя. Тыха, свитла, якъ твои ясни очы. Ты не боишся? Побудь тутъ одна. Я пиду подывлюсь на дорогу.

Галя. Ни, не боюсь.

Назарь. Чого жъ ты зновъ зажурылась?

Галя. Такъ,ничого. Я згадала покійныцю няньку. Вона мени розказувала, що въ сій корчми давно який-то запорозський старшына ночувавъ, а на другый день найшли ёго у Тясмыни; и що тутъ Богданъ зустричавъ сына свого Тymoфiя, якъ козакы везлы ёго зъ Молдавіи, покритого червоною кытайкою, и що тутъ запорожци выризалы жыдивъ. Зъ тii годыны ништо въ iй не жывъ: усе ничью ходять мертви жыды... Ухъ, якъ страшно тутъ!

Назарь. Тоби твоя пенька Богъ зна чога наговорила.

Галя. Вона божылась, що правда. Не ходы, лучче остапсья зо мною, або ходимъ обое. Мени важко и на минуточку розризнытсья зъ тобою.

Назарь. Я не пиду... Ты не змерзла?

Галя. Ни, твоя шапка така тепла. (*Снимаетъ шапку съ ногъ и целуетъ*). О, моя мыла шапка! Надинь iи, и ты замерзъ.

Назарь. Надинь ты. Я подывлюсь на тебе, яка ты въ козацькiй шапки. (*Она надъиваетъ шапку. Назарь лубуется*). Чудо!.. Чорни усы, шаблю

дамаську, пистоль за поясъ—и козакъ хочъ будь.
(Цылуеъ ея). Козаче мій чорнобровый!

Г а л я (надъязаетъ ему шапку). Оттакъ краще!
Постій, и пришьлю стѣнжку. Знаешъ, якъ на ве-
силли бува у молодого?

Н а з а р ь. Се ты ще й завтра зробишь...

Г а л я. Охъ стривай! я й забула. Адже я такы
взяла зъ собою и хустку, що для тебе вышивала
(Вынимаетъ изъ-за пазухи бѣлый, шитый краснымъ
шелкомъ, платокъ и подаетъ Назару). Що, хоро-
ший? Я сама вышивала и гроши на шовкѣ сама
заробляла.

Н а з а р ь. Спасыби, сердце мое!

Г а л я. Чы не заспывать оце писню про ху-
сточку, що я въ Чыгырми у дядыны чула?

Н а з а р ь. Колы весела, заспывай.

Г а л я. Ни, невесела, та мени сидить уже
остыло. Слухай же (Выходитъ на край сцены).

.

(Назаръ стоитъ задумавшись).

Г а л я. Чого жь ты зажурывся? То не треба
було бь и спивать.

Н а з а р ь. Ничого, сердце мое. Возьмы свою
хустку (Подаетъ ей хустку). Завтра знову подару-
ешь.

Г а л я. На-що вона мени? Розирвы, колы вона
тоби не любя; я другу вышью. (Печально). Тилькы
не знаю, колы. (Плаче, помолчавши).

Н а з а р ь. Не плачь, мое сердце. Дывись, я
не журюся.

Галя. Не журнись? А чого жъ ты плакавъ? Ты щось знаешь, та не хочешъ сказать. Скажи жъ, мій голубе, мій орле сызокрылый, скажи, мое сердце!

Назаръ. Знаю, знаю, моя голубко, що я найщасливійшый на свити.

Галя. Ба я щасливійша за тебе. Николи жъ не буду спивать за хустку; цуръ їй!

Назаръ. Я тебе вывчу другу, веселу-веселу та хорошу.

(Дыляться одно на другою и цилуются Хома и Стеха крадутся изъ-за шкапы).

Хома. Сюды! ось-де вопы! сюды!

Галя. Батько!... Пропала я!

Стеха *(пробивае колю ихъ)*. Полковныця! полковныця!

(Назаръ мовкы бере ливою рукою Галю, а правою выймае шаблю. Хома торопко веде на его челядь. Стеха ховається).

Хома *(скаженіе)*. Цилуйтеся, цилуйтеся, голубята! *(До челяди)*. Кьямы ёго, собаку! Чого жъ стали? Берить, рвить ёго!

(Челядь торопіе).

Назаръ. Кто хоче въ домовыну, выступай на мене. *(До Хома)*. Ты чого хочешъ?

Хома. Смерти твоя, злодію!

Назаръ. На-що жъ ты собаками цькуешь? Возьмы самъ, колы хочешъ.

Хома. Я рукъ паскудыть не хочу. Берить ёго! О, песь поганый, я розирву тебе!

(Бьются на шабляхъ).

Г а л я *(пади мижь нымы на колна)*. Тату, тату! убий, убий мене! вышна я; прогнивыла тебе.. Убий же мене, та не беры зь собою!

Х о м а Цыть, кошеня крадене!

Н а з а р ь *(Хоми)*. Цыть, сатано люга!

Х о м а. Дочку одай!

Г а л я. Не отдавай, не отдавай! я утоплюся!

Х о м а. Топысь, гадыно, покы не ростоптавь я тебе!

Г а л я. Топчы, души мене: я твоя дыгына!

Х о м а *(до челяди)*. Берить ёго! Я вась перевишаю! я вась золотомъ окую.

(Челядь порывается на Назара).

Г а л я. Одурыть! одурыть!

Х о м а. Не одурю! Не скавучы, зинське щеня.

(Напада на Галю. Назаръ заступа ии. Челядь напада на Назара зь-заду и крутыть ему руки).

Х о м а. Ха-ха-ха! вовче, вовче! чому жь ты не рвешь насъ?

Н а з а р ь. Цыть, жабо погана!

Г а л я *(передь Хоמוю на колнахъ)*. Тату, тату, кате мій! я розирву тебе,—я день и ничь плакатымусь на тебе! Танцювать, плакать буду! Чого забажаєте, все робытому—не вбывай ёго! Я за полковныка пиду...

Н а з а р ь. Галю!

Г а л я. Ни, ни... *(Зомлила падае).*

Хома (*до челяди*). Чого жъ вы дывытесь? Нехай здыха, собака, а вы тымъ часомъ шкуру звимить.

(*Челядынецъ замахнувся кыемъ на Назара*).

Хома. Стривай! мы не татары. За що ёго убывать? Чы есть у кого вирёвки, поясъ або налыгачъ,—що-небудь, скрутить ёму руки й ноги?

(*Челядь крутыть поясамы Назара*).

Стеха (*падае коло Гали замлюю*). Охъ, моя пташечко, моя лебедочко! Чы я жъ знала, що такъ станется? Прокынься, моя возулечко, моя ласти-еочко!

Хома. Оттакъ добре! Теперь завязжить ёму ротъ. Отъ доладу; у ёго, здается, ще й хустка у руци. Чы не весильня? Добре, здалась такы на що небудь.

(*Завяззують хусткою ротъ*).

Хома. Не туго, щобъ стогнавъ. Морозъ хоть и лютый, та, може, выдержыть. А вже, якъ вовча тичка нападе... а вовкы здалека пожыву чують... отъ буде спидання, начысто гетьманське! Теперь положить ёго на билу перыну—нехай проспытся та подума, зъ кымъ жартуе.

(*Челядь кладе Назара на снызъ*).

Хома (*на Галю*). А ця учадила... Возьмить ии до-дому... прочумається.

(*Челядь бере Галю на руки несе зъ собою*).

Стеха (*бере Хому за руку и веде его за Галю*). А що? скажешъ, що не люблю тебе?

Хома. Спасыби, спасыби. (*До Назара*). Оставайся здоровъ, прыятелю! не згадай лыхомъ. Нехай тоби прыснятся рушныкы.

(*Хома зъ Стехою шепчутся и пропадають. Назаръ тыхо стоице. Незабаромъ чуты за сценою юминъ*).

Голосъ Хома (Здалека). Кыпьте ии! вьяжить ёго!

Гнатъ (за сценою). Я тебе звьяжу, недовирку проклятый?

(*Незабаромъ выбишае Галя и кыдається до Назара*).

Галя. Орле мій! сердце мое! (*Розвязуе хустку*).

Назаръ. Душно мени, душно!

Гнатъ (*веде за ґруды Хома*). Останній разъ говорю: оддасы Галю за Назара, чы ни?

Хома. Ни!

Гнатъ. Здыхай же собака скажена! (*Замыривсь шаблею*).

Хома. Стривай. Ты знаешь нашъ законъ козацькый, то...

Гнатъ. Що мене жывого поховають зъ твоимъ падломъ? Знаю. (*До челяди*). Копайте яму. (*Цилить пистолемъ*).

Хома. Вьяжить ёго!

(*Тымъ часомъ Галя розвязуе руки у Назара*).

Назаръ. О, доле моя! сердце мое!

Гнатъ. Копайте яму! (*До Хома прыцильшысь*). Лукавый чоловиче, за що безъ сповиди ты себе губышь и мене зъ собою? Прощайсь зъ билимъ свитомъ, молись Богу. (*До Назара*). Назаре, брате мій, друже мій! поховай мене! Прощай! а мы...

Назаръ. Стривай!

Галя. (*До Гната*). Стривай!

Н а з а р ь. Пусты ёго, не вартъ винъ того. Не напасты души своеи. (*До Хомы*) Иды, лукавый чоловиче, иды, куды знаешь. Не помигъ тоби Богъ запапастыть мене; а я чужои крови не бажаю. Иды соби!

Х о м а (*пада передъ Назаромъ*). Назаре! сыну! батьку ридный! зарижъ мене, замучъ мене, на коняхъ розирвы, та не прощай! (*Идиет до низъ и плаче*). О, лукавый, лукавый! о, я гришний, проклятый!.. Дочко, доле моя! сердце мое! просы ёго, нехай убрье, нехай я свита не паскужу! (*Знову плаче*). Боже мій, Боже мій!

Н а з а р ь (*подводитъ ёго*). Устанъ, молись Богу, гришний. Колы прощають люде, то Богъ мылостывійшый за насъ.

Х о м а (*вставшы утырае слёзы*). О, слёзы, слёзы! Чомъ вы перше не лылыся? Назаре, я чернецъ... спокутую въ ряси мои беззаконія! Беры мое добро, беры мою Галю, беры все мое! Галю! Назаре! обнимитъся, поцилуйтеся, диточки мои. Я хочъ гришний, а все такы батько. (*Назаръ и Галя обнимаются*). Боже васъ благословы!

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

между прочими, продаются слѣдующія книги на
Малорусскомъ языкѣ:

- А. Б. Оповідання. К. 1893,
ц. 8 коп.
- Александровъ. Чыжыкове ве-
силля К. 1891, ц. 5 коп.
- Батькове вищовання. Черн. 1898.
ц. 3 коп.
- Братъ и сестра. Крывенька ву-
точка. К. 1890, ц. 10 к.
- Веселый оповидачъ. Черн. 1898,
ц. 20 к.
- Гаврышъ. Царивна русалка. К.
1895, ц. 7 коп.
- Гамалія. Земля и люде въ Рос-
си. К. 1883. 6 вып., ц. 65 к.
- Ганько. Якъ дбаешъ, такъ и
мвешъ. Полт. 1898. ц. 3 к.
- Глябовъ Байкы. Черн. 1895,
ц. 15 к., 25 к. и 40 коп.
- Гринченко. Покинута у лиси
дивчына. Одес. 1896. ц. 7 к.
- Гринченко. Оповідання. Черн.
1898. ц. 35 к. и 75 к.
- Гринченко. Книга кавокъ впр-
шомъ. Одес. 1896, ц. 15 к.
- Гринченко. Хатка въ балци.
Черн. 1897, ц. 35 к. и 75к.
- Григоренко. Наши люде на сели.
3 выпуска. Юрьевъ, 1897.
ц. 80 к.
- Двисти писень. Од. 1898, ц. 15 к.
- Дзвонарь. Сужена. Надіи. К. 1898.
ц. 5 к.
- Дипрова Чайна. Хрестоност К.
18 6, ц. 5 к.
- Добрый звирь. Сирко. Вирный
кинъ. Черн. 1898, ц. 5 к.
- Думы обзарьски. Черн. 1897,
ц. 5 к. и 15 к.
- Живи струны. Збирныкъ писень.
Черн. 1895, ц. 12. к.
- Загирня. Добра порада. Черн.
1896, ц. 5 коп.
- Загирня. Орлеанська дивчына
Черн. 1897. ц. 6 к.
- Загирня. Пидъ землею. Черн
1897, ц. 12 к.
- Зигирня. Якъ выгадапо машы-
ною пиздыты. Черн. 1897.
ц. 5 к.
- Ивановъ. Розмова про земні си-
ли. К. 1875 ц. 15 к.
- Имшенецкый. Видъ чого заво-
дяться пошести. Спб. 1896,
ц. 10 к.
- Коваленко. Видъ чого вмерла
Мелася? Черн. 1897, ц. 5 к.
- Коваленко. Чума на людяхъ.
Черн. 1897. ц. 3 к.
- Колоски. Збирныкъ оповиданнь.
Черн. 1898. ц. 12 к.
- Конисскій. Дидъ Евмень. К.
1896. ц. 5 коп
- Кононенко. Зъ Богомъ не зма-
гайсь. К. 1895, п. 7 к.
- Котляревскій. Собраніе сочине-
ній. Полт. 1897, ц. 35 к.
- Коцюбинскій. Пятызлотныкъ.
Черн. 1895. ц. 3 к.
- Коцюбинскій. Ларытя и др.
Черн. 1895, ц. 5 к.
- Крымскій. Черезъ що люде бид-
пють Москва. 1896, ц. 15 к.
- Крынычка. Вирши та опови-
данпя. Черн. 1897, ц. 7 к.
- Левицкій. Кайдашева снмля.
Харьк. 1894, ц. 15 к.

Левицкій. Маруся Богуславка. К. 1887, ц. 20 к.
 Левицкій. Не той ставъ. К. 1896, ц. 50 коп.
 Махновський. Оповідання про вису. Черн. 1898, ц. 5 к.
 Мордовецъ. Оповідання Слб. 1896, ц. 80 коп.
 Оповідання про давне. К. 1896, ц. 5 коп.
 Про кари. до якихъ присуджують мирові судді. К. 1876, ц. 12 к.
 Пчилка. Украинськымъ дитямъ. К. 1882, ц. 20 к.
 Р—а. Вовче лыхо. К. 1890, ц. 5 к.
 Р—а. Казка про перлове памысто. Черн. 1896, ц. 4 к.
 Р—а. Чорноморци у неволи. Черн. 1895, ц. 5 к.
 Романова. Ивашко. К. 1895, ц. 10 коп.
 Романова. Черствый пирожокъ. К. 1895, ц. 10 к.
 Спилка И. На чужій стороні. Харьк. 1898, ц. 5 к.
 Страшми забавкы. Черн. 1897, ц. 3 коп.
 А. Т. Добра Душа. Чер. 1895, ц. 5 коп.
 Тобилевичъ. Драмы и комедіи. Одесса 1897, 2 тома по 1 р. 50 к. за томъ
 Тобилевичъ. Розумный и дурень. Черкасы 1898, ц. 8 к. и 10 коп.
 Тобилевичъ. Сто тысячъ Черкасы 1898, ц. 8 и 10 к.
 Тимченко. Русско-Малороссійскій словарь. К. 1897—98, т. I—2 р.; т. II—1 р. 50 к.
 Тышко. Маты. К. 1896, ц. 5 к.

У неволи. К. 1890, ц. 10 к.
 Царивна-жаба. Казка. К. 1890, ц. 10 к.
 Цупкий. Байкы. Одесса 1889, ц. 10 коп.
 Чайченко. Батько та дочка Чер. 1895, ц. 5 к.
 Чайченко. Каторжна. К. 1891, ц. 5 коп.
 Чайченко. Шидпаль. Черн. 1894, ц. 3 коп.
 Чайченко. Про гримъ та блыскавку. Харьк. 1883, ц. 5 к.
 Чайченко. Робинзонъ. Кіевъ и Черп. 1894, ц. 10 к.
 Чайченко. Чия работа важча? К. 1891, ц. 5 к.
 Чередныйъ та дивчына. Черн. 1898, ц. 3 к.
 Чернявський. Донецьки сонеты. Бахмутъ, 1898, ц. 10 к.
 Чикаленко. Розмова про сельске хозяйство. Кн. I: Чорный паръ. Плодовинь; ц. 6 к.; кн. II—Од 1897 Худоба: кони Скотына. Вивци. Одес. 1899, ц. 10 к.
 Чулай. Оповідання. К. 1891. В. I—ц. 10 к.; в. II—ц. 10 к.
 Шевченко. Катерына. Черн. 1898, ц. 3 коп.
 Шевченко. Паймычка. Харьк. 1892, ц. 2 к.
 Шевченко. Прычына, Утоплена и др. К. 1898, ц. 7 к.
 Шулина. Де найшовъ, де загубивъ Черк. 1897, ц. 5 к.
 Щоголевъ. Слобожанщина. Хар. 1898, ц. 1 р.
 Яструбець. Про звирівъ. Кіев. 1876, ц. 10 к.

Большой выборъ книгъ на малорусскомъ языкѣ и на русскомъ по исторіи, этнографіи и литературѣ Юго-Западнаго края.

Адресъ: Кіевъ, книжный магазинъ редакціи журнала „Кіевская Старина“.

Подробный каталогъ высылается по требованію безплатно.

25, -

WYŻSZA S
PEDAGOGICZNA W
BIBLIOTE

198347

Biblioteka WSP Kielce

0162486